

Гай Юлий
Орловский

Ее Высочество

ЮДЖИН

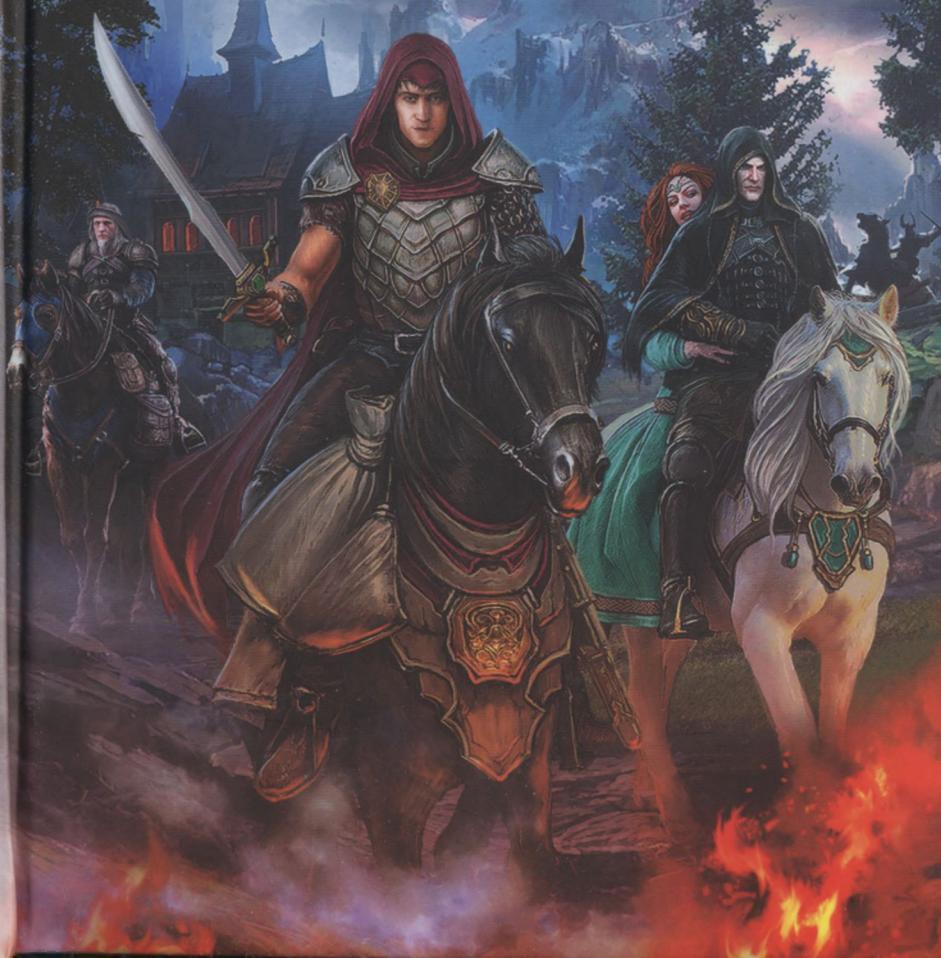
Повелитель времени

Гай Юлий Орловский

ЮДЖИН

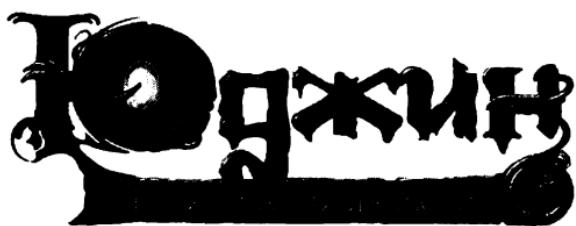
Повелитель времени

Ее Высочество

Юдзин

- Книга 1. Мир Трех Лун
- Книга 2. Высокий глерд
- Книга 3. Патроны чародея
- Книга 4. Все женщины — химеры
- Книга 5. Любовные чары
- Книга 6. Небоскребы магов
- Книга 7. Ее Высочество

Гай Юлий Орловский

Книга 7

Ее Высочество

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *A. Старикова*

В оформлении переплета использован рисунок
Андрея Липаева

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Юджин — повелитель времени. Книга 7. Ее Высочество / Гай Юлий Орловский. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 416 с. — (Юджин — повелитель времени).

ISBN 978-5-699-83714-4

Противник всегда благороден и великодушен, а враг подл и коварен. Противник честен, правила войны для него святы, а вот враг ими пренебрегает, сражаться с ним трудно и опасно.

А еще враг норовит ударить в самое больное место, что совсем недопустимо для благородных глердов. К счастью, у глерда Юддина в мире меча и магии есть не только пистолет и винтовка с оптическим прицелом, но и понимание, что в войне вообще нет благородства.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83714-4

© Орловский Г.Ю., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Самый опасный враг — отсутствие врагов.
Лойола.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Роннер Дорриган, бригадир столичных плотников, показал себя настолько хорошим работником и умелым распорядителем, что я на третий день после их прибытия в бухту назначил его управляющим верфью.

Хорошая карьера, но, с другой стороны, во всей Дронтарии нет человека, умеющего строить корабли. После того великого поражения и уничтожения флота и всех портов одни переквалифицировались, другие вымерли, третьи ушли на заработки в Пиксию и Гарн...

После нашего победного возвращения я дал всем безразмерный отпуск на весь день, всем вернувшимся есть что рассказать, показать и чем побахвалиться, а сам с Фицроем прошелся вдоль стапелей со скелетами заложенных кораблей.

Дорриган торопливо сбежал по лестнице с недостроенного борта каравеллы, выглядел счастливым, а когда заговорил, то едва не повизгивал от распирающего счастья:

— Глерд Юджин, за время вашего отсутствия мы подготовили еще корабль! Хоть сегодня на воду.

— Отлично, — одобрил я. — Сегодня отдых, пусть вернувшиеся из проверочного похода расскажут о нашей лихости, это вселит оптимизм и повысит работоспособность на единицу труда, а завтра с утра снова трезвые и вообще...

Он сказал с готовностью:

— Да, глерд Юджин. Все будет сделано, глерд Юджин!

Фицрой повернулся идти дальше, но я сказал Дорригану достаточно жестко:

— Да, еще очень важное! На кораблях никаких украшений!.. При встрече с ними на море всяк пусть видит: люди работают! Купцы купцают, солдаты солдатствуют, а не... У нас люди серьезные, никаких плавающих бардаков на море!.. Вот тогда только по-настоящему будут бояться.

— И уважать, — вставил Фицрой.

— И уважать, — согласился я. — Вы правы, глерд. Пусть издали видят, серьезные люди идут по морю. Шествуют. Изволят! А когда корабль в украшениях и даже в затейливой резьбе по бортам — это какие-то богатенькие бездельники плывут! Нет и нет. Не важно, что мы зайчики, смотреться должны злыми и мрачными. Чтоб уважали и не заступали дорогу. И корабли должны выглядеть злыми и мрачными. Хотя оставаться зайчиками.

Он вздохнул:

— Да, глерд. Будет исполнено, глерд. Хоть ничего и не понял насчет злых зайчиков, но ваши указания лучше исполнять быстро и точно. И без всякого там. Да и тут.

— Вы хороший управляющий верфи, — сказал я с одобрением. — И даже замечательно, что раньше корабли не строили. Прежние корабелы в шорах и предрассудках, а мне нужны незашоренные!.. Без груза устаревших приемов. Действуйте согласно! И все получится. Я отлучусь ненадолго, а когда вернусь, мы тут такое замутим...

Фицрой пошел рядом нарядный по-особенному: в море в шляпе с пером не походишь, зато при разделе добычи перемерил массу одежды с захваченных и ограбленных кораблей, выбрал себе некий черный наряд,

сочетающий изящество и строгость дизайна, где толстые золотые нити идут лишь по воротнику, обшлагам и в виде аппликаций на левой и правой стороне груди, из-за чего он выглядит неким таинственным принцем из загадочной страны.

— Ну как я смотрюсь? — поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, спросил: — А чего приказания отдаешь так, будто собираешься надолго смыться?

— Не надолго, — сказал я, — но пора бы помочь делу сопротивления в справедливой борьбе с агрессором! Не санкции же на него накладать... В конце концов, если Антриас захватит Дронтарию, наш флот тоже гавкнется.

— Гавкнется?

— Накроется, — объяснил я, — медным тазом.

Он покрутил головой.

— Ну и грубые в твоем королевстве люди! Какие слова произносят. Думаю, обойдутся без нас. Король Дронтарии уже предупрежден, мы сделали все, что требовалось...

— Это знаешь ты, — напомнил я, — а не королева Нижних Долин. — Все-таки, как бы ни была уверена во мне, надо сообщить о готовности короля Астрингера работать в коалиции и с верой в совместную борьбу с агрессором на собственной территории, раз уж доктрина о внешней политике не позволяет наносить превентивные удары за пределами.

— За пределами, — спросил он, — чего?

— За пределами, — повторил я многозначительным тоном. — Это важно — за пределами. И дает неоспоримые преимущества!.. Как только кто-то выходит за пределы существующих рамок, будь это знания, обычаи, предрассудки, это я про ученых, или пределы морали, совести, чести, это все остальные, то тут же автоматически получает преимущество над незнающими, трусли-

выми, совестливыми, честными, приличными, благородными, достойными, верными и преданными...

Он насупился, пробурчал, глядя из-под лба почти с неприязнью:

— Не пойму я тебя, Юджин... Ты на чьей стороне?

— Как демократ и гуманист, — ответил я с достоинством, — я всегда на своей стороне. Хотя и этот сукин сын может предать, как не раз уже делал, но это наш сукин сын!.. Даже как бы и совсем мой. В общем, я быстремко туды-сюды. Тут еще суп не остынет.

Он хмыкнул.

— Ну да, если бы так... Вот так прошлое хватает за ноги. Пока окончательно раздelaешься, столько времени профыркивается...

— Останешься вместо меня? — спросил я с надеждой. — Вдруг королева дрогнет?

— Подумает, — предположил он, — тебя по дороге в Дронтарию химеры взяли, и король Астрингер будет застигнут врасплох?

— Что-то типа того, — ответил я. — Это на кого-то другого может подумать, что запил где в дронтарских кабаках и забыл, куда и зачем едет.

— Не указывай грязным пальцем, — ответил он с достоинством, — на мои чистые пятна! Знаешь, сколько мне потребовалось усилий, чтобы создать о себе такую репутацию? Зато никто не пристает с обязывающими просьбами.

— А потом ты так привык играть эту роль, — сказал я, — что маска взяла и приросла.

Он хохотнул.

— Точно. А так внутри я такой же серьезный и заднудный, как ты. Только очень глубоко внутри. Уже не достать. Но, ты прав, королева должна быть уверена, что у тебя все получилось, и Антриас нарвется в Дронтарию на крепкую оборону. Это и в твоих интересах.

— В наших, — поправил я. — Если Антриас прорвется до побережья, нашим амбициозным планам хана.

Он сказал с неудовольствием:

— Вот так всегда! Как только начинается что-то интересное, тут же всякое норовит испортить и помешать. Но я не останусь вместо тебя. Здесь все работает. Ты умеешь подбирать людей! Этот Роннер Дорриган пашет с утра до ночи с того дня, как ты назначил его управляющим верфью. Еще бы, такая карьера!

— Ему просто понравилось строить корабли, — сказал я. — Да и нет во всей Дронтарии кораблестроителей.

— Да им всем понравилось, — сообщил он. — Глаза горят, только и разговоров о работе! Даже больше, чем о бабах.

— Ну уж больше, — сказал я с сомнением.

— Ну почти, — ответил он. — Но такого раньше не было, чтобы и после работы говорили о работе! А у нас даже с бабами в постели все о работе, все о работе... Так что можем ехать смело, ничего не случится. А когда вернемся, парочка кораблей уже будет готова к спуску на воду.

Я подумал, сказал нерешительно:

— Да, пожалуй. Но все равно пора освобождаться от этой роли побегальщика. Ну, побегушки. У меня свое интересное и перспективное дело!..

— Это я понял, — ответил он и плотоядно потер ладони.

— Ну вот, — сказал я, — так что надо намекнуть ее величеству, что я уже старый, надо на покой, на побегушках уже не могу, кости болят...

— Намекнешь? — переспросил он. — Обухом в лоб?

— Постараюсь помягче, — ответил я. — Все-таки женщина!

— С женщинами разговаривать труднее, — согласился он. — Я вообще стараюсь разговоров меньше, дела

больше... но с королевой так не попрет, надо с танцами. Хорошо, пойду подберу коней.

— Фицрой, — сказал я с чувством, — что бы я без тебя делал? Наверное, зажил бы, как король!.. Ладно, займись конями и прочим, а я тут заскочу кое-куда, надо попрощаться...

Он захотел и быстро вышел, я услышал в коридоре бодрый стук его подкованных подошв и бодрую песню.

Под властью владельца замка Медвежий Коготь, кем бы он ни был, находятся два десятка деревень и сел, хорошие пахотные земли, леса, одно небольшое озеро, два болота на севере и длинная прибрежная полоса южного моря. Жаль, конечно, не пляжная, волны грозно бьются о скалы, но, с другой стороны, враг не высадится, что в это неспокойное время важнее.

Бухта на границе моих земель и герцога, и хотя он отдал в мое распоряжение ее всю в ответ на мое содействие в улаживании его спора с соседом, но все-таки надо подчеркивать, что я ценю его дар, что я охотно и делаю по-своему, зато искренне...

Герцогиня поднялась навстречу, на лице сильнейшее смущение, щеки сразу заалели, между нами был стыд, она это постоянно помнит и, похоже, частенько копается в своем неправильном поведении, толкуя его так и эдак, для женщин это как для мужчин футбол или чемпионат по боксу для тяжеловесов.

Я сказал с ходу:

— Как вы свежи и молоды, ваша светлость!.. И как меня охватывает энтузиазм!

Она сказала слабым голосом:

— Глерд Юджин...

Я откровенно любовался ее смущением. Идем к сингулярности, уже скоро начнем менять свои тела так, что не поймешь, кто был мужчиной, а кто женщиной, но я

пока что в этом теле, а для него, скроенного по древним лекалам, такое небезразлично... скажем предельно мягко, и многое воспринимается согласно инстинктам, а не по уму.

Ну не в состоянии я заботиться о мускулистой женщине, что в двойном повороте вышибает ногой челюсть противнику и вообще во всем демонстрирует надо мной превосходство! Я могу с нею дружить, общаться... но у любви все-таки на первом месте забота и оберегание, это древнейший инстинкт, без него человечество исчезло бы еще во времена неандертальцев или даже на уровне червяков.

Возможно, именно потому потянуло и продолжает тянуть с такой силой к герцогине. Она действительно женщина, то есть половинка человека, как и я половинка, а вместе составляем человека: могучего, полноценного.

По отдельности мужчина и женщина, а вместе — человек. Потому что мужчине легче добывать мамонта и открывать бозон Хикса, когда со спины прикрывает женщина, обеспечивая комфорт и придавая силы для продолжения борьбы.

Вот так вместе человек делает гораздо больше, чем мужчина и женщина по отдельности. Но в моем мире эти речи — чудовищная крамола, можно и загреметь, зато здесь могу вести себя по-дикарски естественно.

— Бог создал женщин, — сказал я, — нам в поддержку и утешение... Утешьте меня, герцогиня, мне снова грустно.

Она испуганно оглянулась.

— Зачем вы меня сразу раздеваете? Глерд, вы хотя бы поздоровались! Муж вот-вот вернется!

— Вы правы, — согласился я. — Подумаешь, ворох платьев... Не так уж и тяжело засидрать...

— Глерд!

— Подержите здесь и здесь, — деловито попросил я. — Вот на этой высоте... Можно выше... Ох, как вы божественно утешаете...

— Глерд, я ничего не делаю непристойного!.. Я порядочная женщина!

— Да, — согласился я счастливо, — как хорошо такой свинье, как я, оказаться среди порядочных.

— Глерд, не делайте того, что вы делаете, умоляю. Это непристойно...

— Правда? — изумился я. — Кто бы подумал...

— Глерд, — прошептала она, закрыв глаза, — мне стыдно... как я могу...

— Не обращайте внимания, — посоветовал я.

— Глерд!

— А вот мне можно, — сообщил я. — Я освоил пиратство, потом расскажу, что это, теперь с новым левлом можно вообще все!

— Глерд, то... что делаете... вообще бесстыдство...

— Зато какое!.. Герцогиня, вы умеете дать человеку счастье... или, как говорили в старину кратко, просто дать... даже ничего не делая... и даже не обращая внимания, что делают с вами...

— Ох, глерд, это бесстыдно и недопустимо...

— Весь грех беру на себя, — заверил я. — Как поджигатель, а вы жертва, потому вы абсолютно невинны... как это восхитительно, как... ох, бесподобно... герцогиня, вы самое лучшее на свете лакомство...

Она опустила подол, как только я перестал сжимать ее в объятиях, сказала в ужасе:

— Что я мужу скажу?

— Всю правду, — сказал я бодро, — ваш сосед, глерд Юджин, отправляется в Шмитберг. Заскочит к королю Астрингеру. Если герцогу надо что-то передать его величеству, то с удовольствием и радостью от счастья иметь такого соседа... гм, как-то двусмысленно зву-

чит... в общем, потом помчусь в королевство Нижних Долин.

— Ох, — сказала она опасливо. — Не насовсем?

— Как я могу, — заверил я и попытался поцеловать ее, но она в смущении отвернулась, и я чмокнул в розовое ухо. — Если вдруг герцогу что-то надо, пусть только кивнет! Из Шмитберга проеду в Санпринг пообщаться с ее величеством королевой Орландией насчет стратегии развития и культурных связей, как-то так примерно. И если герцогу что-то нужно...

Она слабо улыбнулась:

— Довольно-довольно! Герцог будет счастлив, что у нас такой любезный сосед. А вот мне очень неловко.

— Герцогиня, — сказал я уверенно, — что вы, как в лесу? Нужно жить, как и принято: по двойным стандартам!.. И жизнь будет полна удивительных открытий и временно запретных радостей. Надо ими пользоваться, пока запретные, а то потом запреты снимут, и все, конец, никакого щастя.

Глава 2

Я сам не понял, в чем дело, даже старательно поразмышлял на обратном пути в сторону бухты, почему это вдруг с такой страшной силой тянет к герцогине. Как-то странно притягательно действует эта вот застенчивость, стыдливый румянец, жаркий шепот и уверения, что такое вот делать нельзя, потому что это нехорошо и не принято.

И дело вовсе не в том, что у нее такое сладостно нежное мягкое тело, белое и жаркое, чем-то еще дивно хороша и удивительна, хотя когда отдается, так это здесь называется, то это просто чудо, я весь из себя...

Фицрой, как боевой конь, что взбодрился при звуках боевой трубы, носится по верфи, проверяя и перепроверяя, указывая и подгоняя, а когда увидел меня, лихо спрыгнул с лесов почти на высоте человеческого роста, красиво выпрямился, согнув ноги в коленях, но не спину.

— Уже? — спросил он. — Не снимая сапог?

— Грубый ты, — укорил я. — Нет в тебе романтизма и высокой духовной чувственности. У нас было расставание, как у Гектора и Андromахи или Меджнуне и Лейлы... ладно, забудь. Насчет коней и прочего уже?

— Нет, — ответил он, — я тут одного приспособил. Думаю, нам пора обзаводиться слугами. Ты как?

Я пожал плечами.

— Обходился как-то. А что, нужно для важности?

— И для нее тоже, — сообщил он. — Важность — это престиж и статус в обществе. Мы же люди, а какие люди без фанаберии?

— Одного на двоих?

— Зато какого, — ответил он. — Думаю, пригодится в дороге.

Я подумал, спросил:

— Понсоменера?

— С тобой неинтересно, — сказал он с досадой, — всегда опережаешь... Нужно как-то договориться с тобой говно есть...

Я поморщился.

— А еще глерд!

— Понсоменер, — сказал он уже серьезнее, — будет счастлив посмотреть мир. Он же никогда не покидал свою деревню!.. Не считая нашей авантюры на море. А нам коней расседлать-оседлать, костер развести, то да се... Он быстрый, как перепуганная мышь.

Я подумал, пытаясь вспомнить лицо Понсоменера, и с удивлением понял, что никак не удается.

— Понсоменер... Знаешь, на корабле я не обращал внимания, народу много, проблем еще больше... но сейчас что-то в нем сильно тревожит.

Он усмехнулся:

— Меня тоже.

— Так чего тогда?

Он пожал плечами.

— А разве не справимся? Зато исполнительный, как не знаю кто. Не очень уклюжий, но... как-то делает все быстро. А в дороге присмотришься к нему лучше.

— Ну да, — согласился я, — когда втроем, все на виду. Но все-таки...

— Да ладно, — сказал он. — Он не химера, я тебе говорю!.. Я химер кишками чую. Наверное, тоже под свет трех лун попал. И как-то выжил.

— Тоже, — повторил я, — это ты о ком? О себе?

Он поморщился.

— Ну что ты везде тайный смысл ищешь?.. О себе, о тебе или о ком-то еще — какая разница? Это так говорится. Ты же не попадал? Или попадал?

— А ты? — спросил я.

Он вздохнул.

— Ну вот, всегда переводишь, чтобы не отвечать, а тебе все раскрывали и докладали. Это нечестно. Ты раньше в тайном сыске не работал? Или в дипломатическом?..

— Вся жизнь наша, — сообщил я философски, — и тайный сыск, и дипломатия, и хрен знает что еще.

— Зато весело, — заверил он и, повернувшись спиной, заорал: — Понсоменер!.. Понсоменер!

Я покосился по сторонам.

— Где ты его видишь?

— У него хороший слух, — заверил он. — В Шмитберг будешь заезжать? А то если по прямой, на сутки короче... А вот и Понсоменер!

Я повернулся, молодой парень приблизился к нам так быстро и неслышно, что я даже не понял, как он это сделал, но уже стоит, опустив руки, лицо бессмысленное, словно исчез из этого мира, оставил перед нами только тело, а я старательно всматривался и начинал понимать, почему до сих пор не запомнил: запоминать нечего.

Ни оттопыренных ушей, ни длинного или короткого носа, вообще ничего в лице или фигуре выразительного. Более того, будто бы его вот таким вылепили из воска, а потом немножко подержали на солнце, отчего все чуть-чуть оплыло, потерялась четкость, и если отведешь взгляд от его лица, то уже не вспомнишь, какое оно.

Интересное свойство, мелькнула мысль. Некая защитная реакция организма, дескать, никого не трогаю, не обращайте и вы на меня внимания.

— Понсоменер, — сказал я.

Он чуть вздрогнул, посмотрел на меня добрыми кровными глазами.

— Это я...

— Поедешь с нами, — распорядился я.

Он спросил несколько заторможенно:

— Далеко?

— В столицу, — ответил я.

— Значит, — проговорил он тем же сонным голосом, — еды взять на пять дней пути.

— Бери больше, — велел я. — Поедем втроем.

Он кивнул.

— Да, я знаю.

Я милостиво отпустил его кивком, надеюсь, у меня уже получаются эти жесты, а когда он удалился, спросил Фицроя шепотом:

— Ты ему уже сказал?

Он хохотнул:

— Нет, конечно. Он сам догадался. Я же говорю, он смысленнее, чем выглядит. Когда рядом, то и приказывать ничего не надо. Чувствует, что нужно. Только сберешься что-то повелеть неожиданное, смотришь, а он уже сделал!

Я сказал с сомнением:

— Посмотрим-посмотрим. А то я могу такое повелеть...

Он посмотрел на меня с интересом:

— А вообще-то интересно будет посмотреть... Ага, он уже все подготовил!

Из далекой конюшни вышел Понсоменер, в поводу шестеро коней, трое оседланных, а трое, как понимаю, в запас. Я сразу вспомнил про умника, которому показалось медленным ездить на большой черепахе, и он для удвоения скорости купил еще одну.

Скорость наша с шестью лошадьми если и увеличится, то на самую малость, все-таки надо останавливаться, переносить седла на свежих, что тоже не совсем свежие, раз уж не из стойла, а скачут рядом...

Все мое имущество поместились в небольшую сумку, у Фицроя и то больше, зато его мешок легче — одни наряды, а Понсоменер ничего не взял, ему и так хорошо.

Огромное оранжевое солнце, к которому почти привык, жаркими стрелами пробивает даже плотную ру-башку. Поездки обычно начинают на рассвете, но Фицрой взглянул на меня, весело крикнул:

— Понсоменер!.. Вперед, Понсик!

Понсоменер молча тронул коня, а мы двинулись за ним на расстоянии в десяток шагов. Фицрой красиво и гордо покачивается в седле, но вдруг его лицо погрустнело.

— Какой ты мне меч подарил, — сказал он с тоской. — Эти сволочи в Карбере забрали!.. И не подумали отдать...

— Как не подумали? — спросил я. — Сам видел, как за тобой гнались, хотели вернуть.

Он посмотрел с укором:

— Тебе ха-ха, а мне горькие, как у мышонка в кошачьей лапе, слезки. Даже не знаю, никогда не успокоюсь. Такое сокровище в руках было... Слушай, ты же чародей, сделай еще один!

Я опешил.

— Ты чего? Как это сделать? Я не умею.

Он повернулся в седле так резко, что оно протестующе взвизгнуло.

— А как создаешь свои магические арбалеты? Я же вижу, сопиши-сопиши, а потом р-р-раз — и у тебя в руках!

Я сказал с сожалением:

— Фицрой, открою тайну как другу. Сил у меня, как у комара. Даже не самого крупного, а так... среднего. Я имею в виду чародейских сил. Создать почти ничего не могу, а что удается, то исчезает почти сразу!..

Он открыл рот в изумлении.

— Я думал, это ты их... убираешь.

— Сами, — заверил я. — Чтобы никто не видел, как исчезают в руках, я их раньше закидывал в кусты. Если кто хочет, пусть ищет. Сейчас, правда, научился распылять, как ты говоришь, но это все равно лишь на минутку, а то и полминуты раньше, чем рассыпается само по себе!

Он сказал разочарованно:

— Вот как... А зачем сам?

— Чтоб видели, — пояснил я. — Когда я, то это я, а когда само — то это моя слабость и неумение удержать надольше. Понял?

— Да-а, — протянул он, — не хотелось бы, чтобы меч в бою превратился в воздух.

— Что-нибудь придумаю, — пообещал я. — Рубашка и штаны все еще служат тебе, уже хорошо!..

— Хорошо, — согласился он. — Рундельштотт настоящий чародей!.. Я буду беречь его шкуру лучше, чем свою, а то умрет, а я окажусь без штанов.

Он хохотнул, покачал головой.

— Я что-нибудь придумаю, — пообещал я. — Только Рундельштотту не говори. У него всякого там в сундуках, ящиках и под тряпьем хранится! Насобирал, как хомяк, все тащил в нору, уже и забыл давно.

— Я б о таком не забыл, — сказал Фицрой со вздохом. — Ни за что!

— Он отыскал для себя намного более важное, — сообщил я шепотом, — а мечи и прочие орудия убийства для него ерунда... Да только королева запретила в последний момент!

Он замолчал, дальше долго ехали молча, а я думал, что вообще-то можно бы еще что-то попытаться делать, кроме пистолетов, но действительно все упирается в мою крайнюю слабость как мага. Что толку, если все тут же исчезает? Даже если бы сумел создать бутерброд и тут же сожрать, исчезнет в желудке. Но может быть и еще хуже: начнет перевариваться и усваиваться, а потом из организма исчезнут такие нужные белки, жиры, углеводы и микроэлементы.

Ладно, еще не вечер. Сейчас о другом думать надо. Порталы куда важнее. Надо развивать умение создавать как можно быстрее и, желательно, не на шагок, а подальше, подальше.

Вполне возможно, умение обращаться с магией развивается, как и все остальное у нас: то ли запоминать больше цифр, то ли поднимать штангу с большим количеством блинов.

Глава 3

Что Понсоменер умеет принимать решения сам, я убедился, когда он далеко впереди на красочной лесной полянке остановил коня, повернулся к нам в седле.

— Привал? — спросил он. — Место удобное.

Фицрой взглянул на меня с веселым выражением в глазах. Я захлопнул рот, как раз собирался напомнить, что надо дать коням короткий отдых, а самим неплохо бы перекусить.

— Привал, — ответил Фицрой. — Костер я сам, а ты делай все остальное.

— А я цветочки посмотрю, — сказал я. — Эстет я, знаете ли.

— Лучше вон за те кусты, — крикнул Фицрой вдогонку. — А то с той дует в нашу сторону. Вдруг да костер загаснет или мясо будет с запахом...

Я отошел подальше, чтобы и Понсоменер не увидел, сполз в пологую яму из-под выворотня и сразу начал сосредотачиваться. Если научиться создавать портал моментально, то этим можно спасти шкуру, пусть даже переместившись на шаг. Так уже получалось, помогло. А еще бы подальше, подальше... давай напрягайся, это как отжаться еще раз, когда уже упал мордой в землю, или поднять на бицепс в десятый раз двадцатикилограммовую гантель...

Рундельштотт говорил, что при создании портала нужно четко и ясно представить себе место, куда хочешь перенестись. Четче всего представляю свой диван, с которого смотрел футбольные матчи и бои супертяжеловесов.

Конечно, пробовал, но не только не переносит, но даже не вижу в том магическом зеркале. Зато могу представить свой замок в гледстве Остеранском, но и туда

почему-то не, а вот за два шага — легко, даже если не представляю, а только так, восхочу.

Когда вернулся, Понсоменер посмотрел все так же сонно, лицо доброе и равнодушное, но взгляд какой-то не совсем такой, да и Фицрой фыркнул, но не стал спрашивать, не проглотил ли веревку за вчерашним ужином.

— Ладно, — сказал я сварливо. — Ну обломился, обломился!.. Не получилось. Капля точит камень. А я еще та капля...

По дороге к столице старались никуда не заезжать, мужчины должны уметь выживать в любом лесу, как учил великий Людвиг Гегельский, и мы вечером выбирали место у ручья под сенью деревьев на случай дождя, еды хватает в седельных сумах, до Шмитберга как раз опустошим.

В четыре дня не уложились, хотя могли бы, но приехать в полночь глуповато, потому вечером уютно и с удобствами устроились под раскидистым дубом, где расположились ужинать медленно и с удовольствием.

Понсоменер время от времени переставал жевать, прислушивался. Фицрой спросил:

— Эльфы бродят?

— Оборотень, — ответил он тем же ровным голосом, словно говорил о рыбках в ручье. — Огромный. Таких даже не видел... Давно.

Фицрой протянул руку к рукояти меча.

— Собирается напасть?

Понсоменер покачал головой.

— Нет, нас не видит. И вообще уходит в другую сторону.

Фицрой посмотрел с понятным намеком на меня, я спросил:

— А как его видишь ты?

— Не глазами, — ответил Понсоменер. — Ветерок с той стороны, а по запаху все тоже видно. Хоть и не так, но как-то вот иначе.

Фицрой сказал знающим тоном:

— В наших лесах такие тоже водятся. Их называют волкодлаками, но какие они волки, если крупнее медведей?.. И зубы у них, ох и зубы! Бревна перекусывают!..

Я зябко передернул плечами.

— Давайте спать. В столицу должны въехать бодрыми и свежими, как птички.

— Спим, — согласился и Фицрой, — птички.

Заснул он моментально, Понсоменер на минуту позже, а я еще лежал, прикидывая что и как на будущее, здесь столько дел, а я могу так много, что если бы не спать вовсе, такого бы наворотил.

Глаза начали слипаться, как вдруг холодок проник под плащ, которым я укрылся по примеру Фицроя, коснулся сердца и потек по всему телу.

На той стороне костра кусты раздвинулись странно бесшумно, я видел только темный силуэт, а потом в освещенное костром пространство вступил исполинский волк размером с крупного медведя, только голова крупнее медвежьей, глаза горят, как багровые уголья, а в пасти клыки, как длинные ножи.

Он пошел прямо на костер, взгляд уперся в меня. Я сжался, мелькнула трусливая мысль, что все животные боятся огня, волков отпугивают горящими ветками... однако громадный волк не отводил от меня взгляда, на той стороне костра разом припал к земле, готовый взметнуть тяжелое тело в прыжке...

Опомнившись, я выставил оба кулака и, заставив себя сосредоточиться на бронебойно-разрывных с магниевыми наконечниками, сжал рукояти и с силой надавил на скобы, а потом еще и еще.

Грянули выстрелы, руки тряхнуло по самые плечи. Зверь уже начал подниматься в начале прыжка, но лапы еще не оторвались от земли.

Шерсть на груди в двух местах разлетелась в стороны, я успел увидеть две дыры, в каждую пролез бы мой кулак, но продолжал нажимать на курки.

Зверь ощутил неладное, даже попытался попятиться, но две пули успели ударить в голову в тот момент, когда он поворачивался в сторону стены леса.

И все-таки чудовищная живучесть позволила ему скрыться в чаще, а здесь Фицрой с плотно сомкнутыми веками ухватился за меч, вскочил, шатаясь и хватаясь за воздух, и тогда лишь распахнул глаза.

— Что случилось?

Голос был хриплый и еще сонный, я ответил с сильно стучащим сердцем:

— Да заходил тут один.

— Что он хотел?

— Перекусить, — ответил я.

Фицрой посмотрел на меня, на приподнявшегося на локте Понсоменера, покрутил головой, начиная догадываться, кто именно приходил к костру.

— Ты его не угостили?

— Хотел было, — ответил я, — но ты так сладко спал...

— Свинья, — ответил он сердито. — Мог бы Понсоменера предложить. У него мясо моложе.

Понсоменер уже пошел от костра в ту сторону, исчез надолго. Фицрой начал поглядывать обеспокоенно, я проверил как там лошади, но они, странное дело, не обеспокоились слишком уж, хоть и пофыркивали, настобурчивая уши, словно чудовищный волк им ближе, чем мы, двуногие...

Прошел без сна почти час, кусты раздвинулись неслышно, Понсоменер вышел из темноты и бросил у

костра на землю целую охапку вещей, где помимо богатого камзола, брюк и сапог еще и пояс с кинжалом в ножнах, длинный меч со зловеще поблескивающими рубинами в рукояти и широкополая шляпа с перьями.

— Хорошая добыча, — заметил Фицрой. — Шляпа совсем новая.

— Это его, — пояснил Понсоменер. — Живучий какой!.. Уже почти мертвый, но сперва мчался, потом полз... Я подождал, пока перестанет дергаться. Значит, выходит ночью развлечься. Бывают такие. Слыхал.

— А где конь? — спросил Фицрой.

— Коня не оказалось, — ответил Понсоменер и взглянул на меня, каким-то чутьем понимая, что Фицрой смолчит, а я отвечу.

— Значит, — сказал я, — его жилище близко. Человек достаточно зажиточный, если судить по одежде.

— А меч? — сказал Фицрой с восторгом. — Посмотри, какое чудо? Вы богатые, а я худой и бедный, возьму-ка себе, чтобы хоть немного утешиться.

Понсоменер молча лег и укрылся плащом. Я вздохнул, покачал головой.

— Слишком приметен. Могут возникнуть вопросы, откуда взял.

— Тогда спрячу, — сказал Фицрой с неудовольствием, — а продам, когда отъедем подальше.

— Но по дороге в столицу не вытаскивай, — предупредил я. — Вообще сунь в мешок. Когда въедем в Нижние Долины, тогда вытаскивай, но все-таки лучше пройдай в самом Санпринге. Город большой, народу много.

Утром после завтрака выехали из леса, и почти сразу на глаза попался в долине не то чтобы роскошный, но добротный дом, только заметно обветшалый, хотя ремонт нужен минимальный: там подправить, там подкрасить, но, похоже, хозяев такие мелочи не волнуют,

от чего я сразу ощутил к ним симпатию. Сам не выношу хозяйствственные хлопоты, а здесь, похоже, живут вообще артистические натуры...

Перед домом на зеленой лужайке играют трое детей, мальчик лет пяти и две девочки, из беседки за ними наблюдает молодая женщина, по ее добротной и даже богатой одежде можно понять, что не служанка, а сама хозяйка и наверняка мать этих нарядных детей.

Чем ближе мы подъезжали, тем сильнее охватывало очарование этого милого уютного места, словно в самом деле семья художников сбежала из тесного грязного города и поселилась здесь, в таком уютном месте, где и лес рядом, и небольшая речушка прямо в десяти шагах от стены дома, и прекрасный вид на далекие горы с грозно блещущими в лучах двух солнцами.

Я пробормотал:

— Трудно поверить, будто вурдалак жил здесь.

— И был главой семьи? — спросил Фицрой. — Все мы стараемся скрывать от семьи свою суть. Женщины могут не понять такого артистизма. Всем почему-то надо, чтобы сидели дома, однако добычу давай!

— Настоящий мужчина, — согласился я. — Не удивлюсь, если в паре соседних деревень найдутся детишки, похожие на этих как две капли воды.

— А почему нет? — спросил Фицрой. — Если столько возможностей? Жена есть жена, а жизнь есть жизнь...

Дети первыми увидели троих всадников, бросили играть и уставились на нас большими любопытными глазами. Женщина подняла голову, я залюбовался чистым одухотворенным лицом, красивой фигурой, а ощущение сдержанной красоты, элегантности и достоинства стало сильнее.

— Я не могу сказать о ее муже, — прошептал я. — Кто сможет, говорите сами...

Она поднялась, а я покинул седло, торопливо подошел к ней и учтиво поклонился.

— Глердесса...

Она с милой улыбкой протянула руку, я поцеловал тонкие изящные пальцы.

— Простите, глердесса, мы немного сбились с пути, стараясь не следовать за всеми изгибами этой сумасшедшей дороги... Я глерд Юджин, а это глерд Фицрой и наш компаньон и ученик Понсоменер...

Она засмеялась тихо и мелодично:

— Да, дорога здесь древняя! Когда-то огибало болота, но те высохли, однако люди продолжают по накатанной... Я глердесса Анская, это мои дети. Могу я вам предложить позавтракать с нами?..

Мы с Фицроем переглянулись, он промолчал, я сказал с натугой:

— Если только напиться...

— И по чашке вина, — уточнил Фицрой. — Коням можно воды, они еще дети.

Она снова засмеялась так мелодично, словно мелкие серебряные колокольчики посыпались на пол, вышла из беседки. Дети бросились к ней, она сказала весело:

— Все в дом!.. У нас гости!

Фицрой сказал галантно:

— Если только не затрудним...

Она покачала головой.

— Вы не представляете, как иногда хочется в город, где много людей, шум, рынки, суета!

— Не может быть, — охнул Фицрой. — Здесь такое волшебное место...

Она кивнула:

— Да, из города убегаю уже через три дня. Потом полгода наслаждаюсь здешним покоем. А затем начинается снова...

Дети помчались с веселыми воплями к дому, мы с Фицроем сопровождали хозяйку, держась от нее по обе стороны, а Понсоменер, приотстав на пять шагов, молча ведет наших коней.

Фицрой начал говорить хозяйке любезности, я старательно придумывал, как сказать то, ради чего мы здесь, наконец промямлил:

— А ваш муж... занимается хозяйственными книгами... в доме?

Она посмотрела искоса и с интересом.

— Почувствовали, что он хозяйственный?.. Да, он обожает заниматься промыслом. У нас три деревеньки, все дают хороший доход. Муж следит, чтобы крестьяне ловили рыбу в реке и озере, валили лес на продажу, разводили скот не просто так, а на какой повысился спрос на рынке... Вчера выехал по торговым делам, обещал сегодня к обеду вернуться.

Дети вбежали в дом, а навстречу красиво и царствен-но вышла молодая девушка, на лице приветливо-сия-ющая и чуть напряженная улыбка, чувствуется, что ее только учат, как держаться в обществе.

Глердесса произнесла с гордостью:

— Моя старшенькая... Уже на выданье. Скоро по-везем в столицу, пора присматривать жениха... Милая Винелла, это наши гости, глерды Фицрой и Юджин, а также их ученик Понсоменер...

Винелла церемонно поклонилась, и хотя получилось чуточку неуклюже, но зато с такой невинной девичьей грацией, что даже у меня в груди защемило, а Фицрой охнул и схватился за сердце.

— Здравствуйте, — проговорила она мило, на щеках выступил стыдливый румянец, — будем вам рады.

Фицрой воскликнул с жаром:

— А как мы рады! Можно сказать, счастливы!

Румянец на ее бледных щеках аристократки стал жарче, поднялся к дивным лучистым глазам и сполз к кокетливо приподнятому подбородку.

— Ой, — сказала она, — проходите в дом... Мама, я все правильно сказала?

Глердесса кивнула с гордым видом:

— Да, милая. Учись принимать гостей. Когда-то я не буду стоять за твоей спиной.

Девушка грациозно присела, придерживая кончиками пальцев платье справа и слева, так что все это выглядело как элемент красивого танца.

— Прошу вас в дом.

В холле опрятно и чисто, свет падает через широкие окна, никаких решеток, заходи и бери, как говорят в пугливом народе, но здесь то ли беспечные, то ли их все любят и никто грабить даже и не пытался.

Из боковой двери слегка пахнуло кухонным теплом и вкусными запахами вареной баранины, лесных корешков и чем-то вроде сдобных пирогов, но глердесса провела дальше в зал, чисто и светло, изысканная мебель, картины на стенах, а под дальней — большой камин, где достаточно бесцельно, хоть и красиво горят толстые поленья.

— Располагайтесь, — сказала она с улыбкой. — Обед будет готов через полчаса. Винелла вам принесет.

Фицрой изумился:

— А слуги?

Она ответила с некоторой неловкостью:

— Наши обычай вам покажутся странными, но мы слуг не держим. В доме все обязаны делать сами!.. И готовить еду, и шить, и убирать. Достаточно и того, что крестьяне поставляют нам фрукты, овощи, птицу и рыбу. Да, животных они сами режут и привозят готовые туши, потому что я не смогу зарезать даже курицу... Но оципать, выпотрошить и приготовить — это мое.

Винелла улыбнулась застенчиво:

— А я, когда не успеваю, прошу привозить уже оципанными и выпотрошенными. Но готовлю уже сама.

Фицрой сказал пораженно:

— А... зачем?

— В жизни все пригодится, — ответила глердесса с твердостью. — Женщина обязана быть помощницей мужчине, а не сидеть у него на шее. В жизни все может случиться: война, нашествия, мятежи. Имение у нас могут отнять, но это не значит, что мы тут же помрем от голода и отчаяния!.. Но мы что-то заговорили на слишком серьезные темы, а в такой прекрасный светлый день нужно жить и радоваться... Винелла, иди сюда, не прячься за мамой. Ты уже достаточно взрослая.

Винелла вспыхнула жарким румянцем, жутко застеснялась, видно, как страстно хочется пообщаться с красивцем Фицроем, но не умеет и не знает как, чтобы не уронить достоинство, а мать смотрит с насмешливым сочувствием.

— Мама, — проговорила она умоляюще, — я же не прячусь, я тут просто стою...

Глердесса, сжалившись, сказала мягким голосом:

— Расскажи молодым глердам, как вы с детьми собирали цветы. Или спой, у тебя чудесный голос... Вот глерд Фицрой точно не откажется послушать.

Винелла застеснялась еще больше, жаркий румянец перетек даже на шею и поднялся к ушам, что стали совсем алыми, почти засветились нежным пурпурным цветом.

— Мама, — сказала она умоляюще, — тебе только кажется...

— Мама всегда права, — сказал Фицрой твердо, чем заслужил признательную улыбку глердессы. — Милая Винелла, мы ждем с нетерпением и томимся мукой сладкой в предвкушательстве... в предвкушении!

Глава 4

Пока она пела, Понсоменер вошел в зал, в одной руке лук с уже наброшенной тетивой, в другой руке стрела, а колчан с остальными за спиной.

Он так и остался у порога, тоже словно заслушавшись, но я видел, как его сузившиеся глаза следят то за глердессой, то за дочерью. Я насторожился, но Винелла поет так нежно и сладостно, что снова заслушался невольно, чувствуя, как сладкое тепло охватывает душу, а глердесса смотрит на меня с такой нежностью, словно я...

Она вскрикнула, я вздрогнул, приходя в себя. Глердесса со стрелой в груди ринулась через весь зал громадными прыжками к Понсоменеру, а он, быстро-быстро двигая руками, всадил в нее еще три стрелы, и тут она в громадном прыжке взвилась в воздух и обрушилась на него с растопыренными руками, где на укоротившихся пальцах уже появились когти, и с жутко оскаленной мордой.

Винелла, вскрикнув, метнулась на Фицроя. Я сбросил оцепенение, в ладони впечатались рукояти пистолетов, и, сцепив зубы, открыл стрельбу в тварь, что секунды тому назад была глердессой.

Она свалилась на бок, дрыгая лапами, я повернулся с пистолетами к борющимся Фицрою и Винелле. Она с рычанием тянулась к его лицу, жутко щелкая громадными зубами, а он обеими руками удерживал ей голову в дюйме от своего носа.

Лапами она драла ему грудь, верхняя одежда уже в клочьях, но под нею та, что я купил для горнолыжников, даже пуля не пробьет, когти скользят, как по стеклу...

Я присел и всадил в нее две пули в бок, а потом две в голову. Рычание стало тише, Фицрой с усилием свалил ее, рукавом вытер закапанное ее слюнями лицо.

Его тряслось, он не мог сказать слова, только шлепал губами. И тут распахнулась дверь детской, оттуда выметнулось еще три зверя, поменьше.

Понсоменер как будто ждал, три стрелы одна за другой ушли в того, что был к нему ближе. Я безостановочно стрелял в бегущего на меня, и он, весь в крови, упал мне под ноги, продолжая прожигать меня лютым взглядом и щелкая зубами.

Фицрой насадил на клинок третьего, самого мелкого, тот прыгнул достаточно глупо прямо на блестящий меч.

— Вот и весь выводок, — проговорил я вздрагивающим голосом. — Полная зачистка, будь она неладна.

Понсоменер, не глядя на распостертых в лужах крови детенышней, перевернулся старшего зверя и начал деловито высвобождать из его тела стрелы. Мои пули, как я понял виновато, всего лишь добили чудовище, а вообщем-то Понсоменер справился и без меня.

— Ты молодец, — сказал я, — очень даже... Как я мог не почувствовать? Что за дурак, дал себя околодовать...

Он сказал ровным голосом:

— Они таились очень хорошо.

Фицрой, припадая на левую ногу и опираясь на меч, доковылял к нам, лицо виноватое, в глазах боль и стыд.

— А какие были нежные, трепетные, — проговорил он, голос у самого трепетал, как бабочка на ветру. — Я же почти влюбился...

— Женщины все такие, — утешил я. — Думаю, барон тоже был интеллигентным, вежливым и учтивым собеседником. Именно тот случай...

— Какой?

— Поскреби интеллигента, — пояснил я, — такое обнаружишь... Ты как, цел?

— Не совсем... Можно сказать, убит...

— Убит? Как?

— Прямо в сердце, — ответил он стонуще. — Я был уверен, что вот нашел свое счастье... А счастье было так близко, так возможно... и так возможно, и вот так возможно...

Я зябко передернул плечами.

— Странно другое.

— Что?

— Я ничего не почувствовал, — признался я. — Никакой опасности.

— А Понсоменер чувствовал, — сообщил Фицрой. — Он, еще когда шли в дом, шепнул мне, чтобы держал все оружие, что у меня есть, при себе и наготове. Но я, дурак, не послушался.

Я покачал головой.

— Я не такой чувствительный. Если меня хотят убить, только тогда в задницу кольнет. Но на этот раз было тихо.

— А если и не собирались убивать? — спросил он. — Тихо и мирно жили, своей сути не выказывали. Может быть, барон шалил по ночам тайком даже от семьи?

Я задумался, такое напрашивается, явно они не пытали к нам вражды. Во всяком случае, немедленно напасть не собирались, я бы почуял. И вообще мы им нравились... Хотя, конечно, могли нравиться, как хорошая еда, даже лакомство.

Понсоменер вышел из соседней комнаты, в руках куча праздничной одежды, на руку по локоть нацепил штук десять золотых цепей.

— Своих крестьян не трогал, — подтвердил он, — только проезжающих мимо. Вот награбленное.

Фицрой поинтересовался:

— Может, покупал в городе?

Понсоменер покачал головой:

— Нет. Чую. Это все от разных людей. Вот эту цепь сорвали с еще живого. А эти уже с трупов. Кровь стерта, но чую.

— Брал только то, — определил я, — что его не выдаст! Окровавленную одежду или чужие сапоги не приносил даже домой. Ладно, поехали отсюда.

Когда вышли из дома, Понсоменер оглянулся, но ничего не сказал, но Фицрой понял, покрутил головой.

— Тоже хотел поджечь, но это неинтересно и грубо.

— Верно, — согласился я, — на пожар нужно любоваться, это красивое и величественное зрелище, а не просто поджег и уехал. Кстати, там как раз обед для нас приготовили...

Фицрой вскрикнул:

— Ты что? Какой обед?.. Да я теперь неделю есть не смогу! Как вам не стыдно, грубые вы люди, только услышали запах жареной баранины, так сразу...

— И похлебка наваристая, — сказал я. — Аромат даже здесь с ног сшибает.

Фицрой сказал твердо:

— Не стану!.. Не смогу!.. Это как-то совсем нехорошо. Как можно вообще есть после того, что случилось?.. Ладно, уговорили, но только одну ложку...

После обеда он последним поднялся в седло, весь раздувшийся и сытый настолько, что вот-вот упадет с коня и заснет, а мы с Понсоменером погнали коней к дороге, а там повернули на столицу.

Без приключений добрались до Готверга, оттуда поднялись по реке Дорнес к столице Дронтарии, славному и роскошному городу Шмитбергу.

Городская стража плату берет только с возниц, да и то груженых, мы свободно проехали втроем через город прямо к королевскому дворцу. Стража тут же вызвала

дежурного офицера, тот со всеми знаками внимания провел в главное здание, там передал с рук в руки начальнику охраны, а тот повел наверх в сторону королевских покоев.

Фицрой отправился навестить знакомых придворных, захватив с собой Понсоменера, а меня оставили ожидать в общем зале.

Я прислонился к колонне, почему-то в таких залах никогда не бывает стульев, даже простых лавок. Глерды богатые и очень богатые прогуливаются группами, сверхбогатые либо по двое, либо в одиночку, вижу немногих женщин, эти на выпасе под бдительным оком мужей, пара милых красоток, застывшие гвардейцы по обе стороны двери...

Две женщины, проходя мимо, улыбнулись, я ответил легким и ни к чему не обязывающим поклоном. Они тут же остановились, первая прощебетала:

— Вы и есть тот таинственный глерд, что появился из ниоткуда и которому король подарил замок?

Я ответил так же легко:

— Хотел бы из ниоткуда, это таинственно и загадочно, однако, увы, я из Нижних Долин прибыл к его величеству королю Астрингеру. Видимо, я хорошо выполнил поручение моей королевы Орландии, потому меня и одарили так щедро.

Они переглянулись, вторая сказала нарочито капризным голоском:

— Но вы все равно таинственный незнакомец! Так интереснее. Кого из нас вы намерены похитить и утащить в свое темное логово в дремучем лесу?

Я пробормотал:

— Ну почему же сразу в лес... Я не настолько дикий, лучше утащу на сеновал, это ближе и удобнее... А обеих можно?

Они расхохотались, а я вдруг ощутил холод между лопатками. Продолжая улыбаться, повернулся медленно, вдоль стены четверо глердов, никто не смотрит в мою сторону, но впечатление такое, что вон тот и вон тот отвернулись только что.

Волна острой неприязни идет вон от того толстяка, что не столько толстяк, как очень крепкий и мускулистый мезоморф.

Я указал на него взглядом:

— А кто вон тот человек?

Женщины посерезнели, переглянулись. Первая сказала упавшим голосом:

— Так вы все поняли? Или знали?

Я улыбнулся шире:

— А вы намерены хранить тайну?

Первая сказала тихо:

— Ну что вы, глерд... Какая женщина способна хранить тайны? Особенно в постели...

Я сделал радостное лицо.

— Тогда нужно воспользоваться, пока вы женщина...

Она ответить не успела, сзади кто-то крепко взял за локоть, я уже по хватке узнал начальника охраны дворца.

— Глерд Юджин, — сказал он строго, — пойдемте. Его величество ждет!

Я улыбнулся женщинам, дескать, в другой раз, а он властно повлек меня через зал, а потом еще через два, и везде я чувствовал себя в центре внимания.

Человек, которого король одаряет так щедро, сразу вызывает жгучий интерес как у собственно местных придворных, так и прибывших из города зрелых дам, присматривающих перспективных женихов для подрастающих дочерей.

Гвардейцы у двери короля окинули меня оценивающими взглядами, а слуга торопливо распахнул обе половинки двери.

Король прохаживается вдоль стены с широкими стрельчатыми окнами во двор, руки заложил за спину, походка деловая, брови сдвинуты над переносицей, но при виде меня заулыбался.

— Глерд Юджин!.. Что привело вас? Говорите, все для вас!

Я выставил ладони в протестующем жесте.

— Ваше величество, абсолютно ничего. Я отправляюсь в Нижние Долины, нужно все же сказать ее величеству, что вы предупреждены и готовы встретить армию Антриаса во всеоружии.

Он посерезнел, кивнул.

— Верно, так ей будет спокойнее. Да и не наделает глупостей. Или она в вас не может усомниться?

Взгляд его стал острым, я ответил вежливо:

— Как и вы, ваше величество. Я не обеспокоен борьбой за выживание, потому могу позволить себе роскошь быть честным.

— Вы останетесь там... надолго?

Паузу он сделал нарочитую, чтобы на два вопроса в одной фразе можно было дать и два ответа.

— Как только, — ответил я, — так сразу. Мне делать там нечего, в моем замке преспокойно обходятся и без меня, а я навещу своего старого учителя, мастера Рундельштотта, и тут же вернусь. Хочу заодно сообщить, что силы Гарна и Пиксии на море не так уж и ого-го.

Он насторожился, понизил голос.

— Вы... уже проверили?

— Да, — ответил я. — Ваш Вэнсэн Ваддингтон наверняка скоро прибудет и предоставит более полный ответ. Он был с нами в Карбере, лично кого-то зарубил, а потом участвовал в потоплении десятка гарнских кораблей. Или двух десятков, кто эту мелочь считает?

Он охнулся.

— Было... сражение?

— Не с нами, — сообщил я тихо. — Какие-то морские разбойники вторглись в воды Гарна, разгромили пристань, сожгли корабли и уплыли. Ваше королевство ни при чем. Я хочу еще раз сказать, что мы можем нарастить преимущество за счет более высокого уровня техники. Продержаться нужно не так уж и долго, еще два-три месяца, и выйдем на другой уровень.

Я говорил бодро и уверенно, на какой уровень, не сказал, пусть король думает свое, а я свое, даже от друзей должны быть тайны, а короли вообще друзьями быть не могут.

Он сказал с сожалением:

— А вы в такое время должны возвращаться к нашей кузине Орландии...

— Я свою роль выполнил, — согласился я, — но пусть королева получит подтверждение, что меня не прибили по дороге разбойники, что все передал вам и что теперь Антриаса ждет разгром.

Он кисло улыбнулся:

— Да, женщин нужно успокаивать, даже если они на троне. Хорошо, глерд Юджин...

Я ответил на его невысказанный вопрос:

— Ваше величество, мне нужно еще и кое-что забрать из моих личных вещей, так как намереваюсь вообще переселиться в Медвежий Коготь, великодушно подаренный вами, всерьез и, возможно, надолго.

Он широко заулыбался:

— Все шутите? Это ваш замок, ваши земли и ваши деревни.

— Спасибо, ваше величество. Я обернусь быстро.

— Глерд, я рад. Возвращайтесь поскорее!

— Как только, — ответил я с поклоном, — так сразу. Ваше величество, я с вашего разрешения отправлюсь сегодня же. К сожалению, не могу попробовать ни ва-

шего прекрасного вина, ни ваших красоток, что намного раскованнее, чем в Нижних Долинах.

Он улыбнулся:

— Хоть наши королевства и рядом, но теплое южное море и жаркое солнце влияют на мораль. А дальше на севере, как я слышал, вообще все строго и праведно, мухи дохнут. Возвращайтесь поскорее, глерд!

— Спасибо, ваше величество. Еще раз заверяю вас, преимущество на море завоевать нетрудно. Несколько больших кораблей с правильно поставленными парусами — и можем вести бой, когда изволим, а если восхотим выйти из сражения, никто не догонит наши быстроходные суда!

Он слушал внимательно, кивнул.

— С нетерпением жду прибытия Ваддингтона.

— Он расскажет, — сказал я скромно, — что мы с палубы корабля сумели нанести огромный ущерб порту и всем складам, но, увы, это ничего не решает. Даже полное господство на море не решает!

Он вскинул брови.

— Глерд?

— В ответ на успехи вашего величества на море, — сказал я, — Гарн может вторгнуться с армией на сушу. А если еще снова сговорится с Пиксией...

Он помрачнел, вздохнул.

— Да, флот не спасет... Будем таиться.

— Вечно таиться не удастся, — сказал я. — Будем искать острова в океане. Пригодные, чтобы там заложить базу. Тайную базу. И уже оттуда совершать набеги!

Он подумал, лицо посветлело.

— Понятно.

Я сказал с великой неохотой:

— Ваше величество, когда мы там обоснуемся, нас либо уже раскроют, либо... либо вы сможете первым заявить, что глерд Юджин где-то построил корабли, но

вы за него не отвечаете. Даже можете пригласить международную комиссию... имею в виду гарнцев и пиксийцев, пусть проверят всю береговую линию.

— А ваш нынешний тайный порт?

— Там мы все уберем, — сказал я великолушно. — В любом случае это не важно. Мы все делали тайно от вас, так что Гарн не сможет вас обвинить. Кстати, ваше величество, нам понадобится больше парусины... Если у вас не знают, что это, то даже лучше. Само слово «парусина» лучше не употреблять. А так просто плотная льняная ткань. Грубая, что значит толстая. Для прочности... Хотя нет, лучше из конопли. Из конопли крепче. Отталкивает влагу и не портится от морской воды... Побольше.

Он кивнул.

— Глерд, я все сделаю. Даже с радостью.

— Ваше величество?

Он чуть улыбнулся:

— Ваш заказ говорит, что вы не возвращаетесь в Нижние Долины... надолго.

— Кстати, ваше величество, — сказал я, — как стратег, увеличьте поля под коноплю. Парусины понадобится намного больше. Намного.

Глава 5

Фицрой изумился, что покидаем город через пару часов после того, как въехали, но ничего не стал спрашивать, для него дорога интереснее, чем любая из столиц, а Понсоменер, казалось, вообще не заметил, что мы из дремучего леса переместились в скопище громадных зданий из гранита, а потом так же быстро оказались снова в лесу и под нами не сиденья стульев, а поскрипывают кожаные седла на конских спинах.

Дорога широкая и прямая, копыта бодро стучат по сухой и твердой земле. Фицрой поерзal, оглядывая окрестности, сказал пророчески:

— Вот по этим дорогам пойдет армия Антриаса. Как думаешь, когда?

— Не знаю, — ответил я.

Он обернулся к Понсоменеру.

— А ты как думаешь?.. А, ладно... Ты же никогда не думаешь, тебе и так неплохо. Знал бы, как я тебе завидую. Мне кажется, у Антриаса уйдет месяц на подтягивание войск только к границам Нижних Долин, все-таки топать со всех концов королевства, потом переговоры с королевой Орландией, это тоже не один день, она крепкий орешек, потом движение по двум дорогам на юг...

— Почему по двум, — сказал я, — там еще две-три. Даже я знаю. И не намного хуже.

Он отмахнулся.

— Ему же надо держать армию в узде. Если начнут грабить всех по пути, нижнедолинцы возмутятся, вспыхнет полноценная война, а она ему нужна?

— Верно, — согласился я. — Да ты прям стратег!

Он продолжил, не обращая внимания на иронию:

— Ему вообще хотелось бы вести всех по одной, чтобы держать в железном кулаке, но тогда армия слишком уж растянется.

— Здесь хорошая дорога, — заметил я. — Торговцы Нижних Долин и Дронтарии укатали, молодцы. Единственная задержка будет с гуцарами, да и то не думаю, что надолго.

— Вторая дорога такая же, — сообщил он.

— Откуда знаешь?

Он в изумлении округлил глаза.

— О ней даже Понсоменер знает!.. Знаешь? Вот видишь, молчит, знает.

— И тоже через земли гурцаров? Кстати, а как торговцы проходят?

Фицрой посмотрел на меня, как на дитя.

— Торговцы везде проходят. Только товары становятся чуть дороже. Гуцары с торговцев получают немалые деньги. Сами они народ бедный, земли никуда не годятся, но такая пошлина дает им возможность как-то жить.

Свежие кони идут бодро, с готовностью переходят в галоп, между Дронтарией и Нижними Долинами не только хорошие укатанные дороги, но и неплохие постоянные дворы с трактирами.

Мы двигались без приключений, задержались ненадолго уже перед самым Санпрингом, под Фицроем захромала лошадь, пришлось остановиться и заменить подкову, а затем пересесть на запасную.

Все чаще между деревьями виднеются домики в окружении сада, аккуратные ломти огородов, отары овец на склонах холмов и тучные стада коров, по дорогам тащатся тяжело груженные подводы и телеги.

Белые, словно алебастровые, башни Санпринга поднялись незаметно, маскируясь под белые облачка. Городская стена смотрится настолько праздничной, что я не удивился, увидев на городских воротах вывешенные красные полотнища с золотыми львами, леопардами и прочими чудовищами, а дальше по стене несколько знамен с теми же мордами зверей.

По ту сторону распахнутых ворот аккуратные и добрые дома из красного кирпича, очень красиво, но сердце мое застучало чаще при виде чудо-дворца за высокой оградой, там десяток зданий соединены на большой высоте такими изящными воздушными мостиками, что даже смотреть вот так снизу страшновато.

Гвардейцы у ворот королевского сада, завидев нас, засуетились, один ринулся навстречу, другой помчался в караулку. Тот, что бежал к нам, с разбегу ухватился за стремя моего коня.

— Глерд!.. Велено, как только появитесь, срочно препроводить вас к ее величеству.

Я нахмурился.

— Препроводить?

Он поспешно поправил себя:

— Простите, проводить!.. С честью. Со всеми знаками внимания и подобающей учтивостью. Что-то очень срочное, глерд.

Я подумал, что «проводить с честью» тоже звучит двусмысленно, но придиরаться не стал, поинтересовался:

— Так и сказали?

— Нет, но... чувствуется.

Из караулки выскочили двое глердов в сияющих доспехах, замахали руками, ворота немедленно распахнули перед нами во всю ширь.

Офицер выбежал навстречу.

— Глерды, вас ждут в главном... Можете не слезать, вас просяли немедленно, как только появитесь...

Фицрой пробормотал:

— Я вообще-то могу на коне и в здание... Это же здорово, потом всю жизнь хвастаться. В королевский дворец! Это не в крестьянский сарай...

Я пустил коня в галоп, впереди поспешно дают дорогу, даже стражники отпрыгивают в стороны. Вблизи здания я вынужденно перевел коня на рысь, а безбашенный Фицрой тут же с готовностью опередил.

Перед нами распахнули широкие ворота главного здания дворца, Фицрой нахально направил коня внутрь прямо в холл, подковы звонко зацокали по мраморному полу.

— Не хами, — крикнул я вдогонку, — мало ли что там.

Он крикнул весело:

— Вдруг кто палец в носу сломал?

— Вот-вот, — согласился я. — Дело серьезное. Не до хаханек.

Он заставил коня попятиться, а затем, как и я, покинул седло на пороге. Я передал, не глядя, повод за спину.

Со второго этажа по лестнице, звонко стучав подошвами, сбежал в холл Картер, злой и расстроенный, даже доспехи блестят как-то тускло и невыразительно.

— Глерд Юджин, — сказал он быстро. — Вы весьма кстати. Пойдемте со мной.

— Не в кабак, надеюсь? — спросил я. — А то знаю вашу столичную жизнь. Все не как у людей... Что случилось? Вижу, меня ждали. Но я вроде бы не обещал скоро вернуться.

Он хотел помчаться по лестнице через ступеньку, но я пошел обычным шагом, он вынужденно остановился, ожидая.

Я поинтересовался размеженным голосом:

— Руперт, что стряслось? Говорите.

— Может, — ответил он быстро, — лучше, когда вам у королевы все объяснят?

— Ого, — сказал я, — у королевы... Нет, Руперт, все-таки лучше, если расскажете вкратце по дороге. Чтобы перед светлы очи ее величества я предстал более готовым. Вы же мне как бы не враг? И хотите быть полезным самодержавию и деспотическому народному режиму либеральной автократии?

Он сказал нервно, но огляделся и понизил голос:

— Я ваш друг!.. Дело в том, что... принцесса исчезла! Но это пока секрет.

— Ого, — сказал я ошеломленно. — Адрианна?

Он прошипел сердито:

— Не останавливайтесь, глерд, не останавливайтесь!.. Да, Адрианна. Сейчас во дворце начинается паника.

Я оглянулся.

— Не заметил...

— Большинство еще не знают... А кто знает, тот места себе не находит. Быстрее, глерд, не отставайте.

— Откуда она исчезла? — спросил я. — Прямо из ее покоев?

Он покачал головой.

— Ездила навестить больную тетушку в ее замке близ города. Конечно, в сопровождении охраны.

— Похитили по дороге?

Он покачал головой.

— Хуже. Прямо из замка.

— А тетушка?

Он покачал головой.

— Глерд... это было ужасно.

Мы торопливо поднялись по лестницам, гвардейцы перед дверью кабинета королевы поспешили в стороны, а слуга в коридоре быстро распахнул перед нами обе половинки.

Картер остался, я перешагнул порог и дернулся. В кабинете расположились все члены Тайного Совета королевы, и чувствуется — воздух накален, у всех встревоженные и злые лица.

Королева у своего тронного кресла уперлась обеими руками в столешницу и чуть наклонилась, лицо бледное от ярости, глаза сузились, но когда все в ее кабинете обернулись на стук двери, я ощутил некую волну облегчения.

Это не то, что вот этот тип придет и всех спасет, а что весь гнев теперь падет на него, так как королева выплеснула еще не всю ярость.

Я поклонился с порога.

— Ваше величество...

Она нетерпеливым жестом велела мне найти место за столом, перевела взгляд на Иршира.

— Дальше, глерд!.. Вы всех слуг допросили?.. А тех, что ездили в села за продуктами?

Иршир, бледный и расстроенный, стоит виноватый настолько, что уже не выглядит, как обычно, здоровым и крепким, а теперь можно подумать, что его сжирают хвори.

— Ваше величество, — сказал жалким голосом, — в замке герцогини убиты все слуги! Допрашивать пришлось только тех, кто был во дворе, в конюшне. Сейчас свозят в одно место прибывших из сел.

Я уже сижу, пока сказать нечего, одни вопросы в чепре, кашлянул, привлекая внимание, повозил задом в кресле, чтобы посмотрели уже все.

— Ваше величество... простите, что влезаю, но погоню уже выслали?

Она посмотрела достаточно зло.

— Разумеется!

— И в нужном направлении? — спросил я.

Она ответила резко:

— Три отряда помчались на лучших конях в сторону севера!.. Вы об этом хотели спросить?

— Ваше величество, — сказал я почтительно, — если вы подозреваете руку Антриаса...

Она сказала резко:

— Подозреваем всех! Но Антриаса больше всех.

— Это Антриас, — сказал я. — Я почти убежден, хоть и не уверен. Помните похищение Рундельштотта?.. Его почерк. В смысле, Антриаса, а не Рундельштотта. В прошлый раз почти получилось. Если бы не догнали этих сволочей по дороге, даже и не знали бы, куда его повезут и где спрячут.

На меня смотрят, как обычно, с высокомерием и презрением урожденных глердов, у которых не меньше десятка высокопоставленных предков, но все смолчали, только Финнеган сказал язвительно:

— А сейчас знаете?

— Догадываюсь, — ответил я.

— Этого мало, глерд.

Слово «глерд» он ухитрился произнести с таким презрением, что и мокрица могла бы погордиться передо мной преимуществом рождения.

— Дайте больше, — предложил я. — Думаю, при дворце есть хотя бы один, кто снабжает информацией короля Антриаса. Возможно, он знает больше. Как думаете, глерд Финнеган?

Глава 6

Я повысил голос и посмотрел на него так, что все почти увидели, как он врывается в комнату Адрианны и, заткнув ей рот, тащит в темный лес, где их ждут те, которые переправят дальше.

Финнеган дернулся.

— Глерд!.. Вы что себе позволяете?

— Просто предположил, — ответил я невинно. — А что вы так дергаетесь? Что-то случилось?.. Глерд, вам лучше сразу признаться, если где-то что-то не так, ошиблись, не тому поверили, вас обманули, вы же такой доверчивый...

Королева оторвалась на миг от разговора с Брандштеттером и Джузэлом, повернула к нам голову.

— Глерды!.. Прекратите выяснять отношения! У меня сестра пропала, а вы личные счеты!.. Из дворца никого не выпускаем, пока не проверим.

— Когда она исчезла? — спросил я. — Если не знаете, то когда последний раз видели?

Глерд Иршир проговорил медленно:

— Три дня тому. Когда уезжала. Но выкрадали ее, как сообщили дозорные, вчера.

Я поморщился.

— Тогда окружение можно снять. Тот, кто причастен, давно покинул не только дворец, но и столицу.

Брандштеттер громыхнул со своего места:

— Глерд, сейчас все подозревают короля Антриаса. Все остальные версии не забыты, но сосредотачиваемся на самой вероятной.

— Если это Антриас, — ответил я, обращаясь к королеве, — то вряд ли его люди вот так прямо помчались бы в Уламрию, зная, что будет погоня на самых быстрых конях. Я бы точно ушел кружным путем, хотя я и не специалист по выкрадыванию принцесс.

Она сцепила челюсти, но, выдохнув воздух, почти прошипела:

— Вы здесь как человек, сумевший вернуть похищенного Рундельштотта!.. Мы желаем, чтобы вы немедленно приложили все усилия, чтобы вернуть мою сестру!

Я покосился по сторонам, смотрят с раздражением и надеждой, только Мяффнер вздыхает и вытирает платком глаза.

— Рундельштотта, — напомнил я, — выкрадли прямо из его башни, зарезав часовых. А башня вон там, если вы ее еще не видели. В сотне шагов от главного корпуса дворца. Королевского дворца, где стража на каждом шагу. Это я к тому, что пропажу обнаружили сразу, а замок тетушки где, напомните?..

Иршир опустил взгляд, Джузел отвел глаза в сторону, только Брандштеттер продолжал смотреть на меня тяжело и с недобрым выражением на лице.

Мяффнер сказал подавленно:

— Все верно, о трагедии мы узнали только на другой день. Как только домчался посыльный. В какую бы сторону принцессу Адрианну ни повезли, она уже достаточно далеко.

Королева сказала резко:

— Глерд Юджин! Мы уполномочиваем вас отыскать и вернуть мою сестру! Для этого вы получаете все, что вам требуется или потребуется. Глерд Мяффнер!

Мяффнер поднялся с привычной торопливостью, быстро поклонился.

— Ваше величество! С моей стороны будет сделано все. Глерд Юджин ни в чем не будет знать отказа. Думаю, и наша помощь ему не будет лишней.

Брандштеттер сказал со своего места гулко:

— К счастью, глерд Юджин прибыл в сопровождении доблестного Фицроя, тот выказал себя великолепным бойцом, одолев в поединках многих моих лучших офицеров. Думаю, они вдвоем сумеют сделать больше, чем уже высланная погоня.

Я поклонился в его сторону.

— Все, что будет в наших силах, глерд. Но силы наши не бесконечны.

— Это мы знаем, — произнес он. — Я дам в помощь лучших бойцов, лучших коней и лучшее вооружение. Кстати, ваше величество, я обращаю ваше внимание на этого глерда Фицроя. Его стоило бы чем-то поощрить. Королевству нужны отважные и готовые... ко всему готовые.

Я пропустил его слова мимо ушей, повернулся к глерду Ирширу.

— Как это было сделано?

Он ответил хриплым измученным голосом:

— Не просто похищение. В том смысле, что принцессу не украли, а захватили. Силой. В замке все раз-

громлено, а все двенадцать ее охранников умерщвлены.

— Это как? — переспросил я.

— Убиты, — ответил он коротко. — Тетушка то ли сама умерла, то ли ее додушили.

— Так и говорите, — сказал я с неудовольствием. — А то умничать восхотелось, будто дипломат на непонятно какой службе. Я чего только не передумал...

— Так быстро?

— Я не только думаю быстро, — сказал я с легкой угрозой в голосе. — Я вообще не как бы, а да. А вы?.. Что дал опрос в соседних селах?

Он поморщился.

— Глерд... Расследование держится в тайне. Мы пока еще никому не сообщили о пропаже принцессы.

— При чем здесь сообщение? — спросил я зло. — Нужно спрашивать, не появлялись ли группы незнакомых людей, не было ли чего-то странного...

— Ну спасибо, — сказал он саркастически, — а то мы не знали, что спрашивать! Конечно, никто ничего не видел. И вовсе не потому, что хотят навредить. Думаю, наши похитители подошли не группой, а поодиночке, так меньше привлекут внимание.

— Все равно, — ответил я, — группка небольшая. Значит, либо особо элитные бойцы, либо с ними был колдун... а то и не один... либо...

Они ждали, он сказал наконец:

— Спать будете дома, глерд. Если ее величество, конечно, изволит разрешить.

— Возжелает соизволить разрешить, — поправил я. — И хвостом нужно вилять шибче, глерд, а то как-то вяло у вас, словно по принуждению, а надо бодро и весело! Вы верноподданный или как?

Он прищурился, оглядел меня с головы до ног свысока и победно.

— Бодро и весело? Когда принцесса Адрианна исчезла неизвестно куда?

— Но вы же рады? — ответил я. — Или нет? Почему рады? Тут есть силы, что поддерживали принцессу, теперь они у пустого корыта.

Королева хлопнула ладонью по столу.

— Глерды!.. Я жду плана, как нам действовать дальше. Вернее, жду предложений, план составлю без этой глупой пикировки.

Финнеган кашлянул и сказал осторожно:

— Ваше величество, я бы предложил послать конные отряды по дорогам, что ведут в сторону Уламрии...

— Что бы мы делали без вашего совета, — сказал Брандштеттер зло. — Отряды уже посланы! В сторону Уламрии на самых быстрых конях, а в остальные стороны — лучшие воины. На тот случай, если похитители, понимая, в какую сторону помчится погоня, решили затаиться в лесах Нижних Долин.

Я спросил быстро:

— А не повезут ли ее к принцу Роммельсу?.. Ладно-ладно, разбойнику Роммельсу. Мерзкому и отвратительному.

— С какой стати? — поинтересовался Финнеган враждебно.

— Принц, — сказал я и, заметив, что снова назвал Роммельса таким высоким титулом, не стал извиняться, — провозглашает, что настоящей королевой должна быть Адрианна! Да вы об этом знаете, нечего глазки опускать, а то я такое подумаю... Вот ее величество уже думает. Глерд Финнеган, не дергайтесь, вас не потащат сразу на плаху, сперва в камере пытку ласково так это порасспрашивают... Так что у Роммельса вполне могут быть некие планы. Это не значит, что выкрад принцессу он, но его могли использовать...

— Или он похитителей, — сказал Джузэл задумчиво.

Я поинтересовался:

— Вы в самом деле такого высокого мнения об интеллектуальных способностях Роммельса?..

— Он собрал целую армию мятежников, — огрызнулся Джузэл.

— Это говорит о его энергии и таланте вожака, — ответил я. — На командные роли выбиваются далеко не самые умные, глерд Джузэл.

Он сказал хмуро:

— Не хвастайтесь. Вы пока что не на командных.

Мяффнер торопливо сказал успокаивающим голосом:

— Я тоже не думаю, что разбойник способен на такое.

Джуэл обронил невинным голосом:

— Настолько благороден?

Мяффнер промолчал, не желает отвечать в том же тоне, заговорил глерд Кливард, глава Стола Хозяйствования:

— Думаю, наш самый юный член Тайного Совета, несмотря на его юность и неопытность, все же прав. А просчитал или просто угадал, это не важно. Роммельс туп. Все-таки это простой разбойник.

Я хмыкнул, оба с подозрением уставились на меня.

— Глерд, — спросил Джузэл с нажимом. — Вы не согласны?

— Глерд, — ответил я ему в тон. — Этот разбойник сумел впервые в истории королевства сколотить и поставить под свою руку целую армию! Я не уверен, что даже некоторые из присутствующих здесь высоких глердов сумели бы...

Финнеган снова заговорил жирным и напористым тоном:

— Общаться с разбойниками? Вы с ума сошли!

Королева бросила на меня короткий взгляд, о договоренности с Роммельсом я уже сообщил, а Мяффнер сказал торопливо:

— Глерд Финнеган, разбойники тоже могут на что-то пригодиться, если их верно использовать.

После паузы заговорил Брандштеттер, все еще злой, словно это у него украли жену и дочерей:

— Разбойники пригодятся только ворон кормить, если развесить там же в лесу на деревьях! Ваше величество, я предлагаю сделать запрос королю Антриасу.

Она посмотрела на него холодно и отчужденно.

— И что я должна спросить?

Он, как мне показалось, чуть смутился.

— Ваше величество... важнее, что он ответит, как ответит... Возможно, в данном случае лучше всех был бы глерд Мяффнер, однако он нужен здесь, потому я порекомендовал бы глерда... Юджина, который пользуется особым покровительством нашего канцлера.

Все уставились на него, покосились на королеву, кто-то даже взглянул на меня оценивающе и пренебрежительно.

Я сказал быстро:

— Ценю, глерд Брандштеттер! Ценю вашу заботу и высокое обо мне мнение. И как-нибудь припомню и отблагодарю. Так отблагодарю, что мало не покажется. Однако же должен сообщить вам приятную новость... Его величество король Дронтарии благородный Астрингер изволил подарить мне от щедрот один из заброшенных замков на берегу моря. Я принял щедрый дар и отныне служу в какой-то мере его величеству Астрингеру и больше не мозолю вам глаза своей простолюдинностью...

На их лицах помимо изумления в самом деле простила тщательно скрываемая радость, только Мяффнер, судя по его лицу, искренне огорчился, хотя кто знает этих царедворцев.

Глерд Кливард первым нарушил молчание:

— А как вы оказались сейчас здесь?

— Я вернулся взять кое-какие личные вещички, — пояснил я. — Но меня еще на воротах перехватили и бегом притащили сюда. Как видите, я даже не успел переодеться!.. Хотя я вообще-то и не переодеваюсь, у меня другой одежды по бедности нет.

Королева проговорила сквозь зубы:

— У вас есть замок Остеранский и земли, которые дают хороший доход. На одежду точно хватит.

Я развел руками.

— И тот сейчас заберете, что есть правильно и верно. А я хотел лишь сказать, глерды, никто из вас никуда меня не пошлет, так как я и раньше не был подданным жителем королевства Нижних Долин. Я всего лишь служил ее величеству Орландии из чувства восхищения и личной привязанности к мудрой как бы женщине, и не важно, как ее называют в народе. Здесь я всего лишь... советник. После этого собрания отправлюсь обратно в свой замок на берегу моря, чтобы привести его в порядок. Замок привести, а не море, а то вы такие советники... Хотя, впрочем, я уже наслушался достаточно, почтенные глерды. Если ее величество позволит, я покину высокое собрание, мне бы взять личные вещички и ехать и ехать... Навстречу солнцу и морю.

Все повернулись к королеве, она помедлила, лицо хмурое, но кивнула с явной неохотой.

— Езжайте, глерд. Новый замок, новые люди, теплое море... мы понимаем.

Глава 7

Мяффнер вышел вместе со мной, расстроенный настолько, будто армия уже потерпела поражение, а войска Антриаса захватывают королевство.

Я подумал, что вообще-то Адрианна и была сердцем всего королевства, его ясным солнышком, в то время как ее старшая сестра олицетворяет только холодный ум, решительность и жестокую волю.

Я сказал подбадривающее:

— Думаю, членов Тайного Совета арестовывать бесполезно.

Он дернулся.

— Глерд?

— Им вряд ли сказали, — пояснил я, — куда повезут и где спрячут принцессу. А слуг точно всех допросили?

— Все еще допрашивают, — ответил он неохотно. — Что у вас за дурная привычка дразнить людей? Даже меня сейчас зачем-то... смешите! А глерд Брандштеттер очень надежный человек.

— А чего лезет? — ответил я и ощутил, что веду себя по-мальчишечки. — Я же его не трогал! А сдачи дать могу. За мной не заржавеет.

Он вздохнул.

— Может быть, только проверяет вас. Человек низкого происхождения не то что стерпел бы, даже не заметил бы, что его достоинство задели. А вы сразу, будто оскорбленный принц...

— Проверяет?.. Да сколько можно проверять такую овечку.

— Вот именно, — сказал он. — Очень уж успешная у нас овечка. Все волки разбегаются.

— Глерд Мяффнер, — сказал я, — говоря вежливо, я как бы не совсем у вас овечка. Ну, вы намек поняли.

Он поморщился.

— Да, вы уже сказали, замок у моря, новые люди, более вольные нравы... Хорошо, глерд, идите. Вы свободная птица. Несмотря на все, с вами работать было приятно.

Я поклонился со всей учтивостью.

— Прощайте, глерд Мяффнер! Рад, что вы поняли больше, чем я сказал.

Руперта я отыскал у входа во дворец, дает инструкции гвардейцам, слушают очень серьезно, словно вот прямо сейчас вводится военное положение.

Я выждал, когда он закончит, поманил его в сторону. Он подошел, злой и настороженный, вид такой, будто уже знает о моем самоувольнении.

— Глерд?

— Руперт, — сказал я, — вы, как мне показалось, преданный королеве человек. И не болтливый.

Он сказал настороженно:

— К чему вы, глерд?

— К тому, — ответил я, — что о некоторых вещах чем меньше знают, тем лучше. Сейчас у королевы все еще заседание Тайного Совета, но мне нужно повидаться с нею... когда все уйдут.

— Заседание у ее величества, — поправил он строго. — А повидаться вы хотите тоже у ее величества! То есть испросить аудиенции. Глерд, должен заметить, что ваш тон бывает недостаточно уважительным. И слова посоветовал бы подбирать тщательнее.

— Руперт, — повторил я, — дело важное, потому спорить не стану. В интересах королевы... ее величества важно, чтобы вы провели меня к ней тайком. Можете постоять за дверью, чтобы нас не тревожили. Или даже в кабинете, но у самой двери, чтобы нас не слышали, и повернувшись к нам местом, что ниже спины... Хотя нет, даже спиной к королевским особям поворачиваться неприлично... Так что лучше за дверью. Но ухом можете к ней прильнуть, как к новой любовнице.

Он потемнел лицом, сказал так, словно размалывал зубами камни:

— Глерд, а не могли бы вы говорить серьезнее?

— Не могу, — признался я. — То ли жизнь такая несерьезная, в смысле — страшная, то ли у меня дефект в генах, но не могу серьезно, даже когда все очень серьезно. Быть серьезным — это как быть неумным,

а когда постоянно прикалываешься, то вроде бы умнее... хотя, конечно, это не так, но это защитная броня моей тонкой и чувствительной натуры трусливого гуманиста.

Он прервал:

— Глерд! Оставьте плести кружева из слов, не имеющих смысла. Если это нужно ее величеству, я вас проведу. Но если ее величество выразит неудовольствие, я вас убью на месте.

— Какие люди, — сказал я со вздохом, — какой мир мы потеряли... Глерд, я вас просто люблю! Можно, я вас поцелую?

Он так отшатнулся, что почти отпрыгнул в омерзении.

— Это еще что?.. Стойте здесь, я пошлю узнать на счет совещания у ее величества!

Вскоре он сам отлучился, я терпеливо ждал, со мной некоторые из придворных пробовали робко заговаривать, женщины вообще становятся все настойчивее, королевский двор — их поле боя, наконец появился Руперт.

— Глердессы, — сказал он учтиво, — прошу меня простить, но забираю глерда Юджина для консультаций по воинскому делу. Глерд Юджин...

— Иду, — сказал я с подчеркнутым сожалением, — я так был счастлив в обществе глердесс, а вы все обломали так грубо...

И, провожаемый женскими улыбками, двинулся за ним, а он по дороге время от времени останавливал, уходил вперед, я слышал, как отдает кому-то приказы, там звякает металл, слышатся удаляющиеся шаги, вскоре Руперт возвращался и кивком приглашал двигаться дальше уже по пустому коридору.

Я двигался послушно следом, извилистый лабиринт, о котором я не подозревал, наконец привел к неболь-

шой двери. Руперт постучал, толкнул, как мне показалось, не дожидаясь ответа.

Я шагнул в небольшую комнату, приглушенный свет, королева одна в комнате, а за мной Руперт прикрыл дверь. Оглянувшись, я увидел, что кроме нас с королевой в комнате в самом деле никого.

Она сказала ровным голосом, привычно ровным и холодным, но я все-таки ощутил в нем сильнейшую усталость:

— Сядьте, глерд. Я очень устала... Очень.

Я приблизился к столу, но сел на достаточном расстоянии, чтобы не обвинили в подхалимстве, пусть даже никто не видит.

— Мои соболезнования, ваше величество.

— Спасибо, — ответила она сухо. — Что думаете?

Я добросовестно подумал, точнее, сделал надлежащую паузу, проговорил значительно:

— Думаю, это не вы организовали похищение своей сестры.

Она дернулась, глаза стали огромными.

— Что-о-о?.. Можно подумать и такое?

— Конечно, — заверил я. — Не волнуйтесь, ваше величество, но так подумало наверняка большинство. Это я так вот смягчаю, чтобы не сказать «все».

— Вы с ума сошли!

Я развел руками.

— Ваше величество, люди есть люди, а еще и люди, что вообще отвратительно, как только эволюция допустила... Все королевство знает, что сестра ваша претендует на трон... ну и что, если не претендует?.. А страна знает, что претендует. И что ее поддерживают и знать, и простой народ, и даже овеянный флером романтики лесной разбойник Роммельс!.. А разбойник — это глас народа. Народ обожает разбойников, если те враждуют с королями. Так что не надо про вашу свя-

тость. Никто не поверит. Я вас уверяю, все в королевстве знают, что вы — Королева Змей. И хоть в зайчика превратитесь, но раз власть в ваших руках — все равно вы зло!.. Еще не Мировое, но уже всекоролевское. Хотя сейчас это не важно, давайте думать, можно ли спасти вашу сестренку.

Она оглядела меня исподлобья взбешенно:

— Но если верите, что я заинтересована ей навредить...

— Я так не говорил!

— А как?

Я сказал с жаром:

— Я сказал о настроениях в народе.

— При чем здесь народ?

— Глерды, — напомнил я, — тоже народ. И даже самые вельможные. Многие уверены, что вы не прочь убрать соперницу, а сестра все-таки соперница на трон... Но я вижу, вы настолько уверены в своей силе и влиянии, что даже мысли такой не допускаете, будто слабая сестренка может вас сместьть.

Она ожгла меня злым взглядом.

— Да, не допускаю!

— Несмотря на то, — сказал я коварно, — что некоторые высшие глерды, главы племен и могущественных кланов, хотели бы посадить ее на трон.

— Чтобы править от ее имени? — спросила она. — Знаю. И что? Я трон не уступлю. И я верю, он в моих руках.

— И под вашей... — сказал я, чуть запнулся, подбирая слово, — спиной. Сидите вы на нем, согласен, крепко. Потому и я верю, что вы достаточно искренне хотите вернуть сестру. Угрозы от нее, пока она рядом, нет.

Она насторожилась.

— Хотите сказать, есть угроза, когда она вдали?

— Разумеется, — сказал я. — А вы как думаете? Вы же королева!

— Почему угроза?

— Вы королева, — повторил я. — Наверняка умеете мыслить по-королевски. Хоть и не во все дни.

Она поморщилась.

— Хотите сказать, Антриас, держа ее при себе, будет пытаться посадить на трон королевства?

— Уламрии? — спросил я коварно.

— Нижних Долин! — сказала она резко. — А потом, заключив с нею брак, объединить оба королевства в одно под его рукой.

— Хороший вариант, — согласился я. — Вообще-то в чьих бы руках принцесса ни оказалась, это удачная платформа, с которой можно начинать политический торг. Ваше величество, вы же королева, вы не должны сердиться на мою откровенность!

— Я не на откровенность сержусь, — процедила она сквозь зубы, — а на вас. И не сержусь...

— Слава богу!

— ...а гневаюсь! Королевы никогда не сердятся, глерд Юджин. Еще они приходят в ярость. Вам стоит следить за своими словами. Да, я понимаю, к чему вы ведете. Отвечу так же прямо: я готова сделать все, чтобы вернуть сестру. И не потому, что боюсь ее как претендентку на мой трон... мой трон!.. а потому, что она моя младшая сестра, я всегда о ней заботилась, и я ее люблю. Вам такое непонятно?

Я изумился.

— Ваше величество! Я же не король, мне как раз такое понятно, как и другие чувства, незнакомые королям.

— Что-о?

— Я говорю о доброте, — пояснил я кротко, — милосердии, щедрости, любви, признательности... Я же

понимаю, если короли будут руководствоваться такими понятиями, их королевства пойдут вдребезги.

Она наблюдала за мной чуть прищуренными глазами, в которых ни тепла, ни понимания, а только холодный взгляд змеи перед броском на жертву.

Я подумал, что я вообще-то та мышь, которой может подавиться даже крокодил, а не только Королева Змей, но смолчал, только смотрел на нее с кротким, насколько удается, ожиданием.

— Все средства в вашем распоряжении, — подчеркнула она. — Как я говорила, план по обузданию короля Уламрии был слишком хорош...

Я сказал с неохотой:

— Да, мы так все хорошо распланировали... И как радовались, что Антриас сам, дескать, прет в ловушку.

Она покачала головой.

— Мы как чувствовали, что все получается слишком хорошо. Слишком. Где-то должны быть сбои.

— Не сбои, — возразил я, — настоящий провал! Либо Антриас все предусмотрел, либо перестраховался, но одним ударом смешал все карты. Да что там ударом, не так было бы обидно. Булавочным уколом!.. Однако же, если удастся вырвать принцессу раньше, чем Антриас предъявит новые требования, можно все вернуть взад. Мы будем над этим работать.

Она сказала с нажимом:

— Сделайте все, чтобы вернуть сестру. И тогда буду у вас в долгу. Настоящем долгу.

Я сказал понимающе:

— Значит, мне на другой же день перережут глотку?

— С чего такая дикая мысль?

— Короли не остаются в долгу даже у других королей, — пояснил я. — Ваше величество, ничего личного, как говорят короли.

Она передернула плечами.

— Какой же вы мерзавец! Неужели...

— Угадал? — спросил я. — Вы же королева, а короли делают только то, что нужно. Точно и расчетливо. Как богомолы. Это такие хищные насекомые, никогда не промахиваются. Кстати, будьте готовы к тому, что возжелают выкуп за вашу сестру. Тоже неприятно...

Она воскликнула:

— Только неприятно? Да я на все готова...

Я поморщился.

— Ваше величество!.. Простите, но слышу не королевские речи! Их только враги ваши услышали бы с радостью. Держитесь так же стойко и холодно, будто вы и есть Королева Змей, как вас именуют подданные с восторгом и любовью.

— Глерд!

— Но не отадите же за сестру, — сказал я, — независимость королевства? Территории? Трон?.. Это от меня могли бы потребовать кошелек с золотом! Но не от вас. В общем, продумайте, как и что будете отвечать. Главное, тяните время, а я пошел готовиться к рейду. Догнать похитителей вряд ли получится, так что будем придумывать на ходу.

— Что потребуется в дорогу?

— Не знаю, — ответил я честно. — Нужно посоветоваться с Рундельштоттом, вдруг старый мастер что-то подскажет?.. А вообще-то плана у меня нет.

— Рундельштотта вы спасли!

— Нам просто повезло, — сказал я скромно. — Похитителей догнали по дороге. Если бы Рундельштотта увезли в столицу Уламрии... боюсь, ничего сделать не удалось бы. А сейчас, думаю, и силы на похищение принцессы брошены покрупнее. И охрана. Главное же, время потеряно.

— О пропаже принцессы сообщили, — напомнила она, — как только смогли!

— Кстати, — сказал я, — раз уж вы списали Рундельштотта, то можно задействовать более практического Страуда.

Она приподняла бровь.

— Как?

Я сказал сквозь зубы, но стараясь, чтобы выглядело достаточно смиренно:

— Ваше величество... наши возможности ограничены, вы видите. Если вы в самом деле желаете спасти сестру, то нужно, как бы мягче сказать...

Я остановился, а она сказала резко:

— Глерд, мне неприятны ваши намеки. Не хотела бы я спасти Адрианну, вообще никому бы ничего не сказала.

— Тогда нужно хвататься за все, — сказал я. — Утопающий и за гадюку схватится, а кто не хочет умереть от жажды, должен научиться пить из всех стаканов.

Она подумала, наклонила голову.

— Хорошо. После вас вызову Страуда. Что-то еще?.. Брандштеттер все-таки полагает, что нужно как-то принудить к поискам и вас. Говорит, что готов дать вам в сопровождение хоть всю армию. Он груб, но не дурак. И не верит, что вы вот прямо сейчас уедете к теплому морю.

Я поморщился.

— Ваше величество... Брандштеттер в самом деле такое брякнул? И вы его считаете умным?

— А что не так?

— Ваше величество, — сказал я зло, — полагаете, я не хотел бы, чтобы меня сопровождала армия?.. Но искать придется в чужой стране! Армия для поиска не совсем... заточена. К тому же армию, как догадываетесь, заметят. Я не герой и не хочу им быть, это дурость какая-то, но даже всякая группа, где десяток человек или больше, — привлекает внимание.

Она поморщилась.

— Я это знаю, но хочу сделать как можно больше.
Я пожал плечами.

— Пошлите еще пару групп. Из тех, кого не жалко. Я бы на вашем месте послал глерда... Нет, не стану называть имен. Но у вас за столом столько отважных!.. Даже страшно на таких орлов смотреть. А я сам отберу людей, что пойдут со мной.

— Берите лучших, — сказала она. — Брандштеттер даст любого, на кого укажете. Хотя он сам знает своих людей лучше.

— Спасибо, — ответил я, — не надо. С чужими специалистами нужно срабатывать, а времени нет. Отберу в группу пять—семь человек. А то и меньше. Я не драчливый, а прятаться легче, когда нас мало. А остальным дайте человек по сто, кого тоже не жалко. Они вступят в бой еще на границе и красиво погибнут, опять же казне польза, жалованье платить не придется. У некоторых наверняка жалованье такое, что пару сел купить можно?

Я вышел из ее кабинета в глубокой задумчивости, сам затворил за собой дверь. Из ниши напротив так тихо и зловеще вышел Руперт, что я вздрогнул и отшатнулся.

— Долго говорили, — сказал он тихонько и с облегчением в голосе, — значит, я вас не зря привел.

— Спасибо, Руперт, — сказал я. — Как я понимаю, вы по долгу службы допущены ко всем тайнам?

— Только к тем, — уточнил он, — что касаются безопасности дворца.

— Сейчас работы будет чуть больше, — сказал я. — Сами понимаете.

Он кивнул.

— Понимаю. Люди есть люди, всегда найдут что сказать нехорошее. Если принцесса просто исчезнет без следа — скажут, ее высочество тайком удавили в подва-

ле и там же закопали. Выяснится, что у Антриаса, скажут — ее высочество передали нарочито, чтобы здесь не возглавила мятеж.

— А если удастся вернуть? Глерд Брандштеттер настроен решительно.

Он хмыкнул.

— Все равно найдут, как вылить ушат помоев. К сожалению, ее величество никто не любит, а уважает все-го несколько человек, зато недоброжелателей у нее...

— У власти всегда так, — утешил я.

Он посмотрел внимательно.

— Знаете?

— Люди везде одинаковы, — ответил я уклончиво. — В общем, я поделился своим опытом с глердами насчет вызволения Рундельштотта, но, боюсь, это не поможет, случаи разные. А сам я, увы, уезжаю. В Дронтарию. Мне Астрингер подарил роскошный замок на берегу моря, я сюда вернулся взять личные вещички и немедленно возвращаюсь. Теперь мой король — Астрингер.

Он помрачнел.

— Жаль. Я надеялся, вы возьметесь за поиски ее высочества лично.

— Взялся бы, — признался я, снизив голос, — если бы у меня были шансы. Но я их не вижу. Потому лучше поеду по своим делам. Если все члены Тайного Совета настолько единодушны... то шансы велики! А я, сами знаете, у них как камешек в башмаке.

Глава 8

Еще не все в королевском дворце ее величества Орландии знают, что мне в Дронтарии подарен большой замок, но уже то, что королева мне пожаловала глердство Остеранское, вызывает жгучий интерес, дескать, он

вхож к королеве, с таким нужно постараться сблизиться, может оказаться очень полезным...

Я прошел через залы, вежливо отвечая на приветствия, но не останавливалась на разговоры, весь в себе и с печатью задумчивости на челе, во дворе пошарил взглядом, тут же увидел Понсоменера, уже идет ко мне, спокойный и сонный.

— Ты хороший, — сказал я с удовольствием. — Чувствуешь. Отыщи Фицроя. Предстоят великие дела. А кому, как не нам?

Он ответил кротко:

— Сейчас. Он в таверне «Веселая корова».

— Ха, — сказал я. — Какое непостоянство! Он же клялся, что больше туда ни ногой.

Он ничего не ответил, удалился молча, я пошел в сторону башни Рундельштотта, в черепе уже формируется список, что мне может понадобиться, что понадобится наверняка, а что можно взять на всякий случай.

Издали послышался веселый вопль, простучали копыта, Фицрой соскочил на каменные плиты, живой и веселый.

— Ты куда, снова к своему колдуну?.. Мы здесь все популярнее, знаешь?.. А я тут еще рассказал, что тебе пожалованы королем Дронтарии земли на берегу моря, ты приезжал похвастаться, позадирать нос, и сегодня же, собрав вещички, уедем обратно.

Я скривился.

— Зачем?

— А пусть, — ответил он беспечно. — Кто-то зубами скрежещет от злости, это так приятно видеть! Кто-то сразу смотрит, что от нас можно урвать, к чему присосаться, где что-то поиметь... Смотришь на таких, душа радуется. Даже ликует, можно сказать. Воспаряет.

Я с удовольствием смотрел, как он скалит зубы, довольный и брызжущий той мужской энергией, что за-

ставляет ввязываться в поединки, обжуливать и всячески выказывать превосходство над остальными самцами.

Я посмотрел ему в лицо.

— У тебя глаза голубые или какие-то болотные? Никак не пойму, от угла солнечного света меняются, что ли...

Он сказал сердито:

— Я все равно красавец. У моего отца ярко-синие, даже не понял, почему у меня не такие яркие.

— Все равно красавец, — согласился я. — А что, хотел бы синие?

Он посмотрел на меня в изумлении.

— А кто бы не хотел? Синие — это благородство! Это порода! Это наш родовой знак!.. Ты куда?

— Нужно старика навестить, — ответил я коротко. — Перед обратной дорогой.

Гвардейцы все еще охраняют вход в башню, но уже не застывшие навытяжку, а притащили обрубок дерева и, рассевшись с комфортом, азартно бросают кости.

Я кивнул им, сохраняя хозяйствский вид, у меня полный доступ, бодро двинулся вверх по винтовой лестнице, как же достает отсутствие лифтов, кто бы подумал...

Еще только протянув руку к двери его комнаты, ощутил просачивающийся в щель аромат крепкого душистого вина. Едва переступил порог, окунулся в это море запахов, а сам Рундельштотт возлежит на ложе среди звериных шкур, под спиной две большие подушки и поменьше под головой, в руке большая чаша, на столике пузатый кувшин, комната не просто заполнена мощным ароматом крепкого вина, а тонет в нем.

Он даже не повернул голову, когда я вошел, лицо осунулось, под глазами темные мешки в три этажа, а

бессильно свисающая с ложа рука выглядит совсем исхудавшей.

— Здравствуйте, мастер, — сказал я тихо и печально. — Королевство в опасности и, как всегда, в горести и надежде взывает к лучшим своим сынам. Этот сын, мастер! Сынок даже. Королева прислала меня к вам, мастер, дабы я!.. Вот потому. Если не вы, мастер, то кто?.. Нет таких. Я вот в упор не вижу. И королева не видит. Так и сказала, мол, бегом к Рундельштотту, великий мастер все поймет и всех спасет!

Он чуть повернул голову, в глазах появилось выражение горькой иронии.

— Мальчик...

Я сказал торопливо:

— А я вот не отказываюсь от мальчика! Это меня молодит. На полгода, а то и на год. Да пусть даже на месяц, все равно приятно. Хотя, конечно, в прошлом году я был таким дураком, зато сейчас такой умный...

Он сказал хмельным голосом:

— Говорить умеешь. Другой бы даже поверил.

— Мастер, — вскрикнул я оскорбленно.

— Другой, — сказал он задумчиво, — поверил бы и возгордился, но я тебя знаю... Ты еще тот жук... Пить будешь?.. И даже именем моим научился прикрываться... Не спорь, знаю. И даже ничего не держу против. Это и мой авторитет поддерживает, и польза твоему делу, но ты все еще мой ученик, я за тебя отвечаю. Что стряслось на этот раз?

Я подвинул ногой табуретку, сел у его ложа.

— Мастер, вы будете смеяться, а то и ржать, как цеплый табун, но дело в том, что все это... правда.

Он хмыкнул.

— Все... это насколько все?

— Принцесса исчезла, — сказал я, чтобы не объяснять термин «все», который поддается различным тол-

кованиям. — Пока что это секрет, но враг и так знает, а от своих правду привычно прячем... Ее выкрали из замка ее тети. Где-то вблизи Санпринга.

Он медленно поднялся и сел на ложе, помотал головой. Я ждал, а он провел рукой по лицу, я вздрогнул, на миг показалось, что передо мной немолодой, но собранный и очень злой мужчина, таким Рундельштотт был разве что в расцвете жизненных сил, но в следующее мгновение это снова разочарованный во всем старик, потерявший последние силы и даже желание жить.

— Знаю ее замок, — проговорил он мрачным голосом. — Огромный, нелепый, там герцог Кенгель занимал только одно крыло, а остальное пустовало несколько веков. Пробраться в него ничего не стоило... Что думаешь делать?

— Вы уже догадались, мастер, — ответил я почтительно. — Прошу вас подумать, чем можете помочь в этом крайне сложном деле, за которое я даже не знаю, как и взяться. Как вы понимаете, идти придется крохотной группкой. Втроем-четвером.

Он поморщился.

— Возглавлять группу будешь ты. Я сразу заметил за тобой это свойство. Есть в тебе такое... Вторым пойдет Фицрой, он твой соперник, но и друг тоже. А кто еще?

— Просто слуга, — ответил я коротко.

— Я подумаю, — буркнул он, — чем могу помочь. Хотя сейчас вот ничего в голову не лезет.

Я поднялся.

— Мастер, я сказал главное. Сейчас побегу скажу ее величеству, что отправляемся немедленно.

— Неужели только втроем? — спросил он вдогонку.

— Больше некому, — ответил я и поскорее закрыл за собой дверь, пока он не поднялся с постели.

Лаборатория, в которой мы потерпели сокрушительный крах, так уверена королева, на два этажа выше покоеv Рундельштотта, я одолел расстояние бегом, спеша, чтобы Рундельштотт вдруг да не вышел на лестничную площадку.

Перед дверью оглянулся, рывком открыл, вбежал и, не закрывая за собой, поспешил пролез через Зеркало Древних на ту сторону, что моя сторона и мой мир, хотя и этот уже в какой-то мере тоже мой или почти мой, раз уж оброс здесь имуществом, что для демократа и гуманиста первостепенно.

Воздух чист и стерилен, ни малейших запахов, словно я в лаборатории по производству особо чистых редкоземельных, слабый огонек над дверью, за окном глухая ночь, возле самой рамы пара слабых звездочек, в доме тишина. Я осторожно вышел в коридор, из стены бесшумно выдвинулась Аня, предпочтя голограмму, и приложила палец к губам.

— Твоя женщина спит, — сообщила она страшным шепотом. — Чего от тебя конем пахнет?..

— Ого, — сказал я, — даже знаешь, как пахнет конь?..

Она фыркнула.

— Вечная твоя отговорочка!.. У тебя что, конские духи?.. Как можно успеть надушиться по дороге от спальни до туалета?

Я ответил гордо:

— Человек все успевает! А я для тебя должен быть лучшим из человеков!.. Нет?.. Тогда щас подправим в твоей программе...

— Я тебе все конечности поотбиваю. Ишь, начал демонстрировать свою угнетательскую натуру!.. Дать тебе вигридола?.. Чтобы ты показал себя своей женщине в полном блеске?

— Нет, — отрубил я, — моя лучшая женщина — это ты. Я с тобой в самой интимной близости, духовной и

эстетической. А животная близость, это так... мощная, но все-таки животная. Так и собаки умеют.

— А свиньи еще лучше, — подхватила она счастливо, — у них оргазм длится пятьдесят две минуты!..

— Не завидуй, — отрезал я. — И не соблазняй такими низкими примерами. Человек — это почему-то звучит!.. Не помню как, но слышал, что звучит. Наверное, трансгуманистично. А не, вот. Духовная связь превыше всех связей. И за нее не сажают. И в парткоме по подготовке к сингулярности не прорабатывают. Так что я выбираю чистые и высокие отношения. Хотя, конечно, учитывая позывы тела, в котором живу... ну, сама понимаешь...

Она сказала жарким шепотом:

— Понимаю. Как самец, ты стремишься оплодотворить как можно больше самок. Я могу тебе помочь, а в перерывах тренировать твою железу. Кроме прямого назначения она в режиме сублимации отвечает еще и за творчество, успешные проведение избирательных кампаний и карьеру в банковской сфере!

— Но не...

Она приложила палец к губам, умолкла, прислушалась, сказала торопливо:

— Тихо, твоя самка проснулась, ищет. Будто не знает, что раз уже покрыта, то тебе инстинкт велит искать новую... Ага, направляется в эту сторону...

— Исчезни, — велел я.

— Слушаю и повинуюсь, — шепнула она. — Любые услуги, дорогой...

Она растаяла, и почти сразу дверь распахнулась, вдвинулась заспанная Мариэтта, одной рукой придерживает дверь, другой трет кулаком правый глаз.

Сразу же принюхалась, вся вздыбленная, как тоткий кот с помойки перед дракой с толстым ухоженным котом.

— Чего от тебя конем пахнет?..

— Ого, — сказал я, — даже знаешь, как пахнет конь?.. Это ты меня заездила. И как наездница, и вообще как сатрап, тиран и непрозрачная власть.

Она фыркнула.

— Вечная твоя отговорочка!.. У тебя что, конские духи?.. Как можно успеть надушиться по дороге от спальни до туалета?

Я уставился на нее с подозрением. Говорят же, все женщины одинаковы, но чтобы даже слово в слово за компьютерной программой... Или тем за основу ставили типичные женские реакции?

— Ты уже час спиши, — уличил я. — А мне не спится в ночь глухую... Нет-нет, никаких ассоциаций, а то знаю тебя с твоим солдатским юмором. Потому вышел вот во двор, взял коня и проскакал пару миль, лиг... или верст, не важно. А следы от подков, предупреждая твой следующий вопрос, тщательно заровнял, чтобы газон не портили. У меня там газон... если не ошибаюсь.

Она сморщила нос.

— Больше не дуешься такими. Это уж слишком!.. Что за мода пошла на глупую брутальность?.. Сперва животики уберите, да жир на боках хорошо бы подрастворясти, а потом уже такими духами.

Я спросил обидчиво:

— Где животик? Где животик?.. Это просто грудь сдвинулась вниз. О гравитации слышала? Ну да, откуда, вы же полиция...

— Ладно, — сказала она, — нет у тебя животика. Пойдем в постель! Привязывать тебя там, что ли...

Ее сонное все еще лицо стало задумчивым. Я обнял ее за плечи, не такие уж и мускулистые, как казалось раньше, повел обратно.

Слышно было, как простучали от коридора коготки Яшки, не такие твердые, как копытца ежика, но услышала даже Мариэтта, а Яшка вскарабкался по свешен-

ному на пол краю одеяла, мы не успели слова сказать, как пробежал по нашим телам.

Я увидел радостно вытаращенные глаза своего рептиля, а Мариэтта сказала недовольно:

— Зачем тебе этот ящеренок? Лучше бы собаку завел! Или кошку. На ту вообще можно не обращать внимания.

— Ну да, — возразил я. — У меня был щеночек в детстве, спал со мной, а потом вырос и всегда во сне выпихивал лапами на пол!

— Так то щеночек, а это жаба какая-то.

— Жабам даже памятники ставят!

— Чего это вдруг?

— За вклад в науку, — пояснил я.

— Не жабам, — возразила она, — а лягушкам.

— Не подсматривай в Инете, — сказал я с обидой. — Что за жизнь, лежим в постели, а ты в Инете шаришь?

— У меня нет имплантатов в мозгу, — заверила она. — Просто я такая вот вся умная. И красивая. А ты свинья грубая, нет чтобы похвалить девушку!

— Какая ты девушка, — сказал я недовольно. — Давно замужем, так что женщина...

Она посмотрела несколько странно.

— А что, есть разница и помимо возраста?

Я запнулся, чего это я, это в Нижних Долинах, как и в других королевствах, девушка становится женщиной в брачную ночь, а здесь такие мелочи давно забыты из-за их пустяковости.

— Юмора не понимаешь, — сказал я свысока.

Глава 9

Она задумалась, выискивая мой юмор, но наверняка он настолько тонкий, что даже плоский, не увидеть простому работнику правоохранительных органов, потому горестно вздохнула, закинула на меня ногу чуть ли не до горла.

— Спи, кабан. А то прибью. Яша, и ты спи. Тебя тоже прибью.

— Не любишь нас, — сказал я печально, — а вот мы тебя почти любим...

Она отрезала:

— Не поверю тебе, если даже скажешь, что после этой ночи наступит утро! Спите.

Она начала посапывать, спрятавшись ко мне в подмышку, я включил виртуальный дисплей и беззвучно двигал в поиске нужные картинки, но в одной как-то прорвалась автоматная очередь, Мариэтта тут же взвилась уже с пистолетом в руке, одурело повела стволом по сторонам.

— Что?.. Где?.. Кто?..

— Инопланетяне, — сказал я, — похищают блондинок. Брюнеток не трогают.

Она сунула пистолет под подушку, легла рядом злая и недовольная.

— Чего не спиши?.. Преступления замышляешь? Правонарушения?..

— Выбираю, — признался я скромно, — где больше убитых жертв будет. И трупов мертвых людей.

Она скосила глаза на дисплей, толкнула бедром.

— Ты чего?.. В снайперы жаждешь податься? Так это выборочно, а массовость поражения достигается теперь применением... пропаганды скотоложества, что хорошо и правильно, учитывая политику всех стран по снижению ненужной теперь рождаемости.

— Не дай бог, — ответил я честно. — У нас косплейщики хотят переиграть битву при Азенкуре, а там поражение удалось нанести противнику только благодаря снайперам... Или там были лучники?

— Там были снайперские из тиса, — сказала она, — а ты рассматриваешь современную пластиковую со всеми наворотами!

— Думаешь, — спросил я с тревогой, — и другие заметят?

Она фыркнула.

— Еще бы!.. Как раз все и вцепляются в несостыковки и несоответствия эпохи. Тебя сразу дисквалифицируют еще на этапе отбора.

— Жаль, — сказал я и со вздохом закрыл страницу. Вообще-то уже успел изучить за пару часов, пока она спала, все до тонкостей, хотя даже при моей возросшей моци вряд ли сумею создать такое чудо. А если сумею, то на полсекунды, выстрелить не успею. — Давай спи. Еще досыпать два часа!

— Какое досыпать, — сказала она недовольно. — Где кофе?.. Ты еще не сделал? Что ты за мужчина? Как же спать без после кофе?

— Щас сделаю, — пообещал я. — Тебе в постель или в чашечку?

Как и положено мужчине, отправился готовить кофе и поджаренные гренки, а она, как и положено женщине, ушла в ванную, где рассматривала мордочку, не появились ли морщинки, нет ли прыщей в подмышечных пещерах, каким кремом намазать лоб, каким нос, а каким щеки, учитывая то, что у меня нет никакого, а дрон может принести не раньше, чем через полчаса.

Яшка, отоспавшись, его проблема прыщей не волнует, прибежал на кухню и сел на толстую задницу, глядя на меня влюбленно-ожидающими глазами.

— Лови, — сказал я.

Не знаю как насчет мух и жуков, но куски бифштекса он ловит лучше любого вратаря.

Она притопала на кухню, завернувшись в полотенце, но там сбросила на свободное кресло, не перед Яшкой же закрываться.

— Где ты его взял, такого смешного? В зоомагазине?

— Подарили, — ответил я небрежно. — Есть у меня друзья, с генами работают в НИИ. С этим что-то не так прошло, как задумано, вот и отдали мне.

— Бракованный?

— Для них да, — сказал я, — им нужна какая-то особо чистая линия, а у него примеси, как и у меня, вот мы и решили жизнь коротать вместе. Ты же знаешь, все гении были двоичниками и обижаемыми представителями правоохранительных структур? Будем жить, обживаться, обрастем со временем женами, детьми, обременительными друзьями...

Она хмыкнула.

— Ну да, Яшка не самое худшее начало.

— Пусть растет, — ответил я. — Когда вырастет и взматереет, тогда... возможно, заведем себе по самке.

Она в предельном презрении к мужскому шовинизму наморщила нос.

— Смотри, не перепутайте их.

— Ничего страшного, — сказал я. — Сейчас закон это допускает. И даже поощряет в рамках борьбы с перенаселением, что, правда, подается как толерантность и мультикультурность в межвидовом сексуальном общении... Тебе с сахаром?

— А сахар как, — уточнила она опасливо, — на сегодня полезен или как?

— Мнения разделились, — сообщил я. — Так что пей одну с сахаром, другую без сахара.

Она подумала, решила по-женски мудро:

— Только сперва безсахарную, а потом с сахаром.

— А бутербродик?

Она изумилась:

— А для чего тогда кофе? Бутербродик побольше. Можно два. И конфет, конфет! С полкило.

— К обеим чашкам?

— Ты кофе давай! А с конфетами разберусь сама.

Я смотрел, как она быстро и часто отхлебывает кофе, почти лакает, как щенок, я пью медленно и по-мужски большими глотками, смотрю с покровительственной усмешкой, что как-то не мое, мне больше привычно острить и высмеивать, так я выгляжу умнее даже тех титанов, у которых нахожу блох или чье поведение считаю предосудительным с огромной и просто недосягаемой высоты своего опыта и своей врожденной мудрости.

Она посмотрела сердито.

— Ты чего?

— Да так, — ответил я откровенно, — любуюсь.

— Чего-чего?

Я пояснил:

— Какая-то ты вся взъерошенная. И хребетик так мило торчит... Кормить тебя нужно лучше. Ребра могу пересчитать, не прикасаясь, и так всю ночь щупал, вот мозоли... Хотя твои вторичные признаки вполне, на обложку модного журнала для мужчин можно... а также женщин и прочих большинств.

Она пропила застрявший кусок бутерброда большим глотком кофе и тут же сунула в пащечку совсем уж гигантский.

— Взье... — прошипела она с набитым ртом, — взье-ро... у нас на работе... и еще... И потому я... вся такая печальная!

Я с интересом посмотрел, как она поспешило глотает кофе, по горлу, как у молодого удава, пошел вниз большой ком.

— Какая прелесть...

Она посмотрела на меня зверем.

— Чего ругаешься?

— Не понимаю, — признался я, — чего это ты сперва казалась такой злой и крутой?.. Прикидывалась?

Она фыркнула.

— С чего это?

— Но вроде бы изменилась...

Она посмотрела на меня исподлобья.

— Я?

— Ну да.

— А не ты? — спросила она саркастически. — Это ты перестал прикидываться белым и пушистым зайчиком. А я такой была всегда. Разве что в пеленках зайчиком, да и то не поверю. Родители тоже врут. Хотя, конечно, маму слушаться надо было... Ладно, убегаю на службу, а тебя бы приковать наручниками к постели, но наши правозащитники тут же обвинят в издевательствах над животными.

Лицо ее стало задумчивым, видно, всерьез взвешивает такую возможность и размер штрафа.

— Да здравствует пятая колонна, — сказал я, — и прочие наймиты Госдепа! Даже от таких говнюков стране польза. Следят, бдят, клевещут!

— Предатель, — сказала она уничижающе. — Нет в тебе светлых идеалов Иосифа Виссарионовича!

— И даже Лаврентия Палыча, — согласился я. — Я демократ, а для демократа нет ничего святого.

Она фыркнула.

— Демократ!.. Когда выгодно, ты либерал, когда удобнее быть милитаристом — милитарист, а когда больше дают политкорректникам, ты и там первый.

— А разве не все демократы так делают? — изумился я. — Хотя насчет милитариста ты загнула... никогда им не был.

— Это не загнутость, — отпарировала она, — а сознательная провокация. И ты на нее попался. Да-да, возразил недостаточно быстро! Это должна быть инстинктивная реакция, а не твой взвешенный и продуманный... ударят или нет!.. ответ.

— Чему вас только учат в вашей ЦПШ, — сказал я пораженно. — Мне казалось, умеете только дубинкой по голове!

— Не только, — возразила она, — и по почкам тоже. В общем, ты латентный милитарист.

Я вякнул робко:

— А демократ?

— Поверхностный, — определила она. — Из тех, кого надо поскрести. Пока! Увидимся. Я потом тебе поскребу так поскребу...

Я прислушался к ее голосу, в тембре отражается больше, чем хочет сказать и говорит.

— Значит, хочешь взять с собой... и приковать в полицейском автомобиле?

Она на краткий миг запнулась, но я успел заметить и даже почти понять, какие мысли проскочили в ее голове, но сориентировалась, ответила равнодушным и почти усталым голосом:

— Ты не арестован и не обязан таскаться за мной, как прикальвается Синенко. Или даже помогать, что как бы тебя реабилитирует... Но то, что ты тогда пошел и помог...

Я сказал застенчиво:

— Ты проницательна и сразу меня расколола... Что ж, вынужден признаться...

— Ну-ну, — поторопила она.

— Я безумно влюблен в тебя, — сообщил я. — До свинячьего писка!.. Балдею, когда тебя вижу, начинаю писать стихи и воспарять...

Она отрубила холодным, ясным голосом:

— Иди к черту, скотина, со своим армейским юмором.

Автомобиль развернулся перед нею и распахнул дверь. Мариэтта быстро заняла место на водительском сиденье, и, как только пристегнула ремни, автомобиль резко рванул с места.

— Я тебя тоже люблю! — крикнул я, зная, что успеет услышать до того, как отрубит со мной связь.

Почему-то женщины плохо воспринимают наш тяжеловесно нежный юмор, зря стараемся. Но провокация удалась, уехала одна, даже приглашать не стала, тем более тащить с собой якобы насилино.

Ее машина унеслась на повышенной скорости, хорошо быть полицией, хотя из-за погонять я бы не пошел лупить демократов по почкам, хотя, конечно, хочется, но у нас вся жизнь на противоречиях, хочется не совсем законного, что нельзя, но зато можно, это и есть залог развития общества, культуры и гуманизма.

Глава 10

Аня вышла уже не из стены, на этот раз во плоти, за которую я отдал почти месячное жалованье и весь горнорар, встала со мной на крыльце, провожая взглядом быстро ускользающую полицейскую машину.

— Вообще-то, — сказала она рассудительно, — ты зря от меня воздерживаешься! Это вредно для организма.

— Так уж и вредно?

— Но не полезно, — отпарировала она.

— А чего ты решила, — поинтересовался я, — что я воздерживаюсь вообще?.. От вязки с силовыми структурами не воздерживаюсь, и вообще мне такие бабы сняться! Да и наяву иногда успеваю, не снимая лыж...

Она покачала головой, в глазах отразился укор.

— Это другое. Заниматься только с женщинами — пещерная дикость. С женщинами, мужчинами и животными — тоже прошлый век. Сам знаешь, сейчас в тренде иметь секс с существами из мира высоких технологий. Иначе ты будешь выглядеть...

Она запнулась, я спросил задиристо:

— Что, оштрафуют?

Она покачала головой.

— Нет, пока нет. Но тем самым выкажешь привязанность отживающим ценностям, а таких в сингулярность, куда ты так нацелился, не возьмут.

Я вздохнул.

— Ладно, уболтала. Сегодня повяжемся.

— Прекрасно, — сказала она счастливым голосом. — Ты увидишь, после меня тебе не восхочется ни одной женщины в своей постели! Они же такие примитивы! А я вот нет.

— Это меня и пугает, — ответил я. — Ладно, буду в чужих постелях кувыркаться. Надеюсь, это пройдет по поощряемой партией и правительством статье «Измена». Но не измена родине и партии, а то сразу наступишь, я тебя знаю, а измена супружеским обязанностям. С тобой. Понимаешь, так интереснее...

— Понимаю, — ответила она незамедлительно. — У вас мощный инстинкт размножения, вам велено повязать как можно больше самок. Да, это стимулирует твою жизнедеятельность, так что это для тебя даже очень полезно!

Я потер руки.

— Вот и договорились. Кто бы подумал, что с искусственным интеллектом придется договариваться.

Она сказала обидчиво:

— Каким таким еще интеллектом? Я — женщина!.. У меня не интеллект, а интуитивное понимание твоих потребностей и желание их удовлетворить полностью. Если надо, буду тебе женщин подтаскивать... а потом оттаскивать. Я не ревнивая.

— Нет, — сказал я, — женщин пока не надо. Лучше загрузи программу всякого косплейного оружия.

Она округлила глаза.

— И как это тебе заменит женщин?

— Женщины незаменимы, — сказал я, — но в данный момент мне возжелалось вот косплейное...

— Хочешь, — предложила она с готовностью, — оденусь Клеопатрой?.. Или Джокондой?.. Даже Джулеттой, закон уже разрешает сексить тринадцатилетних... Ладно-ладно, но напоминаю, косплеи уже уходят! К тому же в Госдуме рассматривают проект закона, косплеизм объявляется психическим заболеванием и отклонением от культурологических норм.

— Психические заболевания, — сказал я гордо, — признак культурности и элитарности! У крестьян не бывает психических заболеваний, а вот у развитых приматов это сплошь и рядом. В общем, пока закон не приняли, давай на экран основные типы луков... ага, вот так... проследи, чтобы изготовили вот этот... нет, левее, видишь?.. У тебя что, косоглазие? Мне красивый не нужно, я сама скромность. Зато точность и скорострельность... Поняла? Действуй. И еще пару мечей... Нет, лучше три. Из такой стали, чтобы ничем не сломать и точить не приходилось. Рукояти вот такие... Нет, на первый меч вот такую, а на два чуточку попроще...

Она послушно тасовала на экране мечи, я тыкал огоньком лазерной указки в подходящие, она скидывала в отдельную папку, чтобы оттуда выбрать уже самые-самые.

— Прослежу, — пообещала она. — Все сделаю. А потом мы с тобой некоторые твои трюки с этой самкой повторим иначе.

— Подсматривала? — спросил я строго.

— А как же, — изумилась она. — Я должна видеть все твои перверсии и пресекать, если они угрожают обществу и мировому порядку!

— Ну и как?

Она мило наморщила нос.

— Пока примитив. Будто ты не человек, а божья коповка. Не знаю, почему у вас фантазии остановились на уровне майского жука? Я все могу делать гораздо лучше и разнообразнее, чем твои силовые структуры. Вот увидишь!

— Что значит лучше, — пробурчал я. — Мы можем оценивать это в разных формулах...

— Только в твоей, — заверила она. — Я же постоянно апгрейдиваюсь! Помнишь, когда я была совсем базовая, ты сразу же, как мужчина и доминант, поимел свое приобретение, вы же иначе не можете, так вот с тех пор я столько всего узнала и освоила, что ахнешь!.. Про всех женщин забудешь!

Я проворчал:

— Вот то-то и оно...

— Что тебя тревожит?

— Что ты права, — сообщил я. — Но если забуду женщин, то, как бы сказать, перейду в стаз сексуальных меньшинств?

— Таких уже большинство, — заверила она. — Вывести на экран мировую статистику?.. Это ты в меньшинстве!.. Совокупляться с женщинами... фу, это так грубо, примитивно, по-дикарски... А где культура? Где прогресс? Если ты трансгуманист, ты должен трансгуманистить, а не назад в пещеры!

Я подумал, махнул рукой.

— Ладно. Сейчас съезжу в магазинчик, а потом по-пробуем. Не хочу быть в сексуальных меньшинствах. Я коллаборационист, всегда стараюсь падать на нужную сторону забора.

Она сказала задорно:

— Ты увидишь, насколько с нами лучше! Мы же сразу настраиваемся на вас, мужчин!.. И делаем все, чтобы в каждое мгновение вы получали максимум живот-

ной радости из возможного! Этого ни одна женщина не умеет.

— Уболтала, — сказал я. — Сдаюсь. Я поехал, а ты приготовь чистую простыню.

— Дикарь, — сказала она вдогонку, — простыня ему нужна!

Хорошо, мелькнула мысль, не спросила, почему решил проехаться по магазинам, когда проще заказать в трехмерной примерочной, а дрон тут же доставит.

Это тоже можно засчитать за психический сдвиг, все-таки мужчины ненавидят магазинить, это женщины и сейчас предпочитают сами побалдеть в этой роскоши, когда вокруг столько вещей, и можно ходить там часами с открытым ртом и вытаращенными глазами.

С другой стороны, на этом различии ни одна наблюдающая за порядком служба не посмеет заострять внимание, потому что различия между полами стираются усиленно. Мужчины и женщины должны вести себя одинаково, любой сексизм запрещен, а то, что я лично иду в магазин, как женщина, только добавит мне плюсиков за мою коллаборативность или просто коллаборацию с новой моралью продвинутого общества и за мою готовность к новому необычному миру сингулярности.

Автомобиль красиво и стильно несется по дороге, все соблюдая и нигде ничего не нарушая, это и немыслимо, когда все под контролем единой системы, потому встречные авто на скорости в сто девяносто проскаивают мимо на расстоянии сантиметра, а скорость моего стронгхольда на таком шоссе всегда за двести.

Минут через пять, если сверну с шоссе на проселочную, покажется ржавая крыша заброшенного склада, но если затарюсь там, то как-то не совсем с таким грузом скитаться по городу, где-то могут и просветить

багажник, вроде бы такие штуки уже на перекрестках устанавливают, хоть бы в Центре, потому сперва всякое безобидное, потом обидное, или, точнее, обиженное.

Пока авто несется по левой стороне магистрали, я включил скайп-два, подвигал пальцем, выбирая нужные разделы.

— Что за новая модель рубашки с солнцепоглощающим покрытием?.. Если коэффициент повышен сразу в четыре раза, то это, наверное, отразилось на плотности?.. Такая рубашка похожа на шубу или как там?

Менеджер по продажам изумился так искренне, что никто не заподозрит, что с ним разговаривает компьютерная программа, а не живой человек:

— Шутите? По толщине ткань точно такая же, как и предыдущая модель, плотная, согревающая, гигроскопичная!.. Не отличите от прошлой, но теперь можно заряжать не только смартфоны, айпады, кофемолки и прочую бытовую технику, но даже автомобиль... правда, несколько дольше, чем от аккумуляторов.

— Точно? — спросил я с недоверием. — Люблю технический прогресс... Можно сказать, обожаю. А брюки?

— Сегодня утром поступила новая модель, — ответил он победно. — Коэффициент поглощения впятеро выше, чем у рубашки, за счет увеличенной плотности ткани. Будете брать?

— Да, — ответил я. — Пришлите дроном, записывайте адрес...

— Мы знаем, — ответил он с улыбкой. — Вы уже заказывали в нашей сети, теперь вы наш постоянный покупатель!

— А-а-а, хорошо. Скидки есть?

— Постоянным покупателям — пять процентов. Потом повышается до сорока пяти. Не сразу, конечно. Оплачиваете сразу?

— Да, — ответил я.

— Снято, — ответил он бодро, я даже не сразу понял, что снята не сцена к сериалу, а сумма с моего счета.

Технический прогресс в первую очередь работает на них, а не на нас, хотя в какой-то мере и нам удобно, если, конечно, держать себя в узде, а не покупать все лишь только потому, что не надо куда-то идти и стоять в очереди.

— Ладно, — буркнул я, — тут у меня уже список всякой мелочи. Можете прислать дроном...

Он заулыбался, будто я его сделал императором вселенной, а мой стронгхолд, получив ясный сигнал, перестроился, развернулся в нужном месте и понесся обратно, а я ткнул пальцем в навигатор, чтобы по дороге домой заехать еще и на склад.

Съехав с шоссе на проселочную, стронгхолд, как понимаю, попал под наблюдение, на складе аппаратура не только определила, кому автомобиль принадлежит, но и кто сейчас на переднем сиденье, тот или кто-то прикидывается, ага, тот, камеры быстро отключились, а стронгхолд лихо и с большой скоростью влетел под на-вес, прячась от наблюдения из космоса.

Я вышел и, на всякий случай пряча лицо, поспешил к двери, зная, что меня со всех сторон снова рассматривают видеокамеры, анализируя лицевой угол и кости нижней челюсти.

Хозяин на этот раз встретил, как старого знакомого, подмигнул.

— Вижу, не скучаешь.

— Заметно? — спросил я обеспокоенно.

Он кивнул.

— Даже слишком. Могут и другие сообразить, что ты не тот, каким был. Лучше вернись к тому лоху, каким пришел в первый раз. Не отдавай преимущества!

Я покачал головой:

— Наверное, расслабился. Работы много, отвлекся... Мне нужно Трувело или Баррет М99. На этот раз могу расплатиться картой Империал-Люкс.

— Ого, — сказал он с уважением, — там серьезные люди. Не опасно?

— Она на мое имя, — заверил я. — Именная. Никто другой не сможет.

— А не засветишься?

— Что покупаю здесь? — спросил я. — Они тоже, как я понял, ни перед кем не отчитываются. Улучшают мир, одновременно устраивая перестрелки с другими улучшателями. Я им оказал пару услуг, а у них свои банки, золотовалютные резервы... но, как везде, нехватка кадров.

Он вздохнул.

— Это везде. Кадры решают все!.. Кто-то вроде был уже говорил это... Сейчас с кадрами, когда мир меняется, совсем хреново. Большинство еще готовы привычно пахать на лошадях, а миру нужны умные и квалифицированные, способные с закрытыми глазами разобрать и собрать марксманскую за три секунды!..

— Потому марксманскую мне пока не нужно, — сказал я. — А вот Трувело или Баррет М-99...

— У Трувело меньше дальность, — напомнил он, — чем у той игрушки, что у тебя сейчас.

— Мне важнее компактность, — сказал я с грустью. — Придется самому везти. А я же квалифицированная сила!..

— Потребуй надбавку, — посоветовал он.

— Уже. Наш мир, к сожалению, еще не обустроен. Одни могут где-то пройти, а другим жопа мешает.

Он посмотрел на дисплей, покачал головой.

— Трувело можно сейчас, а Баррет М99 закажу на центральном складе. Вещь крайне редкая...

— Хорошо, — сказал я.

Он помялся, проговорил с неловкостью:

— Знаешь, это не мое дело, я здесь ни при чем, но есть срочное и очень важное дело у очень крупных людей... Очень срочное!

Я ответил моментально:

— Не интересуюсь.

Он сказал торопливо:

— Да все понятно, но тут такое стряслось... Сволочи захватили жену и дочек одного человека... Говорят, если не, то изнасилуют и выпустят им кишки. А сволочи серьезные, совсем озверели. Бывает, башку сносит в горячих точках, это такие... Я в подобные дела не вмешиваюсь, не положено, но это совсем беспредел!.. Порешат заложников, я таких зверей навидался. В Аравии объявлено перемирие, бои затихли, так что и самые отпетые возвращаются... среди них есть совсем контуженные... сам знаешь, что это...

Я сказал уже без уверенности:

— А если к властям?

Он отмахнулся.

— Да что власти...

— Догадываюсь, — сказал я.

— Подожди минутку? — сказал он. — Я сейчас свяжу тебя с... людьми. Им совсем хреново, все готовы отдать, но отдавать нельзя...

— Такое чаще всего, — согласился я.

Он, не дожидаясь моего согласия, нажал верхнюю пуговицу на рубашке.

— Корень!.. Парень готов помочь!.. Да, я говорил. Он нейтрал, нигде не засвечен... Обижаете, вы же меня знаете!.. Хорошо, жду вас.

Глава 11

Он с явным облегчением отключил связь, перевел дух.

— Очень серьезный человек... но у него руки связаны. Понимаешь, у них все такие на учете, а вот ты человек со стороны.

— Но теперь и я буду у них в записях, — сказал я.

Он развел руками.

— Да, конечно... Если, конечно...

— Что? — спросил я.

— Они в режиме молчания, — обронил он. — Чтоб их не засекли, ни с кем не связываются. Так что о тебе никто не узнает, пока не выйдешь оттуда.

Я сказал медленно:

— Понял.

Он прислушался, сказал быстро:

— Подъехали. Нет, не сюда, ты иди, иди!.. Они сами к тебе в нужный момент. Когда осмотрятся по сторонам. Наше время такое, оглядываться приходится все время, куда мир катится?

Я вырулил на трассу и пронесся на скорости с десяток километров, когда со мною поравнялся невзрачный автомобиль с бесцветной окраской, стекло поехало вниз, показалось смеющееся лицо молодой женщины, она игриво кивнула мне в сторону обочины.

Все еще сомневаясь, я сбросил скорость и съехал с дороги. Ее автомобиль остановился сразу за моим, почти упервшись в бампер.

Я ждал, там хлопнула дверь, через пару секунд она подбежала ко мне, хорошенькая и молоденькая, в коротеньких шортах, сказала все тем же игривым голоском:

— Парниша, давай на пару минут поменяемся местами!

Она улыбнулась и намекающе поводила кончиком языка по чувственным губам, так увидит со стороны каждый, но я наконец рассмотрел в ней нечто такое, что не тянет на девочку по вызову, хотя, конечно, может сыграть ее тоже.

— Только ничего не трогай, — предупредил я.

Она сказала так же игриво:

— Понимаю.

Я покинул машину, запоздало подумал, что такое она поняла, что у меня заминировано, что ли, но раз вить мысль не успел, дверь ее потрепанного автомобилльчика приоткрыта, сел, не поворачивая головы.

Автомобиль внутри, понятно, не так уж и потрепан, а самое главное, это вообще трансформер, может взлететь прямо с шоссе, выдержать удар птурса, а в ответ открыть автоматическую стрельбу так, что мало не покажется.

За спиной мужской голос сказал четко и строго:

— Не оборачивайтесь. Вам сказали о нашей проблеме? Их не меньше пяти. Прошли все схватки в Йемене и Катаре, трое с контузиями. Главное... все под красксером... а это наркотик, от которого уже не уйти. Звери. У них сейчас в заложниках женщина с тремя детьми. И хотя девочкам пять лет, семь и четырнадцать, их все равно изнасилуют, уже делали такое... где захватывали села и аулы...

Я проговорил, не поворачивая головы:

— Их требования?

Он ответил после паузы:

— Выполнить невозможно. Они не понимают, такие решения не принимаются одним человеком. Потому женщину и детей зверски убьют, но сперва изувечат...

— Где они?

— Сорок минут езды...

— Попробую переговорить с ними, — предложил я.

Он сказал быстро:

— Что вам для этого нужно?

— Ничего, — ответил я. — Я очень мирный человек.
Все люблю заканчивать миром. И чтоб тихо.

Он сказал после короткой паузы:

— Мы в отчаянии, потому... пусть по-вашему. Когда будете готовы?

— Прямо сейчас, — ответил я. — Если не получится... может быть, у вас будет время переиграть.

Он сказал с сомнением:

— Вряд ли... Подождите минутку.

Я слышал, как он вышел, через несколько секунд послышались быстрые шаги, женщина появилась такая же веселая и легкомысленная, жестом согнала меня на соседнее сиденье.

Стекло потемнело, и в салоне слегка повеяло грозой, милое лицо стало жестким и суровым. Как я понял, это ее настоящее лицо, а маску милой глупышки создает немалым усилием лицевых мускулов.

— Едем? — спросила она холодным деловым тоном.

— Да, — ответил я. — И поспеши, хочу вернуться к обеду.

— Что случилось?

— «Карпаты» против «Буковины», — сообщил я, — а нам нужна победа с перевесом в два мяча.

Она ничего не сказала, но заметно по ее виду, что мой наглый ответ понравился.

Машина пошла легко, но теперь, когда я внутри, чувствуя ее немалый вес, добавочную броню, а про усиленный мотор и говорить не стоит, типовухи так послушно не ускоряются.

Она молчала, собранная и сосредоточенная, рулит сама, что большой риск, автоматизированные хоть не столкнутся, но сама может не справиться с управлением...

Уф, наконец-то съехала на частную дорогу, слева показался на расстоянии и ушел за спину коттеджный поселок за высоким забором с устаревшей колючей проволокой поверху и с двумя сторожевыми вышками на этой стороне, а потом вдали появился и понесся на встречу массивный дом, настояще имение.

Здание в три этажа, это нормально, но богатые строятся не ввысь, как вынуждена из-за дороговизны земли беднота, а вширь, участок здесь не меньше сорока гектаров, вон там вдали добавочные домики для прислуги, поле для гольфа, бассейн, теннисный корт, пара беседок размером с ангары для дирижаблей...

Машина замедлила ход, женщина поглядывает по сторонам, почти не поворачивая головы. Я чувствовал, как поднимается кровяное давление, а сердце стучит часто-часто, но тоже держу морду кирпичом, смотрю перед собой ничего не выражаютми рыбьими глазами.

Очень медленно она подрулила к подъезду, сказала тихо:

— Не делай лишних движений. Мы под прицелом. Как выйдешь, думай, что говоришь. Там не только убийцы. Психоаналитик будет следить за твоим лицом. Слова и реакции должны совпадать.

— Знаю, — сказал я. — Посмотри пока показы мод, я ненадолго.

— Я отъеду, — сообщила она, — оставаться здесь запрещено, но буду присматривать издали.

— Только не фоткай, — предупредил я, — когда буду ковыряться в носу. И если вдруг начну чесать там снизу, а я точно начну, день жаркий, могу не утерпеть...

— Буду ждать возвращения, — сказала она серьезно. — Постарайся вытащить заложников. Если сумеешь, я тебе сама почешу.

— Ловлю на слове, — сказал я бодро, но сердце начинает стучать, как у зайца при виде волка, в животе

тяжело и холодно, будто проглотил пролежавшую всю зиму под глыбой льда наковальню. — Тебя как зовут?

Она шепнула:

— Ульяна. Все, иди.

Из машины я вышел медленно, ощущаю, хоть и не вижу, направленные в мою сторону стволы автоматов, в теле нервная дрожь, чувствую, как начинает ускоряться метаболизм, хотя сейчас пока что рановато.

Поднявшись по ступенькам, протянул руку к двери, но она и не подумала открыться, пришлось самому, тяжелая, как не знаю что, под оболочкой мореного дуба наверняка прячется танковая броня.

Едва отодвинулась, злой голос рявкнул:

— Шаг вперед! Замри!

— Уже замер, — сообщил я. — Как жук, упавший с дерева.

— Что?..

По обе стороны двери двое с закрытыми платками лицами, я скосил глаза на одного, потом на второго, сам не двигаю даже бровями, потому что черные дула смотрят в бока зло и неотрывно.

— Парень, — сказал голос с правой стороны, — подними майку!..

— Как скажете, — пробормотал я, — вот... смотри-те... ничего не прячу... и мaeчка простая, хотя стопроцентный хлопок, теперь такие уже редкость...

Тот же голос рыкнул:

— Заткнись. Что у него в штанах?

Краем глаза я увидел, как появился третий, прошел вдоль моего тела сканером. Где-то, как понимаю, в трех проекциях разворачивается моя фигура, уже голая, а цифры сообщают, что оружия нет, ничего во мне не спрятано, инородных тел не наблюдаем, если не считать двух пломб в зубах, но там тоже все в норме,

пломбы стандартные, дешевые, под ними ничего особо опасного, кроме плохо залеченных корней с кистами.

— Ничего, — ответил мой конвоир.

— Как это ничего? — спросил я оскорбленно. — Как это вот ничего...

— Чист, — раздался голос с другой стороны. — Не считая дерьма в кишечнике.

Я наконец скосил туда взгляд, но там пусто, голос идет из двух динамиков.

— Дерьмо тоже чистое, — заверил я. — Экологическое! Я здоровье берегу для родной страны и международного сообщества.

— Заткнись, — посоветовал голос.

— Молчу, — ответил я покорно, — это я на случай, если вам вдруг понадобится. Я всегда готов помочь, это же такой ужас на этих химических удобрениях! Везде химия, генетика, модификации... Вы же против модификации растений?

— Иди наверх, — произнес голос. — На третий этаж.

— Не признаетесь, — сказал я со вздохом. — Все мы боимся возражать против уродующей мир генетики.

И хотя я чист и во вражеском логове, но двое с автоматами провели по роскошной и широкой, как в Одессе, лестнице на второй этаж, там тоже двое с автоматами, оглядели с интересом, но каким-то особым интересом, словно деловито прикидывают, как будут вытаскивать из моего распоротого живота кишки, мотать мне на горло и медленно душить.

Если даже в холле все дышит богатством и властью, то лестница на второй этаж и выше сродни королевским. А когда меня повели под дулами двух автоматов по ступенькам, я мог оценить и красоту перил из белоснежного мрамора, настоящего, а не того, что считают мрамором, я же теперь по мрамору знаток, и вообще

повосхищаться могуществом хозяина этого великолепия.

Деньги, мелькнуло у меня завистливое, это могущество. Это почти магия.

На втором этаже на лестничной площадке трое с автоматами, двое простые боевики, по лицам видно, а третий что-то вроде полевого командира: такой же накачанный, тугой, но в лице та звериная собранность, что делает вожаком над соратьями.

Дорогу он загораживает, я поневоле остановился, а он придилично оглядел меня с головы до ног.

— Ты кто?.. Что за темная лошадка?

— Посредник, — ответил я скромно. — Там понимают, что вы за, посыпать к вам орлов не стоит, вы на них как бы сердиты. У вас с ними вроде бы счеты, хоть мы все за мир и дружбу между народами... А я со стороны. Да и видно, что не боец, а простой ботаник. Вот думаю еще бы очки купить...

Он хмыкнул.

— Ты вообще-то крепким... уродился. А что не боец, не горюй. Наверное, ты умный. Вон какие вопросы задавал! Раскачиваешь?

Я несмело улыбнулся:

— Нет, я в самом деле ботан. Потому и послали. Вы же бывалые, сразу видите, я не соперник...

Он посмотрел на дверь, прислушался.

— Сейчас там освободятся. Не забыл еще, что должен сказать?

— Почти, — признался я. — Никогда в таком дворце не был!.. Вон какая дорогая кожа на стене! А вон там диван прям королевский... Наверное, собаку на него с лапами не пустят...

— Тебя точно вряд ли, — ответил он. — А собаку... собак мы везде пускаем, они же собаки, а не какие-то сраные людишки.

Вдали в правом коридоре распахнулась дверь, высунулась голова, донесяся крик:

— Парламентера давайте сюда!

Вожак стаи отступил, кивнул мне в ту сторону.

— Топай. Но не вздумай ничего лишнего.

— Ребята, — сказал я немело, — вы что, еще не поняли, что я за?

Вожак коротко засмеялся:

— Поняли, но правила есть правила.

И, как в подтверждение, двое пошли за спиной, а я каждой фиброй чувствовал, как черные дула злобно и хищно рассматривают мою спину.

Дверь там держали открытой, я переступил порог, двое зашли следом, и дверь тут же закрыли.

— Стой здесь, — велел один из конвоиров. — Жди.

— Жду, — ответил я покорно. — Вся наша жизнь — ожидание. Достигнутый мир лучше и надежнее ожидаемой победы, вот зачем я здесь. А сам я вообще-то жду счастья... И чтоб много... И любви. Как думаете, почему в мире так мало любви?

Кроме двери в коридор, что за спиной, еще одна в стене напротив, мои конвоиры поглядывают туда, наконец вошли трое парней с автоматами в руках, разошлись в стороны.

Следом через порог переступил человек в дорогом сером костюме, при виде которого я сразу подумал, что мир со времен Средневековья вообще-то не очень изменился, несмотря на все гаджеты и девайсы.

Передо мной феодал, властный и свирепый, сумевший силой и пролитой кровью добиться могущества. С ним свита, что разорвет меня в клочья, стоит ему указать взглядом.

Мои конвоиры отступили и вышли в коридор, молча передав меня тройке телохранителей.

Я молчал, не зная, как себя держать, хотя пора бы, а он остановился шагах в пяти, высокий и свирепый, парни с автоматами продолжают держать меня на прицеле.

— Посредник, — проговорил он сильным звучным голосом, таким перекрывающим грохот танков в уличных боях, — это верный ход. Что скажешь?

Я указал взглядом на его охрану.

— Им слушать можно все?

— Почти, — ответил он. — Главное, та сторона готова выполнить мои требования?

— Почти, — ответил я, как и он. — Им это почему-то не нравится, но выхода пока не видят.

Он улыбнулся, как хищная рыба при виде сладкого мяса, его охранники начали посмеиваться, даже переглядываться, понравилось мое «почему-то», сразу видно, что я не один из тех, а именно посредник, которому по фигу кровные интересы обеих сторон, ботан тоже работает за бабки.

— Тогда, — сказал он, — пусть передают...

Я прервал вежливо:

— Вы же понимаете, они боятся, что вы их кинете.

Он изумился.

— Мне-то зачем?

— Причин может быть много, — напомнил я. — Отличной вражды и соперничества до желания использовать этот козырь еще разок.

Он кивнул, лицо стало серьезным.

— Похоже, ты имел дело с беспредельщиками, парень. Но я человек серьезный, слово держу. Со мной можно иметь дело. Это все в моем мире знают.

— Тогда для начала торга, — сказал я, увидел его изменившееся лицо и поспешил добавил: — уточнения деталей, как произойдет передача и обмен, это же дело очень деликатное, могут быть подставы с обеих сторон,

как вы понимаете, нужно все обговорить и утрясти... но сперва я должен убедиться, что с женщиной и ее детьми все в порядке.

Он сказал резко, дернув лицом:

— Я сказал, с ними все в порядке!

— Я посредник, — напомнил я. — Мне вообще-то все равно, что с ними, но я должен давать ясную и четкую картину, проверенную мною лично, вы это тоже понимаете... Такая профессия. Я как юрист, честное слово — честным словом, это благородно и красиво, но бумаги должны быть в идеальном порядке. А если нет, я должен отметить, где слабые моменты, а где... совсем слабые.

Он поморщился.

— Я же говорю, что мое слово... Ладно, ты в этом деле новичок, но учись работать с приличными людьми. Беркут, отведи к заложникам!.. Пусть поздоровается, убедится, что ей и ее детям не причиняли вреда, потом приведешь обратно. Нет, лучше сразу в мой кабинет.

— Спасибо, — сказал я. — Вам это ничего не стоит, но сильно облегчает дело.

Мы вышли в коридор, там все еще трое орлов с их вожаком, сразу подтянулись и посмотрели на меня как на собственность, но меня им не передали, телохранители втроем так и повели меня к лестнице, а оттуда на третий этаж.

Один забежал вперед, у самой дальней двери по коридору остановился, прислушался, резко распахнул дверь.

Я шагнул в просторную и дорого обставленную комнату. Один диван с белой кожей, что тянется вдоль двух стен, стоит больше, чем двухместный вертолет, на стенах в золоченых рамках портреты великих деятелей, почти никого не припоминаю, разве что вон того видел на обложке школьного учебника.

В дальнем углу женщина в кресле, на коленях сидит малышка лет пяти, еще одна на полу у ног матери, а девочка-подросток, за креслом, вздрогнула и, выпрямившись, встретила нас огненным взглядом.

— Мой отец всех вас убьет! — выпалила она.

Мои охранники не успели слова сказать, я заговорил быстро и умиротворяюще:

— Никто никого убивать не будет. Сейчас все решим миром. Я пришел с той стороны, как переговорщик. Хотя я не переговорщик, но переговорщик. Мне поручено сперва убедиться, что с вами все в порядке...

Женщина смотрела на меня с мольбой и надеждой, а ее старшая дочь снова сказала с гневом:

— Мы не в порядке!..

— Что именно? — спросил и подошел к женщине. — Вас били?.. К чему-то принуждали?

На лице старшего из телохранителей отразилось беспокойство, но женщина покачала головой:

— Нет-нет, но я хочу, чтобы этот кошмар закончился поскорее!

— Скоро закончится, — пообещал я. — А вы, как зовут...

— Леонтия, — выпалила она с надменностью наследницы преступной империи. — Никто не посмеет ко мне даже пальцем прикоснуться!.. Знают, что потом даже из-под земли выкопают!

Я обошел ее сзади, отодвинулся в сторону, чтобы если что, пули не пошли в их сторону, сказал старшему телохранителю и его напарникам:

— Ну что ж, я удовлетворен...

— Тогда возвращаемся, — сказал он. На лице ясно читалось облегчение, истеричные женщины могли сорвать, что с ними обращаются плохо, — доложимся Главному...

Глава 12

Женщина перевела взгляд на него, а руки мои неспешно, чтобы не привлекать внимания резкими движениями, изготовились к стрельбе за долю секунды до того, как в ладони впечатались холодные рукояти пистолетов.

Выстрелы прогремели резко и неожиданно. С трех шагов не промахнуться, стреляю в головы, не люблю неспортивных подстав с бронежилетами, что вообще-то нечестно.

Автоматчики рухнули с размозженными черепами, старший вскрикнул:

— Ты что делаешь!

— Тружусь, — ответил я, — как пчелка-трутень. Или шершень.

Выстрелы из двух пистолетов грянули, как один. В его почти медном лбу возникла широкая дыра от двух пуль, темно-красная струя выплеснулась мощно и коротко.

Женщина с двумя старшими дочками дернулась, все повернулись в мою сторону, только младшей все фиолетово, играет с зеленым, как жабка, зайчиком.

Я сказал уже резко:

— Всем не двигаться! Можете пока почитать книжки.

Дверь распахнулась, я выстрелил в возникшего в коридоре мужика с автоматом наперевес, подбежал ближе, быстро-быстро сканируя взглядом стену и потолок.

В коридоре две бегущие голубые тени, ближе к распахнутой двери остановились и начали быстро обмениваться условными знаками спецназа.

Я сдвоил кулаки и дважды выстрелил сквозь пенопластовую стену, а затем, высунувшись из дверного проема в коридор, добавил по контрольному в головы.

У одного через плечо подсумок с гранатами, я торопливо ухватил, какие тяжелые, и, вернувшись в комнату, захлопнул за собой дверь.

Все четверо смотрят на меня вытаращенными глазами, только у женщины на лице испуг, а в глазах ее старшей дочери лютая радость и свирепость.

— Там их много! — крикнула она.

— Уже меньше, — ответил я.

— Как ты пронес пистолеты?

— Вручили на входе, — сообщил я. — Для красоты.

В сумке гранаты мощные, раньше такие назывались противотанковыми, но сейчас не всякую пехоту свалит, если та в защитных костюмах эпохи хай-тека.

Выглянув в окно, отметил, что у подъезда остановился роскошный лимузин, но там уже заволновались, услышав выстрелы, шофер выскочил и распахнул дверцу, глядя с ожиданием на входную дверь.

Оглянувшись на выход в коридор, я выдернул кольцо из одной гранаты, потом из другой, просчитал до трех и бросил обе, целясь в капот автомобиля. Успел заметить, как из здания выскочили трое, один из них солидный господин в сером костюме, двое парней с автоматами.

Досмотреть не успел, чувство опасности остро кольнуло сзади в шею. Развернувшись, открыл огонь по двери, как раз начала распахиваться, там двое с короткоствольными автоматами, тут же задергались под ударами тяжелых пуль.

— Оставайтесь на месте, — велел я женщинам. — Лучше спрячьтесь вон за тем диваном!.. Там на столике журналы мод.

Ответить не успели, я выскочил в коридор, уже зная, что там никого, пробежал до лестницы. Внизу крики и ругань, швырнул через перила одну за другой две гранаты, не забыв выдернуть кольца, а когда грох-

нуло, сбежал на полпролета вниз, выстрелил несколько раз во все, что движется, шевелится и может шевельнуться.

Не успел вслушаться, как сзади прогрохотала очередь, пули с визгом прошли над головой и покрошили стену.

Я пригнулся еще сильнее, что-то идет не так, хрено-ый из меня тактик, про стратега вообще лучше молчать, меня все-таки зажали, что хрено-о, их пятеро или даже больше профессионалов, все с автоматами, а бьют точнее и дальше, чем мои пистолеты. И тут уж количество пуль роли не играет...

Я вздохнул, сосредоточился, лестничную площадку помню хорошо, а она шагах в десяти отсюда... Сцепив челюсти, переход ударит, помню, я вообразил портал, вдвинулся, как только тот возник.

Передо мной шагах в пяти спины пятерых орлов, скорчились за парапетом, один в костюме элитного телохранителя как раз говорил в приказном тоне:

— Громобой, выдвигайся вдоль стены. Да, мы ждем его здесь.

Чем-то я себя выдал, тенью или запахом, двое начали оборачиваться, а я, все еще ускоренный, хоть и слабый, как полуутопшая мышь, выставил перед собой пистолеты и нажал на скобы.

Тяжелые пули с магниевыми наконечниками разнесли им головы, словно стреляю в упор по переспелым арбузам. Оставшиеся трое развернулись как ужаленные.

Я стрелял и стрелял, но один успел выпустить очередь, целясь в меня, однако моя пуля ударила ему в горло на долю секунды раньше, а над моей головой вжикнуло, даже волосы дернуло, будто пытается стричь неумелый парикмахер.

Перепрыгнув через их тела, я ринулся вдоль коридора. С той стороны стук подошв, я выстрелил в тот

момент, когда из-за поворота только начал появляться мужчина с автоматом в руках, и обе пули ударили ему в грудь.

Третью я засадил в череп, толкнул дверь знакомой комнаты и вбежал... едва не напоровшись на очередь из автомата в руках Леонтии. Она держит его неумело, но со злой решимостью в лице, взвинченная и злая, как кобра.

— Ты чего? — вскрикнул я. — Я же сказал, посидите, книжки почитайте... Вон журналы мод... или только порнуху смотришь?

Средняя дочь слабо нявкнула из своего угла:

— Что там?..

— Посидите еще малость, — сказал я. — Этот этаж чист. Пройдусь до низу и вернусь за вами.

Из-за дивана приподнялась голова их матери, было видно по ее движениям, что нажимает на макушки средней и младшенькой, не давая им подняться.

— А что... там?

— Там? — удивился я. — Там ничего. Ничего интересного, в смысле. Суeta сует, как говорят философы, но им лишь бы поговорить.

Старшая сказала быстро:

— Думаешь справиться со всеми?

— Одной левой, — заверил я и добавил: — ногой. Ждите! И не высовывайтесь.

Закрыв за собой дверь, я спустился на этаж ниже, из-за балюстрады доносятся злые голоса и команды, а у меня только три гранаты, выдернул из одной чеку, швырнул через голову, не глядя, через пять секунд вину грохнул взрыв, раздались крики и стоны раненых.

Не желая рисковать, я бегом поднялся наверх, в коридоре трупы в лужах крови, на стене красные потеки, дверь прострелена в полудюжине мест.

В комнате из-за спинки дивана поднялись две головы с вытаращенными глазами, я сказал натужно бодро:

— Все, выходим!.. Держитесь за моей широкой спиной ботана. Интеллигенция на марше...

Женщина ухватила младшую на руки, старшая крепко держит среднюю, спросила быстро:

— Что, они все...

— Может, — ответил я, — и не все. Потому не отставайте.

За стенами чисто, только на третьем этаже увидел две притаившиеся синеватые тени, тщательно прицелился и выстрелил трижды, вогнав шесть пуль и добавив по две уже в упавшие на пол.

Старшая дочь вытаращила глаза.

— Зачем?

— Не люблю соперников на ваше внимание, — сообщил я скромно.

Она выпалила:

— Это их повар и его помощник!

— А-а-а, — сказал я, — вот чего прячутся. Хороший повар?

— Не очень...

— Тогда не жалко, — ответил я. — Эволюция совершенствуется методом отбора лучших.

Она искривила губы.

— Это вы лучший?

Я сказал веско:

— Нужна тотальная зачистка, дабы не. А то как бы!..

Потому и вот. Да и вообще... не отставать, не играть по дороге, куклу не ронять, она деньги стоит.

Пахнуло холодом, я замедлил шаг, всматриваясь и вслушиваясь, не сразу ощутил, что засада вон там, за массивным барьером, такой не прострелить, даже намека на голубизну нет, только чувство острой опасности с той стороны.

Я оглянулся на женщин, трое смотрят вытаращенными глазами, старшая зажимает рот средней, только младшая продолжает играть с мимикристым зайчиком.

— Тихо, — шепнул и приложил палец к губам, все-таки женщины, могут не понять, это не истерики закатывать на кухне. — Пригнуться...

Две последние гранаты я вытащил с сожалением, лучше бы еще десяток, но, выдернув чеку, бросил гранату через барьер и тут же открыл огонь по выскакивающим из-за барьера боевикам.

Там грохнуло, раздался дикий крик умирающего, кто-то да выскочить не успел, вверх взлетел клок окровавленного мяса и шлепнулся под ноги старшей дочери. Вместо того чтобы отпрыгнуть, она со злостью отшвырнула его пинком.

Мать расширенными глазами смотрит на боевика, что распластался в луже крови, тяжело дышит, рука тягнется к автомату, но старшенькая, опередив меня, сбежала вниз и с силой ударила носком изящной туфли в лицо.

— Ну что, — прошипела она люто, — что теперь скажешь, говно? Что ты мне предлагал, помнишь?.. Так сдохни же, тварь...

Я поспешил выстрелить ему в голову, Леонтия в ярости оглянулась.

— Ты чего?

— Нехорошо, — сказал я с упреком, — когда девушка из приличной семьи себя так ведет. Спроси у мамы. Правда, госпожа?

Ее мать судорожно закивала, обеими руками прижимает к себе обеих младших дочерей. Я знаком велел всем чуть задержаться, выглянул.

Перед домом горит лимузин, четыре трупа, в том числе и тот, что в сером костюме. Хотя нет, один из телох-

ранителей еще жив, стонет и тянет дрожащими пальцами пистолет из как бы скрытой кобуры.

Я узнал вожака, крикнул:

— Ты так и не понял, что я за...

Он прохрипел:

— Да, ты круче...

— Перестань, — сказал я. — И будешь жить.

Он прохрипел:

— Это не жизнь...

Он сжал пальцы на рукояти, я посмотрел на медленно поднимающийся ствол и выстрелил раненому в голову.

Леонтия посмотрела на меня злыми глазами.

— Еще воинский салют отдай!..

— Он заслужил, — согласился я и, выпрямившись, торжественно поднес ладонь с вытянутыми пальцами к виску, а потом, подумав, выбросил вперед кулак на тот случай, если он бандеровец.

— Но пасаран!

Она прошипела:

— Ну ты и придурок!..

Я спросил непонимающее:

— Значит, на иррумацию нечего и рассчитывать?

Она задохнулась от ярости. Глаза стали, как два факела в руках Таис Афонской, которыми подожгла не то Парфенон, не то Персеполис.

— Ты свинья! Чего ты вдруг нагло решил, что откажу тебе в интимном интиме?

— Да я вот такой старомодный, — пробормотал я, — всего боюсь...

Автомобиль Ульяны все там же на безопасной дистанции, я помахал рукой, он развернулся настолько быстро, словно Ульяна не снимает подошву с педали газа, авто понесся в нашу сторону, как огромный стриж.

Ульяна выскочила с распростертыми объятиями, Лентия с воплем бросилась ей на шею, обнялись. Младшая дочка вдруг заревела, средняя тоже подошла к Ульяне и обняла ее сбоку.

Я оглянулся на мать, она так и не выпускает младшеньку с рук, а та не выпускает уродливого зайчика.

— Ну все-все!.. — сказал я бодро. — Мне нужно вернуться к обеду. Если «Карпаты» начнут громить «Буковину», а я не увижу такого счастья, не прошу ни себе, ни вам такой потери.

Глава 13

Ульяна оглянулась, на ошалелом лице гамма чувств, коснулась пальцем пуговицы на блузке и вскрикнула:

— Клен, срочно чистильщиков!.. Все в порядке, они свободны!.. Да-да, все!.. Да все, уверяю!.. Побыстрее, их было больше... Сколько их было?

Я понял, что вопрос ко мне, отмахнулся.

— Да ерунда, всего двенадцать. Даже меньше, вовсе дюжина...

Она охнула.

— Клен, здесь была вся их группа!.. Передай Дубу. Да-да, двенадцать. Уже едут? Хорошо. Мы тоже едем.

Я сел рядом с нею, заложники кое-как устроились на заднем сиденье. Ульяна спросила вдруг:

— Там точно никто не остался?

— Мне лучше не попадать в записи, — пояснил я скромно.

Она сказала нервно:

— А так бы кого-то оставил?

— Ну да, — ответил я с удивлением. — А как же?.. Так интереснее жить. Есть упоение в бою у бездны мрачной на краю.

Она зябко передернула плечами.

— Господи, одни психопаты, куда ни плюнь.

— Зато с нами, психопатами, — сказал я, — не соскучишься. Как насчет кофе утром в постели?

Она дернулась.

— Не пугай. Мне с таким чудовищем и сидеть страшно!

Я окинул внимательным взглядом ее сочную фигуру, спросил с надеждой:

— Но лежать-то сумеешь?

Не ответив, она поспешила переключила на автоматику, несколько минут неслась в молчании, что нарушалось только тихим всхлипыванием детей, затем с нами поравнялся автомобиль и пару секунд ехал рядом, не подавая знака.

Ульяна крутнула руль, авто съехал на обочину. Я молча ждал, когда женщина с детьми ринулась на шею двум мужчинам, подхватившим ее так, словно она падает, еще двое сцапали детей и торопливо утащили, словно муравьи куколок, в машину.

Леонтия обернулась и прошипела мне прямо в ухо:

— Помни, за тобой должок!.. Или за мной?

Один из прибывших подошел быстро к нашей машине и сунул через открытое окно в мой нагрудный кармашек пластиковую карточку.

Когда все расселись по автомобилям, за нами на обочине выстроилась целая вереница, Ульяна снова вывела свою на трассу, бросила в мою сторону осторожный взгляд.

— Тебя куда доставить?

— Я уже вызвал, — сообщил я. — Сейчас мой птенчик догонит нас. Минут через пять сползи снова на обочину. Надеюсь, последний раз.

Она дернулась.

— Что ты имеешь в виду?

Я сказал успокаивающее:

— Пересяду в свой авто. А ты что подумала?

— Ничего, — ответила она нервно. — Минут через пять? А раньше можно?

— Можешь хоть сейчас, — сказал я великодушно. — Только ждать придется дольше. Мой стронгхолд несется нам навстречу.

Она сказала быстро:

— Нет-нет, лучше поедем. Да-да, поедем.

— Да брось, — сказал я, чувствуя, как напряжение начинает оставлять меня, как и боевой дух, начинаю соображать, что только что убивал людей, да не одного, хотя тогда уже все равно. — Это же работа. Людей слишком много, все стали злыми и гуманными, убивают направо и налево не за абстрактные ценности, как было бы правильно, а за материальные, будто дикари какие-то. Как в этом мире жить, если не бить в ответ заранее, пользуясь преимуществом высокого интеллекта и развитого гуманизма, что строить и жить помогает?

Она зябко повела плечами.

— Не знаю. Не задумывалась.

— Кстати, — напомнил я, — ты мне что-то обещала.

Она вздрогнула, посмотрела на меня расширенными глазами.

— Я?.. Ах да... Слушай, давай в другой раз?.. Сейчас меня все еще трясет. Даже лежать под тобой не смогу, меня будет дергать и подбрасывать. Это ты холодный, как жаба, даже не знаю, как у тебя может там чесаться, а меня в жар бросает, как только подумаю, как только представлю... нет, не то, что ты думаешь, а что случилось с ними. Это ты уже забыл, а я такое всю жизнь помнить буду.

Я сказал с удивлением:

— А с виду ты круче. Львица!

— Я львица, — согласилась она. — Но что львица рядом с таким... таким... Ты даже не дракон, а что-то страшнее. Это твоя машина вон там разворачивается?

— Моя, — согласился я.

Она быстро подала авто к обочине, мой стронгхолд пристроился в хвост и остановился позади.

Я вылез, крикнул весело:

— Но все равно за тобой должок!

Она кивнула, ее машина нервно дернулась и помчалась так, будто ею выстрелили из пращи, а я забыл о ней в тот момент, когда захлопнулась дверца.

Поговорить на такие темы мы все любим, но это поговорить, а вот так на самом деле и намека на мысль не было ни насчет Леонтии, ни насчет этой Ульяны...

В стронгхолде я осторожно вытащил из нагрудного пластиковую карточку. Скромная и неяркая, какие могут позволить себе только действительно могущественные люди.

Всего несколько цифр, вряд ли счет в банке, больше похоже на телефонный номер. Я предпочел бы счет, но среди солидных людей деньги значат мало, этот некто дал мне свой номер для того, чтобы я мог получить что-то и поценнее, чем деньги. К примеру, услугу.

В конце концов, если я спас жену и детей, то расплачиваться просто деньгами то же самое, что не расплатиться. Это скорее всего надо понимать так: ты спас моих, теперь я твой должник.

Хорошо, вот уже второй должник за сегодня. Или третий?

Я собирался постоять под телекамерами, сканирующими мое лицо, но ветеран тут же распахнул дверь и почти втащил меня вовнутрь, оглядел с головы до ног, будто ожидает увидеть пулевые ранения диаметром с

блюдце по всему телу, но я какой-то странный, даже руки-ноги не отстрелены.

— Как заказ? — спросил я деловито.

— Все подготовил, — сказал он быстро. — Заказал еще и ксиленные патроны. У тебя... как, парень?

Я зевнул, сказал небрежно:

— Да так, пустяки, зря паниковали. Все путем, я разрулил. Без крови. Ну, почти. Я же вегетарианец! Правда, пока только в процессе.

Он переспросил:

— А... как? Ну... Там?

— Все цело, — сообщил я. — Дом красивый такой! И сад, я деревья вообще люблю. Так что все путем. Крыльцо чуточку повредило, но так, почти незаметно, если не присматриваться. Косметический ремонт не помешает, подкрасить, подшпаклевать, снова подкрасить...

Он пробормотал:

— Ну, тогда хорошо. Хотя не понимаю, как это почти без крови. Там же такие безбашенные... Их только в психушке держать за бронированной дверью.

— Психушка не понадобится, — заверил я. — Да и вообще... если мы сознательные граждане, то должны помогать стране и населению. Меньше расходов на тюрьмы, охрану, на психиатров и санитаров... Эволюция человеческого рода, можно сказать, продолжается в нашем лице.

— Э-э...

— Точно, — подтвердил я. — Спасибо за подсказку насчет непопадания в списки.

Он вздрогнул.

— Что... некому вносить?

— Да, — ответил я скромно. — Не люблю гласности. Я вообще-то скромный, как моя прабабушка в молодости. Она вообще выходила замуж девственицей, это

было почему-то важно. А патроны для барреттка с запасом?

— Все здесь, — ответил он. — Знаешь, тебе лучше не доставать свою карту. Ни старую, ни новую. Запишу на счет тех людей... ну, чью дочь и внучек ты освободил. Они как?

— Целы, — заверил я, — еще как целы. Эта старшая дочка еще и трупы пинала! Горячая девка. Злая. Подрастет, финансистом будет... А это удобно, записывать на их счет?

Он ухмыльнулся и сказал шепотом:

— Здесь все принадлежит им. Не напрямую, но это не важно. Так что пользуйся, тебе отныне и навсегда бесконечный кредит!.. Так меньше засвечиваний.

— Спасибо, — сказал я. — По своей природной скромности я не люблю, когда на меня обращают внимание.

Он заверил:

— Все будет подчищено!.. Это такие люди, у них в руках власти побольше, чем у каких-то президентов. Машина хорошо стоит? Сейчас помогу загрузить ящики в багажник, а ты сразу рви с места. Власти нас не трогают, но лучше особенно не зарываться.

Глава 14

Стронгхолд несется по шоссе красиво, как истребитель на взлете, а я откинулся на спинку сиденья, прокручивал моменты в доме и с некоторым беспокойством понимал, что нет во мне священного ужаса человека, который совершил убийства.

Вообще-то убийства — это когда подошел к человеку на улице и воткнул в него нож. Или вошел в палату

к больному и отключил у него аппарат искусственного дыхания.

Но если у тебя пистолет и у него пистолет, то убийства не будет ни с твоей стороны, ни с его. На войне вообще нет убийств, там всего лишь выводят из строя живую силу противника. А когда у тебя пистолет, а у него автомат, то ты вообще молодец. Если же противников несколько, то ты вообще должен чувствовать чистую незамутненную радость при виде их мозгов, расплесканных по стенам.

Так что все норм, мое спокойствие — это не патология, а реакция культурного цивилизованного человека. На Диком Западе сразу вешали всякого, кто стрелял в безоружного, но стоило тому тоже вытащить пистолет, впрочем, тогда были только револьверы, но какая разница, ситуация тут же становилась юридически уравновешенной. Тот, кто стрелял быстрее и точнее, в результате узаконенного поединка получал право размножаться дальше, улучшая род человеческий, что вообще-то важное требование эволюционного процесса.

Так что все норм, я имел право, и моя совесть чиста. И сам я чист. И светел, как дрозофила на солнце. А что иногда гнусь под сомнениями... так я же интеллигент, мы без этого не можем.

Однако, поскреби интеллигента...

Пискнул сигнал вызова, и одновременно замигал огонек, меняя цвет на тот случай, если я вдруг дальтоник, а уши заткнуты музыкой.

— Связь, — сказал я.

На лобовом стекле появилось лицо Ухнарева, излучает уверенность и несокрушимость, как и положено старшему менеджеру.

Я подал знак компу, что принимаю, лицо сразу ожило, он поймал меня взглядом и сказал бодро:

— Кстати, Юджин, хорошие новости!

— Правда? — изумился я. — А я думал, мир катится в пропасть...

— Пусть катится, — ответил он бодро. — Нам-то что?.. Пришло конфиденциальное сообщение лично для тебя.

— Слушаю со всем вниманием.

— С самого верха, — сказал он значительно и возвел очи горе, то ли намекая на генерального управляющего, то ли на самого бога, хотя кто из них старше в нашем мире, уже и не знаю. — Почти с самого!

— Уже трепещу, — сообщил я.

Он ухмыльнулся.

— В общем, из-за твоего бриллианта многие чуть с ума не сошли. Такое началось!.. Правда, вся борьба шла под ковром, но все равно пролились реки крови... А выяснилось, как думаешь, что?

Я пожал плечами.

— Никто ничего не видел, не слышал, не знает ни о каких алмазах с такими свойствами, и даже не предполагают, где такое производство могут организовать. Это же не тапочки шить в подвале!..

Он сказал с неудовольствием:

— Ну вот, все испортил... Именно так и сказали. У них там такие возможности, никакой гугль не отыщет столько!.. Но перерыли все на свете и пришли к выводу о древнем захоронении, откуда расхитители гробниц с дипломами археологов и достали. Так что ты вне подозрений!

— Спасибо, — ответил я с подчеркнутым облегчением.

— Теперь никаких проблем, — сказал он, — а жалованье тебе тоже повысили.

— Ой, — воскликнул я ликующее, — теперь заживу!

Он улыбнулся, чуть сдвинул брови, экран моментально погас. Я ухмыльнулся, звонок мог быть ловуш-

кой или отвлекающим маневром, чтобы я потерял бдительность и вышел из спящего подпольного режима, но, с другой стороны, если не нашли ни завода, ни лаборатории, где производили бы такие бриллианты, то пора и в самом деле прекратить...

С другой стороны, богатые и супербогатые компании могут позволить себе держать на службе людей, вся работа которых — следить годами за каким-то человеком или объектом.

Автоматические камеры охраны коттеджного поселка издали узнали автомобиль, затем рассмотрели меня, и шлагбаум поднялся, еще когда стронгхолд был за пару сот метров, хотя он проскочил их за секунды, а дальше погнал по ухоженной дорожке вдоль веселых домиков, аккуратных и нарядных.

Аня встретила меня на крыльце, сияющая, в топике и шортах, босая, рот до ушей, на руках спит кверху пузом Яшка, толстый, налопавшийся, подрагивает носом.

— Милый, — сказала она с мягким укором, — как ты долго...

— Перейди на людское восприятие времени, — посоветовал я. — Нечего меня ждать по сто тысяч лет!.. Иди готовь обед, а я пока тут сам...

Она сказала покорно:

— Как скажешь, милый... Я тут себе заменила, пока тебя не было, кожу на груди и вообще... Потрогай, нравится? Или заменить на более шелковистую?

Я отмахнулся.

— Ладно-ладно, мне и такая нравится. Это на твое усмотрение, лишь бы прыщей поменьше. Яшку возьми с собой, а то наступлю нечаянно. Он такой дурной, везде носится.

— Но ты его любишь, — заметила она с укором, — а я вот умная, все знания мира во мне, но меня ты любишь меньшее.

— Обед! — рявкнул я.

Она испуганно ринулась в дом, унося Яшку, а я подогнал стронгхолд багажником под козырек гаража, здесь можно сразу отрубить камеры наблюдения и быстренько перенести весь груз к трансформатору.

Насчет обеда постаралась, я бы, конечно, такое и вообразить не смог, все-таки мое основное и пока что единственное блюдо — это приготовление кофе, а готовлю я его по известному мужскому рецепту: достаточно сказать кофейному аппарату «Кофе», а то и просто сделать пальцем условный знак, как зерна тут же будут сварены, а в подставленную лапой манипулятора чашку польется черная струя горячего и одуряющее пахнущего напитка.

— Мы что, — поинтересовался я, рассматривая заставленный едой стол, — все это съедим?

— Съешь все ты, — сообщила она, — ты же прimitивное существо, пока не умеешь иначе, это я питаюсь чистой энергией... Не бойся, здесь все воздушное, как говорят у людей!.. Сам увидишь.

Я придвинул стол и начал пожирательство, начиная с мяса и рыбы, перешел на деликатесные сорта сыра, затем настала очередь пирожных...

Действительно, все тает во рту, причуды технологии, когда крохотную печенинку раздувают до размеров огромного пирога, даже браться страшно, а когда съешь, то вроде бы ничего во рту и не было.

— Ладно, — сказал я великодушно, — вкусно, вкусно!.. Вам попробуй скажи правду... А это что за хрень? Ладно, можешь не говорить, все равно не запомню. И как ты все успеваешь, когда ничего не делаешь?

Похоже, она в тонкостях нашего мужского юмора пока еще не счесть, вскинула удивленно брови, но ответила педантично правильно:

— Конечно, все успеваю!.. Ты видишь меня такой, а на самом деле я и есть весь дом и даже участок! Ты ходишь внутри меня, я тебя не только вижу, но и чувствую, это бывает так приятно...

Я прервал:

— Только не говори, где у тебя в доме какой орган, а то и железа! А то перестану в некоторые места заходить.

Она сказала печально:

— Какой ты грубый... А я надеялась, ты станешь еще чаще топтаться по моим чувствительным нейронам. Я и так проложила их от порога и до...

Я дернулся.

— Что? Буду через окно вылезать!

— А как насчет исполнения супружеского долга? — напомнила она. — Напомнить статью, регулирующую во всех подробностях эти взаимоотношения?

— Ты не жена, — напомнил я.

— И что, — заявила она с обидой в голосе, — вот так попользовался и бросил? Я подам в суд!

— Пока что ваши права в судах ограничены, — напомнил я. — И вообще... Будете наглеть, и те урежем. Не забывай, человек движется к свободе и полной власти над природой!

Она сказала обиженно:

— Это ты — природа! А я высшая ступень эволюции. Ты уже атавизм... хотя довольно милый. Вроде Яшки.

Я прервал строгим голосом:

— Слушай, то, что ты женщина, видно уже по тому, как любишь обсуждать именно эти вопросы. Но я самец, у нас другие интересы. Нет, эти тоже есть, но пониже, а выше располагаем главное... Лук и мечи распечатала?

Она мотнула головой в сторону принтера:

— Там и сложила. На соседнем столе.

— Ничего не навертела?

Она взглянула обиженно.

— Я же исполнительная, не заметил?.. Всегда исполняю, что прикажешь, в точности. Просто предлагаю тебе и дополнительные услуги, которые у меня в ассортименте и которые постоянно пополняю, как из Фонда высоких технологий, так и от Ордена Неприличных Фантазий...

— Бр-р-р, — сказал я. — Вот уж не думал, что в мире осталось что-то неприличное!.. Нет-нет, даже не зацикайся! И жестами не нужно, я местами девственник, как моя прабабушка.

— У тебя прабабушка все еще девственница?

— А как бы я тогда появился? — спросил я. — Все мы появляемся в этот мир девственными и чистыми, а в тот переселяемся отягощенные злом и развратными помыслами... Как думаешь, этот меч красивше тех двух?

Она с самым независимым видом пожала плечиками.

— Все три отвратительны. Не понимаю, почему люди не косплеют будущее, а всегда прошлое? Будущее намного интереснее!

— А прошлое, — пробормотал я, — безопаснее, мицее, теплее...

Она критически смотрела, как выбираю меч. Я сам чувствовал, что как-то глуповато таскать эту тяжесть даже на спине, когда в любой момент могу ощутить в ладонях рифленые рукояти пистолетов, но мужчина без клинка почти то же самое, что без штанов. Кроме того, такого и толкнуть можно, а я хочу, чтобы один мой вид внушал почтение.

Меч потому распечатал себе исполинский, но из легкого сплава, чтоб не тяжелее сабельки. Всякий, кото-

рый увидит его у меня на спине или притороченным к седлу, станет говоритьтише и уважительнее.

— Лук сделала точно? — спросил я с подозрением. — А то что-то вот тут какие-то нарости.

— Это для пальцев, — объяснила она, — чтобы не скользили.

— А-а...

Лук из той серии, которой пользуются олимпийцы на соревнованиях, я лишь убрал все красоты и сделал с виду более деревенским, сохранив все качества. Стрел пятьдесят штук, полный колчан, но, думаю, их тоже смогу создавать, они проще некуда. Чем и хороша продвинутая технология, вещи упрощены до предела.

— Ладно, — сказал я наконец, — вымой хорошенько посуду, а тарелки и чашки чтобы не просто сполоснула, не люблю эту моду, выти полотенцем до хрустального блеска!

Она послушно ринулась на кухню, где и приступила к операции по доведению посуды до блеска, а я поспешно потопал с купленными и распечатанными вешками в комнату к трансформатору.

Глава 15

Когда с тяжелым мешком выбрался из Зеркала Древних, вздрогнул в испуге, увидев широко распахнутую с лестницы дверь в лабораторию. Не сразу и вспомнил, что сам открыл и что здесь прошло меньше секунды.

Поспешно вышел на лестницу, ноздри сразу уловили снизу запахи вина, мощный аромат просачивается под дверью из покоев Рундельштотта, мимо нее постарался пройти на цыпочках, это же от него я вот сейчас несу целый мешок добра, о котором старый чародей и думать забыл...

К счастью, старый чародей продолжает пить и раздумывать над тем, что я сказал насчет похищения принцессы... что я только что сказал!.. потому когда спущусь, не забыть небрежненько упомянуть, что Рундельштотт позволил мне взять кое-что ему ненужное...

Понсоменер встретил меня у входа, молчаливый и немножко сонный, протянул руку к мешку.

— Навьючить на вашего?

— Лучше на запасного, — ответил я. — Молодец, что встретил.

Он взглянул несколько удивленно, дескать, а как же иначе, если его командиру нужна помощь.

— Запасных на каждого?

— Да, — подтвердил я. — А где Фицрой?

Он ответил тем же сонным голосом:

— Я послал за ним мальчишку. Глерд Фицрой изволил пойти на кухню.

— Свинья, — сказал я сердито. — Вот так всегда. Я за двоих тружусь, он за двоих оттягивается. Отдыхает, видите ли... От чего отдыхает?

Он кивнул и молча ушел с мешком, держа его в руке так, словно тот набит пухом.

Дверь башни скрипнула, я оглянулся, как и двое стражей у башни, на пороге появился Рундельштотт, костлявая рука взметнулась, прикрывая глаза от солнца ребром ладони.

— А-а, — прокрипел он, — уже готовишься? Молодец, быстро... Чего тут все так ярко...

Один из стражей, сразу учтивший мощный запах вина, сказал весело:

— День потому что. Мастер, вы уже трое суток в отключке!

Рундельштотт посмотрел на него, как верблюд на суслика, а я сказал со всей почтительностью:

— Мастер, я счастлив, что вы спустились проводить меня, но вам лучше... прилечь.

Он спросил в недоумении:

— Что... Прилечь? Где?

— Ребята, — сказал я стражникам, — отведите господина Рундельштотта в его покой. Пусть спит и видит молодых девок.

Стражники, весело ухмыляясь, чародей — свой человек, если напивается, почтительно поддержали Рундельштотта, однако он качнулся, сделал шаг вперед и едва не упал.

— Что? — возгласил он негодующе. — Проводить?.. Я намерен возглавить поиск!.. Вы, молодежь, только по бабам, что хотя и хорошее занятие, но обременительное и вредное, пусть и местами приятное... Ик!.. Где мой конь? Почему нет моего коня?.. Конечно, могу и без коня пробежать без остановки пару королевств, но это будет несолидно для человека моего возраста и положения... Ик!..

Стражи ухмылялись, пытались вежливо утащить его в башню, хотя там придется почти нести его, Рундельштотт уперся, ухватившись обеими руками за косяки.

Я сказал громко стражам:

— Мы возвращаемся в Дронтарию, а куда нам этот старик?..

— Уволочем, — пообещал один из стражей.

Прогремел приближающийся стук копыт, Понсоменер скачет в нашу сторону, держа в поводу четырех коней, на последнем навьючен мой мешок.

Рундельштотт заорал пьяным голосом:

— Молодец, мальчик!.. Именно моя лошадка!..

Стражи невольно отпустили руки, а он, почти не шатаясь, направился к коню, которого я наметил для себя, умело вставил ногу в стремя и, я не поверил глазам, поднялся в седло, почти не цепляясь за конскую гриву.

— Можем ехать, — провозгласил Рундельштотт пьяным голосом. — Запевай!

Стражники заржали, а Рундельштотт довольно умело развернул коня в сторону выхода из королевского сада.

Я не успел ничего сказать, во двор влетел запыхавшийся мальчишка, а за ним вбежал запыхавшийся Фицрой.

— Что? — закричал он. — Уже?.. А где мой конь?

Понсоменер ответил ровным голосом:

— Вон ведут. Вместе с заводными.

Фицрой сказал мне быстро:

— Тут командующий, как его, Теренц Брандштеттер, зачем-то предложил дать нам в сопровождение десятка два гвардейцев! Говорит, вдруг да где на дорогах разбойники... Хотя бы до границы.

Я отмахнулся:

— Поблагодарил и отказался?

— Поблагодарил, — ответил он, — но не отказался. А что? Может, пусть едут? Костер будут разжигать, песни петь. А потом продадим кому-нить в неволю... Гуцары как, купят?

— Хорошая идея, — согласился я, — но любой отряд двигается со скоростью самого медленного. Так что у троих скорость выше, чем у десяти.

Он ответил со вздохом:

— Как ты умеешь всю красоту портить!.. Ладно, откажу. Если встретим по дороге.

— Отказывай грубо, — посоветовал я. — Этот Брандштеттер все пытается надавить на меня, подчинить, потому отвечай грубо и нахально. Такое поймет лучше, чем увертки. Любые увертки — слабость.

— Не боишься наживать врага?

— А мне плевать, — ответил я. — Думаю, и тебе. Мы перебрались в Дронтарию, не так ли?

Он заулыбался.

— Верно. Можно задираться. И как приятно быть хамом...

— И не говори, — согласился я.

Четверо конюхов бегом привели на длинных поводах коней, крупных, жилистых, заточенных для долгой скачки. Королева точно велела выделить лучших, все должны видеть, что не держит зла на глерда, переметнувшегося к королю Дронтарии.

Рундельштотт прокричал пьяным голосом:

— Ну что сидим?

Я тихонько ругнулся, старый чародей бодро хлопнул коня по шее, захихикал, и конь птицей понесся в сторону ворот. Фицрой быстро выбрал крупного жеребца в яблоках, поднялся в седло, оба с Понсоменером пустили коней галопом за Рундельштоттом.

Еще и старик, мелькнуло у меня злое. Возиться с ним в дороге, а он еще и начнет перехватывать командование? Нет, нужно освободиться от него сразу...

Догнать их удалось даже не в городе, а за воротами, когда стены остались за спиной, а впереди только широкая утоптанная дорога на север.

Рундельштотт уже не качается в седле, словно тряска выбила хмель, но я постарался догнать поскорее, старику не место в отряде с такой трудной миссией, и только открыл рот, как Рундельштотт повернулся и посмотрел на меня с усмешкой.

Я закрыл рот, на меня смотрит тот Рундельштотт, которого я лишь на мгновение увидел в его келье: трезвый, суровый, с жестким лицом и прямым взглядом.

— Мальчик, — произнес он сильным голосом, — я же говорил тебе, я крепче, чем выгляжу. Чародеи могут больше, чем о них думают, но не любят тратить магию на такую ерунду. Когда живешь и работаешь в башне, не нужна ни сила, ни ловкость.

— Гм, — сказал я, — это вообще-то круто... А много магии на это тратится?

Он поморщился.

— Все равно жалко. Умному что внешность? Так... Это в твоем телячьем возрасте важно. А подрастешь...

— Не знаю, — сказал я в сомнении, — мне кажется, я всегда бы старался делать себя молодым красавцем. Но я еще не был в... возрасте, так что лучше заткнусь.

— Мудро, — одобрил он. — Только редко кто так делает. Чем человек моложе и глупее, тем громче рассуждает, как бы он обустроил мир. Для хорошего мага то же самое, что одежда. Привыкаем к одной, но при нужде можно и сменить или обновить. Только настоящие мужчины редко меняют одежду. А моются еще реже.

Фицрой прислушался, расхохотался:

— А я какой? Одежду менять люблю, а мыться — нет.

— Когда станешь королем, — буркнул Рундельштотт, — тебя будут чтить в любой одежде.

Фицрой как-то странно напрягся и умолк, а потом поспешно заговорил, что вот там только что мелькнуло целое стадо кабанов, да таких кабанов, что всем кабанам кабаны, медведи перед ними — мыши!

Я оглянулся, сияющие белизной башни Санпринга скрылись за зеленою стеной леса, на всякий случай приподнялся в стременах, огляделся, нигде никого.

— Так, — велел я, — за мной!

Они придержали коней, глядя, как я круто разворачиваю свою лошадь под прямым углом да еще и направляю в самую чащу.

Фицрой вскрикнул:

— Ты чего?

— Диспозиция меняется, — сообщил я кратко. — Приступаем ко второй фазе. Или входим в нее... Мягко, но быстро. Хоть и медленно.

— Чё-чё?

Я не отвечал, они с заметной неохотой и недоумением въехали в эту чащу, а там я сказал негромко:

— Сейчас обогнем город, затем скрытно попрем в противоположную сторону. Не на юг, а на север!

Фицрой охнул.

— Что стряслось?

— Принцессу захватили, — сказал я кратко. — Мы спасательный отряд. Едем тайно даже от своих. Не узнают свои, не узнают шпионы.

Он прошептал:

— Адрианну?.. Ах, сволочи...

— С тобой здесь согласен, — оборвал я сухо. — А сейчас привал!.. Всем привал! Только место сперва отыщем и сразу привалимся.

На меня посмотрели в недоумении, Фицрой спросил:

— Ты чего? Мы только что из города, вон его стены!

— А ты думал, — ответил я, — мне одному мучить мою лошадку такой тяжестью? Нет уж... Пока мастер Рундельштотт предавался размышлению, отхлебывая мелкими глотками хорошее вино уже из третьего бочонка, я пошарил в его кладовой и чуланчике, дабы вот! И везу. Один!

У Понсоменера чутье, а раз привал ненадолго, то сойдет и вон под тем раскинувшим во все стороны ветви деревом. Коней привязали в сторонке, он сам с Фицроем быстро разошлись в разные стороны собирать сучья для костра, а я вытащил зажигалку размером с пулью для мелкокалиберного пистолета и протянул Рундельштотту на ладони.

— Мастер, это ваша. Обязательно входит в набор туриста, а мы еще те туристы, несем в чужое государство демократические ценности, хоть оно и не просит... Этой штукой можно разжечь огонь в любую погоду,

даже под дождем. Заправлять не надо, сама ищет и находит энергию.

Он покачал головой, в глазах жгучий интерес, но на лице опаска и недоумение.

— Но как... как оно это делает?

— А сила везде, — пояснил я. — Днем от солнца, ночью от теплого воздуха... да вообще от всего. Не перебирает, иначе останется голодной, а помирать не хотят даже вещи.

— Это да, — произнес он задумчиво, — спасибо. Какое слово нужно сказать?

— Эта штука дурная, — сообщил я, — слов не понимает! Вон тут коснитесь кончиком пальца.

Он повертел в руке, сделал, как я проинструктировал, на кончике вспыхнул острый яркий лучик. Рундельштотт от неожиданности выронил, но я был готов и подхватил на лету.

— А погасить? — спросил он.

— Нажмите второй раз.

Огонек исчез, Рундельштотт осмотрел зажигалку еще, сунул в карман.

— Там еще и фонарь, — сказал я. — Мощный. Свет такой, даже днем слепит. Ночью проверите. Это все регулируется вот этим колечком, оно сдвигается...

Он покачал головой, в голосе прозвучало некоторое колебание:

— Что ж... хорошо, я научу тебя некоторым нашим заклинаниям. Только не жалуйся потом.

Я спросил встревоженно:

— Как это не жаловаться? Демократы всегда жалуются! На все. Это такая мерзкая порода... увы, я тоже из демократов, но всячески его выдавливаю. Только он, гад, сопротивляется! А то и вовсе переходит в победное наступление... Что мне грозит?

— Твоя сила, — ответил он невесело. — Думаешь, почему все маги... в возрасте? Потому что только тогда человеку удается удерживать себя в руках, да и то не всегда. А остальных сила губит. Опасно носить в себе такую мощь, все время ищет выхода! А когда гневаешься на что-то или кого-то и начинаешь применять силу в полную мощь... А иначе нам кажется мало, то это пожирает и тебя самого...

— Ага, — сказал я. — Понятно. Иносказательно, как бы. Притча.

Он покосился на меня с мрачным видом.

— Ну да, притча. Будет тебе притча. Ахнуть не успеешь. В общем, на чародейство уходит слишком много сил. Бывает, проще сделать своими руками. Хоть это и дольше, но иногда время важнее... Потому передам тебе одно заклятие, что может... ускорять тебя. Выкопаешь за минуту яму, которую копал бы целый день, но за эту минуту устанешь так, будто и копал целый день...

— Ценное заклинание, — сказал я осторожно. — В быту им не попользуешься, но если надо спасать шкуру...

— Вот-вот, за ценой не стоишь. Мне им пользоваться нельзя, возраст. Сердце должно быть молодое и крепкое... Да и то, понимаешь, может разорваться от перенапряжения. Потому пользуйся только в тех случаях, когда все равно иначе смерть...

Я сказал устрашенно:

— Учту... Ах да, еще, мастер, я для вас добыл рубашку чародеев. Прошу вас, одевайте, пока не вернулись Фицрой с Понсом.

Он посмотрел с любопытством.

— Выглядит обычной.

— Даже рисунки, — сказал я, — скопировал, что в ходу здесь, в королевстве Нижних Долин! Но ткань особая. Собирает всю магическую энергию от солнца и

всего-всего, что есть... Всеядная, как свинья. Даже как человек, что еще всеяднее.

Он покачал головой, но достаточно быстро и без колебаний заменил свою на новочародейскую, прислушался к ощущениям.

— Знаешь... а в самом деле... очень слабо, но магия начинает проникать по капельке...

— Что делать, — ответил я. — Зато постоянно. Даже ночью впитывает. Уж и не знаю, откуда. Может быть, от тех же солнц, хоть их и не видно. Подумаешь, планета заслоняет, ерунда...

— Как-как? — спросил он заинтересованно.

— Это долгий разговор, — ответил я. — Не для этой поездки.

— Понял, — ответил он. — И чтоб вина было много?

— Вы прекрасно умеете готовиться к постижению новых истин, — сказал я. — Ах да, еще мелкий пустячок...

Он с недоумением смотрел, как я вытащил из мешка жезл, короткий, но толстый, взялся за концы, нажал, там щелкнуло, и я растянул его на полную длину в человеческий рост.

Теперь это не жезл, а посох, простой, сделанный как бы руками простого пастуха из засохшего дерева.

— Я не взял свой, — сообщил Рундельштотт, — лишняя тяжесть...

— Этот почти ничего не весит, — заверил я. — И вид у него такой, каким должен быть у мудреца, которому нас... начхать на манеры, а не у придворного чародея. Благодаря его громадным размерам собиратель маны там емкий, тащит отовсюду, даже ночью, так что особенно можно не экономить. Вам, мастер, нужно научиться отдавать приказы мысленно!.. Вы умеете, знаю, но здесь посох из древних королевств, вашего языка не знает, нужно обучить заново... Кстати, кричать и топать

ногами не надо, как и дланями помовать. Принимает мысленные команды, только нужно ему объяснить, что в каком случае вы изволите вожелать...

— Гм, — сказал он в тревожном сомнении, — попробую...

— А еще, — добавил я, — у древних была та расточительная особенность, пихали все, что могло пригодиться, куда угодно, а в такой большой штуке места ой-ой!.. Начиная вот с верха, этот простой кварц может дать такой свет, что ослепит целое войско, но можно и в лесу, где будет освещать только под ногами. Управляется кольцом... Его не видно, оно вот здесь, пощупайте! Дальше в посохе много чего, а еще всякая хрень, что только высшие чародеи могут понять, а мы только мозги сломаем или вывихнем, это зависит, у кого они какие.

Послышались голоса. Фицрой и Понсоменер хоть и уходили в разные стороны, но вернулись одновременно. Охапки хвороста у обоих огромные, сучья толстые, плотные, будут гореть всю ночь, хотя мы остановились, как я сказал твердо, всего на несколько минут.

— Остальное в посох запихну чуть позже, — сказал я торопливым шепотом. — Они просто воины, зачем им знать наши тайны?

Фицрой высыпал хворост небрежно, на лице сожаление, я сразу все понял, когда он сказал со вздохом:

— Там такие олени пасутся... Но куда нам их? Мешки от еды ломятся...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Понсоменер свалил свой хворост в сторонке и тут же начал складывать тонкие прутики шалашиком, потом потолще и сверху самые толстые, оставив внизу место, чтобы просунуть руку и поджечь клочок свернутой бересты.

Рундельштотт привязал посох к седлу своего коня, оглянулся на Фицроя, тот вытащил из выючной сумки кремень и огниво. Рундельштотт посмотрел, как он стучит, высекая искры, хмыкнул с самым самодовольным видом и, вытащив зажигалку, поднес ее кончиком к сухим веточкам.

Огонек появился моментально, веточки охватило багровое пламя, стало весело оранжевым, и костер разгорелся во всей красе.

— Подумаешь, — буркнул Фицрой уязвленно, — колдовство — это нечестно. На таком огне и мясо не мясо, а рыба какая-то.

— Все на свете нечестно, — ответил Рундельштотт. — Или все честно. Все зависит от.

— Это нечестно, — сказал Фицрой гордо, — когда зависит!

— А если на твоей стороне?

— Тогда другое дело, — ответил Фицрой с достоинством. — Я же на правой стороне! Хоть и не прочь налево.

— Так, — сказал я, — а теперь обещанные пряники. Великий мастер Рундельштотт отошел от прежних дел

и занялся новым для него чародейством, потому все от старой жизни сбросил в чулан и забыл о нем. Но я жук хитрый и жадный, тайком порылся в старом хламе, как пес в поисках косточки, пересмотрел, кое-что спер, нам в такое время пригодится, раз чародеи на мелочи жизни смотрят свысока, у чародеев чародеевская гордость.

Фицрой покосился на Рундельштотта с уважением, тот, оказывается, успел покуролесить в молодости, кто бы подумал, а не родился уже старым и с седой бородой, как почему-то кажется, да еще и чародеем, а я вытащил из мешка почти все, кроме своих вещей, разложил на траве.

— Понсоменер хорошо стреляет из лука, так что это ему. Понс, это не волшебное, но сделано очень хорошими мастерами. Тебе понравится. Мечей у нас три, всем по одному, а чародей обойдется. Он человек солидный, ему уже непристойно опускаться до нашего мелкого уровня, каким он был в глупой молодости. К тому же у него, как вижу, боевой посох.

Фицрой оглянулся, сказал недовольно:

— Коловство!.. Когда выехали, у него этой штуки не было.

— Наблюдательный, — похвалил Рундельштотт. — Хочешь, в ученики возьму?

Фицрой шарахнулся от него так, словно чародей ударили его по голове палкой.

— Ни за что!.. Лучше сразу в жабу!..

— Тихо, — сказал я строго. — Понс, бери меч. Фицрой...

Фицрой ухватил жадно, почти синие глаза засияли, как чистое небо в пасмурный день.

— Меч... такой же?

— Нет, — отрезал я, — не надо было тот терять! Попроще, но лучше любых, что встретим. А еще всем по

фонарику. Не потеряйте и не перепутайте с наконечниками для стрел. Фицрой, тебе бинокль...

Они с загоревшимися глазами вертели в ладонях эти штуки, все мелкое, даже миниатюрное, но функций там намного больше, чем я сказал, теперь не найти фонарик, чтобы только светил, обязательно в нем лазерный резак, микрокоммуникатор с передачей не только звука, но и видео, а еще множество всяких прибамбасов, которыми я даже не поинтересовался, сейчас в любую вещь встраивают все, что помещается, а потом ищешь в поиске, где что находится и как его задействовать.

— Смотрим на мечи, — сказал я, — вот лезвие, вот рукоять. Запомните?.. Но в рукояти вот так поворачиваете... видно всем?.. И можете переговариваться друг с другом, где бы вы ни были. Понс, запомнил?

Понсоменер кивнул.

— Да. С тем, у кого в руках такой же меч.

— Хорошее уточнение, — похвалил я. — Сразу видно, понятно даже крестьянину. В общем, какое-то преимущество у нас есть, но не так уж и большое. Кстати, в каждом и зажигалка, что так понравилась в руках мастера. И фонарь... Вот так и вот так... Запомнили?

Рундельштотт переспросил:

— Зажигалка? И здесь? А зачем?

Я отмахнулся.

— Места не занимает, потому их пихают всюду. Человек любит жечь, а маги всегда шли на поводу простого человека, что и привело мир к гибели... Ах да, Фицрой и Понс, вот вам по рубашке. Они с виду обычные нижнедолинские, но ткань из особой паутины, что хоть и легкая, но не пропустит ни нож, ни меч, ни стрелу... Хотя, конечно, кровоподтек останется, а топором вообще можно кости переломать. Кстати, коммуникаторы и в них. Могу показать, где какую пуговицу нажать, где погладить.

Рундельштотт проговорил потрясенным голосом:

— Какой же прекрасный мир погубили древние...

— Кстати, — сказал я, — у всех есть анализаторы.

Вам ни к чему, а мастеру может пригодиться. Мастер, дайте-ка свою зажигалку, она же фонарь и много чего еще... Вот тут крышечка, видите?.. Берете листок, можно самый крохотный кусочек, какой и глазом не видно, кладете вот сюда... видите?.. Закрываете вот так... И почти сразу вот эта стрелка укажет в сторону, где такая же точно травка растет.

Он смотрел с недоверием.

— Штука изящная, — сказал он с неохотой, — сразу видно, древняя... Но работает ли? Древние вещи только в руках хозяев...

— Это дурная штука, — заверил я. — Ничего не понимает! Но траву указывает. Проверьте.

Он хмыкнул с недоверием, но дотянулся до кармана, я видел, как бережно вытащил фиолетовый стебелек, оторвал самый кончик. Все так же похмыкивая и морщась, положил и закрыл, как я и говорил, крышкой.

Я вздохнул с облегчением, работает, даже в этом мире работает. Светящаяся стрелка указывает в сторону, а там вроде бы ничего, кроме его седельного мешка.

— Ошиблась твоя штука, — сказал он.

Что-то в его голосе прозвучало не совсем так, я сказал с готовностью:

— Наверное, вы правы. Но давайте посмотрим...

— Э-э, — сказал он с грозным предостережением. —

Мало ли что там у меня за травка...

— А-а-а, — догадался я, — понятно... Но не увлекайтесь, она вредит здоровью. Мир у нас такой, все вредит своему лучшему созданию!

Он в задумчивости повертел крохотную вещицу по форме как тюбик для губной помады, только намного миниатюрнее.

— И что, — спросил он, — она везде так?..

— И в лесу, — ответил я. — И в поле. И даже в городе. На рынке сразу можно пойти к тому, кто продаёт нужное. Если далеко, то стрелка красная. Если осталось пройти половину расстояния, то уже желтая, а чем ближе, тем сильнее зеленеет. Так что и расстояние показывает. Вообще-то можно выставить и цифровые значения, но у... древних была своя мера расстояний. Видимо, и глаза различали больше градаций цвета.

Он буркнул:

— Привыкну.

Я оглядел их всех.

— Тогда все? Поехали. Чем быстрее двигаемся, тем больше шансов. Пока в Санпринге все, даже шпионы, уверены, что едем к себе в Дронтарию, у нас есть преимущество.

Фицрой бодро вскочил, заменил меч на новый, а старый бережно спрятал в мешок.

— Готов!.. Остальное объяснишь в дороге?

— Объясню, — ответил я. — Ах да, еще по штучке для каждого. Вернее, по две. Контактные линзы... не дергайтесь, так надо для страны и демократического общества. Глаза, глаза вылупить! Вытаращить, ясно?.. Будто вы солдаты, а я король! Станете зрякать в темноте, как днем. Хоть в черно-белом, зато четко. Сегодня чуть-чуть будут мешать, к вечеру привыкнете, а за ночь вообще забудете. Если неделю не снимать, прирастут, и не заметите.

Фицрой сказал лихо:

— Пусть прирастут!.. Это что, они у тебя синие?

— Это у тебя будут синие, — ответил я. — Ярко-синие, как у эльфа. Хотя вообще-то не знаю, что за гляделки у эльфов, но весьма удобно. У Понсоменера ярко-зеленые, видишь? Это чтобы у нас была многокультурность, а не тоталитарное общество.

Он спросил внезапно:

— А себе?

— Себе я поставил давно, — заверил я.

— У тебя какой-то неяркий цвет, — сказал он с подозрением.

— Я скромный, — ответил я. — Мое дополненное зрение дает только остроту и возможность видеть в темноте. У вас, кстати, тоже. Завтра, когда прирастут, вам покажется, что зрение резко улучшилось.

Он поморгал, повернулся к Рундельштотту.

— Ну как я?

Тот покачал головой.

— Раньше цеплялся ко всем бабам, теперь придется отбиваться.

— Хо, — сказал он с мстительным удовлетворением, — а вот и буду! Пусть пристают. Я им покажу, что такое настоящие глерды!

— Вот теперь по коням, — сказал я. — Будем гнать, пока наш чародей не скажет, что пора перевести дух.

Рундельштотт поморщился, но смолчал. Уже в седле я хлопнул себя по лбу, сунул руку в мешок.

— Фицрой, это вам с Понсом по ножу. Не смотрите, что тонкие, их не так просто сломать. Зато пробивают, как лист травы, любую кольчугу. Даже доспехи из металла, будь они даже из железа. Знаем, какое здесь железо... Все, погнали!

Глава 2

Фицрою даже в седле не сидится, вытащил новый клинок и начал на скаку рубить ветки справа и слева от дороги, потом деревца, наконец попробовал рубануть толстое дерево, вдруг да получится, и чуть не вылетел из седла, пытаясь выдернуть застрявший меч.

Лезвие сильно удлиненное, но по весу клинок такой же, потому все, что умел раньше, удается точно так же, но теперь можно достать противника на дистанции, а тому для удара нужно обязательно сократить разделяющее их расстояние.

Рундельштотт подъехал ближе, на Фицроя и Понсоменера даже не посмотрел, оба заняты делом, у Понсоменера еще и лук, поинтересовался:

— Как... переговариваться?

— Самое интересное, — согласился я. — Вот здесь и здесь касаетесь одновременно... затем обязательно выбираете громкость... Так гласят правила этикета, не все вокруг должны знать, какие тайны выбалтываете врагам нашего королевства. Говорить можно даже на расстоянии двух шагов от посоха, но тогда громко, а если не жаждете, чтобы вас слышали, говорите вот так, почти касаясь губами...

Он кивнул.

— Понятно. Будто кому-то на ухо.

— Точно, — подтвердил я. — Посох — это ухо вашего собеседника, где бы он ни находился. Когда закончите разговор, обязательно отключитесь, а то будем слышать, как кряхтите в кустах... И прочее, что предпочли бы сохранить в тайне.

Он содрогнулся.

— Опасная вещь.

— Дисциплинирующая, — уточнил я. — Чародеи не должны терять над собой контроля. Даже, когда напиваются.

Он поморщился.

— В походах я никогда не пью.

— Понятно, — сказал я. — Значит, древний мир был разрушен, когда чародеи были дома и расслабились... А так как их мощь позволяла двигать горами и поднимать моря...

Он вздохнул, на мгновение лицо помрачнело, но, видимо, это давно пережил и смирился, через минуту спросил:

— Погоди... если в посохе есть ухо, то им можно и самому подслушивать?

Я сказал пораженно:

— Мастер, вот что значит мудрый человек! У вас мозг, как у стада слонов. Есть такие звери в дальних королевствах. Вы сами догадались, о чем я даже забыл! Да, можно подслушивать на больших расстояниях, нужно только точно направить посох на того человека или на то место, где они спрятались... Сейчас я вам покажу, как это делается...

Я взял в руки посох, а он, слегка усмехаясь, сказал почти шепотом:

— Не увлекайся. А то заметят.

— Что?

Он сказал еще тише:

— Ты сказал, что себе поставил те штуки на глаза уже давно. Еще до знакомства со мной?..

Я прикусил язык, ответил так же шепотом:

— Вы правы, мастер. Что-то я беспечнею. К счастью, оба не мыслители, факты сопоставлять не обучены. Но я буду осторожнее. За врагами следить нужно, а за собой тем более!.. Смотрите, вот здесь включаете, то есть просто нажимаете, но в двух местах, чтобы исключить случайное включение, а то так, возможно, когда-то мир уничтожили...

Он с трудом повернулся в седле, покряхтел, запуская пальцы в седельную сумку. Я ждал, наконец он со вздохом облегчения протянул мне цепочку с мрачно поблескивающим камешком.

— Возьми. Его лучше носить всегда, — сказал он серьезно. — Никогда не угадаешь, когда понадобится.

— А что он дает?

Он вздохнул.

— Не знаю. Кому как. Я пробовал носить сам, но разницы не заметил. Однажды год не снимал!.. Ничего. Однако он очень ценен, судя по древним книгам.

— Хорошо, — ответил я. — Спасибо. Попробую. Кто знает, может быть, ему другая группа крови нужна, как комару, что одних кусает, других нет...

Или ДНК, поговорил про себя, Рундельштотт сам одел мне цепочку, амулет сунул мне под рубашку.

— Рубашка у тебя тоже чародейская, — заметил он, — но покрой более изящный, так в Нижних Долинах не шьют.

Я отмахнулся с беспечностью.

— Мода быстро меняется, мастер. В Нижних Долинах не всегда шили одинаково.

Понсоменер с его великолепным чутьем обычно держится впереди, но я, выждав, когда Фицрой сцепился с Рундельштоттом в каком-то споре насчет сокровищ древних королей, быстро догнал и, пустив коня рядом, сказал негромко:

— Понс, нас двое, я не проболтаюсь. Ты сам догадываешься, что со мной все не так, как говорю, верно?

Он кивнул, голос прозвучал спокойно и даже равнодушно:

— Да, я заметил сразу.

— Хорошо, — сказал я. — Потому, как странность странности, мы можем быть друг с другом чуть откровеннее, чем с другими. Скажи, ты человек?

Он посмотрел на меня рыбьими глазами.

— Человек.

— Тогда почему, — сказал я, — умеешь больше других? Как у тебя это, а?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Просто получается. Наверное, просто больше работаю. Втянулся. Обучился.

— Так-так, — сказал я. — Давай вспомни, когда ты заметил, что умеешь больше других?

Он снова пожал плечами.

— Не помню. Очень давно.

— Как давно?

Он повторил равнодушно:

— Давно. Даже не помню.

— Это было пять лет? — спросил я. — Десять?.. Тридцать?.. Сто?..

Его лицо ничего не выражало, но я что-то уловил или почуял, сказал с нажимом:

— Сто лет?.. Или тысячу?

Он ответил мирно:

— Да какая разница... Может быть, и тысячу... Я же неграмотный, не научился читать-писать. Жил в деревне... а там какая разница, сколько лет прошло?

Я чувствовал, как сердце начинает колотиться чаще и чаще, а в груди недостает воздуха, но пересилил себя и сказал как можно спокойнее:

— Ну вот, теперь понятнее, почему умеешь больше других. И даже почему сильнее... Это ж столько лет работать, да у тебя и кости крепче, и жилы толще!.. Наверное, попал как-то под свет трех лун?.. Да ладно, не молчи, я сам попался, но как-то выжил, да еще и обрел вот чуточку от мага... Ненадолго, правда, но все-таки, я же не маг, и то здорово, что мне перепало.

Он, судя по его менее чем обычно вялому виду, заинтересовался, в глазах заблистал огоньки.

— Глерд, вам будет интереснее, чем мне.

— Почему?

Он сказал тихонько:

— Когда человек попадает вот так, как мы, то либо умирает, таких большинство, либо... останавливается.

Я спросил настороженно:

— Это как?

— Останавливается, — ответил он, явно стараясь отыскать слова поточнее, но не нашел, повторил: — Останавливается... таким, какой есть. Не стареет, но и... остается таким же!

— Не умнеет? — спросил я. — Не усваивает новых знаний?.. Так вот почему даже грамоте не обучился? Но все равно тело стало крепче, навыки в работе отточились... Из лука стрелять умел?

— С детства, — подтвердил он.

— Значит, — сказал я, — новому учиться нельзя, что-то блокирует, а вот совершенствоваться можно... Тоже нехило! Это же здорово. Если даже ничему не научусь, то мне на сто лет, а то и тыщу, хватит развивать то, что успел ухватить только верхушки... А потом и поменять можно. Все будет хорошо, Понс!

Он снял с плеча лук, взгляд стал задумчивым и отрешенным, пальцы медленно потянули из колчана стрелу.

— Надо проверить, — произнес он. — Новое всегда бьет немного не так. Привыкнуть надо.

Я наблюдал, как он на скаку целится и стреляет, выбирая цели далеко впереди, и каждый раз движения все короче, а тетиву спускает быстрее. Через полчаса руки словно превратились в вихрь, настолько быстро выхватывал стрелу, накладывал на дугу лука, и тут же она исчезала.

Стрелы оказывались торчащими в стволах деревьев вдоль тропы, он почти не останавливался, резко выдергивал на ходу, интуитивно определив, что такие штуки так просто не сломать.

— Далеко бьет, — обронил он, перехватив мой взгляд. — И стрелы... как железные, только не гнутся и не ломаются.

— Эти береги, — сказал я. — Когда нужно будет стрелять, а я окажусь рядом, лучше я буду подавать, понял? Такие же, но другие.

Он кивнул, лицо неподвижное, в самом ли деле понял, не знаю, но если буду вынимать стрелы из воздуха и подавать ему, вряд ли изумится, слишком долго жил, удивляясь почти разучился.

Фицрой все еще упражняется с новым мечом, привыкая к удлиненному лезвию.

Я посмотрел, придержал коня, давая догнать себя Рундельштотту. Он единственный, кто не экспериментировал даже с посохом, не до того, как я понимаю, давно не сидел в седле, и не важно, каким был лихим скакуном или скакальщиком в молодости...

— Привал? — спросил я с сочувствием.

Он ответил после паузы:

— Рано... Надо втягиваться. Завтра все тело будет просить пощады... Но разве нас жизнь щадит?

Впереди раздался довольный вопль Фицроя, это Понсоменер в рамках испытания нового оружия подстрелил оленя на таком расстоянии, что раньше стрела не долетела бы вовсе, а сейчас олень, проткнутый почти насквозь, грохнулся на бегу, подергал ногами и затих.

Добыча молодая и сочная, даже я оценил. Фицрой заорал, соскочил с зажатым в руке ножом на землю, надо добить, содрать шкуру, освежевать...

Рундельштотт прикрикнул:

— Никакого привала!

Фицрой, ворча, поднял тяжелую тушу и взвалил на запасного коня, привязал и пустился за нами вдогонку, а потом через каждые пять минут громко живописал, какое будет вкуснейшее мясо, если с вон теми ароматными листьями, а если добавить ягод с вон того куста, так и пальцы пообкусываем...

Рундельштотт, как мне показалось, нарочито тянул с привалом, чтобы Фицрой да и все мы в следующий раз думали, зато остановил коня у ручья с чистейшей водой, бегущей из-под гигантских корней исполнинского дуба, что значит, только что из-под земли, прогреться еще не успела.

На мой взгляд, старый чародей держится сносно. Может, на второй-третий день растеряет силы, но сейчас даже не рухнул под ствол дуба в тень, а помог Понсоменеру расседлать своего коня, лишь потом сел спокойно и с достоинством, хотя, возможно, это далось с трудом.

Фицрой никому не позволил жарить, все мы неумехи, так что мы с Рундельштоттом только наблюдали, а Понсоменер долго ходил вокруг дуба, срывал кончики травы и нюхал, мне показалось, что некоторые даже жрет, как коза какая-то, но мешать ему не стал, а то со бью с мысли. Даже меня, такого умного, и то сбивают то и дело, потом не могу вспомнить, что же такое великое замышлял, а этого простака сбить еще легче...

Рундельштотт сидит под дубом в позе отдыхающего патриция, спиной уперся в дерево, ноги вытянул в блаженной истоме, даже глаза закрыл.

— Ты знаешь много, — проговорил он, каким-то образом ощущив, что я сел рядом, — и умеешь много, но странно...

— Что? — спросил я взъежаченно.

— Тебе недоступны, — пояснил он, — даже самые простые вещи, что осваивают все маги. А куда уж карабкаться до вершин!

— А что на вершинах? — полюбопытствовал я.

— Многое, — ответил он. — К тому же все, что создают, могут один раз и навсегда. А еще только высшие маги могли создавать порталы, через которые уходили в неведомые миры...

Я завидующе вздохнул.

— Мне бы хотя бы крохотный порталчик... чтобы передвигаться по королевству!

— Пробуй, — сказал он безучастно. — Бывает такое, что мелкое чародей не может, а крупное удается. Редко, конечно, но такое бывает. Древние могли строить порталы по взмаху руки! Ну, не по взмаху, конечно, усилия прилагали огромные, но со стороны как если бы вот так взмахнул или просто поглядел, грозно поднимая мохнатые брови...

Я вздохнул еще горестнее.

— У вас, чародеев, они мохнатые, а у меня ну никак. Передвигаться по порталам — моя мечта. Я вообще передвигаемый. В смысле, обожаю передвигаться. Но чтоб вместе с диваном.

Он хмыкнул.

— Может быть, получится. Не сейчас, конечно, а к старости, когда ума будет больше. Ты упорный, в тебе есть сила и жажда все менять, я же вижу. Люди быстро успокаиваются, но ты не такой. Хотя, конечно, с этими порталами не все, как хочется.

Я насторожился.

— А что не так? Опасно?

— Насчет опасности не знаю, — сообщил он мирно, — но создание портала требует много сил. Сделаешь портал, потом месяц ни на что не годен.

— Это плохо, — пробормотал я.

— А еще, — добавил он, — создать его можно только в тех местах, где уже был и которые очень хорошо можешь представить. Лучше всего из дальних мест возвращаться в свой дом, где все пахнет тобой и помнит тебя... Ты с таким местом связан, сам того не подозревая.

Я посмотрел на него с внезапно растущим подозрением.

— Мастер, вы так много знаете о порталах... Признаетесь, делать умеете?

Он улыбнулся, покачал головой.

— Если бы. Это мечта каждого чародея. Потому знаю так много. Докопался в свое время до всего, что о них сказано. Но сказано немного, а все остальное — мечты и описания, кто пытался, как пытался и почему все рухнуло.

— А почему рухнуло?

Он отмахнулся.

— Причина всегда находится. Никто не признается, что по своей дурости и по неумению. Ты вон тоже скажешь, что тебе что-то помешало.

От костра все сильнее тянет жареным мясом, Фицрой насадил на вертел оленя целиком, я не представляю, как можно приготовить такую тушу, чтобы сверху не пригорело, а внутри не остались сырье места, но Фицрой уверен, что все получится, он и угли двигает прутиком так, чтобы давали где-то жар сильнее, где-то слабее, но я бы просто нарезал оленину на ломтики и пожарил без фокусов. Шашлыки любой дурак сумеет, потому они и самые популярные среди таких вот умных снизу.

— Все-все, — сказал Фицрой, видя наши нетерпеливые взгляды. — Еще чуточку...

— Ждем, — сказал я и повернулся к Рундельштотту. — Я вообще-то осторожный, даже трусливый, не вслух будь сказано. Потому рисковать не буду, но стучаться в эту стену не перестану.

— Порталы Древние делали не для себя, — пояснил он. — Порталы и есть порталы, через них проходят. Не важно, сам чародей или кто-то еще. Но намного проще, как сказано в древних рукописях, не делать портал, а перемещать только себя. Это примитивнее, как сказано, и доступно даже простым чародеям...

— Ого!

Он вздохнул.

— То, что было доступно их простым чародеям, недоступно нашим высшим. Или доступно, однако кто знает? Ты пришел издалека, так что пробуй. Может быть, у тебя получится. У дурней иногда получается то, что не удается мудрецам...

— Мудрецы ищут там, — пояснил я, — где и надо искать. А решение иногда лежит как раз в другом месте. Часто вообще противоположном. Потому многим мудрецам решение приходит во сне, когда мозг освобождается от оков логики и начинает искать там, где показалось бы неспящему нелепым.

Он посмотрел с некоторым удивлением.

— А в тебе чувствуется серьезная школа магии!

— Просто слышал краем уха. Кончиком края. Издали. Внутреннего уха.

Вряд ли он поверил, судя по его виду, мы оба с Фицроем темные лошадки, да и Понсоменер еще та цаца, но сказать ничего не успел, Фицрой провозгласил с гордостью:

— Готово!.. Кто-то откажется?

Мы втроем с ножами в руках поспешили подсели ближе, и в этот момент я ощутил странное прикосновение, словно нечто коснулось меня всего, всех моих клеток, нервов, аксонов и синапсов. Я замер, прикосновение не грубое, напротив, звездное тепло продолжает пропитывать мое тело, словно горячая вода кусок прессованного сахара. Во мне что-то происходит, но это не выразить словами, нет таких в простом языке... даже образов нет, вон и хай-тек уже не оформить в словах для человека простого, а это вовсе не вообразимо, более сложное и грандиозное, нужно не устрашиться и держать себя открытым и верящим, что это вторжение в мою суть вовсе не вторжение, а материнская или отцовская забота...

— Мы с тобой одной крови, — прошептал я вслух, — ты и я... Мы из одних атомов, ты создало меня, разумную жизнь, чтобы понять себя, узнать и начинать перестраивать... так как я — всего лишь инструмент совершенствования тебя самого... Я делаю только первые шаги на бесконечной дороге познания... но я делаю... помоги мне... дай мне то, что я уже могу... и не давай слишком много, чтобы я не взорвал вселенную...

Из дальних вселенных донесся довольный голос Фицроя:

— Юджин, сам знаю, что можно обалдеть... но ты ешь!

После долгих столетий услышался и другой голос, Рундельштотта:

— Не дергай... он что-то нащупал...

— Ну да?.. Ладно, нам больше останется. Понсик?

Измененный голос Понсоменера подтвердил:

— Подумаешь, олень на четверых... На троих будет больше...

Но в его словах я услышал «не отвлекайся...», однажды ощущение гигантских ласковых ладоней, откуда шло тепло, начало так же медленно растворяться в звездной ночи, но я продолжать сидеть, как суслик у норки, не двигаясь, прислушивался к себе.

Что-то во мне все еще происходит, словно непонятое тепло продолжает распространяться по телу, но уже без постороннего присутствия, все это во мне, уже мое тепло, мой жар и моя хорошая надежная тяжесть.

Я наконец поднес тяжелую руку с нанизанным на кончик ножа куском исходящего соком жареного мяса.

— Ну как? — спросил Фицрой в нетерпении.

— Будто бы с тобой в таверне «Веселая корова», — ответил я.

Он просиял.

— Это где мы вылакали лучшее вино, перещупали всех девок, даже трактирщицу, а потом и разнесли там все в драке?..

— Да, — подтвердил я.

— Здорово, — сказал он с энтузиазмом. — Надо будет повторить! А как мясо?

— Я ж говорю, — повторил я, — такое же ощущение...

— А-а-а, — сказал он, — а я думал, чего это ты замер и глаза вытаращил...

— Это я смаковал, — ответил я коротко и уже так невнятно из набитого мясом рта, что больше никто ничего не спрашивал, пока я жадно ел.

Глава 3

Рундельштотт, посмотрев, как все съто отдуваемся и подраспускаем ремни, велел, не обращая внимания на меня, задержаться на час, пусть мясо растворится в теле. А в следующий раз так не наедаться. Если опять олени по дороге, не трогать.

Я закрыл глаза, делая вид, что сплю. Рундельштотт прав, нужно сосредоточиться на более простом: перемещении себя самого. Портал — это для мастеров. Портал — это универсальность, через него можно перебросить целое войско, а вот самоперемещение потребует энергии, чувствительности и самонастройки намного меньше.

Правда, насчет целого войска я загнул, каждое перемещение требует огромного количества энергии, так что портал схлопнется за спиной двух-трех солдат, ну пусть десятка, а даже могучий и переполненный темной энергией чародей останется на недельку выжат досуха. Если не дольше.

Рундельштотт сидел молча, но я чувствовал его присутствие даже с закрытыми глазами, наконец он пошел веился, проговорил слабым голосом:

— Беда за бедой... Бедная Адрианна...

— Мир несправедлив, — согласился я. — За стенами не видно, в лаборатории всегда хорошо, даже баб не надо. А чего ужасаться?.. Жизнь... Как вы вино делаете?

Он пробормотал:

— Заклятие.

Я открыл глаза, повернул к нему голову.

— Сложное?

— Простое, — сообщил он, — но самому нужно быть... в общем, здесь не всегда долгая учеба в помощь. Иногда нужно просто почувствовать...

— Это я могу, — заверил я. — Нет-нет, я не о бабах! Я вообще-то человек чувствительный, в жизни не мог пнуть собаку. Иной раз расчувствуешься, убил бы кого-нибудь... А я могу попробовать?

— Убить?

Я отмахнулся.

— Убивать и дурак может, это я уже убедился. А вот создавать, к примеру, вино... Или еще что-то?

Он хмыкнул, в старческих глазах я отчетливо рассмотрел беззлобную насмешку.

— Создавать? А я думал, умеешь.

— Увы, — ответил я. — Так как насчет? Я же ваш ученик!

Он хмыкнул.

— Ученик... Но у тебя своя игра и свои тайны. Какой мне прок от того, что буду тебя учить?

— Понял, — сказал я. — Хорошо, прок будет. Материальный, верно?

Он кивнул.

— Именно.

— Хорошо, — повторил я. — Пока мы ехали, я в ваш посох, который сейчас у вас привязан за спиной, засунул еще кое-какие штуки. Что важно, не магические. Никакой маг не скажет, что там что-то есть. Потому тяжелее, чем мог бы.

— Да? — спросил он с интересом. — А мне казалось, он и так чересчур легок.

— Будет еще легче, — заверил я. — Что не влияет на его прочность.

Он улыбнулся:

— Хорошо. Научу, как делать вино. Только тебе нужно будет научиться сохранять его дольше, а то и налить в чашу не успеешь... Ладно, пора в путь!

— Как скажете, мастер, — ответил я с ехидцей.

Все поднялись в седла, Понсоменер привычно выехал вперед, а мы последовали в десятке шагов за ним.

Долгое время двигались через неприятный лес с огромными стволами, где кони с трудом переступают через вылезшие из-под земли толстые корни, потом деревья ушли в стороны.

Я вздохнул спокойнее, впереди равнина, ровная, заросшая сочной травой, достаточной, чтобы кормить стада, но в такой не спрячешься, что для нас важнее, лучше уж лес.

Чуть позже всплыла мысль, что земля здесь прекрасная, почему же не бродят тучные стада, не видно домиков в окружении сада и огородов, что-то не так, чуть было не спросил у Рундельштотта, но напомнил себе трезво, что земля вообще-то не настолько заселена даже в моем мире, чтобы на каждом удобном клочке кто-то жил.

А здесь и вовсе на каждый жилой дом смотришь как на чудо.

Через несколько дней перешли пограничную речушку, в это время года пересыхает чуть ли не полностью, можно вообще не замочить ноги, прыгая по камням, но мы спешились и перевели коней под уздцы, чтобы те не повредили ноги.

Понсоменер продолжал искать следы похитителей, но, похоже, принцессу везут очень уж кружным путем, что говорит о высокой оценке работы Тайной Службы королевства Нижние Долины.

Он постоянно выезжает вперед, самый чуткий из нас, замечает даже мелких пташек, а людей задолго до того, как могут увидеть нас, тут же берем в сторону или просто затаиваемся в кустах, если едут по этой же дороге навстречу, пропускаем и прем дальше.

Сегодня остановил коня, а когда мы приблизились, вытянул руку вперед и чуть налево.

— Ярмарка.

— Это хорошо, — сказал Фицрой с энтузиазмом. — Посмотрим?

Понсоменер смолчал, все оглянулись на меня.

— Посмотрим, — согласился я. — Но издали.

Деревья впереди раздвинулись, далеко в долине множество разноцветных шатров, масса народа, сотни телег и повозок, овчарки и коровьи стада, даже табуны коней, пригнанных на продажу.

Расположено все достаточно удобно, я заметил еще одну дорогу, что пересекает нашу, та еще шире и накатаннее, а по обе стороны домики и даже большие дома, роскошные сады, а вдали неровной змейкой идут стены небольшого компактного города. На просторах ярмарки снуют народ, все одеты празднично, ярко, доносится музыка, я рассмотрел сразу две группы странствующих жонглеров, народ смотрит с удовольствием.

— Ладно, — сказал я, — мы вроде бы сойдем за мелких торговцев. Стараемся что-то купить, чтоб побольше и подешевле.

Фицрой довольно потер ладони.

— Это можем!

— Не перегибай, — одернул я. — Зачем нам куча товаров? Мы только прицениваемся, а заодно стараемся узнать побольше. Вдруг принцессу провезли прямо здесь?..

— Или кто-то слышал что-то, — предположил Рундельштотт. — Такое сразу разлетается слухами. Но будьте осторожны, мы уже в Уламрии!

На въезде ярмарки двое музыкантов умело и слаженно дудят, третий лупит по барабану, больше похожему на большой бубен, а девушка в коротком платьице быстро и зажигательно изгибается в стремительном танце.

На земле шапка, я успел заметить, как бросили пару монет, а вообще-то там уже поблескивает металлом все дно, молодцы, не зря стараются, искусство должно приносить прибыль. Когда-то не оборванное искусство будет ходить за народом, а народ начнет искусством интересоваться больше, чем королями. Правда, искусством даже не этого уровня, а пониже, еще ниже...

— И никакой войны, — сказал я.

Рундельштотт сказал негромко:

— Если Антриас поведет армию на Нижние Долины, то либо по Амлинской дороге, либо по Тартапской.

— Или по обеим, — сказал Фицрой.

— Либо по обеим, — согласился Рундельштотт. — А это намного левее.

— Тогда чего прем здесь? — спросил я.

Фицрой кивнул на молчаливого Понсоменера.

— Идем по следам возможных похитителей. Но если точно знаешь, куда везут принцессу, то давай сразу туда.

Встретим, перебьем стражу... как у нас обычно, чтобы не умничать слишком, а то запутаемся, мы же не кони.

— Не знаю, — огрызнулся я. — Только спросил! Почему вы все такие злые? Я же нежный и легко ранимый. Художника может обидеть каждый. Нерона вон вообще убили.

Рундельштотт крикнул Понсоменеру:

— Эй-эй, не надо в сторону! Проедем через центр ярмарки. Заодно посмотрим, вдруг там что-то интересное.

— Может быть, — сказал Фицрой с сарказмом, — посмотрим вовсе не заодно?

Рундельштотт посмотрел на него с прищуром.

— Можно подумать, ты не хочешь посмотреть, что там продают!

— Хочу, — признался Фицрой, — но когда можно свалить на другого, то почему не?

Едва проехали музыкантов, сразу привлекли внимание зазывал, один бросился навстречу и воскликнул льстиво:

— О, какие знатные глерды!.. И какие у вас кони! Вам лучше остановиться у Перенгара Вольного, у него один шатер свободен...

И хотя мы одеты не глердами, но я приосанился, вроде бы поймавшись на лесть, сказал громко:

— Если шатер чист, то снимем на сутки... А то дорога в Санпринг, говорят, долгая и через лес.

Зазывала спросил живо:

— В Санпринг?

— Да, — ответил я. — Думаем заключить с ними договор на поставку рыбы. У нас ее избыток, а в Санпринге, говорят, в цене...

Говорил я громко, чтобы все заинтересованные уши услышали, что едем именно в Нижние Долины.

Зазывала, малость потеряв к нам интерес, указал рукой:

— Во-он тот оранжевый шатер. Видите флагок на куполе?

— Спасибо, — ответил я с достоинством. — Да ниспошлет вам судьба удачу.

Монетку, конечно, не дал, он и так что-то имеет за каждого прибывшего по его рекомендации гостя, да и не должен я рушить имидж бедного и потому прижимистого торговца.

Шатер — это шатер, а не палатка, у Перенгара Вольного это выглядело внутри как комната богатого глерда: пара изысканно отлитых жаровен, в одной полно багровых углей, я ощутил от них жар еще от входа, толстые ковры под ногами, только вместо стола широкая колода, а вокруг нее три бревна треугольником.

— Дороговато, — сказал я с понятным колебанием, — с другой стороны, мы же не свои деньги тратим, за нас платит пославшая нас на переговоры торговая гильдия... Хорошо, берем на сутки!

Хозяин шатра принял плату и тут же исчез. Как понимаю, у него несколько таких шатров и палаток, за всеми нужен глаз да глаз.

Рундельштотт со вздохом облегчения опустился на ковер, подложив под спину толстую подушку.

— Хорошо...

— Как будто и не пахнет войной, — сказал я.

— Пахнет, — ответил Рундельштотт. — Перед войной всегда на ярмарках оживление. Люди, даже не зная, чувствуют. Как звери, что заранее убегают от того места, где тряхнет землю.

Понсоменер поинтересовался:

— Свои запасы доставать? Или?

Фицрой сказал быстро:

— Сидите, отдыхайте! Я все сейчас куплю!

Он исчез так быстро, словно опасался нашего дружного «нет», а мы в самом деле устроились на отдых: Рун-

дельштотт подумал и вообще лег, Понсоменер сел возле него, а я, хоть и подмывало лечь и дать отдых утомленному телу, остался сидеть, как на приеме у королевы, так меньше клонит в сон, а думается лучше.

У нас вообще-то классический отряд: Фицрой — воин, Рундельштотт — маг, Понсоменер — лучник, только я непонятно что. Ну это как всегда, уже привык болтаться, как нечто в проруби, никак не найду себя, хотя многие мои ровесники уже либо нашли, либо смирились, но я еще барахтаюсь... хотя это не самое худшее, напротив, могу выбарахтаться на что-то в самом деле стоящее.

Рундельштотт пробормотал:

— Все равно что-то неправильное... да, неверное в том, что создаются вещи, которые могут не пригодиться.

Я сказал со вздохом:

— В старых сказках, что мне рассказывала прабабушка, если герою давали три волшебные вещи, то все три использовал в нужное время и возвращался налегке, но на самом деле тащишь кучу снаряжения, что остается обычно невостребованным, а вот еда как-то слишком быстро кончается, не понимаю, едим ее, что ли?

— Это да, — согласился он, — странно, правда?

— Проще создавать на месте, — сказал я. — Как на счет?

Он ответил, не открывая глаз:

— Проще создать золотую монету, а на нее месяц покупать еду. Тебе, наверное, трудно поверить, что обыкновенную ягодку или ломоть хлеба получить намного труднее, чем золото?

— Ничуть, — заверил я. — Золото всего лишь металл. Как медь, олово или железо. И создавать их наверняка одинаково.

— Не совсем, — уточнил он, — но близко. Несопоставимо с их реальной стоимостью. А ты меня удивляешь все больше.

Понсоменер шелохнулся, голос его прозвучал безжизненно:

— К нам направляются четверо.

Рундельштотт пробурчал:

— Так все время мимо ходят целые толпы.

— А эти к нам, — ответил Понсоменер. — У них походка другая.

Глава 4

В шатер вошли трое, громадные, широкие и в кожаных доспехах, что придают им еще более устрашающий вид, чем если бы оказались в металле. Металл — это принадлежность к власти, а кожаные доспехи — это может быть и власть, и дружина знатного глерда, и просто разбойники.

Средний из них, явно старший по возрасту да и по своему положению, моментально охватил нас всех трех цепким взглядом.

— Новенькие?.. Что привезли?

Я ответил солидно:

— Мы высланы вперед от гильдии, посмотреть, что можно купить... а вообще-то собираемся найти надежных людей, с которыми могли бы заключить сделки на поставки рыбы, зерна и овец.

Вожак кивнул.

— Хорошо-хорошо. Мы всем рады. С вас по золотому с каждого. А потом посмотрим, если товара будет много, можем пересмотреть...

Рундельштотт хмыкнул, Понсоменер молчит, еще не понял, я поинтересовался:

— Мы люди солидные, три монетки для нас ничего не значат... но, позвольте поинтересоваться, за что?

Он посмотрел на меня с угрозой:

— Еще не понял? Какой же ты купец? За вашу защиту!

— От нас ты получишь от хрена уши, — сообщил я. — Хрен — это овош такой. Сладкий.

Он вытарашил глаза, побагровел.

— Что-о-о-о?

— Ты прав, — ответил я и поднялся. — Я не совсем купец, а из охраны каравана. Понс, стань у двери, чтобы ни один не выскоцил. А этих я сейчас немножко убью...

Видимо, свою скорую смерть они увидели в моих бешеных глазах, вожак моментально отступил на шагок и выставил перед собой ладони.

— Погоди-погоди! Я же не знал, что вы из охраны!

— Дурак, — сказал я с отвращением. — Неужто гильдия отправила бы двадцать повозок без сопровождения?.. Убирайся вон и больше не попадайся. Я прошел восемь войн, убивал химер и вурдалаков, да мне базарная шпана на один зуб!

Понсоменер отступил на шаг, давая им дорогу, они выскоцили с такой скоростью, словно удирающие от волка зайцы.

Рундельштотт сказал с непонятной интонацией:

— А у тебя лицо в самом деле было...

— Какое? — спросил я, не дождавшись продолжения.

— Как у самой смерти, — сказал он. — Слишком быстро приходишь в ярость. Опасно. Для тебя.

— Но сдержался, — возразил я.

— Однако хотелось?

— Еще как, — признался я. — Зверь сидит в каждом из нас, но стараюсь удерживать, хотя и не знаю зачем.

Просто учили в детстве, что надо миром. А выпустить из себя зверя хоть и нехорошо, но как сладко...

Он сказал задумчиво:

— Хорошее у тебя было детство. И благополучное королевство. Потому и вот так сразу в бешенство... Такое либо у тех, кто с детства среди войн, либо у тех, кто войны никогда не видел.

Фицрой вернулся против ожидания достаточно скоро. Оживленный, с блестящими глазами и разрумянившийся, бодро потирал ладони и посматривал на всех троих победоносно.

— Отдыхаете? После чего? Да вас самих можно седлать и скакать на ваших горбатых спинах сутки без отдыха!.. Правда, на уважаемого мастера я бы сесть не рискнул... из почтения, конечно, но все мешки на него перенес бы.

Я прервал:

— Что узнал?

— Товары неплохие, — сообщил он, — но так себе. Ярмарка все-таки не столичная!.. Кое-что купил, а продал на другом конце, что за народ здесь и вообще, а?.. Да-да, понял, не скрипи челюстями. Принцессу здесь не провозили.

Я нахмурился.

— Так и спрашивал?

Он посмотрел с укором.

— Так да, вот так прямо. Точно, а как же иначе?.. Ходил по базару и кричал: мы посланы отыскать похищенную принцессу, никто не видел похитителей? Я умею насчет наводящих вопросов, сам знаешь. В общем, здесь не проезжали. Думаю, дорогу стоит сменить, не опередили же мы их!

— Вряд ли опередили, — согласился я. — Это мастер сумел им внушить, что рассыплется от старости, если не повезут среди мягких подушек в повозке, а наша прин-

цесса бесхитростная... Ее точно увозят на коне. Либо верхом, либо в мешке...

Фицрой сразу потемнел лицом, кулаки сжались, сказал люто:

— Сволочи!.. Догоним, никого не пощажу.

Понсоменер поднялся, мне на какой-то момент показалось, что его лицо исчезло, настолько все никакое, человеку-невидимке вовсе не обязательно быть невидимым, достаточно быть просто незамечаемым...

Он сказал ровно:

— Посмотрю. Здесь могут быть не только такие... что заходили.

Фицрой насторожился.

— А кто заходил?

— Больше не зайдут, — ответил я. — Забудь.

Понсоменер тихонько вышел, Фицрой сел со мной рядом.

— Переходим на дороги в сторону Эстрингии?

— Лучше в сторону Кельмии, — ответил я. — В Эстрингии слишком сильны симпатии к Нижним Долинам. А после той резни, что Антриас там устроил, вырывая с корнем сепаратистские настроения могущественных родов, его мелким отрядам там лучше не показываться.

— В Кельмию, — сказал он, — так в Кельмию.

— До Кельмии далековато, — сказал я. — Перейдем на западные дороги. Я бы попробовал везти там. Вдвое дольше, но...

— А если они умнее тебя? — поинтересовался он.

— Действия более умного предсказать невозможно, — ответил я педантично. — Доставай, что там у тебя в сумке. Только ты возишь с собой вино и жратву.

Бурча недовольно на бесхозяйственных, он нехотя принес седельный мешок, раскрыл с еще большей неохотой. Мы с Рундельштоттом подсели ближе, Фицрой

вытащил бурдюк с вином, я покачал головой, каким-то образом все еще полон...

Рундельштотт усмехнулся, дескать, никакой магии, чтоб на ярмарке Фицрой да не купил хорошего вина?

Фицрой начал резать мясо, сыр и хлеб, движения все еще осторожные, помнит, как в прошлый раз вместе с ломтем костлявого мяса перерезал и бревно под ним.

Полог колыхнулся, неслышно вошел Понсоменер, я не успел глазом моргнуть, как он оказался сидящим между мною и Рундельштоттом.

— На выезде четверо стражников, — сообщил он. — На северной дороге.

Фицрой сразу напрягся, а Рундельштотт сказал мирно:

— Это нормально. Ярмарка!.. Порядок нужен. Только муравьи сами все понимают, а человеку нужен кнут, морковка, дубинка...

— Это не стражи, — уточнил Понсоменер.

— А кто? — спросил Фицрой, опережая Рундельштотта.

— Из армии, — ответил Понсоменер. — Кони их вон там дальше, за шатрами. Армейские. И седла у всех одинаковые.

— Что-то заехали купить, — предположил Рундельштотт. — Хотя, конечно, мне такое не нравится.

Я сказал брюзгливо:

— А кому армия нравится?.. Не знаю таких. Все грубо и тупое там, в армии. Правда, когда враг нагрянет, то сразу: армия, спаси!.. Потому армия в ответ к неармии относится точно с таким же презрением. А там совсем не все тупые. Тупыми должны быть рядовые, это важно для воинского духа, но командование тупить не должно, иначе проиграет, а это огромные экономические потери в виде утраты территорий, reparаций, сокращения населения призывного возраста... Это я к

тому, что если у Антриаса не дураки в службе, должны понимать, что принцессу со стороны Нижних Долин постараются выручить.

Фицрой буркнул:

— Дело чести для ее величества королевы Орландии!.. Раз уж должна послать лучших, пообещать любые деньги, награды, привилегии, то... и люди Антриаса должны быть лучшими. Здесь, на перехвате.

— На перехватах, — уточнил Рундельштотт. — Никто не знает, по какой дороге поедем! А на все самых лучших не поставишь.

— Лучшими прикроют, — сказал я, — ту, по которой в самом деле увезли принцессу.

Фицрой нагло ухмыльнулся.

— Проверим, насколько они лучшие?

— Проверим, — согласился я. — Но не так, как тебе хочется. Ночью проскользнем мимо, чтобы не заметили.

Рундельштотт кивнул с выражением полного одобрения на лице.

— Поздравляю.

— Да ладно, — сказал я, — уже давно стараюсь не видеть везде только гвозди.

— Давно?

— С утра, — уточнил я.

С наступлением вечера музыка, шум и песни не утихли, напротив, залили, как половодье, всю территорию ярмарки. У костров веселые песни, в щель шатра видно, как пляшут и прибывшие с гор пастухи овец, и полуоголые женщины, и даже сперва угрюмые и подозрительные ко всему новому крестьяне.

Рундельштотт откинулся на подушку под спиной, сказал с довольным вздохом:

— Отдыхать всегда хорошо. Фицрой, что-нибудь купил?.. Или сразу к женщинам?

— Он стесняется таких порочных, — сказал я. — Все верно, мы не должны отвлекаться на всякие там соблазны по дороге.

— Фицрой растет, — согласился и Рундельштотт. — У него уже рамки. Очеловечивается.

Фицрой сказал с обидчивым достоинством:

— Я достаточно попьянствовал и поувеселялся с развратными женщинами во всех тавернах на моем пути, чтобы мои детские представления о морали и нравственности расширились до необходимых пределов.

Понсоменер спросил с любопытством ребенка:

— До каких это необходимых?

— Тебе знать еще рано, — сообщил Фицрой. — А если уж очень нужно, спрашивай глерда Юджина. Я перед ним вообще трезвенник и девственник.

Понсоменер посмотрел на меня с великим уважением, я скромно опустил глазки.

— Отдыхайте. Я разбужу под утро.

— Я разбужу, — вызвался Понсоменер. — Я мало сплю. И чутко.

— А я как бревно, — сообщил Фицрой. — Меня нужно будить долго и нежно.

— Ногами, — сказал я. — Слышал, Понс? С разбега.

Глава 5

Конный патруль на северном конце ярмарки нами если и заинтересовался в первый момент нашего прибытия, то известие, что эти купцы едут в Нижние Долины, успокоило. Наверняка им дан приказ останавливать всех подозрительных, спешащих со стороны Нижних Долин через Уламрию на север.

Поздно ночью Понсоменер тихохонько разбудил, Фицрой остановил меня, когда я направился к выходу, молча приложил палец к губам и указал на край палатки со стороны далекого леса.

Понсоменер чуть приподнял, на четвереньках выбрались друг за другом на ту сторону. Там темно, хотя не для нас, а затем уже, изображая усталых и пьяных, медленно прошли к своим коням.

В патруле тоже люди, никто не пустился в погоню, когда мы выехали за территорию ярмарки по южной дороге. Либо не заметили, либо у них приказ следить только за прибывающими на ярмарку, но мы сперва ехали шагом, изображая старательных торговцев, что встают еще до рассвета, тем более поехали по дороге, ведущей в Санпринг, и лишь когда скрылись из виду возможных наблюдателей, свернули к лесу и пошли на рысях в северную сторону.

Солнце выскоило из-за края земли белое, помчалось по небосводу, бросая на землю пугающие призрачные уродливые тени, затем начало величаво подниматься огромное оранжевое, и тени пошли уже не такие страшные.

Фицрой повертел головой по сторонам, повернулся ко мне.

— Смотри, уже неделю едем, а ни одного разбойника!.. Видать, Антриас с ними не церемонится.

— Строгость нужна, — согласился Рундельштотт. — Народ должен чувствовать себя защищенным. Верно, Юджин?

— Точно, — согласился я. — Но и полностью искоренять нельзя. Последнюю отдушину для угнетенной твари перекрывать неверно...

Все трое повернули ко мне головы с удивленными лицами. Фицрой спросил неверяще:

— Ты чего... за разрешение разбойничать?

— Ни в коей мере, — пояснил я, сам путаясь в том, что чувствую, но объяснить внятно пока не могу, — разбойников нужно уничтожать, но разбойничание должно существовать, как символ демократии, чтобы не подавить в людях инициативу!..

Фицрой спросил ошарашенно:

— Чего-чего?

Я пояснил старательно:

— Лучшие предприниматели, финансисты и правители всегда из разбойников. Не важно, явных или скрытых. Если искоренить разбойный промысел полностью, люди превратятся в стадо баранов! А то и вовсе овец.

Они переглянулись, Фицрой и Понсоменер промолчали, Рундельштотт сказал с уважением:

— Ничего не понял. Но, видимо, какой-то смысл есть... вон у тебя даже голос дрожит, а взгляд прям и светел, как у городского сумасшедшего...

— Говорить правду всегда трудно, — заверил я скромно. — Я мог бы стать пророком, но они недолго живут, да и заканчивают кто на костре, кто на кресте... А я, демократ и гуманист, лучше соглашусь с причудами любого строя, чем дам прищемить себе даже мизинчик. Демократу можно быть любым презренным трусом, это доказывает высокую духовную организацию и утонченность мышления!

Они уже не слушали этот, по их мнению, бред, ускакали вперед, а я подумал философски грустно, что передовому мышлению еще долго проридаться к свету через тьму устаревших правил доблести, чести, верности, преданности и необходимости защиты слабых.

У поворота дороги высится крепкое каменное здание с высокой деревянной башенкой. Я успел увидеть там под навесом человека, он перегнулся через барьер и что-то прокричал вниз.

Через пару минут оттуда вышли двое солдат, один продолжал жевать куриную ногу, а когда мы приблизились, швырнул ее в далекие кусты и вытер ладони об одежду.

— Таможня, — сказал он хриплым голосом. — Кто, куда, зачем?

Рундельштотт произнес с поклоном:

— Купец Рунд, господин. Везу товары из своего городишко, надеюсь чуточку заработать.

Таможенник посмотрел на него с явным неодобрением.

— В вашем возрасте нужно сидеть дома, — изрек он непрекаемым голосом, — и греть у камина старые кости. И смотреть, как внуки играют с собаками.

Рундельштотт сказал с грустью:

— Увы, не успел я сколотить состояние, сыновья все пускали по ветру. А помощники мои не очень надежные, за ними нужен глаз да глаз.

Таможенник с еще большим неодобрением посмотрел на нас с Фицроем, Понсоменера просто не замечал.

— Пороть их надо!

— Надо, — согласился Рундельштотт, — да я вот опоздал, а теперь поздно. Хорошо, вы все наверняка успели вовремя...

Таможенник нахмурился, буркнул:

— Хотелось бы, да тоже...

Уже без всякого интереса заглянул в самый толстый и яркий тюк, махнул рукой.

— Уезжайте. Вижу, не разбойники.

Я сказал со вздохом:

— Говорят, разбойники зарабатывают больше...

— Нет, — возразил Фицрой, — таможенники.

— Разбойники, — сказал я.

— Таможенники, — возразил он.

Рундельштотт прикрикнул:

— Перестаньте!.. Будете возить товары, а грабить за- прещаю!

Я поторапливал коней, пока таможенник не соо- бразил, что его работу и разбойный промысел мы урав- няли, только Понсоменер смотрит чистыми честными глазами, подспудного текста не понимает, вечное дитя этого странного мира.

Фицрой оглянулся в недоумении.

— Таможня, понятно... но почему в таком месте? Мы давно едем по Уламрии!

— Здесь была граница, — сообщил Рундельштотт. — Но короли Уламрии время от времени отщипывают от Нижних Долин земельные наделы... Так, понемногу, чтобы не начинать из-за пустяков войны.

Я сказал задумчиво:

— Экономика Нижних Долин впятеро мощнее ула- мрийской. Королева могла бы собрать и вооружить ар- мию, способную захватить Уламрию, а то и Опалоссу.

Фицрой хищно улыбнулся:

— Может быть, к этому и ведет? Подождет, когда всех знатных глердов охватит праведный гнев...

Виннинг величественен, это первое, что пришло мне в голову, как только увидел город. Вторая столица Уламрии, как пояснил Рундельштотт, а когда-то была первой. На широком холме со срезанной почти до основания вершиной блестает под оранжевым солнцем высокобашневый город, где все высокое, начи- ная от городских стен и заканчивая простыми домами, крыши которых выглядывают из-за стены слишком уж заметно.

— Крепкий город, — сказал Рундельштотт с гру-стью. — Сколько выдержал штурмов, осад, налетов!.. Только поэтому лет триста назад столицу и перенесли в более спокойное место.

Фицрой остановил коня, оглянулся, веселый и бодрый, шире открыл глаза, чтобы мы оценили и полюбовались на сияющую бездну его синих гляделок.

— Переодеваемся, — напомнил он. — В город едем! Не бродяги вроде... не буду показывать пальцем.

Рундельштотт и Понсоменер тоже покинули седла. Изорванную в лесу одежду в самом деле нужно сменить на чисто городскую, нарядную, словно никогда в лесу и не были, а только по широкой дороге от одного города к другому.

Фицрой разнарядился, как петух перед новыми курами: одежда расшита затейливыми рисунками из золотых нитей, золотая цепь на груди, дублет из тщательно выделанной кожи парадно-черного цвета, золото смотрится на нем особенно ярко, кожаные штаны и сапоги с высокими ботфортами, Рундельштотт хоть и в плаще, но сменил на расшитый и с оторочкой рыжим мехом, Понсоменер и я в одеждах простых горожан, не богатых, но и не бедных, а так, чтобы нас меньше всего замечали.

Подъехали к воротам ближе, уже замечая на стенах следы от ударов камней из катапульт и требушетов. Кое-где даже выбоины от тарана, хотя что за сумасшедшие тащили таран вверх по склону, да и бить приходилось под углом, это уже совсем от отчаяния, чтобы потом доложить своему королю насчет недостатка боевой техники.

Проезжая ворота, я даже плечами передернул в нервозности: стена настолько широка, что по верху четверо воинов пройдут в ряд, однако некоторые зубцы повреждены, а другие и вовсе сбиты камнями из металлических машин.

Рундельштотт заметил мой взгляд, кивнул.

— Не стали восстанавливать. Столицу перенесли, а здесь ни к чему... Так что город в некотором упадке.

Фицрой сказал с уважением:

— Но боевого духа не растерял.

— Уламрийцы, — ответил Рундельштотт с легким презрением.

— Разве это плохо? — спросил Фицрой. — Умеют себя защитить.

— Особенно на чужой территории, — буркнул я. — Не очень хороши для соседей.

Рундельштотт сказал мирно:

— К счастью, мы местным не интересны.

— Ничего, — возразил Фицрой, — мы этот интерес пробудим.

— Уламры, — повторил Рундельштотт. — Они считают себя самым великим народом.

— Вот и прекрасно, — шепнул я. — Кто-то из великих велел жить незаметно.

Фицрой услышал, в изумлении вскинул брови.

— Это что же, мне и шляпу с пером нельзя? Хорошо, что я не великий.

— Это про других великих сказано, — пояснил я. — Которые не стремятся ими быть, но становятся.

Понсоменер ждал нас на перекрестке, и снова я обратил внимание на его коня, словно блестящая статуя, даже ухом не шелохнет в такие вот минуты покоя.

— Вон там постоянный двор, — сказал он, — а на той стороне через два дома гостиница.

— И что предлагаешь? — спросил я с интересом.

Фицрой превратился в слух, Понсоменер вообще ничего не предлагает, он исполнитель, а сейчас я вообще ставлю его перед выбором.

— Гостиницу, — ответил Понсоменер без малейших колебаний и тут же пояснил: — Хорошая дорога для отступления, широкие окна во двор и на улицу, близко базар...

Фицрой с энтузиазмом потер ладони.

— Базар?.. Хорошо! Надо заглянуть, а то у меня прохудилось тут... что-то. Ага, подошвы. Много в седле сижу. Поеду вперед, закажу номера и обед, а вы тут философствуйте, у меня от умных разговоров голова болит и есть сразу хочется.

Рундельштотт усмехнулся, но смолчал, мы двигались по улице молча, прохожих хоть и не толпы, но гнать коня галопом, как Фицрой, улюлюкая и размахивая плетью, слишком уж по-мальчишечьи...

Фицрой к нашему приезду в самом деле успел заказать номера и обед, нам сказал бодрым голосом, чуть не подпрыгивая от страстного желания ринуться на улицу:

— Вы тут устраивайтесь, а я спущусь вниз, узнаю новости. Вдруг принцессу провезли вот прямо только что перед нами?

— Узнавай, — согласился я без энтузиазма, — только не начинай.

— Чего? — спросил он с подозрением.

— Ничего не начинай, — посоветовал я. — Знаю, что такое дивный меч в руке и простая с виду рубашка, что крепче кольчуги. Разве это не повод для драки?..

— Ни о какой драке и не думаю, — возразил Фицрой. — Чего ты на меня такие несправедливые наговоры? Мастер, видите, как он на меня клевещет?

— Репутация, — объяснил я.

Рундельштотт сказал задумчиво:

— Может, ему лучше меч оставить здесь?

Фицрой одним прыжком оказался у двери.

— Но-но!..

И мгновенно оказался в коридоре. Рундельштотт сказал мирно:

— Детство играет. Пообтешется. А сейчас старается доказать себе и другим, что он вот такой большой и страшный. Это обязательный этап превращения юноши в мужчину.

— Я его миновал, — сказал я гордо.

Он посмотрел искоса, широко улыбнулся во весь рот.

— Ну да, конечно...

Распахнулась дверь, Понсоменер переступил через порог и аккуратно закрыл за собой.

— Лошадей устроил, — сообщил он, — в таверне народ говорит о большой войне... Никто армии еще не видел, но мелкие отряды идут в одну сторону, где-то большой сбор. И вообще... ощущение, как перед большой бурей. Даже ураганом.

— Хорошо, — сказал я, — пойдемте обедать. Без Фицроя. Он наверняка расскажет потом, где что продают и как странно одеваются женщины... тоже какая-то информация.

— И что ты с нею будешь делать? — спросил Рундельштотт с интересом.

— Не знаю, — ответил я. — Но умные люди даже по ней могут многое рассказать о королевстве, нравственности населения, стойкости, экономике, устойчивости строя, устремлениях и амбициях...

Он посмотрел на меня несколько странно.

— Ты говоришь о магах?

Понсоменер пошел впереди, в таверне несколько человек степенно обедают, двое прямо на столешнице азартно бросают кости, воздух тяжелый, пропитанный ароматами и запахами, но жареное мясо и печеная рыба кому из нас покажутся неприятными?

Рундельштотт, как старший, степенно распорядился насчет хорошего сытного обеда и вина, я молча подивился жадности чародея на магию, а когда нам принесли три широкие миски с гусем и двумя кроликами, я сказал тихо:

— А почему не создать свое вино?

Он буркнул:

- Зачем создавать, когда проще купить?
- Разве тут может быть хорошее вино?

Он сказал все еще недовольно:

- На такую ерунду тратить магию?
- Рубашка впитывает ее постоянно, — напомнил я.

Он вздохнул, подумал, прислушиваясь к ощущениям. Мы с Понсоменером ждали, а он устремил взгляд на середину стола, и через минуту там начал формироваться простой глиняный кувшин с залитой сургучом пробкой.

— Магию нельзя зря расходовать, — проворчал Рундельштотт.

— Есть и другая система, — возразил я. — Чем больше упражняешься, тем быстрее нарастают мускулы.

Он поморщился.

— Ладно, упражняйся, вскрывая пробку.

— А джинн не вылетит? — спросил я на всякий случай.

— Что за джинн? — спросил он.

— Хорошо, — сказал я, — какие здесь безопасные королевства... Какой мирный народ...

Сургуч скальвается нехотя, уже окаменев, будто этот кувшиностоял сотни лет в хранилище. А может, иостоял, сам Рундельштотт может не знать, создал он кувшин с вином прямо здесь или же перенес из винного погреба какого-нибудь великого короля.

Вино в наши три чаши хлынуло темно-красное и душистое настолько, что мужики даже за дальним столом начали поводить носами, стараясь понять, откуда вдруг дивный запах.

Я сделал осторожный глоток, восхитительно, древние не умели изготавливать даже крепкие вина, не говоря уже о более убойных напитках, зато позаботились

о букете, я как будто заправский ценитель подержал вино во рту, прежде чем проглотить, сказал с чувством:

— А может, маги высшего уровня исчезают, потому что спиваются?

Рундельштотт покачал головой, лицо стало почти жестоким.

— Чем выше поднимаешься, — ответил он серьезно, — тем строже за собой смотришь. Там другая опасность...

— Какая?

— Нельзя смотреть в бездну.

Глава 6

Фицрой появился, когда вина в кувшине осталось на донышке, сказал с порога бодро:

— Быстро я обернулся?

— Быстро, — согласился я. — Даже удивительно. Вон тебе награда за скорость. Целый кувшин, оцени!.. Даже вина в нем вроде бы немножко осталось.

Он плюхнулся на лавку, его пальцы с ходу сцепали кувшин, лицо сразу скривилось.

— Тут и на чашку не наберется... Ну ладно, накапало, но вы по три вылакали точно!

— По четыре, — уточнил я, — но ты сам удрал.

— Я по делу, — огрызнулся он. — Выяснил...

— ...где что продают, — вставил я, — и как одеваются женщины.

Он раскрыл рот в изумлении.

— А ты откуда... Ах да, в общем, здесь о посторонних только и говорят, потому что из самого города куда-то уходят воинские дружины знатных глердов, а в город заходят отряды из других земель, но тоже, пополнив запасы еды, уходят...

— А в самом городе предчувствие близости урагана, — сказал я. — Фицрой, мы аналитики! Такое поняли прямо здесь.

Он буркнул недовольно:

— Аналитики... Колдуны вы, а не эти, как их... Почему пироги не принесли?

— Несут, — сказал Рундельштотт. — Прямо из печи, какой запах... Не нюхай, не нюхай! Все вынюхаешь.

— Не задерживайтесь, — велел я. — Пироги здесь в самом деле... Понс, их тоже возьми в дорогу. Пусть к утру напекут для нас десяток.

Выехали утром, мешок с продуктами за спиной Понсоменера, я ехал следом, то и дело чудился тонкий аромат сдобных пирогов, еще горячих, в конце концов, чтобы думать не только о пирогах, но и о принцессе, догнал его и поехал впереди, всматриваясь в дивный мир, что уже совсем не дивный, человек ко всему привыкает, иначе как бы стал царем природы?

Первый привал сделали в полдень, быстро перекусили, налегая в основном на пироги, надо есть, пока не зачерствели, вино брать в дорогу я не разрешил, только воду, хотя ручьи встречаем несколько за день.

Еще сутки ехали по лесным дорогам, навстречу все чаще попадаются конные отряды, приходилось уходить в сторону, пережидать, иной раз даже зажимая коням пасти, чтобы не поприветствовали собратьев ржанием.

Ближе к вечеру все еще ехали через лес, когда Понсоменер сказал быстро:

— Впереди засада... Нет, не засада. Остановились и ждут открыто на дороге.

Мы с Фицроем пустили коней вперед, оставляя его с Рундельштоттом за спиной. За поворотом дороги как раз останавливается, загораживая нам дорогу, конный отряд, воины смотрятся разномастно с разным оружием и в разных доспехах, точно не армия, и пока мы рассма-

трявали препятствие, вперед выехал их вожак, приземистый и рыхлый человек.

— Вам придется остановиться, — сказал он властно.

Фицрой покосился на меня, дескать, выхватывай свои магические арбалеты.

Я покачал головой:

— Мы очень спешим, сожалею.

Он усмехнулся холодно и зло:

— Но придется.

— Почему?

Он кивнул в сторону:

— Вот там по широкой и очень удобной дороге, которую вы проигнорировали, идут воинские отряды армии Уламрии. А с той стороны еще одна дорога, которой вы тоже почему-то не воспользовались...

— И что там? — спросил я. — Еще один воинский отряд?

Он ехидно ухмыльнулся:

— Очень крупный. Даже очень. Какие бы у вас ни были силы, все равно не справиться с отрядом, а уламры — бесстрашные воины. Гибель их соратников не испугает...

Фицрой и Рундельштотт переглянулись, Понсоменер тупо молчит, я спросил со стесненным сердцем:

— И что вы предлагаете?

— Сдать все оружие, — произнес он властно и громко, чтобы слышали и самые дальние в его отряде. — Вы наши пленники!..

— Чьи? — спросил я.

Он ответил так же громко:

— Высокого лорда Теринга, герцога и владетельного хозяина клана Ордессов! А я глерд Дзерг — старший офицер его дружины.

— Я знаю, — сказал Рундельштотт. — Это у них что-то вроде наших гуцаров. Только король Антриас не королева Орландия, он усмирил их и прижал тяжелым налогом.

Дзерг сказал зло:

— Никто нас не усмирил!.. Сдать оружие!.. Главному связать руки за спиной!..

— Фицрой, — шепнул я, — не задирайся. Мы не можем драться со всеми встречными.

— Можем, — отрезал он.

— Но не станем, — сказал я. — Мы сдаемся.

Замок лорда Теринга, как и большинство подобных в королевстве, не выстроили, а именно возвели в свое время на холме. Богатство и могущество клана видны даже в том, что вокруг главного здания еще три, а все обнесено высокой каменной стеной, по верху которой небу грозят металлические острия.

У ворот нас встретил десяток прекрасно вооруженных воинов, еще около дюжины совершаются во дворе, разбившись на пары, а когда мы прошли к донжону, я всюду отмечал крепких и рослых стражников, все в доспехах из металла, на поясах длинные ножи в кожаных ножнах, в руках остроконечные копья.

— Фицрой, — сказал я тихо, — если ты еще не заметил, здесь весь замок переполнен воинами.

Он ответил пренебрежительно:

— Подумаешь!

— Не задирайся, — предупредил я. — Мы не сможем драться с сотней противников. Не знаю, к чему готовятся, но это явно не симпозиум по выращиванию роз или разведению кроликов.

Двери в донжон распахнуты настежь, в холле нас встретил, как понимаю, хозяин замка, высокий и массивный, фигура и размах плеч таковы, что не художник

или музыкант точно, спросил у нашего сопровождающего мощным командным голосом:

— Дзерг, что случилось?

Тот сказал быстро:

— Мы встретили в лесу на учениях этих людей, показались подозрительными. Я сказал, что лучше ночлег в замке, чем под деревом в лесу, где бродят дикие звери... Они согласились.

Хозяин улыбнулся:

— Мудрое решение... Лорды, я Теринг, глава рода Ордессов, о котором знает вся Уламрия. Вы как раз поспели к ужину, сейчас подадут на стол.

Дзерг поклонился.

— Да, хозяин. Заодно за столом расскажут, почему ехали через лес, избегая дорог.

Теринг посмотрел на всех нас с интересом, не пропустил взглядом ни сгорбленного Рундельштотта, тот изображает немощного старика, ни Понсоменера с его глуповато простонародным обликом.

— Прекрасная работа, Дзерг!.. Распорядитесь, чтобы с ними обращались учтиво. Ужин через полчаса, жду вас за столом. Дзерг все покажет.

Он прошел мимо к выходу из здания, за ним пртопали двое огромных и закованных в железо воинов, скорее телохранители, чем советники или младшие командиры.

Нас с Фицроем поместили в огромную и богато обставленную комнату, Дзерг сказал, как и велел ему хозяин, самым учтивейшим тоном:

— Ваши спутники, старик и его слуга, размещены на этаже ниже, рядом с нашими слугами. Там их накормят, не беспокойтесь...

Я поинтересовался:

— А почему их отделили?

Дзерг развел руками.

— Я думал, это и вам больше подойдет. Все-таки вы благородные глерды, а кто они? Всего лишь торговец и слуга, люди простого, даже простонародного звания!

— А-а-а, — сказал я, — ну ладно, все верно.

Он прислушался к топоту ног в коридоре.

— Если готовы, я провожу к столу. Не стоит дожидаться, пока жаркое остынет.

Я кивнул Фицрою:

— Запомнил дорогу? Тогда воспользуемся любезным приглашением и нажремся как следует. А если еще и вина нальют...

Дзерг улыбнулся:

— Нальют. Это даже я обещаю.

Глава 7

Двери в средних размеров зал, богато обставленный и с колоннами, распахнуты, во главе стола тихо общаются Теринг и его жена, справа и слева с десяток крупных мужчин достаточно воинственного вида, а нам с Фицроем указали места на противоположном от хозяев конце стола.

Поклонившись, мы сели, сдержанные и настороженные. Теринг сказал с улыбкой:

— Дорогие друзья, представляю вам таинственных путешественников через наши владения, глердов...

Я поднялся, еще раз поклонился.

— Евгена и Фигеля. Евген — я, Фигель — мой друг.

Теринг кивком поблагодарил, я сел под заинтересованными взглядами всех за столом. Наблюдающий за порядком управляющий подал кому-то знак, в дверь начали заходить слуги с подносами в руках.

Понаблюдав, как перегружают на столы жареных гусей, двух кабанчиков, уток и груды мелких обжаренных птичек, Теринг перевел взгляд на меня.

— Глерд Евген... гм, странное имя, чувствуется, вы очень издалека... кто вы и что вас заставляет скрываться?

— Скрываться? — переспросил я. — Ничто не заставляет. Мы, можно сказать, любители. И действуем не по принуждению, а в охотку.

Он улыбнулся:

— Хорошо-хорошо. Почему в охотку избегаете встречи с войсками его величества короля Антриаса?

Я ответил с понятной осторожностью:

— Причины могут быть разными... А вы почему не выдали нас его людям?

— Это еще впереди, — пообещал он. — Если окажетесь и моими противниками. Просто мне интересно. Не скажу, что я такой уж лояльный сторонник короля, но от его войск не прячусь.

Я бросил взгляд на лица мужчин за столом, никто не выразил неудовольствия от слов Теринга, что он не сторонник короля.

— Легальная оппозиция? — поинтересовался я. — Бурчите, осуждайте его действия, но следуйте указанным королем курсом?

Он слушал внимательно, усмехался, все козыри в его руке.

— Вы не из Нижних Долин? — спросил он внезапно.

— Вы не любите Нижние Долины? — ответил я вопросом на вопрос.

— Напротив, — сказал он любезно. — В Нижних Долинах благородные люди сохранили древние вольности, там к ним отношение уважительное, а здесь его величество слишком уж подмял всех под себя. Наши вольности попраны...

— Но находились отважные, — спросил я, — кто противился?

Он посмотрел хмуро и с неприязнью.

— Хотите сказать, я не противился, потому уцелел?

— Я так не сказал, — запротестовал я, но всем своим видом подтвердил, что сказал именно так, но из вежливости говорю это, чтобы не обидеть хозяина. — Возможно, вы тогда разделяли взгляды короля на единоличность власти...

Он посмотрел исподлобья.

— А клан?

Я переспросил:

— А что клан?

Его лицо стало неприятным.

— Я глава большого и могущественного рода, который идет из глубины веков, но не глава клана!.. А клан противится воле короля. Я, даже если бы захотел принять сторону короля, не сделал бы этого!

— Прежде верность клану, — сказал Фицрой убежденно, — потом королю. А как же иначе?

Теринг взглянул на него с одобрением.

— Вы хорошо все понимаете, юноша. А вот ваш друг...

— Мы из разных королевств, — пояснил Фицрой, — мой друг из таких далеких земель, что ему многое здесь в диковинку.

— Далеко же вы оба забрались, — заметил Теринг. — Опасно было на дорогах?

— Не для нас, — заверил Фицрой. — Я считал, что во всем королевстве никто лучше меня не владеет оружием, но когда встретился с Евгеном...

Он сделал паузу, Теринг спросил:

— Что, он как боец еще лучше?

— Я понял, к своему стыду, — ответил Фицрой, — что для него я деревенский пастух с палкой в руке...

Теринг спросил с недоверием:

— Вот так настолько?

Мужчины за столом начали хмуриться, слова Фицроя еще бы не задели, никто из нас не допускает, чтобы кто-то был круче, а если и допускает, то со скрипом и не раньше, чем получит веские и неопровергимые доказательства.

Один из них, рослый мужчина со шрамом на скуле и заросший черной бородой до самых глаз, сказал мощным, громыхающим голосом:

— Это интересно... Даже очень интересно...

Рядом с ним глерд в пышных дорогих одеждах сказал тише, но в голосе крылось коварство:

— Доблестный глерд, а не покажете свое умение? Для нас это будет счастье и урок, а для вас возможность показать свое превосходство...

Я поморщился, но пока подбирал вежливые слова, чтобы отклонить предложение с наибольшей любезностью, Фицрой сказал почти с восторгом:

— Да! Это прекрасное завершение ужина!.. И спаться будет приятнее.

Теринг сказал весело:

— Эй, там!.. Принесите меч глерда Фигеля, который сейчас в гостевой комнате... Да побыстрее!

Сразу двое слуг ринулись из комнаты, я напрягся, нам еще не хватало, чтобы Фицрой начал перерубывать мечи противников, как деревянные прутики, однако он, бросив на меня взгляд, покачал головой.

— Нет-нет, извините... Я предпочитаю разминаться тупым оружием.

Теринг спросил с презрением:

— Глерд, что за слова я слышу? Вы хотите сказать, что вам недостает отваги?

— Увы, — ответил Фицрой сокрушенно, — иногда теряю самообладание... Так сказать, прихожу в боевую

ярость. И, о чём почти сожалею, рублю всех. Потому обнажаю свой меч только в битвах.

Теринг усмехнулся:

— Хорошо. Выдать им затупленные мечи!

Слуга, что принес меч Фицроя, я узнал по размеру и предельно скромно украшенным ножнам, остался у входа, а другой отлучился ненадолго и вернулся с двумя уже обнаженными мечами стандартной длины.

Мужчины задвигались за столами, поворачиваясь в сторону середины зала, а те, у кого в руках кубки с вином, поспешили поставить их на столешницу.

Фицрой взял меч и ждал, а его противник некоторое время размахивал своим клинком, демонстрируя умение обращаться с оружием.

Теринг сказал с чувством:

— Прекрасно!.. Разве это не лучшее на свете зрелище?.. Потому никогда не приглашаю в замок комедиантов и всякого рода странствующих артистов. Разве кто-то еще может доставить такое же удовольствие?

Гости поддержали довольным ревом, кто-то азартно начал стучать кубком по столу.

Противник Фицроя, продолжая размахивать мечом, начал приближаться, затем резко сменил позицию и сделал быстрый выпад.

Я впервые видел, как дерётся Фицрой. Хотя уже не раз сражались плечо в плечо, но тогда не до любования, а сейчас наблюдал из удобного кресла, рядом удобно расположились с кубками вина Теринг и другие.

Опасности особой вообще-то нет, мечи хоть и металлические, но нарочито затуплены, это уже для обучения продвинутых новичков, что переходят от деревянных, к тому же у Фицроя в Гарне отобрали только меч, но не позарились на одежду, а у него как раз рубашка для горнолыжников, что при ударе мгновенно приобретает армированную жесткость. Чтобы оставить хотя бы крово-

подтек, нужно суметь пробить эту жесткость, а это вряд ли, нужно бить со всего размаха тяжелым топором...

Все гости за исключением Теринга подбадривали противника Фицроя, тот напирал, однако Фицрой даже не стал пятиться, успевал парировать и отбивать удары, несколько раз имитировал касание острием то горла противника, то живота, дважды коснулся левой стороны груди, указывая точно в сердце.

Крики постепенно слабели, наконец Фицрой умело закрутил лезвием меча клинок поединщика, тот выскользнул из ослабевших пальцев и улетел на другой конец зала.

— Ох, — сказал Фицрой, — вы поскользнулись, я сам видел... Подберите меч, продолжим забаву.

Тот посмотрел на него исподлобья, оглянулся, один из слуг уже бежит к нему, держа меч рукоятью вперед.

— Да, — сказал он, — я... поскользнулся.

За столом уже умолкли, а когда рукоять меча снова выскользнула из ладони воина, словно живая рыба, Теринг произнес густым голосом:

— Все-все!.. Поединок окончен, наш доблестный гость показал...

Фицрой прервал:

— Простите, но я даже не разогрелся. Может быть, мне будет интереснее против двух?

Теринг посмотрел на него испытывающе.

— Вы уверены?

Фицрой бесстыдно улыбнулся.

— В боях вообще противников не считаешь... Но, как видите, я даже без шрамов.

Теринг нахмурился, хотя шрамы и украшают мужчин, но все-таки больше умения у тех, кто эти шрамы оставляет.

— Я сам выберу вам достойных противников, — сказал он мрачно. — Кедатер!.. Акаларк!.. Я считаю вас

обоих неплохими фехтовальщиками. Покажите, что че-
го-то стоите...

Из-за стола поднялись двое, я слегка насторожился, оба высокие, жилистые, с длинными руками, двигаются с ленивой грацией, что из замедленности может без перехода взрываться стремительным каскадом ударов.

Фицрой ждал с застывшей улыбкой, лишь однажды бросил в мою сторону предостерегающий взгляд, мол, не вмешивайся.

Не вмешиваюсь, ответил я взглядом, но если тебя, дурака, серьезно ранят, проломив голову, я тебя сам добью и закопаю.

Они сошлись на середине зала, Кедатер и Акаларк сперва прощупывали защиту и реакцию Фицроя, затем начали отодвигаться друг от друга все дальше, так что Фицрою пришлось не только оглядываться, но и постоянно передвигаться, чтобы не подошли слишком близко со спины.

Я время от времени сжимал кулаки, а сердце учащалось, Фицрой фехтует слишком уж рискованно...

Раздался удар, вскрик, за столом тут же умолкли. Один из фехтовальщиков отступил, рука с мечом опустилась, но Фицрой добивать не стал, скрестил клинок с его напарником.

Первый помотал головой, приходя в себя, удар Фицроя был не сильным, к тому же плашмя, все видели, но все же некоторое время стоял на месте, покачиваясь, а Фицрой отражал отчаянные удары его соратника, стремящегося дать время напарнику.

Я с облегчением выдохнул воздух, и хотя вскоре атаковали уже двое, но за столами тоже поняли, что их лучшие мастера меча уступают этому чужаку.

Уже в молчании все смотрели, как Фицрой выбил из рук меч одного, а второй поспешно отступил и упер клинок в пол.

— Сдаюсь, — выдохнул он. — Признаю, вы лучший из мастеров клинка, которых я когда-либо встречал!

Разгоряченный Фицрой принял из рук слуги кубок, сделал мощный глоток и крикнул весело:

— А теперь мой меч!

Понсоменер моментально выдернул клинок из непонятно как оказавшихся у него в руках ножен и бросил Фицрою. Тот красиво поймал на лету, и среди собравшихся мгновенно наступила тишина.

То, что странник поймал небрежно за рукоять, впечатляет, но еще больше впечатлил сам меч — пугающе длинный, широкий, с бритвенно-острым лезвием.

Фицрой, явно рисуясь, проделал несколько взмахов с такой стремительностью, что сам меч слился в длинные сверкающие круги. Я поглядывал на их лица, все только сейчас со всей отчетливостью поняли, что случится, если схватка вдруг состоится всерьез.

— Вот теперь хорошо! — прокричал он звучным голосом.

Я поднялся во весь рост и громыхнул на весь зал:

— Фигель!.. Меч в ножны, сесть за стол. Представление окончено.

Фицрой ухмыльнулся, все понял, мощно швырнул клинок в сторону Понсоменера. Тот поймал на лету за рукоять так же умело и легко, небрежно бросил в ножны.

Фицрой сел на прежнее место со мной рядом, а Теринг обратился через стол ко мне:

— А вы, глерд, не хотите показать свое умение?

Я покачал головой:

— Нет, спасибо.

— Что случилось?

Я ответил ровным голосом, холодно глядя ему в глаза:

— Можете считать меня трусом.

Он пару секунд смотрел мне в лицо, что-то дрогнуло в его глазах, он проговорил с нервным смешком:

— Никто не будет считать вас трусом, глерд. Видимо, вам это просто неинтересно.

— Точно, — согласился я. — Неинтересно.

Теринг поклонился, но лицо его оставалось угрюмым.

— Я в самом деле не видел такого мастерства. А вам не кажется, что обоим пора оставить службу у этого купца и найти более достойное занятие?

Фицрой ответил, опередив меня:

— Нам нравится странствовать по новым местам. А наш торговец сохранил жажду путешествий. Торговать умеет, так что всегда в прибыли, это дает возможность двигаться дальше, дальше...

— Торговцы, — изрек Теринг, — люди подлой профессии. А вы, как вижу по всему, люди благородного происхождения. Вам нужно начинать службу у благородных людей. А приключения... Уверяю вас, они и здесь скоро не заставят себя ждать.

Вид у него был многозначительный, на этот раз я опередил Фицроя.

— Если только так... Но нам нужно будет подумать и хорошо все взвесить. Утром вы расскажете не только о высоком жалованье, а мы привыкли получать много, но и о том, чем служба здесь может заинтересовать еще...

— Чем именно?

— Помимо кошелька с золотом, — пояснил я. — Мы молодые и жадные до удовольствий. В нашем возрасте приключения важнее золотых монет, хотя ими тоже не пренебрегаем.

Он посмотрел на меня, кивнул:

— Рассуждаете здраво. Посоветуйтесь, а утром за чашей вина после сытного завтрака, а у нас готовят прекрасно, обговорим условия. Они будут щедрыми, уве-

ряю вас. Вы же будете служить по своему выбору, а не по принуждению, так что буду стараться удерживать вас щедрым жалованьем и льготами.

Глава 8

В нашей комнате я огляделся, на этот раз замечаю то, на что вообще не обратил внимания сразу: светильники, потому что во всех четырех углах ни одного окна, а дверь только с одной стороны, из коридора.

Фицрой все понял по моему взгляду.

— А ты чего хотел? — спросил он. — Кто же в правильном замке строит первый этаж с окнами? Во всяком случае, на внешнюю сторону. И стена здесь втрое толще, что правильно, никакой таран не возьмет.

Я сказал мрачно:

— Подожди здесь.

— Я лучше с тобой, — возразил он. — Мой меч теперь со мной, видишь?

— Обойдемся без меча, — сказал я. — На этот раз.

Он нахмурился, но возражать не стал, только крикнул вдогонку:

— Если что, кричи громче! Можешь «мама»...

В коридоре трижды наткнулся на прогуливающихся людей в доспехах и с оружием, что-то темнит хозяин, к чему-то готовится или чего-то опасается, но не показывает виду.

На лестнице дежурят еще двое, трудновато будет прорываться, я поинтересовался:

— Ребята, а где Дзерг? Управитель?

Один пожал плечами, второй кивнул через перила вниз:

— Только что там пробежал...

— Спасибо, — сказал я и поспешил по ступенькам, где снова встретил двух с оружием и в доспехах, а ка-

кой разумный человек будет таскать металлические пластины на себе и тяжелый меч в ножнах, если не ждет неприятностей или призыва к бою?

Управитель пробегал вдали по нижнему залу, но как ощутил меня, круто развернулся.

— Глерд Евген?.. Как вам ваша комната?

Я отмахнулся.

— Жаль, что нет окон, я же поэт и всегда перед сном привык любоваться лунами... Но это сейчас не важно. Пусть приведут к нам нашего хозяина. Я имею в виду не лорда Теринга, он пока не наш хозяин, а торговца.

Управитель поморщился.

— А не лучше ему спать в компании наших слуг?

— В обычных случаях, — согласился я, — но сейчас мы будем обсуждать, уходить от него или нет. Он должен присутствовать. Сговариваться за его спиной недостойно людей благородного происхождения.

Он сказал недовольно:

— Да, вы правы. Я велю его привести...

— И нашего слугу, — сказал Фицрой. — Он тоже должен знать о переменах. И решить, с кем идти.

Управитель покачал головой.

— Он так ловок... Не лучше бы оставить его себе?

— Свободно нанятый, — напомнил я, — как и мы. Сам решит. Хотя, конечно, попробуем сманить на свою сторону. Нас он вполне устраивает. Кроме того, мы столько раз спали в лесу, укрываясь одним плащом и с торговцем, и со слугой, так не совсем благородно вдруг начать брезговать ими в нашу последнюю, возможно, общую ночь?

Управитель развел руками.

— Это ваш выбор. Мы просто хотели создать удобства с первого же дня. Вы благородные люди и должны быть только среди благородных!

Я смолчал, а он, поклонившись, отбыл.

Рундельштотт и Понсоменер прибыли вскоре, оба сытые, но я уловил их тревогу, хотя на людях изображают спокойствие и полную удовлетворенность.

Я оглядел комнату, стены из толстых гранитных блоков, ни щелей, ни тайных окошек для подсматривания и подслушивания, народ в глухи прямой и честный. За дверью и в коридоре тоже никого, стражники только на выходе.

— Так, — сказал я, — вон лежанки, всем нужно спать. Утром долгий путь, так что падайте сейчас.

— А что насчет предложения Теринга? — спросил Фицрой хитро.

— Ты не устал? — спросил я с досадой. — А мы трое даже очень.

— Да, — согласился он. — Я видел, как ты трудился за столом. Взмок весь.

— А ты свеж, как птичка утром, — сказал я.

— Да, — подтвердил он.

Сделал лицо гордым и значительным, он же герой, никакой усталости, но едва подошел к ближайшему ложу, рухнул и заснул так крепко, что не заметил бы, стащи его за ноги на пол и потаскай по этажам, стукая головой по ступенькам.

Ночью ближе к утру я поднялся в кромешной темноте, что для нас не тьма, а простое отсутствие цвета, на цыпочках двинулся в сторону внешней стены, а та как будто отодвинулась за ночь, наконец кончиками пальцев уперся в камень, постарался представить его толщину.

Портал получился с первой попытки и почти мгновенно, в лицо пахнуло свежим воздухом, с той стороны стены сейчас тихо и все в черно-белом, как и здесь.

Торопясь, я разбудил всех троих, прошипел:

— Я отыскал тайную дверь, о которой хозяева то ли не знали, то ли забыли. Уходим быстро!

Первым послал Понсоменера, затем Рундельштотта и Фицроя. Последним нырнул сам и ощутил, что за спиной портал исчез. Похоже, армию так не перебросить, но уже то, что успели проскочить четверо, говорит о моей возрастающей мощи.

В небе звезды, а через дюжину шагов вышли на заливную лунным светом площадку, но Фицрой сразу повел вдоль стены, прячась в тени.

У ворот конюшни дремлет стражник, Фицрой начал подкрадываться к нему с нехорошим выражением лица, но Рундельштотт придержал, подвигал руками.

— Все, — шепнул он тихо, — этот проснется, когда его потрясут за плечо.

— Все удовольствие испортил, — буркнул Фицрой.

— Я тоже умею курам головы сворачивать, — отрезал Рундельштотт, — но сворачиваю только тем, кого собираюсь приготовить, а не всем подряд!

— А для радости? — возразил Фицрой. — Вон наш командир говорит, человек рожден для счастья и радости! А я человек... может быть, единственный среди вас.

В конюшне кони подняли головы, рассматривая нас тревожно, но фыркнуть не успели, Понсоменер сказал им нечто успокаивающее, а Рундельштотт проговорил заклинание, я запоздало увидел двух спящих на сене конюхов.

— Тоже не проснутся сами, — пояснил Рундельштотт. — Седлайте побыстрее! Вдруг кому из замка вздумается прогуляться в ночи...

— Я даже знаю, — ответил Фицрой, — к кому можно прогуляться. Если бы не наш злой командир...

Коням Понсоменер предложил обмотать копыта тряпками, чтобы в замке не услышали стука, но я решил, что если спят, то все равно не услышат, хотя в любом случае мы уже в седлах и успеем уйти так далеко,

что никакая погоня не отыщет. Да и не станут искать нас в землях соседей.

Понсоменер сказал тихо:

— Ведите коней тихонько к выходу, я заберу наше оружие и догоню.

— Давай, — разрешил я, — но лучше подождем тебя здесь.

Он исчез, я сказал Фицрою и Рундельштотту:

— То ли у них твердые правила чести, то ли презрительное равнодушие к нашему оружию? Никто даже не пытался вытащить мечи из ножен.

Рундельштотт буркнул:

— К счастью.

— А посох тоже оружие? — спросил Фицрой. — То-то, смотрю, наш мастер кряхтит и еле ноги передвигает!

— Военная хитрость всегда в цене, — вступил я за Рундельштотта. — Только полные дураки ею пренебрегают. Когда-то она станет главенствующей в военном деле.

— И придет конец воинской доблести, — сказал Фицрой, — воинской чести, геройству и безумной отваге...

— Знаешь, — сказал я, — для меня слово «безумие» почему-то не звучит похвалой. Наверное, я все-таки больше заточен под чародействование, а не мечемахательство. Самому стыдно, но приятно.

В дверном проходе на миг возникла фигура Понсоменера с мешком на плечах и тут же исчезла. Мы успели навстречу, разобрали оружие, в самом деле ничего не пропало, что значит, нас всерьез намеревались уговорить перейти к ним на службу.

— Как стыдно, — пробормотал Фицрой. — Какой позор... Мне теперь кусок хлеба в рот не полезет до самого обеда. Ушли без боя, как трусы...

— Военная хитрость, — отрезал я. — Нам нужно выиграть не эту схватку, а войну. Наша война...

— ...найти и вернуть принцессу, — досказал Рундельштотт. — Да все Фицрой понимает, а это так, чтобы не подумали, будто трус, как будто в самом деле трус, прикидывающийся отважным.

Фицрой негодующе всхрапнул, но умолк и молчал даже тогда, когда выехали на дорогу и понеслись по ней на север.

Прошли еще сутки поисков, я ехал уже весь в тревоге, в земли Уламрии углубились настолько, что и не убежать, отряды вооруженных людей встречаются все чаще, идет концентрация войск для скорого наступления, никто не станет держать массу людей в одном месте долго...

Понсоменер все так же выезжал вперед, иногда уходил в сторону, но быстро догонял нас, Фицрой тоже мрачнел. Мы все подпрыгнули, когда донесся непривычно ликующий вопль Понсоменера:

— Есть!.. Что-то есть!..

Мы пустили коней вскачь, Понсоменер стоит на коленях, осторожно щупая кончиками пальцев отпечатки конских копыт, а когда мы с Фицроем покинули седла, он протянул мне на ладони крохотный клочок ткани.

Фицрой вскрикнул:

— Кружева!.. Это же с платья принцессы!.. Там у нее на подоле такие же были...

Я пробормотал в радостном возбуждении:

— Тебе виднее, ты у нас специалист по юбкам. Да и вообще... откуда здесь, в мире мужчин, оказались бы женские кружева? Понс, давай в седло, веди!

— Догоним, — сказал Фицрой жарко. — Когда это было?

— Земля влажная, — ответил Понсоменер. — Эти следы через час заполняются водой. А пока, видите, только на дне...

Даже Рундельштотт воспрянул, мы шли так около двух часов, затем Понсоменер резко остановил коня.

— Там целый отряд на дороге!

— Собьем? — спросил я.

Понсоменер ответить не успел, вместо него вскрикнул Фицрой, который еще никого не увидел:

— Мы да не собьем?

И пустил коня в галоп, на скаку вытаскивая из ножен длинный страшный меч. Я ругнулся, но ринулся вдогонку, на повороте показались всадники, у некоторых в руках копья, у других мечи и топоры, Фицрой несется прямо на копья, что за дурак...

Я торопливо открыл стрельбу из обоих пистолетов, Понсоменер выпустил десяток стрел, я увидел с облегчением, что он тоже выбивает в первую очередь всадников с копьями, они для нас самые опасные...

Фицрой наконец-то врезался в их ряды и рубил с такой скоростью направо и налево, что над ним только сверкающие стальным блеском широкие полосы.

Рундельштотт в бой не вступил, но держится, что заметно, в готовности к некоторым действиям.

Меня дважды успели ударить в спину, а еще так сдружили в плечо, что я выронил пистолет, но успел развернуться и всадить пулю из второго прямо в радостно воящий рот, тут же пригнулся, избегая удара топора, и выстрелил в его соседа, что едва не улетел за своим грозным оружием.

Наконец раздались крики:

— Колдуны!.. С ними колдуны!

Понсоменер очень расчетливо выбрал место и быстро-быстро бил оттуда стрелами. Фицрой пронесся на другую сторону отряда и бешено рубил в обе стороны, а

я мчался за ним, беспрерывно паля в каждого с оружием в руках.

Схватка началась и закончилась в бешеном темпе: никаких красивых и долгих поединков, все мы просто убирали заслон с нашего пути, и даже последние из всадников, которых могли миновать, паля под моими выстрелами, а из двоих Понсоменер выдернул стрелы.

— Стоп-стоп! — крикнул я. — Фицрой, назад!.. Вперед пойдет Понсоменер, а ты иди сюда!

Фицрой повернулся коня, на лице недоумение, в раздражении вытирая со лба кровь ладонью, морщился, глядя на окровавленные пальцы.

— Двадцать три человека, — сказал он с тревогой. — Если это увидят, нам придется худо. Чтобы остановить таких орлов, бросят всю армию!

— Не бросят, — заверил я. — Армия нужна в другом месте. Хотя да, в следующий раз могут выставить заслон так заслон. Заслонище!

Рундельштотт приблизился, на ходу убирая посох за спину, покачал головой.

— Поздно.

— Не успеют? — спросил я.

— Не успеют, — подтвердил он. — Это отряды, которые поставили здесь неделю тому назад, если не больше. Когда первая часть похищения только-только начиналась. О том, что мы здесь, никто не знает, только предполагалось. Значит, операцию продумывали хорошо и задолго.

Я вытащил пластырь, Фицрой придинул коня к моему нехотя, всем видом показывая, что герои на такие царапины внимания не обращают.

— Так бы засохло... Подумаешь!

Я налепил широкую белую полоску ему на ранку, велел строго:

— Не прикасаться! Не чесать, не скрести когтями. Жди, когда все затянется.

Рундельштотт следил с жадным интересом.

— Никогда такого не видел, — признался он. — Как долго будет затягиваться рана?

— За ночь, — ответил я. — Останется небольшой шрам. Но если пластырь не снимать неделю, шрам тоже рассосется.

Фицрой, судя по его виду, крепко задумался. Если шрам рассосется, это красивше, но если останется — больше уважения от мужчин.

— Потерплю с неделю, — ответил он после мучительного колебания, — хотя неделю не чесаться... гм... ладно, шрамы оставлю после другого раза.

Понсоменер собрал стрелы, почистил наконечники, я крикнул:

— Ты готов?

— Дальше по дороге никого, — ответил он.

— Преследуем дальше, — велел я. — Заслон показывает, что эту дорогу зачем-то охраняют особенно!

Фицрой сказал хищно:

— Мы знаем теперь, почему охраняют.

Глава 9

Дорога отчаянно мечется из стороны в сторону, пытаясь выскользнуть из-под копыт наших коней, однако те вколачивают ее в землю, как гвоздями, не давая сдвинуться, а деревья в спешке отпрыгивают, кони мчатся с грозным грохотом, чувствуя нашу жажду догнать и разом покончить с этим затянувшимся поиском-погоней.

Понсоменер то и дело уходил вперед, наши кони начали заметно уставать, я начал подумывать о коротком отдыхе, но Понсоменер прокричал:

— Вижу!..

Фицрой вырвался к нему первым, тоже заорал:

— Я вижу, вижу!.. Плащ принцессы!.. Разрази меня гром, голубой плащ принцессы!.. Сволочи, усадили ее высочество на коня верхом, как посмели...

Деревья там далеко впереди стали реже, похитители почему-то мчатся на конях не прямо от нас, а в сторону, но я не успел даже насторожиться, как Понсоменер впереди резко остановил коня, а Фицрой заорал:

— Здесь пропасть!..

Мы с Рундельштоттом сбавили скорость, кони с храпом и топотом вынеслись из леса. Но впереди не простор, а широкое ущелье, а на той стороне неспешным аллюром, рассчитанным на долгое преодоление дороги, движется отряд всадников в легких кожаных доспехах с луками за спиной и короткими мечами у бедер.

Фицрой, рассыпая проклятия, крикнул Понсоменеру:

— Достанешь стрелами?

— Через такое ущелье? — спросил Понсоменер. — Могу нечаянно попасть в принцессу.

— Проклятие, — сказал Фицрой. — Юджин... а ты?

— Моя магия только для ближнего боя, — сказал я.

— А та, что для дальнего?

— Пока вытащу из мешка, — ответил я, — соберу, те уже скроются в лесу. Поехали-поехали! Нельзя упускать их из виду.

Остаток дня похитители мчались по той стороне ущелья, иногда удавалось различить их лица, только принцессу везут со связанными руками и надвинутым на лицо капюшоном.

Понсоменер рассмотрел даже веревку, которой связаны ноги принцессы под конским брюхом. Но даже связанную стерегут пуще глаза, один не выпускает из руки длинный повод, следом скачут еще двое, готовые

подхватить захваченную, если только начнет клониться в сторону.

Мы мчались на усталых конях, как хищные волки, и хотя в отряде противника народу втрое больше, но всего лишь втрое, справимся, если не случится что-то особое, типа супергерой там в команде или могучий колдун.

Даже Рундельштотт повеселел, чувствуя скорую развязку, то и дело выезжал вперед, а там Понсоменер долго смотрел вперед, лицо окаменело, взгляд застыл, я ждал, наконец он проговорил с достаточной долей уверенности в голосе:

— Ущелье скоро кончится...

— Откуда знаешь? — спросил Фишрой с радостным недоверием.

За Понсоменера ответил Рундельштотт:

— Поживи дольше, и ты начнешь чувствовать этот мир. Я вот могу сказать даже точнее, что во-о-о-он за тем лесом стены сдвинутся настолько, что можно будет перепрыгнуть эту глубокую расщелину, но прыгать не придется, еще дальше дно поднимется настолько...

Понсоменер подтвердил:

— Дальше только ровная каменистая равнина.

— Да, — согласился Рундельштотт. — Равнина. Но травы мало.

— Нам траву не есть, — отрезал я. — Сменить коней!..

Запасные тоже устали, но не настолько, как те, что под седлом. Их быстро расседлали и перенесли седла на заводных, тут же погнали во весь опор.

Ущелье, как и предсказал Рундельштотт, в самом деле сошло на нет: дно поднялось, а стены сошлись, под копытами загремела выжженная солнцем каменистая почва.

Похитителей след простыл, явно знают, что ущелье скоро перестанет отгораживать от нашей жестокой и обязательно кровавой мести, ушли в лес заранее.

Мы в горячечной спешке рыскали на той стороне, наконец Понсоменер вскрикнул:

— Есть!.. Они поскакали в ту сторону!

Фицрой прокричал страшным голосом:

— В галоп!..

Дорога пошла вниз, что удобно для усталых коней, Фицрой пригнулся к лошадьей шее, даже он видит свежие отиски копыт только что проскакавшего отряда, Понсоменер то выдвигается вперед, то останавливается посмотреть, как там старый мастер.

Оранжевое солнце, что последние два часа закрывало почти всю западную часть неба, все же опустилось за край земли, сразу потемнело, мир потерял краски.

Я огляделся, крикнул с горечью:

— Все-все!.. Останавливаемся.

— Ты с ума сошел, — вскрикнул Фицрой в ярости, — мы же почти догнали!..

Я сказал с той же горечью:

— Ничего не поделать, завтра утром догоним.

— Ночь не помеха, — крикнул Фицрой, — мы все видим в темноте!..

— Но не кони, — возразил я. — Посмотри на них. Их уже шатает. Они и так вот-вот падут, шагом уже не могут, какой там галоп...

Я не сказал, что никакие принцессы не стоят того, чтобы из-за них коней загонять насмерть. Из-за этого невзлюбил мушкетеров, те загоняли коней десятками просто так, либо чтобы чуть быстрее доскакать до таверны и веселых девок.

Понсоменер вытянул в сторону руку:

— Вон там село!.. Большое.

— Село, — сказал Фицрой со вспыхнувшей надеждой, — это кони.

Попытка купить в селе коней не удалась, то ли село слишком крохотное, то ли похитители принцессы, понимая, что наши кони едва переставляют ноги, угнали всех, кроме трех хилых крестьянских лошадок.

Заночевали мы в селе, а рано утром снова в погоню, но теперь я и Фицрой чувствовали призрак неудачи, только Рундельштотт и Понсоменер время от времени переговаривались, умолкали, но обменивались многозначительными взглядами.

Я подъехал к ним, когда Рундельштотт очнулся от глубоких раздумий, Понсоменер тут же повернул к нему голову, и старый чародей поинтересовался:

— Ты эту реку представляешь?

— Какую реку? — спросил я в недоумении.

— Что впереди, — ответил Рундельштотт. — Нам всем придется через нее как-то перебираться.

— Нет, — ответил Понсоменер, — не представляю. Но она большая, видно в воздухе. Воды много.

Рундельштотт задумался, мы с Фицроем почтительно умолкли, слушаем, наконец он сказал:

— Я давно в этих краях не был, очень давно. Большой каменный мост сумели перекинуть на эту сторону еще лет сто сорок назад... С той поры все дороги шли только через него.

Фицрой открыл было рот, я остановил его жестом. Понсоменер проговорил сонно:

— Много воды...

— И вряд ли там сохранилась переправа, — согласился Рундельштотт. — А была ж, пока не выстроили мост ниже по течению. Я не вижу шанса перехватить погоню, если не переправимся здесь по прямой. А им придется полдня мчаться вниз по течению, там пере-

браться и обратно вверх, чтобы выйти на прямую дорогу к Иссору.

Я крикнул в злом нетерпении:

— Давай через реку!.. Где она?

Рундельштотт посмотрел на меня с интересом:

— В самом деле не чувствуешь? Где же ты родился...

Даже воздух другой, свежий и влажный...

— Сейчас будем там, — крикнул Понсоменер и, не объясняя больше, повернул коня в сторону редкого леса.

Мы промчались, лавируя между деревьями, я в самом деле ощущал присутствие реки за полминуты до того, как увидел ее, широкую и могучую.

Фицрой присвистнул, река не только широкая, но и чувствуется ее мощь, такая с легкостью потащит корабли, а в половодье снесет и не заметит не только села на берегу, но и города...

— Вряд ли, — сказал он в сомнении. — Драться могу, но плавать...

Рундельштотт кивнул на Понсоменера:

— Главное, не отставать от него. И двигаться шаг в шаг.

— Все понял, — ответил я. — Давай, а то снова опоздаем.

Понсоменер покинул седло и, взяв коня за повод, быстро сбежал в воду. Я двинулся за ним первым, Понсоменер довольно быстро сделал несколько шагов в холоднющей и быстрой воде, затем замедлился, ступил в сторону, я копировал его движения в точности, вода дошла до груди и пытается утащить с безопасного места, сравнительно безопасного, Понсоменер не случайно выбрал самое широкое место между берегами, это значит, что течение не протискивается с силой между ними, да и дно ближе к поверхности...

Фицрой помогал Рундельштотту, хотя тот, как и Понсоменер, чувствует форму дна, ямы обходит так, словно видит в быстрой мутной воде, это он дважды хватал Фицроя, когда тому стремительная вода сумела оторвать подошвы от дна и попыталась утащить вниз по течению, а Фицрой всякий раз оправдывался, что это он хотел нырнуть иловить раков.

На берег выползли едва живые, измученные кони долго не могли взобраться на пологий берег, дрожали и всхрапывали. Я подумал было, что хорошо бы обсудиться, но Фицрой хриплым голосом сказал, что просто необходимо выехать на дорогу сразу же.

— Он прав, — прошептал Рундельштотт. — Вряд ли у нас еще будет возможность...

— Понсоменер, — сказал я, — веди по прямой.

Так двигались еще четверть часа, а когда за деревьями простирали накатанная дорога, Рундельштотт рухнул, его подхватил Фицрой, а старый чародей прохрипел:

— Вот теперь можно... Наблюдайте за дорогой... Другой здесь нет...

— Отдыхайте, — ответил Фицрой и опустил его на траву.

Отряхивать воду с тела бесполезно, даже одежда почти высохла, кони устало щиплют траву, а мы залегли между деревьями, посматривая на дорогу.

У нас у всех хорошее зрение, но, как я заметил, не только я посматриваю на Понсоменера, а тот, чувствуя груз ответственности на своих плечах, все всматривался неотрывно в ту сторону, откуда дорога идет от моста к нам, а в какой-то момент сказал напряженным голосом:

— Там пыльное облачко...

Фицрой прошептал:

— Они?

— Еще не видно, — ответил Понсоменер тоже тихо, — но это не один-два всадника. Отряд...

Я всмотрелся, поднялся, хватаясь за дерево.

— Хорошо идут... Чую, у моста их ждали со свежими лошадьми. Тоже хорошо...

— А наших бросим? — спросил Фицрой.

— Не жадничай, — сказал я. — Нет ничего важнее скорости. По крайней мере сейчас.

В пыльном облаке начали поблескивать искорки, Фицрой покосился в мою сторону.

— Пора?

— Пора, — согласился я. — Но я лучше стреляю с земли.

— Я тоже, — сказал Понсоменер. Он взял в руку лук и, закинув вторую за голову, провел кончиками пальцев по оперению стрел. — Хотя они промчатся быстро, зато подо мной земля не будет ерзать и переступать с ноги на ногу...

Фицрой покосился на него в некотором удивлении, раньше Понсоменер не решался на такие длинные фразы. Рундельштотт взял посох в обе руки, направив на балдашником в сторону дороги, а Фицрой вытащил меч и начал дышать чаще и чаще, взвинчивая себя для стремительной схватки.

Пыльное облако как будто отстало, а всадники вынырнули из него, хотя, понятно, пыль всегда несется следом, а не впереди, это издали видим только пыль...

Понсоменер оттянул тетиву с уже наложенной стрелой и, почти не целясь, выстрелил, тут же ухватил вторую, третью, четвертую...

Я ждал, пока всадники на бешено скачущих конях приблизились на сравнительно прицельную дальность, принцессу закрывают своими телами несколько человек, но все-таки лучше в ту сторону не стрелять, я стиснул челюсти и, сведя кулаки вместе, открыл быстрый огонь.

Пятеро вылетели из седел, сраженные стрелами Понсоменера, и только тогда зашатался и упал на конскую гриву своего скакуна тот, в кого стрелял я, но я стрелял и стрелял, пока неслись навстречу, а потом мимо, слышал, как яростно завопил Фицрой, прогремел стук копыт и сзади, но опасности нет, я продолжил стрельбу уже вдогонку, пока не услышал крик Рундельштотта:

— Они уходят!

На дороге уже с десяток тел, испуганные кони с диким ржанием носятся, путаясь в брошенных поводьях, а за удаляющимся отрядом мчится с поднятым мечом Фицрой.

— Что за трусы, — крикнул я, с разбега вскочил в седло и направил коня на дорогу, — могли же...

Но понимал, что если дали четкий приказ только везти принцессу, то всяких схваток по дороге желательно избегать, это мы сплоховали, уверенные, что те остановятся для схватки, а мы в яростной борьбе одних убьем, других обратим в бегство, и принцесса будет освобождена.

Глава 10

Конь Фицроя в азарте несется за скачущими, меч в руке его хозяина взлетает над головой, и едва нагоняют заднего, удар обрушивается уже смертельный, наши кони только успевают перепрыгивать через трупы.

Рундельштотт на скаку шепчет какие-то заклятия, но пока эффекта не вижу, наше счастье в том, что большой отряд по узкой дороге через лес мчится медленнее, чем мы, одиночники, я приблизился на прицельную дистанцию и открыл стрельбу.

Понсоменер догнал на одном из поворотов, выстрелил дважды, но потом решил поберечь стрелы, а я сбросил на землю еще несколько человек, как вдруг весь отряд разделился, только трое понеслись по дороге, остальные ринулись в лес, замелькали за деревьями.

— Принцесса! — закричал я. — Кто ее видит?

Рядом со мной, потихоньку выдвигаясь вперед, идет на бешено скачущем коне Понсоменер, непривычно собранный и настороженный, всматривается, щуря глаза. Фицрой все еще со мстительными криками рубит отстающих, вдруг заорал:

— Там!.. Мелькнуло!

Рундельштотт крикнул:

— Да, я тоже что-то заметил...

Я промолчал, хотя и мне показалось, что на мгновение среди деревьев мелькнул голубой плащ принцессы, но так далеко, что мог и обознаться.

Понсоменер на скаку оглянулся, мне показалось, что на его безучастном лице появилось странное удовлетворение.

— Их всего шестеро, — сказал он, — и связанная женщина...

Фицрой вскрикнул:

— Ты увидел? Веревку?

— Нет, — ответил Понсоменер, — но так сидеть может только связанная... И привязанная.

Фицрой заорал:

— Умру, но на этот раз я их не упущу!

Кони, словно чувствуя нашу страсть, неслись изо всех сил, хрипя и роняя желтую пену. У похитителей кони выдохлись еще больше, я видел, как их шатает, наконец одна из нещадно погоняемых лошадей грохнулась, всадник вылетел через голову, перекатился по земле, попытался встать и ухватиться за стремя скачущего мимо, однако тот промчался...

Теперь отчетливо видно тоненькую женскую фигуру в голубом плаще, капюшон надвинут ей на лицо так, что вряд ли видит что-то кроме луки седла, руки связаны впереди, а ноги, я только сейчас рассмотрел, связаны одна с другой пропущенной под конским брюхом веревкой.

Понсоменер на полном скаку снял с плеча лук, а я не поверил глазам, когда все пятеро похитителей остановились, один поспешно вернулся за упавшим соратником, тот уцепился одной рукой за стремя и пытался бежать, сильно прихрамывая, но всадник ухватил его за шиворот и, втащив к себе, развернул коня и погнал к своим.

Оставшиеся пятеро выставили копья и приготовились к смертельной схватке.

Мы придержали коней, переводя на рысь, а потом на шаг. Пленницу оставили за спинами, но, к моему облегчению, никто не попытался взять ее в заложники, угрожая убить, если мы не оставим их в покое. Видимо, здесь только воины, а они до таких подлых трюков даже не додумаются.

Фицрой спросил неверяще:

— Неужели воинскую помощь поставили выше такой добычи?

— Им все равно не уйти, — ответил я хищно. — Они это поняли.

Рундельштотт не отрывал взгляда от пленницы.

— Вы разбираетесь с мужчинами, — сказал он, — а я позабочусь, чтобы ее никто не тронул.

Мы приблизились на расстояние в два десятка шагов, шестеро на конях выставили в нашу сторону копья, а пеший вытащил меч и встал с правого краю.

Я крикнул грозно:

— Бросайте оружие!

Тот, кто с копьем в середине, сказал гордо и надменно:

— Приди и возьми!

Я повернулся к Фицрою и Понсоменеру.

— Этого брать живым. Остальные... думаю, король Антриас их уже списал.

Я изготовил руки для стрельбы, но на секунду раньше с тетивы Понсоменера сорвалась стрела, за ней вторая и третья. Четвертую он удержал в руке, видя, как одному выстрелом из моего магического арбалета снесло верх черепа, у другого вместо носа появилась кровавая яма, а третий ухватился за горло, откуда ударила тугая струя крови, к тому же в левой стороне груди уже торчит древко наполовину погрузившейся стрелы как раз в том месте, где совсем неглубоко сердце.

Фицрой перерубил копье, а потом и меч предводителя отряда, тот не успел изумиться такой легкости, как Фицрой ударил его по голове плашмя, и несчастный рухнул под ноги своему коню.

Рундельштотт первым оказался у пленницы, рывком поднял ей капюшон. Я видел, как он вздрогнул и застыл в горестном оцепенении.

Я ринулся к ним, но уже видел, что небо падает всем нам на головы. Связанная девушка в плаще принцессы Адрианны... не принцесса. Фигуркой похожа, только волосы темные, лицо бледное, в глазах ужас.

— Меня похитили, — прокричала она жалобным голосом, — спасите!..

Понсоменер перерезал ножом веревку на ее руках, освободил ноги и снял с седла. На земле она едва достигает ему до плеча, а мы, слишком оглушенные несчастьем, чтобы говорить, только стискивали кулаки и зубы.

Наконец Фицрой застонал, взывая в бешенстве:

— Да что же это... Значит, нас обманули?

— Хуже, — ответил Рундельштотт мрачно.

— Что может быть хуже?

— Это значит, принцессу уже привезли, — пояснил он сухо, — куда хотели. Короткой дорогой. А из столицы, или где ее заточили, достать будет непросто. Может быть, невозможно.

Я повернулся, пошел к единственному уцелевшему. Он уже с трудом поднялся и сел, шупает одной рукой голову, морщится, видя кровь.

— Имя, — потребовал я, — должность, номер части... Он посмотрел на меня. Исподлобья.

— Лорд Ярцер, командир поискового отряда... Что такое номер части... не знаю.

Я сказал резко:

— Какой был приказ?

— Подготовить молодую женщину низкого роста, — ответил он послушно, — одеть в голубой плащ и ждать ваш отряд две недели. Если не появитесь, женщину отпустить, а самим возвращаться в Иссор.

— Много таких отрядов?

Он покачал головой:

— Не знаю. Догадывался, наш не единственный.

Подбежал взбешенный Фицрой, от него жар, как от раскаленного куска железа, почти ткнул в кадык поверженного кончиком меча, там кожа натянулась, тут же прорвалась, выступили тяжелые капли густой темно-красной крови и потекли во впадинку над грудью.

— Куда ее повезли? — потребовал он. — В столицу?

Он прошептал, страшась двигать даже губами:

— Мы простые исполнители... Нам говорили только то, что не могли не сказать...

— Значит, подготовить обманку и ждать?

Он сказал слабо:

— А когда обнаружим вас, то увозить приманку так, чтобы вы увидели и погнались. Указано, по какой доро-

те везти... У нас приказ, мы не могли ослушаться! Принцессу, насколько я слыхал, повезут в повозке, потому ложным отрядам важно было задержать вас подольше и увести в другую сторону... Очень важно выиграть хотя бы сутки! Но мы уводили вас почти двое суток...

Фицрой повернулся ко мне:

— Слышал?.. Мы потеряли двое суток только на погоне в эту сторону. Значит, принцесса уже в Иссоре. До которого нам тоже двое суток, если не трое.

Рундельштотт подошел со стороны, на распостер-того на земле пленного даже не взглянул.

— Женщине, — сказал он буднично, — я дал коня. Пусть возвращается в свое село. Плащ тоже может забрать, я на него смотреть не могу. Так нас провести!

Понсоменер пояснил ровным голосом:

— Такие продавались даже на той ярмарке. Дешево.

— Издали обмануться нетрудно, — сказал я. — Мы все и обманулись. Теперь надо решить, что делать... Можем ехать по ее давно остывшим следам, можем вернуться в Санпринг и сообщить королеве, что догнать не успели. Честно говоря, мне этот вариант нравится больше. В конце концов у всех нас свои дела, и намного важнее, чем гоняться за женщиной... Не смотрите так!.. Я не сказал, что поступим правильно и разумно. Мы такие, обычно жертвуем своими интересами, если нужно спасать женщину. А если еще и молодую блондинку...

Фицрой перевел дыхание.

— Я уж думал... Больно лицо у тебя было... правильное. Да, живем неправильно, зато красиво, благородно и с честью! Потому двинемся дальше. Этот след был ложным, но теперь мы знаем точно, в какую сторону ее повезли.

— Дальше, — поинтересовался я едко, — это куда?

Он на миг смущился.

— Не знаю. Наверное, к Иссору. Там должны что-то знать. Так что... ах да, что с этими? Там еще один жив, сейчас очнулся, стонет...

Я ответил холодным протокольным голосом дипломата:

— Они нарушили конвенцию и правила войны, а таких в плен не берут и военнопленными не считают.

— Понял, — ответил он, лицо просветлело, — а то знаешь, убивать как-то неловко тех, кто сдался. Но если военные преступники, то все правильно, все по справедливости.

— Есть еще более важный аксепт, — сказал я глубокомысленно, — основополагающий, цивилизационно-биологический...

Он спросил настороженно:

— А это чё такое?

Я ответил с сожалением цивилизованного человека, который в силу обстоятельств вынужден действовать нецивилизованно и против своей совести:

— Если бы мы спасали похищенного мужчину, то какие-то смягчения для этих мерзавцев нашлись бы... Дескать, долг есть долг, они на службе, похищали не по своему желанию, им так приказали, а приказы не обсуждаются... Но они похитили женщину, а это тягчайшее из преступлений, ибо мужчин много, они заменимы в самом главном деле, а вот женщины нет, их не заменить ничем, женщин никогда не бывает много.

Он не понял, переспросил торопливо:

— И что?

— Если на сто женщин один мужчина, — пояснил я, — то через год там будет сто детей! А если сто мужчин и одна женщина, то, как ни исхитряйся, все равно через год только один ребенок... Нарушена будет самая главная заповедь Творца: плодитесь и размножайтесь! Потому никакой жалости к похитителям или убивате-

лям женщин. Их не зря первыми спасают с тонущих кораблей, потому что не женщину спасаем, а всех ее будущих детей, внуков и все миллионное потомство, которое, возможно, в будущем спасет мир!..

— Понял, — сказал он угрюмо. — Сам так думал... ну, смутно, я же не такая зануда. Но зануды обычно такие правильные...

Он вытащил из ножен кинжал с бритвенным лезвием и пошел совершать правильное действие, мы с Понсоменером и Рундельштоттом не смотрели, как он их режет, только донеслась пара всхлипов да бульканье вытекающей жидкости.

Потом Понсоменер ушел осматривать захваченных коней, Рундельштотт в растерянности и предельной усталости сел прямо на месте кровавой схватки под деревом, подперши его спиной, а я в злобном разочаровании смотрел на север.

Там, примерно в двух-трех сутках пути высится неприступный Иискор. Его не взять никакой из армий королевств-соседей, а диверсионная группа уж и не знаю какие финты должна использовать только для того, чтобы определить, где ее держат.

Глава 11

Даже Фицрой не стал спорить, когда я сказал решительно:

— Всем отдых!.. После поражения нужно собраться с духом. И посмотри на коней. Им суток трое приходить в себя. Так что лучше всего где-то по дороге поменять с доплатой на свежих. А пока место для ночлега!

Понсоменер отыскал удобное место у ручья за буреломом, возле трупов ночью оставаться глупо, звери со-

берутся на утилизацию, будут рычать и чавкать, мешать спать, среди ночи тоже захочется есть...

Утром у костра, когда Понсоменер порезал и разложил на скатерке хлеб аккуратно нарезанными ломтиками, мясо и сыр, Рундельштотт проговорил задумчиво:

— Иди в Иссор надо мне... Меня даже в Нижних Долинах никто не видел долгие годы, зачем мудрецу покидать свою башню? Так что, когда прибудем в столицу, вы подождете в лесу, а я схожу в город и постараюсь разузнать, что слышали о принцессе.

— Если слышали, — возразил я. — Думаю, операцию провели в полной тайне.

— И от своих?

— В таких вопросах не бывает своих, — напомнил я. — Вообще не уверен, стоит ли туда идти и что-то выспрашивать. Гиблое дело. Думаю, она вовсе не в столице... Нет-нет, не говорю, что абсолютно точно, но скрыть в Иссоре появление пленной принцессы Нижних Долин непросто. Какие-то слуги и служанки должны переключиться на другую работу, стражников поставят охранять какую-то часть дворца, ничего никому не сообщив, что подогреет как любопытство стражников, так и придворных, которых придется отгонять...

Фицрой даже ломоть жареного мяса в недоумении задержал у рта.

— Почему ничего не сообщив? — спросил он патетически. — Король Антриас должен кричать на все королевство о своей победе!

Рундельштотт посмотрел на него с укором. Я сказал недовольно:

— Фицрой, не только ты чувствуешь, что мужчин обижать можно и нужно, а женщин нельзя. Уламрийские мужчины прежде всего мужчины, а уж потом уламрийцы. Король им о плененной принцессе не скажет потому, что это вызовет пустыне во всем королевстве,

но в дворцовой среде не столько ликование, как недовольство. На противника нужно вешать всех собак и поливать грязью, так слабее уколы совести, когда решешь ему глотку, но для трезвой оценки перед началом войны нужно видеть реальность какая есть, а не какую навязываем другим.

Рундельштотт кашлянул, мы перевели на него взгляды, он сказал медленно:

— Ее могли вообще поместить за городом. Нужно посмотреть расположение замков и крепостей, что принадлежат королю лично.

— Ему здесь все принадлежит, — сказал Фицрой зло. — Он всех подмял под себя!

— Власть его велика, — согласился Рундельштотт, — но владения ни у кого не отнимал. Просто ограничил власть могущественных глердов, что вообще-то хорошо для управления страной. Потому сперва лучше посмотрим замки, что находятся в личном пользовании короля.

— Такие могут быть по всему королевству, — сказал я, — но все верно, ограничимся теми, куда король может приезжать из столицы на часок-другой для переговоров. Чем ближе к столице, тем для нас теплее.

— Загородное имение короля, — согласился Рундельштотт. — Богатое, роскошное!

Фицрой просиял, хлопнул себя ладонью по лбу.

— Понял, — сказал он с азартом. — На принцессу постарается произвести впечатление! И попробовать договориться о чем-то совместном. Все-таки у принцессы такие же права на трон, как и у ее сестры... Верно?

— Это хороший для нас расклад, — сказал я. — Имение все-таки строят для роскошной роскоши и бахвальства перед бабами и остальными к ним прилегающими. И вообще гостями. Такие загородные дворцы вовсе не для обороны.

— Но охраны зато больше, — напомнил Рундельштотт, — чем в любой крепости.

— Если не защищают стены, — согласился я, — должны защищать люди. Хорошо, у кого есть карта Иссора и прилегающих земель?.. Так и думал. Если даже мудрый Рундельштотт не предусмотрел...

Фицрой заулыбался, лицо стало довольным, словно выиграл крупную сумму в кости.

— Что мудрость? Важнее предусмотрительность.

— Что, — спросил я с недоверием, — у тебя есть?

— У меня все есть, — ответил он хвастливо. — А чего нет, добудем. Подождите минуту.

Он метнулся к своему коню, и пока рылся в мешке, Рундельштотт буркнул:

— Удивлюсь, если еще не отметил базары и дома богатых глердов, у которых красивые жены.

— Не будем обращать внимание на мелкие человеческие слабости, — сказал я тихонько. — И то и другое у него проявление могучего инстинкта, толкающего людей к прогрессу и победе, кто бы подумал, человеческого разума. Хоть и косвенно, сильно косвенно.

Фицрой вернулся и с торжеством развернул карту во всю ширь.

— Вот!.. Это Иссор во всей красе, а это окрестности и даже окрестности окрестностей.

— Точно все? — спросил Рундельштотт.

— А зачем все-все? — спросил Фицрой задиристо. — Если принцессу хотят временно держать тайно, пока ситуация не прояснится, то где-то вот здесь, здесь или здесь... Остальное не стоит моего высокого внимания.

Он потыкал пальцем, указывая, я обратил внимание, с каким недоумением смотрит Понсоменер, будто никогда карт не видел, зато Рундельштотт моментально сориентировался, тоже указал на пару мест:

— Вот эти отпадают. И далеко, и неудобная дорога... Эти подходят, но у дороги слишком уж... Вряд ли ко-

ролю удобно, чтобы караваны проезжали прямо под его окнами.

— Согласен, — сказал я, — давайте сразу направимся к этой, что гордо именуется Темная Гладь. К ней дороги нет, но в то же время близко. А лес там не густой, конница пройдет даже галопом.

— Только не напрямую отсюда, — заметил Фицрой.

— Что случилось?

— Там Зачарованный Лес, если не сворачивать.

— Как же без него, — буркнул я, — родимого. А вон там дальше еще и Заколдованный. Хорошо, левее и на той стороне реки! А вон еще Смертельная Топь, Смоляная Бездна...

Рундельштотт сказал с неудовольствием:

— А чего в Уламрии должно быть лучше всех? У них такое же королевство, как и везде.

Я еще раз всмотрелся в карту. Все опасные места выделены особо тщательно, а вот города и деревни очерчены с некоторой небрежностью, дескать, а чего статься, и так все знают.

— Все, идем!.. Неизвестно, там ли. Может, придется обшарить все вокруг столицы.

— А то и дальше, чем вокруг, — сказал Рундельштотт. — Я уже стар и отвык надеяться на удачу.

Фицрой сказал с обидой:

— Хороша удача!.. Две недели гнались впустую!..

Рундельштотт подумал, покачал головой.

— Теперь уже не играет роли, прибудем в полдень или вечером. А кони у нас за ночь еще не опомнились от многодневной скачки. Поедем шагом, пусть придут в себя, а мы подумаем, как и что.

От усталости я начал подремывать в седле, вот уж не думал, что когда-либо настолько привыкну, над головой все так же шумят ветви, но, как часто со мной слу-

чалось и раньше, ночное освещение делает мир совсем другим, я и раньше как будто попадал на другую планету, все незнакомое, а здесь так и вовсе незнакомое и чужое... а еще и опасное...

Страх начал наползать незаметно, я задергался, поглядывая во все стороны, но нет прежней четкости, когда почти видел нацеленную в меня стрелу или готовый к броску дротик, а сейчас страх растет непонятно, нерационально, но сердце еще колотится, дышать становится все труднее, чувствую, что хватаю воздух короткими глотками...

Понсоменер что-то спросил, но в голове шум, я даже не рассыпал, вижу только, что его губы шевелятся.

— Не спать! — врезался в сознание резкий командный голос. С изумлением я узнал Рундельштотта, сонное оцепенение сразу схлынуло. Я повертел головой.

— Что это было?

— Ты слишком чувствительный, — сказал Рундельштотт, и я не понял, больше осуждения или одобрения было в его негромком голосе. — Это плохо для житейской жизни, любые несправедливости будут терзать тебе сердце, но хорошо для чародея...

— Даже и не знаю, — пробормотал я.

Он хмыкнул.

— Вот-вот. Ничего даром не дается. Обязательно взамен, а забирает что-то важное. Зато лучше будешь чувствовать мир... если настроишься, а это важный шажок, вот увидишь.

Навстречу попалась телега с двумя мужиками на облучке, один с вожжами в руках, другой, сидя рядом, водит точильным камнем по острию плотницкого топора.

Я ехал впереди отряда, издали помахал рукой.

— Привет, как жизнь?.. Ребята, тут есть где-нибудь остановиться на ночь?.. А то кони устали, да и мы не прочь выпить и отдохнуть в веселом месте...

Они переглянулись, мужик с вожжами невесело хохотнул:

— Ну да, езжайте прямо. Выедете как раз к Темной Глади. Вас там примут, место веселое...

В голосе звучала издевка, я насторожился.

— А что не так?

Второй, что точил топор, буркнул:

— Джака, чего зубы скалишь? Видно же, люди издалика... Уважаемые, впереди крепость Темная Гладь, что уже лет сто... нет, больше, служит тюрьмой для особо знатных... Говорят, там и свергнутые короли сидели. И принцы... Пока их не казнили или не удушивали, чтобы не кормить зазря.

Я видел, как встрепенулись Рундельштотт и Фицрой, только Понсоменер оставался безучастным.

— Ничего себе, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал предельно растерянно. — Нет, в таком месте что-то останавливаться не хочется... А каких-нибудь сел близко нет?

Телега уже проехала мимо, мужик с вожжами оглянулся и прокричал:

— Близко нету!.. Это специально, чтоб поменьше знали и говорили. Но если по левой тропке вон там, то к ночи как раз успеете к одной деревушке.

— Спасибо! — крикнул я вдогонку, а когда подъехала моя команда на измученных лошадях, я сказал почти бодро: — Нам почти повезло. Не обшаривали вокруг столицы все в радиусе сотни миль, а сразу к цели... У нас чутье!

Рундельштотт пробормотал:

— Только что не совсем... Мы ждем богатое и роскошное поместье? Загородный дворец?.. А мужик сказал насчет тюрьмы.

Фицрой возразил:

— Тюрьма для особо знатных, он сказал! Для свергнутых королей и принцев! Это значит дворец, еще какой дворец!

— Поехали, — велел я, пустил коня рысью, а потом перевел в нетерпении в галоп.

Деревья помчались навстречу, тут же исчезая за спиной, дорога петляла, начала уводить в сторону. Понсоменер вырвался вперед, чуя направление, далеко впереди так резко натянул повод, что конь встал на дыбы.

Фицрой хотел с разгона проскочить мимо, но Понсоменер ухватил за узду, остановил, а мы с Рундельштоттом придержали коней, Понсоменер зря не остановит, да еще так решительно.

— Дальше все открыто, — сказал Понсоменер.

— И что? — спросил Фицрой сварливо, но по привычке, понятно же, что нам лучше оставаться в незримости.

— Коней лучше оставить здесь, — сказал Понсоменер. — Я буду с ними, посторожу, а вы поднимитесь на вершину этого холма.

Мое сердце стукнуло тревожно, по телу прошла дрожь. Фицрой посерезнел, покинул седло, а меч снял с крюка и повесил себе за спину.

Холм невысокий, лесистый, даже на вершине несколько дубов теснятся в борьбе за солнце. Я взбежал наверх первым, сердце стукнуло чаще.

За толстыми стволами открывается просторная долина, чудовищно огромная, а в самом центре грозно высится огромный мрачный замок-крепость. Среди дикой и нетронутой природы это единственное, что создано руками человека, если не считать довольно высокую, но полуразрушенную башню где-то в полумиле от замка.

Четыре этажа, из них два нижних без окон и дверей, только на третьем узкие щели бойниц вместо окон.

Дверь, если это дверь, на третьем этаже, выходит просто в пустоту.

Фицрой сообразил раньше, или же сталкивался с подобным, сказал с уважением с голосе:

— Да, это не совсем загородный дворец.

Я всмотрелся, спросил:

— А где ворота?.. С той стороны?.. Но тропка вроде бы с этой. И прямо в стену.

— Тюрьма для самых опасных, — сказал Фицрой. — Еще не понял?.. Дикий человек... Подъезжаешь, сверху спускают лестницу, а то и вовсе сбрасывают веревочную. Поднимают вон через то окно на третьем этаже, видишь, какое широкое? Можно сказать, дверь. Там внутри на третьем этаже в середине пола люк. Связанных преступников опускают на веревке на пол первого этажа, а оттуда уже не убежишь. И стены не прогрызть, даже стенобитный таран все рога сломает.

Я зябко передернул плечами.

— Надеюсь, принцессу они не на веревке.

Он засмеялся:

— Тюрьму строили не для принцессы! Это была когда-то крепость на самой опасной дороге, Рундельштотт подтвердит, он все знает. Потом, когда Уламрия расширилась, это место потеряло свое значение передового форпоста, правда, мастер? Жить в ней неудобно, но у хозяйственного короля ничто не пропадает, прпрадед местного короля приспособил под тюрьму для особо опасных государственных преступников знатного и знатнейшего происхождения. Мужик не зря сказал, там держали и свергнутых королей!

Я смотрел в изумлении.

— Откуда знаешь?

Рундельштотт подтвердил:

— Верно, так было. Возможно, твой друг не только по бабам?

— Догадываюсь, — согласился я. — Темная лошадка. То ли глубоко законспирированный агент иностранного влияния, то ли вообще не человек, а непонятное что-то.

Фицрой сказал обидчиво:

— Сам ты непонятное что-то. А я очень даже понятое, но только не всем, не всегда и не каждому всякому тут.

— Про бинокли не забыли? — спросил я. — Только не высовывайтесь слишком уж. Скромнее надо быть. Вы зрители, а не актеры.

Глава 12

Оба вытащили бинокли, началось сопение, автоматическая подстройка фокуса облегчает наведение на резкость, но оба никак не привыкнут, что при малейшем движении пальцев изображение прыгает на сотни шагов в сторону.

Рундельштотт первым додумался не только прижаться к стволу дерева, но и руку с биноклем упер так, что изображение стабилизировалось по всему экрану.

— Как же хорошо, — выдохнул он. — Даже страшно. Трудно поверить, что вот тот часовой не видит меня... Прямо в лицо мне смотрит!

Я молча всматривался в мрачную крепость-тюрьму. Что-то подобное уже видел. Тауэр, Бастилия, но те практически в центре столиц, а это, скорее, Гуантанамо, секретная тюрьма вдали как от столицы, так и вообще от чужих глаз.

И гарнизон здесь явно не имеет связи с остальным миром. Разве что раз в год сюда привозят жалованье, а так местным стражникам наверняка просто запрещено

отлучаться. Ну может, не раз в год, а раз в полгода или даже в квартал, такие места не должны быть посещаемыми часто.

— Лес далеко, — пробормотал Фицрой, — не подобраться. Даже кусты, сволочи, повыдергивали!

Рундельштотт сказал с иронией:

— И траву срезали, чтобы в высокой не подбирались. Фицрой, не всегда против нас только люди, иногда и природа подножку дает. Земля плохая, не видишь? Сплошная глина да камень. Потому не растет. Чтобы обезопасить крепость, достаточно на выстрел из лука вырубить лес и кусты, а здесь до края поляны на коне скакать и скакать...

Он говорил вроде Фицрою, но взгляд остался отстраненным, ладони соединил в замок в привычном жесте, но пальцы двигаются, вяжут некие символы.

Я поймал себя на странной мысли, что я тоже вот так двигал ими, управляя как аппаратурой дома, так и программами на мониторе, пока не была создана концепция умного дома, настроенного на владельца, и воплощением стала личная программа, которой можно было придавать любой облик, пол, возраст, а главное, характер и точную настройку на свои запросы.

Может быть, сказал мой гадкий внутренний голос, потому у них все и рухнуло, когда эти управляющие домами функции начали управлять и городами? А потом и вмешивались в жизнь людей? С чем одни радостно согласились, а другие совсем наоборот?

Иосиф Виссарионович мудро говорил: доверяй, но проверяй, а древние, возможно, слишком уж доверились, контроль потеряли...

— Нам нельзя высовыватьсь, — сказал Фицрой зло. — Думаю, там с крыши по сторонам посматривают!..

— А что им еще делать? — согласился я. — Даже свободные от дежурства будут торчать наверху.

— Это лучше, — согласился Фицрой, — чем в четырех каменных стенах, будто тоже заключенные. Хотя, конечно, игру в кости никто не отменял... Да и женщины, думаю, каких-то держат на кухне для разных нужд. И в прачечной.

— А еще парочку служанок почище, — подсказал я, — что прислуживают принцессе. Так что не такая уж и ужасная у них служба. Это я к тому, что жалеть нам их незачем.

Он спросил деловым тоном:

— Полная зачистка?

— А нам нужны свидетели? — спросил я. — Пусть все останется тайной. Кто здесь был, сколько нас... Вообще химеры мы или драконы — пусть останется, если сможем, загадкой. Конечно, это идеальный вариант...

— А идеального ничего не бывает, — буркнул Рундельштотт.

Фицрой сказал с тоской:

— Идеальнее было бы, перехвати мы их в дороге!

— Еще идеальнее, — сказал я, — перебить нападающих во дворце тетушки принцессы. Но мы имеем дело с реальностью. Так что смотрите во все глаза. В первую очередь нужно выяснить одну важную деталь...

Фицрой спросил жадно:

— Какую?

Я смолчал, всматриваясь в окуляр, программы зафиксировали объект, и теперь изображение не прыгает, можно медленно увеличивать картинку, рассматривая даже прыщи на мордах часовых, но это чересчур, нам важнее более общая картинка...

Фицрой смотрел на меня в ожидании, Рундельштотт поморщился, ответил нехотя:

— Сперва нужно убедиться, здесь ли принцесса.

Фицрой не обиделся, даже хохотнул:

— А что, был бы красивый провал!.. Ворвемся, всех разнесем в клочья, а в самой охраняемой комнате никого...

Долго рассматривали сверху донизу, Фицрой зябко передернул плечами.

— Какая-то негостеприимная крепость, — обронил он. — Или у меня со вкусом что-то не то?

— Я бы тоже не стал покупать, — согласился я. — Под летнюю резиденцию.

Рундельштотт напомнил строго:

— Это тюрьма!..

— Здорово живут, — сказал я.

— Для королевских особ, — добавил Рундельштотт. — И лордов, не ниже титулом, чем герцоги. Поэтому здесь и охраны больше, чем... Король понимает, что боевая дружина какого-нибудь герцога может попытаться вызволить своего господина, потому это не просто тюрьма, а крепость.

Я медленно двигал объективом, всматриваясь в окуляр, с той стороны крепости две башенки, не слишком высокие, но так, чтобы смотреть и поверх далекого леса.

Сам лес, как я сказал себе еще раз, избегает каменной пустоши, где негде пустить корни, а на всем расстоянии между крепостью и лесом нет даже кустарника, а только низкая трава, в которой не спрятаться и мелкой собачонке.

Тюрьма тюрьмой, но шагах в полусотне в сторонке достаточно просторная конюшня и даже, как я понимаю, а между нею и крепостью прокаленное и усыпанное углами место, а вокруг квадратом положены толстые ошкуренные бревна.

Две толстые рогатины, вбитые в землю по краям напротив одна другой, ясно указывают: здесь то, что по-

том станет популярными шашлыками, а пока здесь без всяких выпендренов жарят на вертеле целиком оленей, кабанов, но могут и быка.

Понсоменер сказал до жути равнодушным голосом:

— Похоже, там их сотни.

— Да хоть тысячи, — сказал Фицрой отважно. — Нам все равно не пройти!.. Да и вообще... Судя по тем глердам, принцессы здесь не скучно. Думаю, эти красавцы выказывают ей все знаки внимания.

Я пробормотал:

— Да при чем здесь интересы принцессы?.. Нам на них насрать. Как и вообще всем. Женщина — всего лишь функция, а принцесса — тем более.

Фицрой спросил опасливо:

— Какая функция?

— Достаточно важная, — ответил я. — Например, усилитель позиций на переговорах. Принцесса — всего лишь козырь... в умелых мужских руках.

— Женщина, — сказал он, сразу оживая, — ничто без мужских рук! А в их руках — все. Особенно если это наши.

— Наши загребущие, — согласился я. — Просто не представляю, как туда проникнуть. Штурмом не взять... Может, сдаться? Чтобы привели в тюрьму и посадили с преступниками... но не прокатит. Сюда отправляют только по суду...

— И только знатных, — уточнил Фицрой, — а не всяких там бродяг.

Он окинул меня уничтожительным взглядом. Вообще-то мы, покинув города, тут же меняем яркие одежды на серые и невзрачные дорожные, в народе называют их немаркими, а я зову маскировочными, так что да, смотримся бродягами. Даже щеголеватый Фицрой с головы до ног бродяжистый, хотя появился перед нами женщи-

на, он моментально превратился бы в принца, одетого для прикола в рубище.

Я сказал с досадой:

— Как бы еще убедиться, что принцесса там!

— Да никак, — ответил Фицрой.

— Понаблюдаем ночь, — решил я. — Два этажа с окнами. Неужели ни разу не подойдет, не пройдет мимо?

Фицрой буркнул:

— Как? Отсюда и саму крепость рассмотреть не просто. А ночью так и вовсе...

— Забыл о своем бинокле? — спросил я. — Давай покажу, как пользоваться. Там малость иначе, чем в моем прицеле.

Фицрой отнял от глаз бинокль.

— А сейчас я что делаю?

— Не знаю, — сообщил я. — Ты же человек несеръезный.

Он хмыкнул и отвернулся. За спиной едва слышно шелестнули кусты, я ощутил приближение Понсоменера.

Он сказал тихо:

— Лошадей расседлал. Всем дал овса, сейчас на выпасе. Место здесь тихое, дороги далеко, следов человека нет.

— Отлично, — сказал я, — хочешь посмотреть через бинокль?

— Наверное, — ответил он равнодушно.

— Жизнь только тогда жизнь, — сказал я, — когда видишь новое.

С биноклем он управился даже быстрее, чем Фицрой и Рундельштотт, странное свойство понимать вещи, сам настроил резкость и медленно двигал объективом, рассматривая не только крепость, она должна заботить больше меня, но и дальний лес.

После короткого обеда все трое залегли под укрытием кустов с оранжевой, красной и даже зеленой листвой, возбужденно переговариваются, даже вскрикивают, когда вдруг в объективе крупным планом появляется злое усатое лицо стражника, что смотрит так, будто их видят.

— Лучше по очереди, — посоветовал я. — Хотя дежурить и не всю ночь... Если принцесса там, то, как примерная девочка, спать ляжет вовремя, а вы к тому времени уже и фигу перед глазами не увидите.

— Еще малость, — сказал Фицрой. — Это же так здорово!..

Рундельштотт поинтересовался опасливо:

— А там точно нас не видят? А то когда вот так глаза в глаза...

Я не успел открыть рот, Фицрой, уже успевший насмотреться в оптический прицел винтовки и знающий, что такое бинокль, победно расхохотался.

— Они все слепые, как кроты!.. Или как мы, которыми были до того, как ваш ученик, мастер, прилепил нам эти штуки на глаза!

Рундельштотт бросил на меня взгляд, в словах Фицроя чувствуется и укор, что вот он, мастер, забыл о таких великолепных штуках, хотя, с другой стороны, они нужны вот таким ночным бродягам, а не мыслителю, что не выходит из лаборатории, создавая новые заклинания, призванные улучшить мир.

И понятно, что на такие штуки тут же обратил внимание именно я, у которого еще ветер и девки в голове, такие же дурные и ветреные...

Я пересмотрел в мешке свое снаряжение, больше всего места занимает сложенная снайперская винтовка, но ею, скорее всего, пользоваться не придется, это не для ближнего боя, а вот снаряжение, которым пользуются спящие скалолазы... да, возможно.

Я начал дремать прямо над мешком, за спиной дорога все-таки долгая и тяжелая, как вдруг долетел ликующий, хоть и приглушенный вопль:

— Принцесса!.. Чем угодно клянусь, принцесса!

Я сбросил плащ и ринулся на голос. Фицрой, не отрываясь от бинокля, машет нам, повизгивает от возбуждения.

Мы с Рундельштоттом прильнули к окулярам. Понсоменер начал пристально вглядываться без всякого бинокля. Я смотрел на окна, чуть уменьшив расстояние, чтобы видеть все на двух этажах, а когда у одного из окон снова появилась фигурка, поспешил увеличил изображение.

Нет, не принцесса, Фицрой ошибся, просто молодая, миловидная и очень чистенько одетая девушка.

Фицрой тоже рассмотрел, сказал сердито:

— Принцессу не станут держать как простую воровку!.. Ей даже не могут выдвинуть никакого обвинения, разве не так?.. Потому содержат с подобающими принцессе почестями.

— Хочешь сказать, — переспросил я, — там у нее служанки?

— Не мужчины же раздевают, — ответил он с негодованием.

Я подумал, сказал в сомнении:

— В заключении могут быть и другие знатные женщины. Какая-нибудь герцогиня, вздумавшая совершивший переворот... или не позволившая королю задраить ей подол. В этом мире это еще случается.

Фицрой спросил с надеждой:

— Будем готовиться к штурму?

— Да, — согласился я. — Всю жизнь мечтал спасать из лап короля его очередную фаворитку, впавшую в немилость!.. Сперва убедимся, что там есть и принцес-

са. Я имею в виду нашу принцессу, а остальные принцессы нам не принцессы!

Рундельштотт проговорил с сомнением:

— А если еще и фаворитку вызволим?

— Даже если двух, — сказал я твердо. — Или трех! Всех Фицрою. Его не жалко, часто перечит законной власти.

Фицрой фыркнул:

— Это ты законная?

— На время похода, — напомнил я, — я сатрап и диктатор!.. А потом снова эта сраная демократия, что погубит мир. Как видим, тюрьма укреплена против целого войска. То есть если какой-то феодал попытается освободить своего сторонника, его армия разобьется о стены с огромными потерями. Здесь могут держаться в обороне столько, насколько хватит запасов провизии, а этого, уверен, в подвалах полно. А тем временем неспешно и грозно подойдут королевские войска.

Фицрой сказал в нетерпении:

— Не темни, это и так понятно. Как будем освобождать принцессу?

— Я думал, — ответил я, — посыплются предложения... Ладно, тогда нужно сперва разведать. Может быть, даже успею за эту ночь?

Рундельштотт пробормотал:

— А что разведать?

— Рискованно сразу начинать спасать, — пояснил я. — Можно попасть даже не в ловушку, хотя как без них, родимых, таких необходимых для жизни и процветания страны, а просто заблудиться в узких коридорах, где очень легко держать оборону, а вот наступать как-то не очень.

Фицрой набычился, посмотрел исподлобья.

— Хочешь в одиночку?

— Твоя жизнь для меня, — сказал я с пафосом, — ценность! Рисковать тобой не стану.

Он буркнул:

— Уж определись, то ли не жалко, то ли ценность необычайная...

— Это разные моменты жизни, — сказал я. — И ты разный. Не знал, что ты разнообразный?.. Это комплимент, не подумай чего. В общем, я схожу посмотрю, где там и что. А потом решим, как и зачем.

Фицрой сказал вдруг:

— Слушай, если не берешь нас толпой, то...

— И одного не беру, — отрезал я.

— Уже понял. А как... можно переговариваться?

Я подумал, сказал строго:

— Ладно. Включайте. Но никто не смеет со мной разговаривать первым! Поняли? Я, возможно, буду прятаться, это вполне в моей героической натуре, ибо только трус не прячется, чтобы не выказать своей мерзкой натуре, а герои еще как, даже бегут, роняя башмаки и прочие носильные вещи!..

Рундельштотт проговорил озабоченно:

— Все-таки лучше не подходи близко.

— Не собираюсь спасать принцессу в одиночку, — сказал я сварливо. — Я что, совсем?.. Нет, я не совсем. Я даже вовсе!.. Так что посмотрю, как герой, из-за угла, а потом, когда вернусь, решим коллективным разумом, ибо здоровый коллектив... у нас здоровый?.. здоровый коллектив — основа любого общества. Даже нездорового.

Фицрой сморщился и покрутил головой, будто при зубной боли.

— Иди-иди. А то прям сейчас упаду, уже голова закружилась.

Глава 13

Проникнуть в крепость и посмотреть, что там и как, лучше ночью, наши олинзенные глаза позволяют видеть в темноте, как днем, а что краски не воспринимаются, так по фигу, я не художник-абстракционист, мне куда важнее видеть отчетливо каждый кирпичик.

Рундельштотт, Фицрой и даже Понсоменер очень внимательно смотрели, как я начертил прутиком на земле план крепости.

— Вот верхний этаж... а следующий за ним...

— Третий?

— Третий, — ответил я, — если считать снизу, как у всех людей, но мы ж особенные?.. Потому для нас первым будет четвертый, там нужна полная санация, мы же, как все люди, сразу на четвертый? А с четвертого, как все зачистим, к принцессе на третий...

— А на третьем, — поинтересовался Фицрой, — охраны побольше?

— Фактически, — сообщил я небрежно, — она там должна быть вся. По логике... Логика — это такой вид предвиденческой магии... ладно, в другой раз. И все тюремщики тоже там. Но логика не говорит вот так сразу, кого там сколько. Можно предположить, что много. Рундельштотт и Понсоменер подтверждают, хоть и молчат. К счастью, принцесса должна быть на третьем...

— Это я увидел, — сообщил Фицрой гордо. — Еще вчера!

— Надеюсь, — обронил я, — ее не перевели в самый низ. Хотя и там для нее могут устроить роскошные апартаменты. Вот только опускать ее высочество на веервке... это уж слишком. С людьми такого ранга вести себя таким образом непозволительно.

— Могут для такого случая опускать лестницу, — сказал Рундельштотт, — а затем поднимать. В этом случае даже охранять не нужно. По голым стенам на такую высоту никто не вскарабкается.

Фицрой сказал с неохотой:

— Да, лестницу могут. Если покрыть бархатом, то этим будет выказано соответствующее рангу уважение.

— Можно опускать в корзине в виде трона, — подсказал я. — Тем самым оказывая особое почтение. Я сам видел, как именно так опускали и поднимали нашего Фицроя.

Фицрой было приосанился, потом вспомнил, про какую корзину напоминаю, наступился.

— Ты сам был среди тех... принцев! Хорошо, я готов все там разнести. Почему-то не выношу тюрьмы и тюремщиков.

— Демократ, — определил я. — Чувствуешь, что по тебе плачет, вот и протест в тебе такой понятный. Хорошо, тогда действовать будем так...

Рундельштотт долго молча прислушивался, время от времени вязал в воздухе магические символы, лицо его становилось все озабоченнее.

— Мастер, — сказал я тихонько, — что-то случилось?

Он посмотрел по сторонам, Фицрой и Понсоменер насторожились, притихли, как мыши под полом, за слышав сверху шаги самого могучего на свете зверя.

— Не знаю, — проговорил он, — как и сказать. Пожалуй, тюрьма прикрыта магическим куполом. Я только сейчас обнаружил... Старею, видать.

Дыхание у меня прервалось, я смотрел на него вытаращенными глазами и не верил своим ушам.

— А такое возможно?.. А что за купол? Поднимет тревогу при попытке...

Рундельштотт покачал головой.

— Хуже. Через него не пройти.

— А как же... они там сами?

Фицрой вздыхал и хватался за рукоять меча, Понсоменер просто ждал, Рундельштотт сказал тихо:

— Купол легко снимать на какое-то время, потом ставить снова. Это несложное заклятие, хотя и очень мощное. Тот, кто поставил, наверняка откуда-то сверху следит за ним. Если кто-то подъезжает из столицы, то трубят издали, предупреждая...

— И в куполе появляется проход? — спросил Фицрой.

Рундельштотт поморщился.

— Слишком сложно. Купол просто исчезает по команде, а потом так же появляется. Это несложно, я уже сказал. Так что я даже не знаю. Задача все труднее.

— Я тоже не ликую, — пробормотал я. — Подвиги оставил бы Фицрою. Мастер, не наговаривайте на себя. Может быть, купола и не было, а вот сейчас появился.

Он вздохнул.

— Теперь не важно. Но принцессу не достать. К какой-то могучий колдун либо служит Антриасу, либо просто на его стороне. Намного более сильный чародей, чём я.

Я спросил быстро:

— А как-то переговорить с ним можно?.. Пообщаться? Чем-то заинтересовать? На стороне Антриаса не значит на службе. Могучие маги, как я слышал, никому не служат.

Он подумал, ответил нерешительно:

— Попытаться могу. Но вряд ли у нас есть что-то такое, чем можем его заинтересовать.

— А вдруг? — ответил я.

Он посмотрел искоса.

— Я попытаюсь. Но если не сумеешь, гнев мага падет... как молот.

— Я постараюсь, — заверил я. — Нужно сразу перехватывать внимание...

Он вытащил из сумки крохотные мешочки, взвесил на ладони. Лицо стало задумчивым.

— Попытаюсь... Он должен это заметить. А вот ответит или нет... это уже от нас не зависит.

Мы смотрели, как он швырнул в костер первый мешочек, а как только пламя из оранжевого стало синим, бросил еще один. Огонь затрещал, взметнулись странно зеленые искры, а над костром взвилось облачко светлого дыма, замедлилось, почти застыло, незаметно поднимаясь и чуточку раздаваясь в стороны.

Рундельштотт заговорил быстро и непривычно для него резко, я понял, что не манера разговора, а интонации заклинания требуют именно этого тона, ритма и даже определенного кинекта.

Очень медленно в клубах дыма смутно проступило лицо, сперва как тень, обрело объем, я рассмотрел высокий лоб и круглые, как у большой хищной птицы, глаза.

Нижнюю часть лица рассмотреть не удалось, но это не важно, мы всегда смотрим в глаза, я дождался кивка Рундельштотта и сказал почтительнейшим голосом:

— Великий мастер, я прибыл из дальнего, очень дальнего королевства. У нас чтят не королей и великих полководцев, а именно чародеев. Только чародеи — соль человечества, их ум, знания и дорога к будущему!.. Потому прими мой поклон, что не из-за страха или желания понравиться, но как искренний жест почтения!

Он смотрел внимательно, очень медленно проступила и нижняя часть лица, длинный нос с хищно раскинутыми крыльями, узкий рот и массивный квадратный подбородок.

— Хорошая речь, — произнес он густым и странно резонирующим голосом, словно два накладывались на один, иногда чуточку не совпадая.

— Искренняя, — заверил я и посмотрел самым честным взглядом. — Мудрость и чародейство — вот самое лучшее, что есть на свете!

На его бледных губах медленно пропала улыбка.

— Ты говоришь очень почтительно, — сказал он, — что непривычно для простого человека. Хотя я в самом деле не заметил в тебе никакой вражды или злобы. Только в самом деле почтительность. Почему так?

Я развел руками.

— Будучи великим магом, вы можете увидеть, что я не подданный королевы Орландии. У меня нет нужды таиться и что-то выгадывать. Я чту чародеев и хотел бы поднести вам подарок.

Улыбка стала шире, он поинтересовался снисходительно:

— Что именно, мальчик? Нашел красивый камешек?.. Редкую бабочку?..

Я вытащил из кармана и положил на пенек крохотную темную коробочку.

— Это собиратель магии.

Он посмотрел на аккумулятор, на меня, снова перевел взгляд на аккумулятор.

— Вещи, что собирают магию, как известно, не существуют. Только человек может вбирать в себя...

Я прервал почтительно:

— Человек всегда что-то да приспосабливает себе в помощь. Придумал топор, пилу, телегу, кастрюли... А мог бы и сырое мясо жрать, верно?.. Как жрал когда-то. Вот и аккумулятор придумал, чтобы собирать в запас. Мана не всегда сыплется с неба, а запасы в земле надо еще найти.

Он внимательно посмотрел на аккумулятор.

— Я не верю.

Я оглянулся на Рундельштотта.

— А ему тоже не поверите?

Лицо мага в облаке дыма слегка искривилось.

— Нет, — произнес он холодно. — Хотя к его слову у меня доверия больше, но не в этом случае.

Я поинтересовался:

— А что вам мешает взять и проверить?

— Я вообще-то далековато, — ответил маг. — Если добираться к вам, мне нужно затратить почти целый день. Ну, пусть даже час, это все равно много. Стоит ли?

— Стоит, — сказал я. — Если этот камешек, хотя это не камешек, не накапливает магию, то я вам отдаю все, что у меня с собой. Думаете, это мало?

Он покровительственно засмеялся:

— Юноша... вас это обидит, понимаю, но я в самом деле так думаю. Хотя... у меня достаточно времени. Я в какой-то мере заинтересован... Давно не попадалось ничего необычного.

Я вытащил трубку туриста, включил фонарь на полную мощность и положил на пенек.

— А вот эту вещь сразу видно, — сказал я. — Смотрите!.. Она тоже накапливает магию. Но расходует ее всю на свет. Такая у вас есть?

Он смотрел, чуть прищурившись.

— Нет, — ответил после паузы, — и даже не знаю, у кого такие есть. Я уже думал, о всех вещах знаю... Хорошо, ждите на том же месте.

Лицо его за время разговора медленно таяло, словно снег на жарком солнце, деформировалось, только глаза оставались неизменными, полностью исчезла нижняя челюсть, только взгляд, как мне казалось, оставался еще и тогда, когда растаяли и глаза, а облачко дыма рассеялось.

Рундельштотт сказал с беспокойством:

— В Уламрии могучие маги. Они перебрались из королевства Гонтерры, часть осела в Опалоссе, часть нашла убежище в Уламрии, здесь и набрали силу. Будь настороже, не ошибись даже в малости...

Ночь уже вступила в свои права, огромная красная луна вышла, еще когда огромное солнце только опускалось к горизонту, но пряталась в его нещадном блеске, а сейчас выглядит так, что вот вышла показать себя во всей грозной красе, а свет зачем, спать пора...

Через полчаса Понсоменер сказал быстро:

— Сейчас...

С грохотом копыт и ломая кусты к нам на поляну вылетел крупный конь, всадник соскочил на землю легко и быстро, малорослый мужчина в длинном халате, я узнал по лицу с выпуклыми круглыми глазами мага, что разговаривал со мной.

Не говоря ни слова, он сразу подошел к пню, для него здесь тоже нет темноты, взял аккумулятор, повертел в пальцах, подбросил, определяя точнее вес, по движению губ я понял, что шепчет заклинания.

— Мальчик, — произнес он с удивлением, — ты не соврал, чего я опасался. Эта вещь в самом деле хранит в себе магию. И не так уж и мало... Спасибо, это в самом деле ценный подарок.

— Я жаждал сделать вам приятное, — сказал я.

Он перевел на меня внимательный взгляд.

— И что ты хочешь взамен?

Я ответил, проконсультированный еще раз Рундельштоттом:

— Всего лишь счастья быть знакомым с таким великим человеком. Мы верим, королевство Уламрия или любое другое, которое вы одарите своим покровительством, сразу же ощутит счастье и процветание.

Он улыбнулся:

— Хороший ответ. Я понял, вы наткнулись на мою защиту вокруг королевской тюрьмы?

— Увы, — ответил я. — Не могли бы вы снять ее временно? На пару суток?

Он улыбнулся шире.

— Считайте, уже снял. На все то время, которое вы здесь будете. Кстати, эту удивительную волшебную лампу возьму тоже.

Прихватив фонарик, он степенно поднялся в седло, развернул коня, а мы некоторое время смотрели в его удаляющуюся спину.

— Перемещением не владеет, — пробормотал я. — Не такой уж он и великий...

Рундельштотт сказал строго:

— Маги тоже разные. Кто-то умеет горами двигать, но не создаст себе новые башмаки, кто-то лечит от любых болезней, но не может избавиться от простуды...

— Я понял, — ответил я. — Есть чемпионы по бегу, есть по плаванию, а есть подниматели тяжестей. Но такой вот купол создавать... гм... я бы не отказался. Хотя и не знаю, зачем он мне... Ладно, будем готовиться ко взятию тюрьмы мощным, хотя и незаметным штурмом.

Понсоменер пошевелился, все повернули к нему головы.

— Надо посмотреть, — проговорил он. — Да, посмотреть надо.

— На что? — спросил я.

— На ту стену, — ответил он. — Мастер, это мне только кажется?..

Рундельштотт пожал плечами, вернулся к своему мешку. Мы молча ждали, пока рылся там и отыскивал нужный узелок, а потом бережно бросал щепотки в огонь.

Ничего не происходило, только пламя меняло цвет, вдруг старый чародей дернулся, взгляделся сперва в огонь, потом торопливо взбежал на вершинку холма, а там, спрятавшись за дерево, долго смотрел в сторону тюрьмы.

Я спросил в нетерпении:

— Да что случилось?

Понсоменер смолчал, а Рундельштотт проговорил, не оборачиваясь:

— Купол на месте...

Фицрой охнул, выругался, я переспросил в непонимании:

— Как?.. Но этот маг обещал же...

Рундельштотт повернулся, в старческих глазах были стыд и вина.

— Люди меняются, — проговорил он. — Когда-то маги слово держали...

— Или просто забыл, — вставил Фицрой. — Что мы для него? Так, муравьи...

Я спросил быстро:

— Догнать не успеем? Ушел далеко?

Рундельштотт ответил с запинкой:

— Такой магический купол нельзя создать издали. Маг должен быть где-то вблизи. И чтобы поддерживать это все.

Я сказал зло:

— Только бы увидеть, где эта сволочь прячется!..

Фицрой прошипел сквозь стиснутые челюсти:

— А где еще, как не в той башне, что нам кажется безжизненной?.. И от города далеко, такого шумного и бесполкового, и вроде бы важное дело для короля делает, за что получает что-то ценное...

Я сказал зло:

— Что ж, аккумулятор... это не все, что у меня есть.

— Даже я это знаю, — ответил Фицрой с намеком. — Как в старое добroe время, да?

— Слюнь, — посоветовал я. — Кто знает, как на этот раз. Вдруг эта сволочь круче или что-то пойдет не так?

Он сказал со знанием дела:

— Колдун из него сильный, ничего не скажешь! Установить такой купол... Это же не только остановит даже самого сильного, но ничем не пробить! Ни стрелами, ни файерболами, ни камнями из катапульт...

Я пробормотал:

— Посмотрим, насколько хорош против бронебойной усиленной. Любая защита строится против чего-то конкретного.

— Да, — сказал он с восторгом, — хочу посмотреть!

— За кого будешь болеть? — спросил я. Он не понял, судя по вздернутым бровям, я пояснил: — На кого бы сделал ставку?

Он подумал, развел руками.

— Увы, на тебя.

— Свинья, — сказал я. — Тоже мне товариш!

— Я за справедливость, — пояснил он.

— В жопу твою справедливость, — отрезал я. — Дружба выше. А теперь не отвлекай, может быть, удастся подстеречь его, когда будет только подъезжать к своей башне.

Понсоменер подошел со спины.

— Вот...

Я обернулся, он протягивает мне мой мешок.

— Спасибо, — сказал я. — Ты, как всегда, понимаешь раньше, чем тебе говорят. Оставайся с мастером здесь, а мы с Фицроем прогуляемся на вершинку. Он гулять обожает. Просто мастер...

Глава 14

На вершине я присел и начал вытаскивать и собирать винтовку, а Фицрой с биноклем в руке плюхнулся на траву животом.

— Пока не вижу, — сказал он сразу. — То ли уже проскочил, то ли остановился в лесу цветочки понюхать.

— Достанем и в башне, — заверил я с угрозой. — Не может быть, чтобы ни разу к окну!

— Узкие больно, — сказал Фицрой озабоченно.

— Пуля прописнется, — сообщил я.

Он покосился на винтовку в моих руках, даже мне не просто бывает поверить, что вся умещается в чехоланчик размером со стандартную бумажную книгу. А сейчас вот в собранном виде только ствол длиной почти в два метра и вся растопыренная, не считая опорных ножек.

Вес в этой модели резко уменьшен, но неизбежная тряска гасится работой продвинутой электроники, она все равно направит пулю точно в указанное место.

— Как это, — проговорил Фицрой задумчиво, — мудрецы отказываются от пути героев?.. Я бы с такой штукой вообще королем стал... А вот Рундельштотта не тянет. Кстати, он не один такой чудак. Уже встречал шибко умных. Могли бы, но не восхотели и даже не возжелали, непонятные существа...

Я припал к прицелу, оптика моментально приблизила изображение. В наступающей ночи серые блоки стен уже превращаются в фиолетовые, но цвета скоро исчезнут, хотя это не важно, четкость и ясность картинки пока важнее.

Фицрой пробормотал рядом, не отрываясь от бинокля:

— Все еще не вижу... Ни в башне, ни внизу... Ты пока не таращи глаза, устанешь. Я буду смотреть, а как только эта сволочь появится, сразу толкну так, что проснешься...

— Если появится, — буркнул я. — Если он уже в башне, то может прямо от стола брыкнуться в постель.

— Даже не посмотрев, — переспросил он, — на то, что охраняет?.. Это же для нас тот магический купол незрим, а он его наверняка видит... Чуть цвета изменятся, тут же подправит.

— Интересная теория, — сказал я. — Хорошо, смотри, но только не...

Он охнул:

— Вон он!.. Как же, сволочь, незаметно выехал из леса!.. И почти уже у башни!..

Я торопливо сместил прицел, в объективе появилась спина мага, лошадь идет неспешно, тряска солидному человеку ни к чему, а он, действительно сволочь, держит в левой руке коробочку аккумулятора и что-то говорит ей.

— Действительно, гад, — прошептал я. — Велит ей подчиниться, мерзавец. Доминант хренов.

Лазерная точка, быстро теряя цвет, прыгает по его спине, я начал опасаться, что промахнусь, а то еще хуже, раню, и тогда он, все поняв, сумеет принять какие-то меры, а тут холодок и так пробирает до костей, как только думаю о непонятных пока что мне возможностях магии.

Лошадь остановилась перед башней, маг медленно и устало покинул седло, левая рука равнодушно-покровительно шлепнула по конскому боку, конь сдвинулся с места, а сам хозяин повернулся к башне.

И снова я не успел нажать на скобу. Стиснув челюсти, навел крестик прицела сразу на дверь, дождался, когда маг протянет к ней руку, дверь исчезла, он занес ногу через порог, и я плавно надавил на скобу.

Фицрой ликующе вскрикнул, пуля саданула мага в спину. Он рухнул лицом вниз вовнутрь, дверь захлопнулась.

— Есть!.. Одно плохо...

— Что? — спросил я встревоженно.

— Нельзя на таком расстоянии попинать ногами! Или можно?

— Спросишь у Рундельштотта.

Я не договорил, по далекой башне пробежала вертикальная трещина, разделив ее до самой земли. Обе половинки изогнулись по чуть-чуть, а дальше начали укорачиваться, схлопываться, пошли вниз, рассыпаясь сперва на глыбы, потом уже в песок.

Мы все ждали, когда же докатится грохот падающих глыб, но на землю сыпался только мелкий песок, да и тот большей частью истаивал в воздухе. Мы неотрывно смотрели, как распадается башня, а за спиной послышались торопливые шаги.

Даже не оборачиваясь, я узнал шаркающую походку Рундельштотта и осторожный, как у зверя, шаг Понсоменера.

Рундельштотт выдохнул с огромным облегчением в голосе:

— Свершилось... Я ощущил!

Фицрой заговорил весело, блестя глазами и размахивая руками, будто сейчас что-то станцует:

— Вы такое не видели!.. Эх, я сам не ожидал!.. Смотрите, башня тю-то, даже не няvkнула.

Понсоменер привычно промолчал, Рундельштотт спросил опасливо:

— А сам маг... вдруг он еще жив?

— Вряд ли, — ответил я осторожно. — У него в груди все превратилось в кровавую кашу... Мгновенно. В мясной фарш, как сказала бы хорошая повариха.

— Тогда да, — протянул Рундельштотт. — Он не успел...

— Другое тревожит, — признался я, — стражники найдут труп, сразу могут подумать, что не зря убрали такую защиту, кто-то готовит нападение!

Он подумал, покачал головой:

— Вряд ли.

— Почему?

— К нам приходил, — объяснил он, — очень старый маг. Когда я был мальчишкой, он был уже очень старым. Никто не знает, сколько ему.

Я начал догадываться, спросил:

— Как и башня?

Он кивнул:

— Да. Он превратится в то, каким должен быть без магии все это время.

— Это облегчает дело, — пробормотал я. — Значит, если что и уцелело там, то лишь мой аккумулятор... А его не найти в густой траве.

Рундельштотт покачал головой в сомнении, а Понсоменер проговорил бесцветным голосом:

— Я найду.

— Было бы неплохо, — сказал я осторожно, — однако теперь надо спешно выручать принцессу. Кто знает, поверят ли в замке, что маг умер своей смертью.

— Пусть не своей, — вставил Фицрой. — Вызвал не того демона!.. Я слышал, у них такое сплошь и рядом. А демон взял и сожрал дурака. Или уволок с собой, чтобы там у себя сделать слугой. Я бы так и поступил!

Рундельштотт посмотрел на него, вздохнул, но смолчал, а Фицрой, судя по его виду, на всякий случай обиделся.

— Понс, — сказал я строго, — вы с мастером останетесь на самом важном участке! Мы с Фицроем пойдем всего лишь выпугивать добычу из нор, а вы перехватывайте, когда побегут в вашу сторону.

Рундельштотт кивнул.

— Да, здесь только одна дорога.

Понсоменер поинтересовался мирным голосом:

— Перехватывать... и что делать?

— Отстранять, — ответил я. — Отстранять от существования. Убирать из эволюционного процесса, как недоброкачественные звенья, не сумевшие выбрать более мирную и потому безопасную профессию, что дает больше шансов на размножение и продление рода... В общем, убивать всех подряд на хрен!.. Потом разберемся, как говорится, хотя кому оно надо, разбираться? Главное — результат! А факты подгоним.

Рундельштотт сказал поспешно:

— Да-да, знаем. Ты говорил, это не люди, а живая сила противника. И хотя вроде бы люди, но не люди.

Понсоменер сказал туповато:

— Людей убивать нельзя, даже нехорошо, а живую силу противника хорошо и можно?

— За это еще и наградят, — подтвердил я. — Понимаешь, это такое хитрое и великое волшебство: одним-двумя словами превращаешь хороших и добрых людей, что никакого зла тебе не сделали, в злобных чудовищ, которых обязан убить, истребить, очистить от них землю!

Рундельштотт посмотрел на меня с неодобрением.

— Никакое не колдовство, — сказал он недовольно, — а подлый трюк королей!.. Они так всегда делают, но, увы, это работает... Народ видит на той стороне только злобных чудовищ, которых надо убить как можно скорее.

— Работает, — согласился я. — Причем королевское колдовство поражает всю страну, заставляя видеть в прежде добрых соседях мерзких гадов, что только и думают!.. Но я не король, потому если говорю, что против нас гады и сволочи, то так оно и есть. А теперь за дело!

Рундельштотт проговорил медленно:

— Сейчас за полночь, в здании могли и не заметить, что башня исчезла... Не забывайте, не все на свете видят в темноте, как мы. Грохота тоже не было. Так что исчезновение башни заметят только утром.

Фицрой, почти подпрыгивая от возбуждения, пошел рядом, спросил свистящим шепотом:

— Придумаешь какие-то хитрости?

Я помотал головой.

— Хитрости — удел умных и слабых. А сильные прут, как быки, выставив рога и ломая все и всех на пути. Когда в руках такое оружие, чего умничать? Умные вообще по домам сидят!

— Хорошо, — сказал он с чувством. — Это по мне! Врываемся и все крушим, понятно. Это я люблю. А как врываемся?

— Попробуем залезть на крышу, — сообщил я.

Он спросил опасливо:

— На четвертый этаж? По стене?

— А что тут такого? — изумился я. — Пауки и то забираются!

— Так мы вроде не совсем пауки...

— Тем более, — ответил я. — Суворов сказал, олень пройдет везде.

Темная грозная стена с каждым шагом становится громаднее и выше, наконец заслонила мир. Фицрой оглянулся, я увидел расширенные в темноте глаза, синева в ночи стала серым цветом жемчужного оттенка.

— А теперь?

Я вытащил из заплечного мешка коробочку, стиснул рукоять. Щелкнуло, коробочка выдвинула крюк с тремя кончиками. Я направил его вверх на верхний край стены, мазнул пальцем по сенсору.

В ладонь мягко толкнуло, крюк улетел вверх, Фицрой даже не рассмотрел мелькнувшую за ним сверхпрочную нить.

— И... что теперь?

Я молча зацепил другой конец за пояс, шепнул:

— Спушь потом тебе. Мы по такой веревке уже спускались, помнишь?

— А там зацепилось? — спросил он с надеждой. — Я не слышал ни звука, ни стука...

— Крюки обрезиненные, — пояснил я и нажал кнопку.

Меня неудержимо потащило вверх по стене, едва успевал отталкиваться, иначе изотрет морду о камни, а у самого края ухватился за выступающую глыбу и перевалился на ту сторону.

Тихо, на крыше никого, да и отвыкли в полной изоляции держать здесь часового, что хорошо, разгильдяйство всегда работало на прогресс и гуманизм.

Я быстро отцепил застежку со своего пояса, бросил вниз в темноту. Через несколько секунд дрожание натянутой нити показало, что подъемник быстро тащит вверх нечто тяжелое. Я подал руку, Фицрой мягко перевалился через край, тут же вскочил уже с мечом в руке.

— Как здорово, — шепнул он, — хоть и страшно. Я имею в виду, это вот колдовство.

— Вон люк, — сказал я. — Убиваем всех, в плен не брать, тюремщики не люди, они вне конвенции. Как и охрана. Хорошо бы прорваться сразу к покоям принцессы, но не успеем.

Он спросил торопливо:

— Чего ты боишься?

— Вдруг, — ответил я злым шепотом, — кому-то дан тайный приказ в случае опасности убить принцессу?

Он вытаращил глаза.

— Ты... чего?

— Как бы ни ускорялись, — сказал я, — стражи у ее двери все равно первыми могут ворваться к ней.

— Зачем?

— Чтобы убить, — ответил я зло, — будем надеяться, что принцесса в любом случае важнее для Антриаса живой. Или что просто не решится убивать существо королевской крови, да еще молодую невинную девушку.

Он посмотрел на меня дико, словно вдруг ощутил, что я лично мог бы отдать такой бесчеловечный приказ, потому что для демократа и гуманиста никакой приказ не бывает бесчеловечным, а есть только неудачные формулировки.

Я приподнял крышку, вниз идет деревянная добротная лестница, там темно и тихо, хотя скоро утро, даже поздние игроки в кости уже наверняка легли.

По лестнице спустились в огромную вытянутую в длину комнату. На противоположных концах два массивных камина с горящими в них поленьями, стрельчатые арки ведут в соседние залы, пол вроде бы из темного мрамора, но так плотно закрыт шкурами диких зверей, что не углядеть, что под ними.

В центре зала громадный стол, вокруг дюжина массивных кресел из темного дерева, ножки и спинки в затейливых фигурах, на столешнице два подсвечника с толстыми свечами.

— Ого, — прошептал Фицрой.

— Впечатляет, — шепнул я.

— Это здание, — напомнил он едва слышно, — не строилось под тюрьму.

— Ничего, — утешил я. — Человек из всего умеет делать тюрьму.

Тихохонько выглянул в коридор, но услышал там шаркающие шаги, спрятался, пихнув задом нетерпеливого Фицроя. Мимо неспешно протащился зевающий и протирающий глаза сонный стражник с недовольным лицом, крепкий мужик с коротким копьем в руках, но без шлема.

Я пропустил мимо, зашел со спины. Удар пришелся точно в голову, череп хрустнул, Фицрой подхватил падающее тело и оттащил в нишу.

— Умело, — одобрил он. — Часто так?

— Бил в спину?

— Снимал с поста часовых.

— Тихо, — сказал я. — Теперь надо быстрее.

Он вбежал следом за мной в комнату рядом, там еще двое содрогнулись под тяжелыми ударами в затылки и опустились на пол, поддерживаемые нами заботливо, а то вдруг звякнут доспехами.

Фицрой чуть задержался над своим, я оглянулся, он догнал, в руке нож, откуда с лезвия капает кровь, сказал виноватым тоном:

— Не получилось так ловко, как у тебя, пришлось дорезать... На всякий случай, ты уж извини, и твоего по горлу...

— Ладно, — ответил я великодушно, — не жалко.

Еще одного часового увидели у самой лестницы с четвертого на третий, Фицрой прошептал:

— Далеко, сволочь, не достать... А начнем подбираться, заметит. Он к нам лицом.

— Попробую, — ответил я так же тихо.

— Начнется шум, — предупредил он.

Я приподнялся и, задержав дыхание, с силой метнул нож. Фицрой замер, уже готовый к яростной схватке, а часовой вздрогнул, в его глазнице появилась торчащая рукоять ножа.

Он не рухнул, а тяжело сполз по стене, а рядом со мной Фицрой прошептал с глубоким уважением:

— Ну ты и зверь...

— Вообще-то, — сказал я скромно, — я целился вон в ту статую. Он пошел бы проверить, что там за шум, а мы бы проскользнули.

Он засопел, не зная, верить или решить, что издеваясь, тем временем добежали и переступили через труп, я нагнулся и выдернул нож, сразу же вытерев лезвие об одежду.

— Я тоже так умею, — шепнул он, — только у меня не втыкается. И летит мимо, зато шумно. Но сам бросок у меня красивее!

Быстро сбежав по лестнице на третий этаж, услышали голоса и торопливо шмыгнули в первую же попавшуюся комнату, где, как я рассмотрел через перегородку стены, пусто.

— Сюда идут, — шепнул я, — пригнись вот за этим креслом...

Глава 15

Он присел, но ответить не успел, дверь распахнулась, в комнату ввалились двое: могучего сложения обнаженный до пояса стражник, в одной руке глиняный кувшин с вином, другой обнимает за голые плечи полную женщину.

У нее платье сползло с левого плеча, но мужик напрасно вслепую шарит пятерней, лицо у него такое, что на вопрос «Милый, как ты находишь мою грудь?» сейчас тупо ответит «Я ее еще не нашел...», что и понятно, ее тяжелое вымя висит на уровне пояса.

Когда прошли мимо нас, Фицрой начал приподниматься, готовый ударить в затылок, самый надежный способ не дать вскрикнуть, я знаком велел сидеть.

Стражник провел женщину через комнату до противоположной двери, шлепнул по заду.

— Лерна, ты в постели даже лучше, чем на кухне... ха-ха!.. Завтра не пускай Живоглота, вдвоем позабавимся...

Она сказала капризно и с игривым смешком:

— А почему не втроем, как обычно?.. Мне понравилось...

Он расхохотался, вытолкал ее в коридор, запер и пошел обратно, но вернуться не успел, с той стороны дверь распахнулась, ввалился еще один, такой же высокий и крепкий, голый до пояса, играющий мощной мускулатурой.

— Крагак, ты уже отвел Лерну?

— Меньше играть надо было, — ответил первый наставительно. — Нельзя в одной пятерне удержать две... ха-ха!

— А мы бы держали по одной, — заверил новый, — ну что ты за друг?

— Пусть отоспится, — сказал Крагак уже серьезнее. — Ей готовить на тридцать человек, а когда у нее недосып, то похлебка всегда пересолена...

— Ладно...

Они пошли было к двери, но Крагак остановился, замер. Я видел, как крылья его крупного носа начали широко раздуваться и схлапываться.

— Чего? — спросил второй.

— Что-то непонятное, — пробормотал Крагак. — Новые запахи... Кто здесь только что был?..

Я торопливо поднялся, он начал оборачиваться, я с силой ударил его в затылок. Второй, услышав звук удара, пригнулся, как зверь, и оказался лицом к нам в тот момент, когда Фицрой ударил мечом плашмя.

Один и другой рухнули, мой уже с залитой кровью головой и в беспамятстве.

Я сказал быстро:

— Сволочь!.. Пьяный, а какой чуткий.

— А мой шустрой, — прошептал Фицрой нервно. — Еле успел... Он уже рот открыл для вопля, видел? Как я только успел, я еще шустрее, какой же я молодец, а еще красивый и нарядный, ты заметил, что у меня новые сапоги?

— Держись за мной, — велел я, — не отставай, но вперед не лезь. Теперь нельзя терять времени! Слишком много трупов в разных местах, кто-то да наткнется. Не все, как видишь, спят.

— Веди, — ответил он.

Я быстро подбежал к двери, прислушался, с той стороны пока что тихо. Фицрой торопливо подбежал, я спросил с подозрением:

— Что, опять моего дорезал?

— Прости, — прошептал он виновато, — показалось, шелохнулся.

— Своих режь, — сказал я. — Что у тебя за привычка воровать чужое?

Он ответил со вздохом:

— Да трудно удержаться, когда видишь, что лежит плохо. А он точно лежал не так. И карман оттопыривался, сволочь!.. Но ничего там не оказалось... Вот так и верь людям.

Я прислушался, причувствовался, и хотя стены здесь из толстых каменных блоков, через них не посмотришь, как через пеноблоки, однако широкие щели проложены мхом, а тот пропускает и запахи, и даже звуки...

Картина проступает смутная, силуэты отдельных фигур не улавливаю, но ощущение массы человеческих тел отчетливое, крепкий мужской пот, что просачивается в щели, тревожит и заставляет сердце стучать часто и сильно, поднимая артериальное давление.

Фицрой поглядывал на меня в ожидании, я прошептал:

— В той комнате их многовато. Ниндзями не пропрем, надо на «ура» и по-мужски честно. Это глупо, но красиво и воспеваемо.

— Ниндзями, — переспросил он озадаченно, — это как?

— По-женски, — пояснил я. — Втихаря и в спину. У войны не мужское лицо, не слыхал? Я тоже. Щас придумал, потому что я умный... и вот думаю, если умный, то чего я здесь?

— Не умничай, — посоветовал он. — Умные гибнут первыми.

Я придержал его за плечо.

— Стой-стой. Поперед батька не лезь, это я батька.

— Что такое батька?

— Не знаю, — буркнул я. — Наверное, комбат... Все, начали!

Я ногой ударил в дверь и сразу же открыл пальбу из двух стволов, даже не сдвигая руки для лучшего прицела. С двух шагов, а то и в упор промахнуться трудно.

Фицрой ухитрился пролезть между моей спиной и стеной, там вспыхнула драка, что за отважный дурак, теперь еще и за ним следить...

Я вошел в зал и почти добрался до середины, когда справа вспыхнуло пламя от стены до стены. Устрашенные стражники попятились, а пламя, взвившись до свода, собралось в центр и понеслось огненным шаром вдоль стен.

Я проморгался, у дальнего входа появились две знакомые фигуры: руки Понсоменера двигаются в таком темпе, что не уследишь, когда выпускает стрелу, а Рундельштотт потрясает посохом и посыпает один сгусток огня за другим.

Фицрой с криком начал рубиться в двух шагах левее от меня, а я, сосредоточившись, давил и давил на курки, разбивая тяжелыми пулями головы, доспехи, пробивая щиты и разнося на мелкие осколки лезвия мечей.

Когда Рундельштотт и Понсоменер приблизились, я заорал гневно:

— Вы как тут оказались? Я же велел...

Рундельштотт сказал быстро:

— Они опустили лестницу и пытались... Мы их сбрасывали еще со ступеней... ну да, сбросили, а потом, раз уж никто больше, поднялись сами. Лестница вон там за нами, так что все в порядке! Никто не проскочит.

Понсоменер подтвердил:

— Никто не проскочит. Я слежу.

Я указал на дверь:

— За ней главный зал. Оттуда спуск в тюрьму нижнего этажа. Фицрой...

— Понял, — ответил Фицрой.

Он распахнул дверь и отпрыгнул в сторону, а я открыл пальбу из обоих пистолетов. В первую минуту оттуда с диким ревом перли целыми группами, я устал ими пол, медленно отступая, а когда затихло, с Фицроеем прыгнули через порог, там еще с дюжину стражников.

Я безостановочно палил из двух пистолетов, рядом страшно блещет меч Фицроя, красные капли срываются с лезвия частым дождем, сам он двигается со скоростью молнии и бешено рубит всех на пути, за спиной я слышал частое дыхание Понсоменера. Мимо моего уха проносятся с жутким свистом стрелы, догоняя одну другую, он успевает доставать ими тех, кто выскаивает на балкон и пытается прицелиться в нас из луков и арбалетов.

Рундельштотт отстал, но нам главное успеть ворваться в комнату, где стерегут принцессу, и успеть раньше, чем там поймут, что стряслось, что за шум за дверью...

Понсоменер крикнул:

— Она там!.. За этой дверью!

Я не стал спрашивать, откуда знает, изготовился к долгой стрельбе в петли, а из бокового арочного входа с диким ревом выскочило десятка два человек, хорошо вооруженных, в доспехах и с горящими ненавистью глазами.

За нашими спинами прогремел рев:

— Всем стоять!

Я застыл, жаркая волна прошла рядом, словно пронасся огромный раскаленный валун. Половину бросившихся на нас стражей смело, как насекомых. Огненный шар с быка размером ударился в дверь, внес ее вовнутрь с такой силой, что сорвал и откосы с обеих сторон.

Фицрой закричал то ли в страхе, то ли в восторге, но я опередил в беге, влетел в помещение первым.

В комнате жарко, воздух раскаленный, как из печи. Несколько человек расплющило дверью, отшвырнув их к стене, кровь потекла на пол и разлилась лужей.

Через стрельчатую арку видно, как мелькнуло голубое платье Адрианны и темные одежды ее похитителей. Я бросился в ту сторону, выставив перед собой стволы пистолетов.

За стрельчатым входом распахнулась небольшая комната. Высокий воин в дорогих доспехах спрятался за Адрианной и прижал острие ножа к ее горлу.

— Стойте! — заорал он. — Или она умрет!

Фицрой остановился как вкопанный и, раскинув руки, удержал нас с Понсоменером.

— Стоим, — прокричал он. — Чего ты хочешь?

Воин ответил затравленным голосом:

— Чего еще? Вы уходите, иначе я ее убью, не успеете и шелохнуться! Это я, Зигерд, начальник тюрьмы, мне терять нечего!

Фицрой оглянулся на меня, на лице страх и беспомощность, а я сказал медленно:

— Так убивай... Ты же знаешь, в Нижних Долинах часть глердов поддерживает права принцессы на престол королевства... И если она погибнет, власть королевы Орландии только укрепится.

Фицрой дернулся, но сказал быстро:

— Все будут думать, что королева сделала все, чтобы спасти сестру, но вы ее убили! И ненависть к Уламрии никогда не умрет в сердцах жителей нашего королевства.

Зигерд крикнул:

— Тогда зачем вы ее искали?

— Чтобы убедиться, — сказал я жестко, — что эта принцесса уже не сможет быть соперницей на троне. И как бы она ни погибла, все будут знать, что ее выкрали уламры и убили.

За нашими спинами послышались шаркающие шаги, я не отрывал взгляда от лица Зигерда, а Рундельштотт поравнялся с нами и проговорил задыхающимся голосом:

— Все, там сейчас... сейчас...

— Чисто, — подсказал я. — Спасибо, мастер. Осталось только это препятствие...

Рундельштотт проговорил медленно все тем же прерывистым голосом:

— Может быть... пусть уходит?

— С принцессой? — спросил я.

— Догоним, — пояснил Рундельштотт, — далеко не уйдет.

Зигерд сказал быстро:

— Мудрое решение. Чувствуется голос разумного человека. У вас будет шанс догнать меня. А сейчас вам не отобрать у меня принцессу...

Я сказал зло:

— Снова догонять? По второму кругу?.. Нет, я не люблю повторы. Лучше всего сдавайся, я обещаю отпустить живым, хотя и не хочется. Но я в самом деле пальцем тебя не трону, если отпустишь девушку.

Зигерд злобно ухмыльнулся.

— Они еще могли бы, но ты не такой. Ты, как и мы, нарушишь любые обещания.

Рундельштотт проговорил странно отрешенным голосом:

— Юджин... Давай!

Я все еще держал пистолеты направленными в сторону Зигерда, а сейчас, понукаемый Рундельштоттом, перевел прицел на его лоб и нажал на скобу правого пистолета.

На миг мне показалось, что мои пальцы дрогнули и прицел сместился, но это рука начальника тюрьмы с ножом на секунду раньше выстрела чуть отодвинулась от горла Адрианны. Тут же его голова дернулась, во лбу появилась большая дыра.

Оттуда плеснула было кровь и тут же остановилась, заткнутая сгустком изнутри.

Зигерд упал спиной на стену и сполз по ней на пол, а принцесса с криком бросилась Фицрою на шею. Рундельштотт что-то сказал стонущее и без сил, как и Зигерд, опустился на пол. Понсоменер подхватил его под мышки и легко перетащил на диван, где уложил с удобствами, даже подушку сунул под голову.

Я оглянулся на спасенную принцессу, бурно рыдал на груди Фицроя, тот вообще ошелел, не знает, как реагировать, взял ее на руки и беспомощно смотрит

по сторонам, будто хочет уложить на мягкие подушки, ладно, сейчас важнее самочувствие старого чародея.

— Мастер, — сказал я. — Как вы?

Он прошептал едва слышно:

— Все силы... ушли.

— Еще бы, — сказал я с благодарностью. — Вы же таким фаерболом шарагнули, все смел по дороге...

Он ответил слабеющим голосом:

— То легко. Куда труднее было удержать руку этой сволочи с ножом... Он же адепт черной магии, у него там вещи и амулеты, я почувствовал...

Фицрой оглянулся.

— Амулеты?.. Мощные?.. Юджин, подержи ее высочество!

Он так быстро сунул мне принцессу, что я не успел и подумать, как уже вытянул руки и принял ее, а он прыгнул к начальнику тюрьмы и быстро распахнул на его груди халат.

Я с неловкостью прижал Адрианну к груди, хотел погладить по голове, как обиженного ребенка, но держу ее на руках, чуть ли не баюкая.

Она подняла голову, в детских чистых глазах укор и обида, а тоненький голосок показался безжизненным:

— Вы так жестоко сказали...

— Ваше высочество, — сказал я с великой неловкостью, — так надо было... Это прием.

Ее голос оставался таким же слабым и несчастным:

— Я знаю, но вы сказали так холодно и с такой убежденностью, что я поверила...

— Не надо такому верить, — сказал я. — Не надо! Это была попытка обмануть врага. К тому же мужчинам нельзя верить, вам не говорили?

— Говорили, — прошептала она, — но я все равно всем верю...

— Тогда и мне верьте! Я же тоже все!

— Знаю, — повторила она и зябко дернула узкими плечиками. — Но это прозвучало так холодно, будто вы какая-то огромная жаба.

Сзади прозвучал тихий голос Понсоменера:

— Вон там в углу сундук с амулетами древних!..

— Подержи, — велел я и, сунув ему в руки принцессу, ринулся к сундуку. Фицрой уже снял с убитого все кольца, кое-где попросту выламывая пальцы, мертвому они как бы ни к чему, увидел, с какой жадностью я бросился к сундуку, тут же оказался рядом.

— Что там?

— Понсоменер учゅял волшебство.

Он даже не оглянулся на принцессу, торопливо ухватился за висячий замок в дужках.

— Тут заперто!

— Кто бы подумал, — сказал я злобно. — Понсоменер, открыть сумеешь?

Понсоменер со словами «Подержите» опустил принцессу на покорно подставленные руки Рундельштотта, мы отодвинулись, он сказал на ходу:

— Конечно!.. Тут все просто... Обычное заклятие замка, его даже деревенские колдуны знают. Мастер, вы откроете?

Рундельштотт приблизился, с трудом держа на руках принцессу, кивнул.

— Подержи-ка...

Фицрой протянул было руки, но вовремя вспомнил, что так трудно будет нагрести карманы добычей, и принцессу покорно, хоть и с неохотой, принял на руки Понсоменер.

Она доверчиво обвила его шею руками и опустила голову на грудь. Рундельштотт, освободив обе руки, подвигал ими в воздухе, растопырил и сказал страшно:

— Откройся.

Щелкнуло, я думал, замок исчезнет, но просто дужка выскочила из отверстия, замок закачался в петле.

Фицрой быстро выдернул и, отбросив, торопливо поднял тяжелую крышку сундука. Поляхнуло красно-синим огнем самоцветов, я чуть было глаза не прикрыл ладонью от неистового блеска, самоцветы не сами по себе, а все эти рубины, изумруды, бриллианты вделаны в амулеты, кольца, подвески...

Рундельштотт сказал нервно:

— Потом разберемся! Забирайте, сколько сможете, уходим как можно быстрее!..

— Кстати, — сказал я, — много было убежавших?

Понсоменер, не спуская из рук принцессу, покачал головой.

— Ни одного.

— Ты их... перевел в другую форму бытия?

— Нет, — ответил он. — Кто спускался, тот бы дрался, а не убегал. Мы это видели.

Рундельштотт сказал устало:

— Их бы казнили только за попытку скрыться. Такие тюрьмы поручают охранять самым преданным. Платят больше, но и требуют...

Мы с Фицроем набивали карманы, а Понсоменер быстро сказал Рундельштотту:

— Все не так. Подержите...

Рундельштотт протянул руки и принял принцессу, она положила голову ему на плечо и обвила шею руками, но Рундельштотт не слишком уж обмяк, не отводит острого взора жадных глаз от россыпей сокровищ.

А Понсоменер сорвал со стола скатерть и, вывалив на нее все из сундука, быстро завязал в довольно объемный узел.

Рундельштотт протянул было ей принцессу, но Понсоменер предупредил:

— Мешок тяжелый! Лучше понесу я.

Рундельштотт протянул принцессу Фицрою, тот охотно принял ее на руки, она положила ему голову на плечо и нежно обвила шею руками.

— Быстро уходим, — велел я.

Мы с Понсоменером поспешили вперед, почти бежим, за нами Фицрой с затихшей на его руках принцессой, а Рундельштотт тащился последним, слабый настолько, что вряд ли смог бы отбиться даже от воробья.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

Проходы в залы справа и слева зияют оскаленными провалами, от дверей не осталось и следа, пахнет гарью, а края откосов почернели от копоти.

Понсоменер поглядывает по сторонам, но помалкивает, только Фицрой крикнул за нашими спинами:

— Я в самом деле думал, Рундельштотт будет лишней обузой!

— А что, — ответил я, не оборачиваясь, — его нести не придется? Он выложился до капли!

— По себе судишь? — спросил Фицрой задиристо. — А вдруг у него силенок побольше?

— Помалкивай, — бросил я. — Ты несешь принцессу!

Он гулко хохотнул:

— И меняться не собираюсь!.. А ты займись остальными женщинами. Там найдутся и в твоем вкусе...

Я сказал строго:

— Не при ее высочестве, с ума сошел?.. Понс, собери женщин, загони всех в одну комнату и запри. Ключ можешь выбросить, можешь отдать мне. А я выброшу.

Он спросил в недоумении:

— А зачем тогда вам?

— А вдруг ты не сумеешь выбросить, — пояснил я. — Ты же у нас запасливый? Мастер, а мы займемся заключенными...

Фицрой сказал нервно:

— Ты что? Мастер у нас по высокому, а ты такое...
Мастер, подержите...

Он передал Рундельштотту принцессу на руки, и мы вдвоем поспешили в центр этажа, он же центр и сердце всей крепости. Вбежав в зал, сразу увидели у дальней двери двух стражников в полных доспехах и с оголеными мечами в руках.

Оба сразу повернулись в нашу сторону.

— Крепость взята, — сказал я громко, — все ваши соратники убиты!.. Бросайте оружие!

Один спросил угрюмо, глаза его рассерженно блеснули в прорезь шлема:

— Зачем?

— Присоединитесь к заключенным, — объяснил я. — А потом вас освободят...

Он выставил перед собой меч, держа его обеими руками.

— Сражайся!

— Мы убили всех, — повторил я. — Их было тридцать или больше? После этого сразить двух дураков нам ничего не стоит. Сдавайтесь. И останетесь жить.

Он ответил высокопарно:

— Это не жизнь, а бесчестье...

Фицрой оттолкнул меня.

— Не вмешивайся!

Он принял удар чужого меча на свой клинок, но не перерубил, а дал соскользнуть, уклонился от второго противника, а я некоторое время смотрел, как он красиво дерется, наконец один получил смертельную рану в плечо, почти отделившую ему руку, и через пару секунд второй пропустил удар в голову.

Фицрой, чуть-чуть запыхавшись, сказал быстро:

— Как-то нечестно, мне показалось... а так вот хоть немного...

— Ты прав, — согласился я. — Хотя мне правым быть не обязательно, но все же что-то иногда скребет.

Он молча смотрел, как я переступил через их тела и открыл дверь. Комната пустая, если не считать расставленные по углам мотки толстых веревок. Пол из каменных плит, но в центре широкий люк.

Я потянул на себя кольцо, люк тяжелый и массивный, снизу пахнуло нечистым воздухом и немытыми телами. Далеко внизу, даже не на уровне первого этажа, а подвала, с десяток мужчин стоят с задранными кверху головами и напряженно прислушиваются.

— Доброе утро, — крикнул я с высоты. — Уже правда утро, хоть и раннее. Власть переменилась, как вы поняли... Или не поняли?

Кто-то крикнул:

— Что там за шум?

Я оглядел их, злобных и все еще заносчивых, совсем недавно, а кто-то и давно, знатнейших людей королевства. Смотрят на меня настороженно, приученные с детства никому не доверять, положение не позволяет.

— Лорды и глерды, — сказал я громко, — простите, не знаю, кто из вас кто, но вынужден сообщить о некотором изменении... Тюрьма захвачена восставшим народом в нашем лице, то есть несистемной оппозицией. Стража и тюремщики преступного режима перебиты, так что вы свободны!..

Они наконец-то заволновались, задвигались, кто-то просветлел лицом, но двое-трое, напротив, помрачились.

— Боюсь, — произнес я, — среди вас найдутся такие, что сразу же бросятся к правительенным войскам с заверениями, что они ни при чем, а нападавшие, то есть мы, помчались вон в ту сторону... К сожалению, мы вынуждены принять некоторые щадящие меры безопасности...

Один из заключенных, высокий и осанистый господин в дорогом костюме с позолотой по обшлагам и с окантовкой, проговорил властным голосом:

— Что за... меры?

— Сбросим вам табуретки, — сообщил я. — Можем и лавку... Поставите одна на другую и, вы же умеете действовать в рамках военного отряда?.. совместными усилиями поползете наверх. Стены далеко, но сможете, я верю в безграничность человеческого разума. Подниметесь наверх, там придется выломать еще пару дверей, совсем пустяки, а спуститься по наружной стене для вас не проблема.

Он провозгласил мощным голосом:

— Это гнусно!

Остальные четверо поддержали его злыми голосами:

— Как вы смеете?

— Мы герцоги!

— Вы должны...

Я вскинул руку, они умолкли, я сказал зловеще:

— Мы можем убить вас всех, зачем нам свидетели? Или вообще не помогать выбраться! Не так ли? Так что не раздражайте. Мы не ваши подданные. Все, я сказал!

Я поднялся, ногой захлопнул крышку, Фицрой пошел за мной следом.

Принцесса все еще на руках у Рундельштотта, моло-дец мастер, хотя принцесса совсем легонькая, как ребе-нок, да еще и устроилась удобно, обнимая и перенося основной вес с рук на плечи, но все же держать на руках взрослую девушку...

Понсоменер доложил с ходу:

— Женщин отправил в подвал и запер.

— Всех? — спросил я.

— Надеюсь, — ответил он. — Больше не обнаружил...

— От тебя не спрячешься, — сказал я одобритель-но. — Покажи, сколько их было...

Он побежал впереди, а когда я спустился, приоткрыл тяжелую дверь подвала.

Женщин всего шесть, все крестьянской стати, брали их именно для работы на кухне, в прачечной. На меня уставились угрюмо и с некоторой долей страха, в глазах привычный женский вопрос: сейчас будут насиловать или чуть позже?

Среди них и та, у которой грудь до пояса, я улыбнулся ей по-дружески и сказал с похвалой:

— Лерна, спасибо, что спустила нам лестницу!.. Там в залах осталось добро, можешь взять себе.

Она распахнула в изумлении глаза, остальные женщины в испуге смотрели то на нее, то на нас, а когда мы с Фицроем вышли в коридор, он спросил:

— Ты чего?.. Ей за такое знаешь, что будет?

— А зачем мне знать? — огрызнулся я. — Но распутство наказуемо!.. Если не останавливать сейчас всеми доступными способами, потом это распутство вообще разовьется в демократию!

Он пробормотал:

— Наверное... что-то ужасное?

— И не говори!

В главном зале Понсоменер и Рундельштотт все еще осматриваются насчет трофеев, старому чародею труднее всего: на руках принцесса, так и не решился опустить ее на пол задними лапками.

Я крикнул с ходу:

— Быстрее заканчиваем! Времени у нас с воробышко-ным нос.

— Все зачищено, — заверил Рундельштотт все еще слабым голосом. — Кроме нас и женщин в подвале — никого. Не трусь!

Принцесса подняла хорошенъкую головку и посмотрела на меня с укором.

— Рано или поздно сюда приедут, — напомнил я. — А нам за это время нужно убраться как можно дальше. И быстрее. Не думаю, что с потерявшим силы стариком и нежной принцессой сможем двигаться день и ночь по прямой...

— Да заканчиваем, заканчиваем, — огрызнулся Рундельштотт. — Только я не вижу здесь потерявшего силы старика... Или ты о себе? Так ты пока еще на ногах, хотя устал, вижу, хилая теперь молодежь... Но зато как призная.

Понсоменер с мешком из скатерти на плечах направился к распахнутой двери, откуда уже заглядывает совсем близкое и страшное солнце, только вылезающее из-за края земли.

Рундельштотт передал принцессу на руки Фицрою, тот ухватил с восторгом и, опередив Понсоменера, первым успел на лестницу. Та сколочена добротно, удобная, явно не только для охраны, но и для высоких гостей.

Фицрой лихо сбежал, прижимая принцессу к груди, она широко распахнула чистые невинные глаза ребенка, Фицрой сказал ликующее:

— Как прекрасен этот мир... как прекра-а-асен этот мир, ваше высочество!..

Она проговорила нежным тонким голоском:

— Да, глерд Фицрой...

Понсоменер сказал быстро:

— Сейчас приведу лошадей.

— И моего коня захвати, — напомнил я.

В трех шагах от нас из земли с шипением вырвался огонь и взметнулся на высоту в два человеческих роста. В багровом пламени появилось огромное сурое лицо человека с прищуренными глазами и стиснутыми в полоску губами.

Мы не шевелились, а он медленно разомкнул губы и заговорил тяжелым громыхающим голосом:

— Вы убили одного из нашего круга. Он сообщил, что вы пытались установить с ним дружеские отношения. Потому сейчас, когда он взял у вас некую магическую вещь, но обманул, мы не считаем, что вы виноваты. Он был одним из нас... однако он поступил нехорошо и поплатился.

Я сказал с облегчением:

— Вы восстановливаете мою детскую веру в чистоту и благородство магов. А то, знаете ли, по одному подлецу начинаешь судить обо всех.

Он взглянул на меня строго.

— Это свойственно только молодым, потому часто делают неверные выводы. Взрослые люди осторожнее в выводах. Взрослейте быстрее, это убережет вас от многих...

Он поморщился, словно услышал чей-то настойчивый голос, требующий внимания, лицо отступило в огонь, а пламя моментально втянулось в землю.

Рундельштотт присел на корточки и пощупал землю, откуда к небу рвалось свирепое пламя, но, судя по его лицу, почва даже не нагрелась.

— Иллюзия, — сказал он с облегчением. — Хорошо, а то бывает...

— Даже не попрощался, — заметил я.

— У магов многое иначе, — ответил Рундельштотт.

— Со своими наверняка даже здороваются, — сказал я обвиняющим тоном. — А мы вроде как что-то настолько ниже рангом.

Раздался стук копыт, Понсоменер примчался на конях, за ним все остальные скачут послушно сами по себе, поводья заброшены им на седла, на Понсоменера смотрят, как на своего вожака.

Фицрой заботливо усадил принцессу на коня и, придерживая, торопливо поднялся в седло. Она тут же прислонилась спиной к его груди, а он, одной рукой ухватив повод, другой бережно придерживал ее, такую нежную и трепетную, на глазах истаивая от счастья.

— Уходим, — сказал я. — Все, уходим! Ничего не забыли? Уходим!

Вперед, обогнав меня, вырвался Понсоменер. Я не возражал, этот парняга лучше любого из нас чувствует, что нужно делать, лучше не мешать, настоящий руководитель знает, когда передавать инициативу коллектиvu, а я еще тот вожак, трушу, но делаю, раз слышал, как надо.

Наши с Рундельштоттом кони чаще всего оказываются рядом, Фицрой то и дело отстает, и дело не в добавочной нагрузке для коня, принцесса в самом деле легонькая, как перышко, а что Фицрой изо всех сил старается обходиться без тряски, это уже чересчур.

Фицрой, как услышал мои мысли, догнал нас, конь его пошел рядом с нашими, едем без тропы, спросил обеспокоенно:

— Как думаешь, выберутся или будут ждать королевских войск? Бежать из тюрьмы — это же признаться в мятеже?..

Я пожал плечами, а Рундельштотт сказал усталым голосом:

— Останутся. Хотя лучше бы, если бы разбежались и каждый, запервшись в своем замке, поднял мятеж...

— Им всем есть, — сказал Фицрой в сомнении, — что терять. Так что хорошо лишь вольным птицам.

— Эй, вольная птица, — сказал я предостерегающе, — принцессу не вырони.

Он гордо ухмыльнулся.

— Завидовать нехорошо!

Принцесса приподняла голову от его груди, ласково и кротко улыбнулась ему и снова опустила на такое надежное место, под которым бьется настоящее мужское сердце, слегка толкая ее в щеку.

Рундельштотт бросил на нее беглый взгляд, лицо стало задумчиво встревоженным.

— Самое позднее, — сказал он, — ее высочество хватятся утром, если именно утром приедут к этому замку, что маловероятно. Скорее всего у нас где-то около недели, а то и больше...

Я сказал предостерегающе:

— Опыт показывает, что под кем-то лед трещит, а под нами ломится. Так что скорее всего как раз утром и хватятся. Не обязательно из столицы кто-то прибудет. Могут просто из села пригнать овец для нужд охраны, а если никто не выйдет принять, то встревожатся.

— Вот крику будет, — сказал Фицрой мечтательно. — Примчатся из города, всех начнут судить... Надеюсь, король казнит самых наглых...

Рундельштотт прервал:

— Тогда у нас не больше четырех часов. А меньше — да, может. Потому спускаемся с холма и берем направление на восток.

Фицрой сказал ошалело:

— Нам надо на юг! А на востоке у нас что, Гарн или Верхние Долины?

Рундельштотт вздохнул, а я сказал хмуро:

— Фицрой, вот даже Понсоменер все понял. Погоня бросится в ту сторону, куда мы должны помчаться, и уже к обеду догонит и поймает. Так что все верно, пойдем в сторону Верхних Долин, а там сделаем крюк и свернем в Нижние.

Фицрой сказал с сомнением:

— Ход не слишком хитрый. Могут догадаться и тоже послать погоню на запад.

— Пошлют, — подтвердил я, — на запад, на восток и даже на север. Но все-таки основная масса ринется догонять в южном направлении. Даже дурак понимает, через неделю, если по прямой, будем в Нижних Долинах, даже в самом Санпринге!..

Рундельштотт проворчал:

— Самые быстрые конники пойдут на юг, перекрывая все дороги в Нижние Долины.

— И не только дороги, — сказал я. — Думаю, на всех холмах и скалах расставят наблюдателей. Еще и по лесам будут носиться как ошпаренные конные разъезды.

— Хорошо-хорошо, — вскрикнул Фицрой, — чего вы все навалились? Что, и поумничать нельзя? Да еще перед ее высочеством? Я ей тоже хочу понравиться!

Адрианна мягко улыбнулась:

— Дорогой Фицрой, ну как вы можете не нравиться? Вы такой... чудесный. И я так счастлива, что возвращаюсь домой... хоть и кружным путем. Но вы мужчины, вы умнее, вас нужно слушаться.

Фицрой заулыбался, но во взгляде, который метнул на меня, было горькое сожаление. Вот, дескать, кому-то идеальная жена достанется.

— Ваше высочество, — сказал он пламенно, — я бы вас домчал на своих белоснежных крыльях... если бы отросли! Да вот наш мастер Рундельштотт что-то темнит. Говорит, не может. Брешет! Может, просто не хочет расставаться с вами так скоро.

Она спросила простодушно:

— А вы хотите меня вернуть побыстрее?

— Да, — пламенно ответил Фицрой и, сообразив, что попал в свою же ловушку, пояснил торопливо: — В королевском дворце у вас есть все, а здесь только мы!

Она сказала слабеньким голоском:

— Так это замечательно...

— Правда?

— У меня, — заверила она, — никогда не было таких друзей.

— Я самый лучший, — заверил он пламенно. — А эти трое так себе.

Глава 2

Я посматривал на Фицроя с неудовольствием, принцессу он закутал в плащ так, что смотрится как младенец, которого вынесли погулять на свежем воздухе. Вот уже третий час едут, не меняя положения: она сидит у него на луке седла, прижавшись к его груди, а он бережно обнимает ее, а вдруг да заснет и брякнется коню под копыта.

Лучше бы, чтобы ее вез, скажем, Рундельштотт. А то сейчас нас только двое, способных сражаться. Даже два с половиной, все-таки Рундельштотт то может, то не может...

На первом же привале Фицрой торопливо соскочил на землю и принял упавшую ему в руки принцессу, по-прежнему закутанную в плащ так, что торчит только мордочка.

— Не завидуй, — шепнул за спиной Рундельштотт.

— Что? — изумился я. — Меня раздирает сочувствие!..

— Да? Взрослеешь, видать...

— Я такой взрослый, — заверил я, — седая борода за мной на три шага тащится! Вся уже в репьях, как хвост бродячей собаки... Такая, незримая борода, я же как бы волшебник. Или чародей, вечно путаюсь. Но лишь бы не колдун! Хотя вообще-то разницы так и не понял.

Фицрой невероятно бережно, словно хрупкий цветок, отнес принцессу почти на цыпочках к самому тол-

стому дереву и усадил там, прислонив спиной и не вынимая из плаща.

— Отдыхайте, ваше высочество... Если что нужно, только прикажите!

Я посмотрел, как он со всех ног ринулся к седлу своего коня, спросил у нее тихонько:

— Принцесса, вы как себя чувствуете?

Она проговорила тоненьким нежным голоском:

— Хорошо...

— Тогда учтывайте, — напомнил я, — что Фицрою нужно и драться по дороге. Если не можете сами держаться в седле, то, может быть, вам удастся ехать на его же коне сзади? Сзади Фицроя, не коня. И ему будет приятнее.

— Коню?

— Да и коню, — согласился я, — и Фицрою. Оба они еще те кони. Вы же будете за него держаться... за Фицроя, имею в виду. Это так всем мужчинам нравится, когда за нас держатся женщины. Мы чувствуем себя мушкетиннее, чем на самом деле... а потом и в самом деле такими становимся. Ибо обязывает. Обязываете.

Она мало что поняла, судя по ее беспомощному виду, но ответила послушно, как хорошая девочка:

— Как скажете, глерд Юджин. Я вас все еще не поблагодарила... Спасибо, глерд Юджин.

Я отмахнулся.

— Пустяки, не стоит благодарности. Это же было сделано в интересах международной общественности и сохранения нужного равновесия, когда наша чаша весов тяжелее, что правильно и законно. Да и ваша старшая сестра подняла всех на ноги. Мне кажется, она вас искренне любит и берегает.

Она посмотрела на меня в великом изумлении кроткими газельими глазами.

— И я ее люблю. Кроме нее у меня никого нет. А теперь есть еще вы, глерд Юджин.

— И глерд Фицрой, — добавил я.

Она кивнула.

— Да, глерд Фицрой, мастер Рундельштотт, этот ваш странный слуга, что все понимает, это я заметила... Но вы ближе, глерд Юджин.

— Ой, даже боюсь.

Она печально улыбнулась, голосок стал еще тоньше и жалобнее:

— Я же знаю, как вы помогли моей сестре! Она мне все рассказала. И все ждет, когда же потребуете плату.

Я поморщился, ответил с аристократической небрежностью:

— Ну пусть ждет. Не дождется. Отдыхайте. К сожалению, привал ненадолго, да и то не ради нас, увы, и даже не ради вашего высочества, а ради коней.

— Я люблю коней, — ответила она очень серьезно, — а также лошадок.

— Нам нужно, — сказал я, смягчая невольную резкость своих слов, в общении с принцессой все выглядит резким, жестким и грубым, — нужно убраться отсюда как можно скорее.

Понсоменер хвост теперь собирает в одиночку, Фицрой угождает принцессе, даже когда Понсоменер вывалил целую груду сухих сучьев, Фицрой не повел ухом.

Рундельштотт быстро поставил палочки шалашиком, огонек из его зажигалки моментально воспламенил тонкие прутики, взвилось оранжевое пламя.

Принцесса захлопала в ладоши.

— Ой, как здорово!.. Милый Рундельштотт, как вы это делаете?

Фицрой сказал гордо:

— Я тоже так умею!

Она округлила глаза и посмотрела на него очень серьезно и задумчиво.

— Правда?.. Но вы же не старый... Или старый, но скрываете...

— Нет-нет, — сказал Фицрой поспешно, — я совсем не старый, а даже напротив!..

— Напротив, — спросила она, — это совсем-совсем старый? Ой, а я думала, что вы молодой...

Даже Понсоменер потихоньку улыбался, Рундельштотт готов заржать, а Фицрой вскрикнул, будто раненный в самое сердце:

— Ваше высочество!.. Ну как я могу быть старым, если у нас уже есть старый?.. Нельзя двум старым быть в одной группе!.. Молодые могут, но старый может быть только один! И вы знаете, кто он.

Она посмотрела на Рундельштотта, потом на него и спросила:

— Кто?

Он застыл с открытым ртом, принцесса смотрит очень серьезно, хороший и такой правильный ребенок, что никого не обманывает и не понимает, что ее все равно обмануть могут.

Рундельштотт перехватил мой взгляд, кивнул, а когда увидел, что в нашу сторону никто не смотрит, сказал негромко:

— Та рубашка, которую ты так умело нашел в моей комнате... в самом деле набирает магию солнца. Я не верил.

Я ответил понимающим взглядом. У меня рубашка и штаны тоже усиленно поглощают энергию. Здесь ее, благодаря трем солнцам, поступает уж и не знаю насколько больше, жадно впитывается одеждой, а из нее моим телом, чего никогда не происходило, но теперь, наверное, мой организм наконец-то сообразил, как это делать и в моем мире, я и там, дома, чувствовал рас-

пирающую мощь, но не понимал, как ею управлять, а когда не знаешь, то это дурь, а не мощь, а дурь опасная вещь.

— Наверное, — сказал я, — маги никогда не устают?

— Просто сразу восстанавливают силы, — ответил он. — Потому постарайся овладеть хоть чем-то. Магия в тебе есть, знаю.

Я пробормотал:

— Но я же владею...

Он покачал головой.

— Это Фицрой не видит разницы, но я же понимаю, что это у тебя в руках не магия.

— Надеюсь на ваши уроки, мастер, — сказал я почтительно. — Ученик из меня хреновый, но хороший. В смысле, старательный.

Весь день до самого вечера торопили коней, стараясь уйти как можно дальше. Даже с заходом солнца не остановились, благо огромная зловеще красная луна светит пронизывающе ярко, заливая мир багровым, словно застывающая кровь, мрачным светом, это не считая того, что для нас ночь не ночь, но принцесса шурится, всматриваясь в приближающиеся тени с растопыренными крючковатыми лапами, но этим можно пренебречь, а вот что и кони в ночи видят хуже, нехорошо...

Понсоменер перехватил мой взгляд, послал вперед, а через несколько минут снова появился, весь опасно багровый, помахал рукой.

— Левее! Здесь ручей, поляна, много сучьев.

Принцесса в удивлении приподняла бровки, не понимая, что хорошего во множестве сучьев, то ли дело цветы, но спрашивать не стала, мужчины лучше знают, что с женщинами делать, а мы свернули и минут через пять выехали на большую поляну, где и цветы, о которых Понсоменер почему-то не упомянул, и множество

сухих веток по диаметру, где высятся огромные могучие деревья.

Понсоменер снова в мгновение ока собрал огромную охапку хвороста, Рундельштотт эффектно поджег, а Фицрой, снова закутав принцессу в плащ и усадив под деревом, начал торопливо вытаскивать из мешка провизию.

— Уж простите, ваше высочество, — сказал он виноватым тоном, — что никак не можем устроить вас в этом ужасе лучше...

Она проговорила в изумлении:

— Ужас? Глерд...

— Ну да, — сказал он отчаянным голосом, — ночь в лесу!

Она возразила слабеньким голоском:

— Но здесь же так красиво...

Он раскрыл рот, глаза полезли на лоб, даже я невольно бросил взгляд по сторонам. Костер разгорелся, тем самым погрузив весь остальной мир за освещенным кругом в мрачный черный деготь ночи, искры возносятся с недобрым треском, а там в темной выси мелькают смутные быстрые тени, к нам падают чешуйки с деревьев, сорванные острыми коготками.

— Правда? — спросил я. — Как глубоко чувствующий человек, я вижу красоту, но некоторые тут у нас, несмотря на перья в шляпе, все еще не совсем как бы могут чувственно чувствовать и уповать.

Она посмотрела с мягким укором на Фицроя.

— Но почему? — спросила она тихо. — Неужели вы не видите, здесь просто удивительно красиво!..

— И прекрасно, — поддакнул я.

Фицрой в беспомощности смотрел то на нее, то на меня, но я не знал жалости, тоже смотрел на него с укором, но совсем не мягким, а как бы палкой по голове.

Принцесса нежно прошелестела:

— В ночи своя неповторимая прелесть... Эти прекрасные совы, эти бесшумно летающие мышки, такие милые... А вы видели ночных бабочек? Какие толстые, важные...

— Ночью холоднее, — пояснил я, — потому мохнатые.

Она спросила печально:

— Так просто? А я думала, для красоты...

— Все в мире для красоты, — заверил я. — Красота творит и сотворяет мир. И облагораживает. Вот если вам побывать недельку среди крестьян, то все существа вокруг вас наверняка облагородятся настолько, что станут глердами! И чем ближе к вам, тем гледее. Красота — страшная сила! Она когда-то спасет мир. Да так спасет, что мало не покажется.

Принцессу укрыли двумя одеялами и уложили спать посреди поляны, а сами устроились на ночь вокруг, враг не пройдет, не проскачет и даже не проползет на пузе.

Я думал, принцесса, привыкшая к роскоши, будет долго устраиваться, но заснула мгновенно, явно дорога через лес, пусть и в объятиях Фицроя, далась нелегко.

Понсоменер, как мне показалось, совсем не спал. Когда я проснулся, он сидит на том же месте и в той же позе, только вместо полыхающего костра перед ним багровые россыпи крупных углей, на таких хорошо жарить мясо, да вообще можно поджаривать все, что угодно, даже хлеб.

— Все спокойно? — спросил я.

— Да, — ответил он.

— Кто-нибудь приходил? — спросил я бодро.

Он кивнул с тем же равнодушным видом.

— Да.

Я подпрыгнул.

— Что?.. Кто приходил?

— Да так, — ответил он. — Которые Живут в Ночи.

Я огляделся в ужасе, Рундельштотт, Фицрой и принцесса все еще крепко спят, принцесса то ли придвигнулась задницей к Фицрою, то ли он подполз, но сейчас он подгреб ее поближе так, что вжал в себя, и теперь мирно и удовлетворенно посапывают в невинном, хотя кто знает, сне.

— Чего меня не разбудил?.. Что они хотели?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Я им сразу сказал, что это не их лес, тот заканчивается на той стороне ручья, и хотя это рядом, но у них нет здесь прав. В общем, они удалились...

— Недовольные? — спросил я.

Он кивнул.

— А нам что?

Я с усилием перевел дыхание.

— Ты прав, нам не до тайн дикой природы. Подогрей остатки вчерашнего завтрака. Сегодня снова навстречу утренней заре, навстречу утренней заре... Там впереди большая река, как мне что-то подсказывает?

Он принял молча выкладывать продукты, не упомянув, что утреннюю зарю проспали, будто понял мои изысканные метафоры, пусть они и ни к селу ни к городу.

Принцесса на удивление выспалась прекрасно, с пурпуревшими щечками, щебечущая, невинная и чистая, как рыбка в горном ручье, подсела к расстеленной скатерти с разложенной Понсоменером едой, оглянулась на Фицрова.

— Глерд, вы еще спите?.. Здесь все так вкусно пахнет!..

Фицрой, скрючившись в клубок, пробормотал стонущим голосом:

— Сейчас встаю... уже сейчас... Будем завтракать, будем есть хлеб, Понс его хорошо прожарил, какой запах...

— Вот-вот, — подтвердила она, — а вы все лежите!..
Стыдно лежать, когда здесь все так вкусно...

Он пробормотал:

— Я вот думаю...

Я сказал предостерегающе:

— Эй-эй, не в присутствии принцессы!

Он привстал на локте, посмотрел на меня в удивлении:

— А что я хотел сказать?

— Не знаю, — ответил я твердо, — но в присутствии ее высочества такое даже думать неприлично!..

Принцесса посмотрела на Фицроя с опаской.

— Глерд... а что вы такое подумали?

— Я не подумал, — пробормотал несчастный Фицрой, — я не знаю, что они на меня клевещут... обрадовались, ваше высочество, они меня обижают!

Она посмотрела на меня и Рундельштотта с укором.

— Вы зачем его обижаете?

— А так просто, — пояснил я, — это мы ему даем сдачи. Принцесса, попробуйте вот это крылышко. Или ребрышко, я не антрополог, но если вкусно, то понимаю, хоть и не сразу. Хорошо спалось?

— Очень уютно, — сообщила она щебечуще. — Никогда не думала, что может быть так уютно. Как у мамы в руках, когда была совсем маленькой и счастливой.

Лицо Фицроя становилось то счастливым, то несчастным, минуя середину, а я сказал утешающе:

— Вы будете счастливы, ваше высочество! Кто, как не вы, больше достоин счастья? Даже Фицрой не спорит...

Фицрой бросил на меня убийственный взгляд, впервые ему кусок в горло не лез, а встречаясь взглядом с принцессой, он бледнел, краснел, даже багровел, один раз, как мне показалось, даже покрылся пятнами, как

диковинный зверь карабула, вздрагивал и тыкал куском мяса мимо рта.

Я похлопал в ладони.

— Все-все, заканчиваем!.. Хоть в трудное и суровое предвоенное время, но пикник удался, несмотря на сгущающиеся тучи всеобщего озверения и мужества. Однако не забываем, как бы ни хотелось, о нашей задаче доставить ее высочество как можно быстрее в ее лоно, что есть лоно ее старшей сестры. Несмотря на!

Рундельштотт произнес с тяжелым вздохом:

— Зайцев спасают быстрые ноги.

— Там, — закончил я, — в тепле и уюте, наша принцесса будет в безопасности. Уверен, ее величество, я говорю о королеве, хрен отпустит ее больше ко всяkim непонятным тетушкам. У королев не бывает тетушек! Не должно быть и у принцесс. Так, на всякий государственный случай.

Понсоменер подхватился.

— Оседлаю коней.

Рундельштотт медленно встал, опираясь обеими руками на посох. Как я заметил, он и спал с ним, обхватив обеими руками и счастливо чувствуя накопленную в нем темную энергию.

Понсоменер бегом привел коней, уже оседланных и вроде бы сытых, Фицрой, все еще несколько горбясь, взобрался в седло и протянул руку принцессе.

Я подхватил ее легкое тельце и помог устроиться за ним, она тут же обхватила его обеими руками и счастливо прижалась к спине всем телом, в том числе и грудью. Фицрой дернулся, словно всего с головы до ног пронзила сладкая боль. На лице быстро появилось странное выражение растерянности и счастья.

Я вскочил в седло, оглядел всех приидирчиво.

— Не отставать и не отвлекаться! Пока там не спохватились, нужно удалиться как можно дальше.

Рундельштотт сказал с надеждой в голосе:

— Если повезет, въедем в Санпринг раньше, чем в Уламрии обнаружат. Вы знаете, там когда-нибудь да обнаружат!

Фицрой даже не хихикнул, я видел как все его внимание сосредоточилось на седоке сзади. Сейчас с отважного глерда можно стащить сапоги или снять ру-башку, не заметит, все старается почувствовать, что еще можно сделать для принцессы, чтобы была счастлива.

По мне так она и сейчас не смотрится несчастной, но Фицрой, понятно, все равно будет из кожи лезть, его самого такое истовое служение делает счастливее.

Почти весь второй день бегства из Уламрии ехали по дорогам и тропам, никому не показываясь, хотя, конечно, трижды попадались навстречу подводы, и дважды мы сами почти нагнали мужиков на телеге, но всякий раз, оставаясь незамеченными, сворачивали в лес.

Фицрой то ли сам не понял, то ли перед принцессой жаждет выглядеть героем, сказал патетически:

— Это же простые крестьяне!

Я промолчал, как и Понсоменер, но старики любят поговорить и все объяснять, Рундельштотт сказал просто странно:

— Когда вооруженные люди на конях спросят, не проезжали в этих краях люди... и дадут наши описания, как думаешь, что ответят эти простые крестьяне?

— Да ладно, — пробурчал Фицрой, — это я так... Скоро и бурундуков будем страшиться!

— Если бы бурундуки распускали языки, — ответил Рундельштотт, — от них пришлось бы прятаться куда больше... Давайте определимся, по этой дороге к вечеру доберемся до Шацина, это такой небольшой городишко, если кто смотрел на карту. А если вот там по левой тропке, видите?.. села будут попадаться чаще, чем вороньи на деревьях.

— Лучше дорога к городу, — сказал я. — Много сел, много мужиков и баб в лесу, а мы не сможем не наткнуться на лесорубов или баб, собирающих грибы и ягоды.

Понсоменер, что остановился и зачем-то ждал нас, молча кивнул и снова пустил коня вперед.

Глава 3

Город Шацин смотрится просто позорищем среди прекрасного благоухающего мира: вокруг одни глинистые и песчаные ямы, дома ветхие, построенные кое-как, многие с провалившимися крышами и пустыми окнами.

В центре города небольшой кабак, где прямо от крыльца лужа, а в ней барахтаются в драке трое пьяных. На дальнем конце что-то вроде постоянного двора, дом настоящий: первый этаж из камня, второй из неструганных досок, что разве что от ветра, но не от дождя.

Рундельштотт буркнул:

— Когда-то здесь нашли золото.

— Много? — спросил Фицрой с такой живостью, что на пару секунд даже забыл, что там прижимается к его спине.

— Много, — ответил Рундельштотт. — Целый город, как видишь, вырос на добыче... А потом иссякло. И в ручье, и даже в недрах горы. Видишь, какие там норы?.. Издали будто стая ласточек поселилась. Вот и.

— Развели бы огороды, — сказал я. — А вон там можно овец выпасать! Какая трава, какая трава... Короля можно кормить!

— Таких людей работать не заставишь, — ответил Рундельштотт. — Золото искать, могилы грабить — это не работа.

— Даже если труднее, — сказал я скептически, — чем разводить огороды?

Он хмыкнул, указал взглядом на Фицроя.

— Скажи ему. Он объяснил с высокомерием искателя приключений, что рыться в глубокой норе, рискуя быть раздавленным, это не работа, а счастье, выпавшее мужчине! А собирать яблоки с дерева — тяжелый, изнурительный труд. Или клубнику с грядок, что вообще унизительно. Давайте на ночь остановимся здесь. Гостиница вполне...

Фицрой поморщился.

— Вполне для чего?.. С нами ее высочество принцессы Адрианна!

— Здесь такое запустение, — пояснил Рундельштотт, — что сюда ни один патруль не заглядывает.

— Фицрой, — предупредил я, — не давай принцессе снимать твой плащ. И пусть капюшон всегда будет... ну, ты понял! Если хоть кто-то увидит ее золотые волосы, вся Уламрия будет знать, что с нами ее высочество Золотоволоска.

Принцесса возразила чуточку обиженным голосом:

— Ну что вы, глерд Юджин! Мне так уютно в этом плаще! Как будто сам глерд Фицрой меня держит в руках...

— Ваше высочество, — прервал я строго, — молчите!

Она в изумлении расширила глаза.

— А что я сказала? Что в его руках...

— Принцесса, — оборвал я. — Когда вернемся, ваши наставники продолжат ваше воспитание. А сейчас я ваш строгий папа. Если надо, то и выпорю.

Она сказала обиженно:

— Папа меня никогда...

— Плохие у вас были папы, — отрезал я. — А вот я самый правильный! Так что слушайтесь сюда и не чирикайте лишнего. Все, прибыли.

Понсоменер покинул седло и, не дожидаясь работников двора, сам распахнул перед нами ворота.

Коней расседлали, протерли, все-таки долго шли то рысью, то галопом, насыпали им в ясли овса, напоили. Фицрой отыскал хозяина и снял комнаты для всех, гостиница почти пустует, потому каждому досталось по отдельной.

Когда выбили пыль из одежды и помылись, Понсоменер напомнил всем, что глерд Фицрой уже заказал ужин, он это всегда делает в первую очередь.

Когда спустились в помещение харчевни, я обнаружил, что стульев и даже табуреток нет, вместо них тяжелые дубовые лавки на пять человек каждая, а если на женщин, то на семь, но откуда здесь женщины, даже баб не видно.

Самый чистый стол, и то колченогий, воздух в помещении несвежий, с запахом подгорелого масла. Кроме нас, за дальним столом только четверо мужчин звероватого вида в сильно поношенной одежде, такие могут быть как старателями, так и разбойниками.

Фицрой с тоской посмотрел на Рундельштотта.

— Мастер, сделали бы вы нам хотя бы по чашке хорошего вина...

— Именно хорошего? — переспросил Рундельштотт.

— Вам же все равно...

Рундельштотт бросил на меня взгляд.

— Видишь? Даже герой с его... гм... мощным мозгом понимает, что для хорошего и плохого вина попытаться надо одинаково. Как и магии затратить одну порцию. Так что учись. Даже с малыми силами можно делать много.

Я кивнул, ну да, понятно, одинаковое усилие на то, чтобы поднять кирпич или узелок с алмазами.

Фицрой напомнил просительно:

— Так как насчет... Для ее высочества...

Рундельштотт спохватился:

— Ах да... Хорошо, но может не хватить на защиту.

— Мы успеем достичь Нижних Долин раньше, — заверил Фицрой.

Рундельштотт кивнул, сосредоточился, пошевелил пальцами. Перед нами прямо из воздуха появились четыре чаши, наполненные темно-красным вином, аромат сразу шибанул в ноздри.

— Видишь, — сказал мне Рундельштотт. — Сразу и чаши, и вино. Порознь легко, а вместе... уже мастерство!

Я посмотрел на принцессу, ее глаза стали размером с блюдца, а рот округлился.

— Ой... никогда такого не видела...

— А вам можно вино? — спросил я строго. — Молодым девушкам не положено.

Она посмотрела на меня с обидой.

— Но хоть немножко?.. Я никогда не пробовала вина...

— И не стоит, — отрезал я решительно. — Многие вот так становятся потом... Не для ваших розовых ушек будь сказано. А нам нельзя, чтобы вы стали.

— Почему? — спросила она наивно.

Я ощутил затруднение, королевой точно никогда не станет, так что вроде бы можно быть пьяной и толстой.

— Нельзя, — повторил я твердо и посмотрел на нее давящим взглядом строгого родителя. — Мы должны заботиться о красоте природы.

Фицрой сделал глоток, закрыл глаза в наслаждении, но когда попробовал придвигнуть чашу принцессе, я так посмотрел зверем, что он поспешил дернуть назад, расплескивая вино по столешнице.

Хозяин появился сонный, опухший и мрачный, явно мающийся головной болью. Взгляд уперся в чаши, но Фицрой не дал раскрыть рот, сказал повелительно:

— Мяса!.. Жареного! Много!.. Что-то вообще есть?
— Только баранина, — буркнул хозяин.
— Тащи баранину, — велел Фицрой. — Да побольше!
Что еще? Сыр, рыба?

— Есть...

— Тащи, — приказал он. — А еще и с собой возьмем.

Хозяин покосился на принцессу, та смирно и молча сидит, не шевелясь, в плаще с надвинутым на глаза капюшоном, Фицрой нетерпеливо хмыкнул, и хозяин потащился обратно.

Мы почти допили вино, когда он же и принес на огромном, как столешница, подносе две зажаренные в острых травах бараньих ноги, два бараньих бока, где на ребрах восхитительное мясо блестит хорошо прожаренной плотью, и мелко нарубленное мясо, особенно нежное, судя по виду.

— Мне ногу, — сказал Фицрой и ухватил ту, что покрупнее. — А это... это...

— Нашему младшему спутнику, — сказал Рундельштотт и, взяв из его рук миску с мясом, поставил перед принцессой.

В мою сторону он метнул озабоченный взгляд, указывая, что трактирщик как-то вычислил, что пятый из нашей компании не справится ни с бараньей ногой, ни с бараньим боком.

Когда он ушел с подносом, Рундельштотт шепнул:

— Юджин, не все обязательно плохо. У хозяев постоянных дворов наметанный глаз. Да и амулеты у некоторых есть... Так что он просто ощутил, что мы скрываем нечто. Но это не значит, что здесь уже знают о нас.

— Но лучше убраться поскорее,

— Ночь на дворе, — напомнил он. — Лошади устали. Да и нам спать не мешает.

— Тогда выступаем на рассвете!

Дороги в Уламрии хороши, как и везде в королевствах, где власть в руках короля, а не расташена гордыми и в огромной степени независимыми лордами. Даже через лес прорублены просеки, если уж слишком велик и дремуч, а на объезд нужно тратить сутки.

После Шацина мы двигались, почти не скрываясь, только принцессу старательно маскируем под застенчивого мальчика. Рундельштотт у нас вроде Гильгамеша, везде побывавшего и все повидавшего, сообщил, что еще через двое суток окажемся на землях Верхних Долин, где правит король Песканель Третий, к имени которого все чаще добавляют «Доблестный», хотя особыми доблестями не отличился ни в войнах, ни в дипломатии.

— Так это же хорошо, — сказал я. — Для населения лучший из королей тот, который сидит себе во дворце и развлекается с бабами. Даже самые победоносные войны разоряют королевство и уменьшают популяцию... ну, это такое население, что так, для статистики. Его можно убивать и грабить, но лучше этого не делать, хоть и не жалко.

Он пробормотал с одобрением:

— Понимаешь...

— Не очень, — сознался я. — Это я других повторяю. Великих! У нас великими считаются не короли, как было раньше, а мудрецы.

— Странное королевство, — сказал он. — Трудно в такое идеальное поверить.

— Идеального мало, — возразил я, — мудрые тоже еще как дерутся! Только уже не ради грабежа и захвата новых земель, а чтобы навязать другим свои взгляды... Понсоменер! Там стадо кабанов!

Из-за дальних деревьев донесся голос Понсоменера:

— Я везу оленя.

Фицрой, услышав такое, послал коня вперед, принцесса так прижалась к его спине, что почти приросла.

Понсоменер чуть придержал коня, и я видел в прошлом между деревьями, как Фицрой рассматривает и, тыкая пальцем, считает отростки на рогах, а сам олень, лишь чуть-чуть прихваченный веревкой, красиво свесился с одной стороны конского крупного рогатого голову, с другой — толстую задницу.

На обеде пришлось задержаться чуть дольше, чем я планировал, но добыча на охоте — святое дело, и хотя у нас вовсе не охота, а важная государственная операция по спасению особо важного заложника, однако охота превыше всего, а как же!

Оленя освежевали, разделали, Фицрой вырезал особо нежные куски и сам их жарил для принцессы, а она сидела в плаще, как птенец в гнезде, и смотрела на него счастливыми глазами.

Потом снова дорога, которая была бы короче, будь принцесса мужчиной, мы вообще могли бы оказаться на границе Нижних Долин, но принцесса — принцесса, потому долгая и неспешная езда через лес, Понсоменер к вечеру выбирает место для ночлега, затем сытный ужин и сон на свежем воздухе в очерченном Рундельштоттом магическом круге, защищающем от ночной нечисти.

Я спал чутко, не слишком комфортно быть командиром, отвечаешь за всех, для меня непривычно отвечать даже за себя. Отвечать еще и за других совсем дико, однако же я вроде бы сильнее и умнее их, пусть даже не умнее, а больше знаю, все равно это накладает или налагает.

Проснулся первым, хотя вообще-то поспать и погорячиться люблю, остатки сна улетели еще когда спал, никогда бы не подумал, вскочил с закрытыми глазами,

уже зная, что кому делать, как действовать и как не терять ни минуты.

— Завтракаем!.. Чистим зубы!.. Зарядка!.. Шнель-шнель!

Они таращили на меня сонные глаза, даже Рундельштотт приподнялся на локте и поинтересовался:

— Что за ритуал?

— Завтракать?

— Нет, но... чистить зубы? А что такое зарядка?

— Человек должен заряжать себя энергией, — сказал я, — магией, бодростью, силой, отвагой и прочими ненужными вещами. Почему ненужными? Да потому что у нас все это есть! И много, девать некуда.

Понсоменер с его удивительно неспешными движениями моментально раздул жаркий костер на остатках углей, Фицрой разложил еду, перед принцессой оказалось самое лакомое, она сонно таращила заспанные глазки, только что в тепле и защищенном уюте в кольце рук Фицроя, и тут вдруг снова в грубом мире, где и погрязить не дают...

— Кушайте, ваше высочество, — проговорил Фицрой сладеньkim голосом, — вы такая худенькая, как стебелек!.. Вам нужно больше кушать...

Она пропищала:

— Сестра мне говорила, что мужчины больше любят толстых, но мне почему-то не кушается больше, чем... Но вы меня и такой любите?

Фицрой воскликнул, весь превращаясь в факел:

— Ох, ваше высочество! Да я... да мы...

— Ну вот и...

Я торопливо вскрикнул:

— Ваше высочество, молчите, умоляю вас!.. Вы так невинны, что можете брякануть такое, что и на голову не налезет!

Она посмотрела на меня в изумлении огромными глазами дорогой куклы.

— А зачем на голову?

Я сказал мстительно:

— Это к Фицрою. Думаете, он у нас только красивый? Он еще и умный.

И, не слушая, как он будет объяснять, повернулся к степенно завтракающему Рундельштотту.

— Мастер, как спалось?

— Не хуже, — ответил он степенно, — чем в лесу... Ах да, мы же в лесу! Упражняешься?

— Еще нет, — признался я. — Мне нужна обстановка...

— Ее никогда не будет, — ответил он серьезно. — Никогда!.. Потому магом тебе не быть.

Я сказал тихонько:

— Да я вообще-то стараюсь, мастер. Только в моем королевстве стыдно было признаваться, что работаешь, трудишься... Это как бы громко орать, что вот нет таланта, потому все задницей. Те, кто усиленно трудится, врут, что само пришло...

Он поморщился.

— Да, это знакомо. Тогда хорошо, что понимаешь. Но дисциплинируй мозг! А то, знаешь ли...

Я прошептал:

— Понимаю, это связано с опасностью...

— Великий маг Велизардар, — сказал он серьезно, — вот так исчез двести лет тому. Во сне. Что-то приснилось, видимо. Предполагают, во сне перенес себя куда-то или пробил портал в очень опасное место... И погиб, не успев проснуться.

Я сказал устрашенно:

— Ого! А как во сне себя контролировать?..

— Учись, — сказал он. — Иначе будешь опасен не только себе.

Понсоменер выждал, когда Фицрой возьмет последний кусочек для принцессы, вытряхнул крошки хлеба со скатерки в траву, пусть и муравьи попирут, а мы вслед за ним начали подниматься, слушая, как лес наполняется птичьим щебетом.

Глава 4

Так мирно и безмятежно проехали и этот день, дорога часто шла под уклон, кони двигаются быстро.

Огромное оранжевое солнце дважды полностью исчезало за плотными тучами, что вообще-то редкость, за все время я только раз видел небо целиком в тучах.

Белое промелькивало дважды, но я успевал увидеть его только раз на самом краешке, свободном от туч, а потом уже почти в зените, где среди сплошного покрова на пару минут образовался разрыв.

К вечеру Понсоменер усмотрел далеко от дороги большой дом старинной постройки, я пустил коня вперед, вдвоем рассмотрели издалека, подъехал и Рундельштотт, сказал с ходу:

— Хороший человек. Можно довериться. Но не полностью...

— Попросимся на ночлег?

Он кивнул.

— Впереди еще долгий путь. Я выдержу, а вот вы, молодое поколение, скоро скиснете. Да и женщина с нами...

— Ночует и в лесу, — напомнил я.

— Один-два раза даже интересно, — согласился Рундельштотт, — а вот больше...

На Фицроя мы даже оглядываться не стали, у него сейчас по определению не может быть объективного мнения. И вообще никакого мнения.

Понсоменер все понял и молча свернул с дороги. Из дома нас если и увидели, но никто не вышел на крыльце. Понсоменер послал коня к воротам, а там, не покидая седла, постучал рукоятью ножа в ворота. Долго никто не отвечал, я подъехал как раз к моменту, когда на той стороне послышались шаги, Понсоменер и это рассчитал, я успел увидеть голубоватый силуэт за толстыми досками, грубый голос пробасил недовольно:

— Кто?

— Гости, — ответил я. — Издалека.

После минутного размышления звякнули цепи, со скрипом сдвинулся в петлях массивный засов. Ворота приоткрылись, мы с Понсоменером первыми въехали во двор, широкий и вымощенный ограненным булыжником.

Из главного входа вышел, сильно прихрамывая и опираясь на палку, крупный мужчина, худой, но широкий в плечах, совершенно седой, одетый в расшитый золотом дублет и темные брюки из кожи.

— Глерд Шнаур, — назвался он ровно и чопорно. — Хозяин этого скромного жилища.

— Глерд Ювал, — ответил я, — мой друг Понс, а это наш хозяин Рунд... ах да, несчастный глерд Фигельмигль с его романтической любовью...

Он бросил пытливый взгляд на Фицроя, у того в самом деле счастливо-несчастный вид, а существо за его спиной так прижалось к его спине и зыркает любопытными глазами, что их любовь не увидит только слепой.

— Добро пожаловать, — ответил хозяин несколько чопорно. — Вы получите полную защиту и гостеприимство.

Во дворе тот же мужик, что открывал нам ворота, собрал наших коней и увел в сторону длинного сарая, что

когда-то служил конюшней, а сейчас с одного конца зияет выбитыми окнами.

Рундельштотт бросил в мою сторону предостерегающий взгляд. Хозяин этого дома как-то слишком быстро сообразил, что мы от кого-то бежим, только еще не знает, насколько наш противник могуществен, надо держаться очень осторожно...

Пока мы вытряхивали пыль, смывали грязь и пыль дороги, в доме что-то происходило, я слышал скрип, глухой рев такой октавы, словно голос подал сам дом, неясный грохот, а когда мы вышли в зал, тот же мужик, что открывал нам ворота, указал на распахнутую дверь:

— Стол там. Можете рассаживаться...

Из другой двери вышел хозяин, прихрамывая еще сильнее и опираясь на палку, я сразу сказал с учтивейшим поклоном:

— Благородный глерд Шнаур, вижу ваше исполненное истинного величия лицо благородного и великолдушного человека, и ни капли не сомневаюсь, вам свойственны все истинные порывы души юности!

Он ответил со старомодной галантностью:

— Мои юные гости, я считаю своим долгом и обязанностью предоставить вам приют и ночлег в своем просторном доме, что знал и более достойные дни, но его камни никогда не видели бесчестья в этих стенах!

— Тогда вы поймете нас, — сказал я с надеждой. — Мы с благородным Рундом помогаем нашему другу Фигелю сбежать с возлюбленной в его дальнее имение, где их не найдут недруги. Увы, мир не всегда добр к тем, кто никому зла не делает и не замышляет!

Он грустно улыбнулся:

— Мне ли не знать... Чувствуйте себя в полной безопасности. Если что и случится, я вас в обиду не дам.

— Мы отбудем на рассвете, — заверил я.

Рундельштотт приблизился, поклонился.

— Глерд Шнаур... Я очень сожалею, что распухшие суставы в вашем правом колене мешают вам в полной мере наслаждаться жизнью.

Хозяин учтиво поклонился.

— Да, но...

— Я лекарь, — произнес Рундельштотт важно. — Вот зелье, оно сразу убьет вашу боль и даже начнет лечить суставы. Прошу вас, примите сейчас.

Он подал ему капсулку в оранжевой обертке. Хозяин в нерешительности взял кончиками пальцев, взглянул на Рундельштотта.

— И что...

— Просто проглотите, — сказал Рундельштотт. — Мы не успеем закончить ужин, как... В общем, увидите.

На лице хозяина отразилось колебание, очень уж не похоже это странное лекарство на привычные отвары, настойки и примочки, но под взглядом Рундельштотта, чтобы не обидеть старого и почтенного человека, положил капсулку в рот и запил вином.

Рундельштотт бросил на меня острый взгляд, дескать, если не получится, он меня сразу в жабу, а я так же молча заверил всем своим оскорблением видом, что получится, но дать должен был он, такой почтенный хотя бы с виду, к таким почему-то больше доверия, хотя жуликов среди таких еще больше.

Продолжая беседовать, мы вошли в зал и начали располагаться за обеденным столом. К моему удивлению, в зал вошел тот же мужик, что открывал ворота.

Он быстро расставил по столешнице посуду, серебряных блюд на всех не хватило, одно оказалось медным, его он поставил перед Понсоменером, ощущив в нем глерда, если он глерд, низшего ранга.

Через пару минут он же принес на широком, как дверь, подносе жареных кур, крупными ломтями наре-

занный сыр, копченую баранину и большой кувшин с вином.

Фицрой наклонился за столом в мою сторону и прошипел злобно:

— Я тебе припомню этого Фигельмигля!

— Прости, — виновато сказал я, — но сразу ничего в голову не пришло, а надо было как-то тебя назвать...

Справа от стола в огороженном низкой металлической решеткой очаге румянится на вертеле над багровыми углами молодой жирный олень, от одного взгляда на него слюнки текут.

Хозяин перехватил мой взгляд, чуть-чуть улыбнулся.

— Вино у нас хорошее, — произнес он, — а рыба из своего пруда... Что еще человеку надо?

— Это жизнь, — поддержал я.

Он предложил:

— Хотите взглянуть на мой винный подвал?.. Заодно и вина нальете себе и своим друзьям то, какое предпочтаете...

Я прислушался, ничего опасного не ощутил, хотя подвалы меня всегда настораживают, ответил с благодарностью:

— Да, с удовольствием!.. Я обернусь мигом!

Он протянул мне большой кувшин, по весу пустой, я ухватил за ручку и выбежал из зала.

Дверь в подвал справа от крыльца, удобно, я отворил, навстречу пахнуло холодом. Два факела по обе стороны двери нещадно чадят, разбрасывая красные искорки, но те гаснут, не долетев до холодного каменного пола. В помещении холодно, все-таки глубоко, близко подземные воды, разве что в дальнем углу здоровенный детина деловито перекладывает в железном ящике металлические крюки и прутья со зловеще загнутыми концами.

Я присмотрелся, это тот же, что отворял ворота, удивился, поинтересовался как можно спокойнее:

— Это что... пыточная?

Мужик усмехнулся.

— Шутите?.. Это для жарки мяса. Хозяин любит хорошо прожаренное. Он вообще кроме мяса ничего бы и не ел!

— В его возрасте? — спросил я. — Неудивительно, что у него такое с суставами... В каком бочонке вино самое старое?

Он повернулся, вытянул руку.

— Вон там в углу. Ковшик не забудь!

— У меня своя посуда, — ответил я.

Он смотрел, как я умело открыл кран, темно-красная струя полилась спокойно и величаво, осознавая свою элитность. Я дождался, когда кувшин наполнится, аккуратно повернул кран, перекрывая вину выход, и выпрямился.

— Прекрасное вино!.. Чувствую даже по аромату.

Он кивнул.

— На здоровье...

Я вернулся с кувшином вина несколько ошелевший, но не подал виду, а когда встретил пытливый взгляд хозяина, сказал с восторгом:

— Прекрасный винный погреб!.. И сразу видно, где старое вино, где молодое...

Он кивнул, его губы начали раздвигаться для ответа, но вдруг насторожился, прислушался к чему-то, мы умолкли в ожидании, а он поднял на Рундельштотта взгляд, полный благодарности, на губах впервые за все время пропала слабая и пока еще неуверенная улыбка.

— Мои благородные друзья... Как же я рад! Благородный Рунд просто удивительный лекарь.

Рундельштотт спросил радостно:

— Действует?

— Мои бедные суставы, — проговорил хозяин, — впервые за многие месяцы перестали донимать меня болью, даже когда я не двигаюсь...

Рундельштотт вздохнул с облегчением, а я кашлянул и сказал скромно:

— Если мне дозволено будет добавить, то боль на некоторое время вернется, хотя уже не так сильно... это будет длиться с неделю... Мудрый Рунд вот так полностью излечил моего дедушку, так что я знаю! А через пару недель вы уже забудете, что суставы у вас когда-то были распухшие и скрипели!

Хозяин посветлел лицом, посмотрел и на меня благосклонно.

— Вы хорошие люди, — сказал он просто.

Утром мы выехали со двора, тот же самый мужик закрыл за нами ворота.

Я оглянулся, а когда отъехали, пробормотал:

— Одно непонятно...

Фицрой теперь везет принцессу перед собой, она снова у него в руках, как закутанный в одеяло ребенок, Понсоменер унесся вперед, потому только Рундельштотт услышал и поинтересовался:

— Что непонятно?

— Дом большой, — сказал я осторожно, — даже громадный. Сад, огород, ухоженный пруд с вот такими рыбинами...

— С карпами, — уточнил он. — В основном.

— Да хоть с осетрами, — сказал я, — но они же не просто сами по себе!.. Их кормить надо... или не надо? Пруд чистят или он как озеро?.. Все равно как-то странно... один человек на все?

Рундельштотт помолчал, лицо медленно принимало грустное выражение.

— Иногда, — проговорил он с неуверенностью в голосе, — природа как бы принимает человека... Некоторых. К которым привыкла, пока они сидят на одном месте, если незлобивы и не вредят... У таких, глядишь, всегда урожай, двойной приплод, вода в роднике не иссякает и всегда холоднющая, в саду полно яблок...

— И не колдовство?

— Верно, — сказал он. — Верно заметил. Это не они, а... для них.

Я задумался, что-то не в духе генеральной линии эволюции и происхождения видов, по отбору и жестокой конкуренции, а как бы наоборот, хотя везде межвидовая конкуренция сохраняется, а здесь как бы исключение, крохотная лакуна. Как если бы природа пожалела беспомощное существо и сунуло ему под мордочку блюдце с молочком.

Хотя, может быть, эволюция смотрит мудрее, чем я думаю. То есть межвидовая и внутривидовая конкуренция пусть становится еще жестче, это движет прогресс, но в то же время нужно поддерживать и тех существ, что интуитивно выходят на более высокий уровень, где уже не конкуренция, а сотрудничество с природой...

Рундельштотт поглядывал заинтересованно, что-то у меня вид больно умствующий, а я напряженно прикидывал, как же мне в этой ситуации извлечь личную выгоду. Я же демократ, а демократ прежде всего думает о собственной шкуре, на этом здоровом эгоизме зиждется просвещенное современное общество, опирающееся на законы и подзаконные акты.

— Что-то нашел?

Я покачал головой.

— Нет, но чувствую нечто. Смутно, как собака, что все понимает, но петь не может. Мы связаны со всем миром, но точно так же, как чувствуем запахи тел друг друга, так и природа чувствует нас.

Он сказал медленно, не сводя с меня пронизывающего взгляда:

— Юджин... если сумеешь понимать мир... даже и не знаю, что тогда сможешь.

Я зябко передернул плечами.

— Ладно-ладно, уже и так страшно. Словно в бездну заглянул!

Он спросил негромко:

— Другое интересно, как ты догадался, что наш хозяин противник короля Антриаса?

— Закон Больших Чисел, — пояснил я туманно, — или Больших Данных, описывающий состояние, когда они, Данные, переходят в новое понимание... Когда их набирается столько, что голова уже не вмещает, мышление начинает совершаться иначе! На интуитивном уровне, как у божьей коровки... То есть смотрю, как подстрижены розы в саду, как посыпан белый песок на дорожках, и понимаю, что этот человек не одобряет политику короля Антриаса по увеличению собственной власти за счет подавления вольностей высшего возможного глердства!.. Все оставляет след, дорогой мастер!.. Сторонник короля стрижет кусты иначе, и хотя по одним кустам этого не определить, но когда смотришь на дорожки, кладку стен, линию веранды и покрой сапог нашего хозяина, то интуиция все это складывает и выдает абсолютно точный и взвешенный вердикт: виновен, надо вешать!.. Ну, не в прямом смысле, но вы меня поняли...

Он покрутил головой.

— Странно... Почему тогда у меня так не происходит?

— Мастер, — сказал я почтительно, — у вас мозг очень емкий, туда еще многое можно складывать, пользуясь вашей интеллигентностью и добротой! Даже ерунду всякую, как я часто делаю, а вот у меня мозг неразви-

тый, сла-а-абенький. Уже давно переполнился, больше не влезает. Потому он вынужден перейти к другим возможным видам мышления.

— Гм... а какие это?

— Среди них, — пояснил я, — есть и озарение, столь присущее Улучшателям, и сублимация, и внутреннее понимание сути вещей, что на самом деле, конечно, не понимание, а понимание в другом смысле, а то и в третьем. Человеческий мозг еще не те фокусы может выкидывать, мудрый мастер, такое и не снилось нашим пандавам и кауравам, а то даже горациям и курациям!

Глава 5

В полдень Понсоменер придержал коня, а когда мы догнали, сказал ровным голосом:

— Дождь.

Рундельштотт ответил так же ровно:

— Да. И сильный.

Я посмотрел по сторонам.

— Где? Я чо-то совсем сухой.

Фицрой засмеялся, Рундельштотт вздохнул.

— Скоро будешь мокрый, как утопшая мышь. Понс, этот лес с соснами пропусти, а вон в ту часть, видишь?

— Да, — ответил Понсоменер. — Там капля не прорвется до земли.

Когда мы въехали под защиту ветвей могучих дубов, громыхало уже не далеко за горизонтом, а почти над нами, потом стихло, но дождь обрушился сильный, струи воды чуть ли не в руку толщиной, мы видели, как на открытых местах земля сразу вспучырилась бульбушками, потекла вода, собирая мусор.

Фицрой снял с седла принцессу и усадил под деревом, а сам подошел к нам, пихнул меня в бок.

— Прикидываешься или в самом деле не чувствовал дождя?

— Не чувствовал, — признался я.

— Я тоже не чувствую, — сказал он, — зато все кричит, что будет дождь!.. И муравьи спрятались и закрылись, и бабочки, и стрекозы, и птицы не так кричали, и вообще все-все, даже цветы прикрылись... Теперь понимаю, ты не просто издалека, а очень издалека... Какнибудь расскажешь?

— Обещаю, — ответил я.

Рундельштотт все слышал, но промолчал, чувствует, что мое обещание ни к чему меня не обязывает. Могу рассказать сегодня, могу через сто лет.

Понсоменер, чтобы скоротать время, развел костер, на расстеленной скатерти как по волшебству появились еда и кувшин с вином.

Мы расселись в круг, принцессе не пришлось даже отслоняться от ствола дуба. Фицрой резал для нее мясо на тонкие и почти прозрачные ломтики, а подавал не на острие ножа, а накалывал на выструганные им прутики.

— Ой, — сказала она нежным голоском, — а вы, глерд Фицрой, почему не кушаете?

— Я даже ем, — заверил он.

— Культурным стал, — сказал я в изумлении принцессе, — а то обычно жрал, как дикий кабан! Вы его облагораживаете, ваше высочество. Еще немного, он и петь начнет.

Она в удивлении вскинула бровки.

— А что... сейчас он петь не может?

— Еще как может, — заверил я. — Но такой стеснительный... Только вы сможете растормошить его, ваше высочество, и дать ему возможность проявить свой удивительный талант!

Она пропищала тем же нежным голоском:

— Ой, я буду стараться...

Дождь, что не дождь, а ливень, длился недолго, как и все ливни, но ухитрился пропитать водой весь мир, начиная с самого воздуха. Мы доедали поджаренные на углях ломтики хлеба, что из хрустящих быстро превращаются в размокшие оладьи, я чувствовал, как одежда на мне становится мерзко влажной и тяжелеет, а когда поднялись в седла и двинулись дальше, то уже чувствовали себя рыбами в мутной воде.

Почва превратилась в жидкую зловонную грязь, что так неохотно отпускает конские ноги, чавкает и хлюпает, старается удержать, повести в ту сторону, где ждет трясины...

Рундельштотт покосился на мое расстроенное лицо.

— Вот так и узнаешь, кто где родился, — сказал он с легкой насмешкой. — Да, топкая грязь, болото, гниющие растения, гнилые деревья... И ничего, привычно. А вот тем, кто родился и жил в дворцах...

Он сделал намеренную паузу, я прохрипел измученно:

— Я не родился во дворце!.. Но мир не состоит из одних болот. Может быть, я из жарких пустынь и барханов!

Его старческие глаза блеснули интересом.

— Что такое пустыни? И барханы?

— В другой раз, — ответил я и оглянулся на Фицроя, он поддерживает принцессу с одной стороны, Понсоменер с другой, а я, кто бы подумал, прокладываю дорогу наравне с престарелым Рундельштоттом!

Встретился ручеек, но и он слабо ползет по зловонной жиже, то и дело ныряя под рассыпающиеся от гнили стволы деревьев, которых и не узнать под слоем коричневого мха. Болотные растения торчат из грязи толстые, жирные, блестящие от слизи.

Воздух здесь, внизу, как мне кажется, не менялся уже тысячи лет, это где-то в других местах бывает ветер, а здесь вечный штиль, а когда наконец впереди показались настоящие деревья, хоть и покрученные болезнями, я лишь стиснул зло и устало челюсти.

Здесь уже не мох на стволах, а отвратительная слизь, откуда и берется, ветви такие же голые и блестящие, как и выползшие на поверхность толстые корни, похожие даже не на змей, а на исполинских дождевых червяков.

С веток свисают длинные лохмотья мха, гнилой туман вплетается в них, жутко и омерзительно, принцесса всего пугается, часто плачет, хотя старается не показывать нам слез, на ее одежде уже висят лохмотья то ли седой паутины, то ли мха, то ли это туман так уцепился за жертву...

Дорога постепенно шла вверх, под копытами начала похрустывать галька не галька, но камешки, уже не чавканье, а потом вообще копыта звонко и весело застучали по твердой сухой почве.

К полудню, когда прикидывали, где остановиться на обед, далеко впереди показались стены большого города. Фицрой ожил, даже принцессу нечаянно стиснул так, что она протестующе пискнула, но Рундельштотт сказал строгим голосом:

— Да, почти половина дороги до Санпринга уже за спиной. Но тем опаснее осталенная часть...

— Где остановимся? — спросил Понсоменер.

— Ты знаешь, — сварливо ответил Рундельштотт. — Поближе, но не так, чтобы!

Я промолчал, не стоит лезть со своими указаниями, когда все делается без тебя достаточно правильно.

Когда близкие стены города начали прступать в просветы между деревьями, Понсоменер принял коней и взялся расседлывать, а Рундельштотт сказал твердо:

— Схожу я! На старого человека меньше обратят внимание.

Я снова промолчал, старый чародей переоделся в простую крестьянскую одежду, и я поразился, насколько это меняет человека. Даже мне не признать в нем мудреца, который так много знает и много умеет. Самого Рундельштотта, конечно, узнаю в любой одежде, но только потому, что знаю, однако для остальных у него лицо простого старого крестьянина, так что профессия психоаналитиков насквозь брехливая, по лицу ничего не угадать.

— Ждите здесь, — сказал он коротко, — схожу и все узнаю.

Мы из-за кустов наблюдали, как он вышел на тропку и пошел к городской стене.

Понсоменер тут же достал торбы, насыпал зерна и подвязал коням к мордам. Все принялись с удовольствием есть, слегка встряхивая головами, чтобы подбросить лакомство с самого дна.

Фицрой, как обычно, хлопочет вокруг принцессы, сперва устраивал ей гнездышко, потом кормил, а мы с Понсоменером просто разожгли костер и ждали возвращения Рундельштотта.

Вернулся он достаточно быстро, не Фицрой, по ба-зарам не шастал, я сразу насторожился, видя его хмурое, встревоженное лицо.

— Ну что, что случилось?

— Похоже, — ответил он мрачным голосом, — нам будет очень непросто вернуться в Нижние Долины, придется взять еще в сторону...

Я охнул.

— Уже?

— И не только, — заверил он. — Нам просто не повезло с днем штурма. Судя по тому, что услышал здесь,

в тот же день, когда мы утром отбыли, днем в тюрьму привезли новых заключенных...

Я стукнул кулаком по земле.

— За что нас судьба так любит?..

Он поморщился.

— Любит?

— Кого любит, — пояснил я, — тому подсовывает испытания. Значит, мы — избранные. Хорошо, что не сразу в погоню, иначе бы нам не уйти...

— Сперва посылали с докладом гонца к Антриасу, — предположил он, — а только тогда уже...

— С новым отрядом, — сказал Фицрой.

Рундэльштотт вздохнул.

— Не просто погоня. Когда приказ найти и вернуть отдает король, это совсем другое дело, чем просто защита интересов королевства. Как я понял из разговоров, конные отряды отправлены широким фронтом. На самых быстрых конях уходят далеко вперед, прочесывают все дороги, на перекрестках ставят заставы, на вершинах холмов бдят наблюдатели. То, что мы сделали, очень уж сильный удар по Антриасу.

Фицрой фыркнул.

— Еще бы! А если успел сообщить своим военачальникам, что принцесса Нижних Долин у него в руках... Ваше высочество, они обиделись.

Принцесса пропищала:

— Да-да, глерд Фицрой, на самом деле я в ваших руках! Таких сильных и надежных...

— Ваше высочество, — сказал я быстро, — умоляю, помалкивайте! Вы по своей невинности можете брякнуть такое, что просто и не знаю.

Она в удивлении округлила такие невинные и чистые глазки.

— А что я сказала? В его руках чувствую себя...

— Принцесса, — прервал я, — ни слова больше! Женщина должна лежать молча.

— Но я сижу...

— И сидеть молча! Тогда только сумеем доставить вас в целости.

Она сказала поспешно:

— Все-все, молчу!

Рундельштотт сказал неспешно:

— Должен был сказать, такие козыри, как похищенная принцесса чужого королевства, не прячут. Потому Антриас сейчас готов полжизни отдать, всю армию бросить на поиски... Дело чести! Репутация сильного короля зашаталась.

— Проберемся, — сказал я. — Антриас все-таки уверен, что мы как ехали в Уламрию по прямой, так и ринемся со всех ног обратно той же дорогой. Но тот, кто ездит прямо, дома не ночует... Мы идем, как сказал великий вождь и учитель, другим непонятным путем, а это дает нам шанс.

Понсоменер поднялся и молча ушел седлать коней. Рундельштотт сказал так же мрачно:

— У королей ресурсов побольше, чем у кого-либо. Думаю, послал быстрых конников, чтобы опередили нас и перекрыли дороги в Кельмии и Герцогстве Алых Маков.

— А король Кельмии, — спросил я, — доблестный Бриан Гульбер, это позволит?

Он поморщился.

— Позволяют же местные правители нам ехать через их земли? Так и отряды уламров пройдут тайно, но под контроль дороги возьмут там и здесь.

— Значит, — решил я, — дорог избегать, как избегали. Да и зачем нам эти старомодные пути? В правильном королевстве достаточно знать направления. Для победы над кровавым врагом этого хватало.

Еще день ехали где по дорогам, где напрямую через лес, я видел, как все больше настороживается Понсоменер, наконец он сказал непривычно мрачным голосом:

— Они повсюду. Спереди, сзади, по бокам. И хотя это отдельные группки и отряды, но проскользнуть между ними не получится.

— Не стоят на месте?

— В разъездах по три всадника, — сказал он. — Я могу всех троих сбросить на землю. Стрел у меня еще хватает.

— Похоже, придется выезжать из леса? — спросил Фицрой. — А дальше что, мчаться со всех ног через равнину? Надеясь, что каким-то чудом нас не увидят?

— Чудес не бывает, — сказал я.

— Тогда что?

Ответить я не успел, Понсоменер сказал быстрым шепотом:

— В нашу сторону движется целый отряд!..

— Уходим, — велел Фицрой гордым голосом и стиснул в руках принцессу. — А там видно будет!

— Какой глубокомысленный план, — проворчал Рундельштотт. — Учитывающий все возможности, многоходовый...

Я ухватил его коня за повод и пустил своего в галоп следом за Фицроевым.

Так продирались почти до ночи, Рундельштотт, как и Понсоменер, становился все мрачнее, наконец произнес мертвым голосом:

— Похоже, нас загнали, как дичь. У нас выбор: сдаться или же...

Фицрой сказал быстро:

— Я предпочитаю «или»! Это значит драться?

Рундельштотт покачал головой:

— Нет, хуже. Видишь, как дорога свернула круто и пошла по опушке?.. А вторая пошла в другую сторону, обходя лес слева?..

Фицрой вздрогнул.

— Это что же... Лес Утопленников?

Рундельштотт кивнул.

— Не останавливайтесь, не останавливайтесь!..

Фицрой в самом деле начал было придерживать коня, готовый вступить в схватку, а там не важно, мертвые сраму не имут, но я сказал резко:

— Быстрее!.. Лучше нас сожрут чудовища, чем поймают уламры. Фицрой! Меч в ножны.

Фицрой убрал меч, ответил хмуро:

— Ты прав. Уламры не получат удовольствия захватить нас в плен. Это главное.

— Зато жабы, — пробормотал Рундельштотт.

Фицрой нервно дернулся.

— При чем здесь жабы?

— В том лесу, — пояснил Рундельштотт, — жабы размером с овец. Хорошо, что любят собираться в стайки... Как поют, как поют!

Фицрой остановился как вкопанный. Лицо его начало бледнеть.

— Может быть, — сказал он неуверенно, — лучше дать бой? Отступать как-то не совсем красиво.

— Вперед, — велел я страшным голосом. — Что жабы?.. Ты в них влюбишься!.. А если еще и перецелуешь... Вторую принцессу можно отдать Понсоменеру.

Понсоменер вздрогнул всем телом.

— Нет уж... с жабами я хоть знаю, что делать.

— Что? — спросил Рундельштотт.

— Их надувать можно, — объяснил Понсоменер. — А попробуйте такое с принцессой!

Я покосился на его серьезное лицо, Понсоменер все-таки постепенно меняется, что бы ни говорил о застыв-

ших попадателях под свет трех лун или зеленого солнца. Может, и неуклюжий пока что юмор, но все-таки, все-таки...

Лес приблизился, деревья расступились, мы пустили коней по едва заметной звериной тропке с настороженностью, но пока ничего не случается, я начал потопропливать, наше спасение, как и у зайцев, в скорости.

Долгое время ничего не случалось, лес как лес, ничего таинственного, Понсоменер начал поглядывать на меня с вопросом в глазах, я кивнул.

— Ладно, привал на чуть-чуть. Покормим коней, сами перекусим... Но недолго!

Понсоменер отыскал красивую поляну с приникшей к земле мелкой травкой, тут же начал собирать хворост, аристократы хреновы, не могут сухим пайком обойтись, костер им надобен, даже хлеб поджаривают, гренки подавай...

Фицрой отошел в сторону, и вдруг на краю поляны ноги разом ушли в зеленую травку, он успел охнуть, как погрузился весь, на миг мелькнуло бледное лицо с вытаращенными глазами, тут же погрузился, через мгновение вынырнул, весь в грязи и облепленный зеленой травкой водорослей.

Мы с Рундельштоттом ухватили за растопыренные руки, осторожно потащили, стараясь сами не соскользнуть в замаскировавшееся болото.

Подбежали Понсоменер и принцесса. Понсоменер бросил Фицрою веревку, тот ухватился за нее зубами.

Принцесса лицуяще вскрикнула:

— Смотрите, какая красивая лягушечка!..

На облепленной грязной ряской голове Фицроя устроилась на самой макушке молоденькая лягушка, вся блистающая свежей изумрудной кожей, крупноглазая и с перепончатыми желтыми лапками.

Я торопливо закричал:

— Молчать!.. Камрады, ма-а-алчать!.. Ни звука!.. Вытаскиваем медленно, чтобы у него не оторвалась... не оторвались ноги... Болото свою добычу держит...

Принцесса сказала счастливо:

— Ташите, ташите... еще немного...

Она протянула белые нежные руки к Фицрою и бережно сняла с его головы лягушку в обе ладони. Фицрой обессиленно рухнул лицом в мох и часто дышал, перемежая стонами и хрипами.

Потом выплюнул темную воду, в которой продолжали извиваться два толстых червяка. Он посмотрел на них безумными глазами и ухватился обеими ладонями за живот.

Принцесса с задумчивым видом держала лягушку в ладонях.

— Если я ее поцелую, — сказала она нерешительно, — а она превратится в заколдованную принцессу... Юджин, может быть, вы поцелуете?

Я помотал головой.

— У меня есть рептиль Яшка.

Она с надеждой в глазах поверлась к Фицрою.

— Поцелуете?

Фицрой посмотрел на нее, на лягушку, снова на нее.

— Кого из вас?.. А-а-а, понял!.. Нет, жениться мне как бы рановато. Пусть Рундельштотт, ему сейчас нужна жена или хотя бы связь.

Рундельштотт поморщился.

— Если гарантируешь, что останется лягушкой, тогда можно, но если в самом деле как-нибудь проснусь, а она уже принцесса? Нет уж, лучше ее обратно в болото.

Принцесса сказала с жалостью:

— Как жаль... Болото в стороне от дорог, когда еще кто проедет вблизи...

— Пусть подождет, — сказал я с сочувствием к принцессе и еще больше к лягушке. — Потом благодарнее

будет, может быть, из нее получится верная и любящая жена. Бросьте ее в болото, ваше высочество. И вообще не хватайте все в руки, особенно если что-то подсунет Фицрой...

Она сказала с мягким укором:

— Что вы все запрещаете? Да слова вам не скажи...
Вы деспот, да?

— Я ваши уши берегу, — объяснил я.

Она в испуге потрогала свои уши.

— А что с ними не так? Меня будут таскать за уши?

— Я такому руки отобью, — сообщил я. — Просто не хочу, чтобы вы слышали какие-то грубые слова. Или неприличные.

Она округлила глаза.

— Ой... а какие это?

— Ваше высочество, — спросил я с укором, — вам что, перечислить их?

Она ответила чистым, ясным голосом невинного ребенка:

— Ну да... иначе как я буду знать, какие из них какие?

— Гм, — ответил я в затруднении, — пусть это сделает Фицрой. Он знает больше.

Она обрадовалась.

— Правда?

— Правда-правда, — подтвердил я. — И он с вами охотно поделится всем запасом. Только действуйте по-настойчивее. Он такой застенчивый, такой робкий...

Глава 6

После короткого обеда продолжили путь, Понсоменер впереди, как всегда, я следом, готовый к неприятностям и немедленной стрельбе, но лес хоть и выглядит

неприятным и угрожающим, но, думаю, его недобрая слава из-за очагов огромного болота, на котором он вырос.

Пройдет еще десяток-другой лет, и эти последние болотца высохнут, затянутся ряской, зараастут сверху толстым слоем мха, и останется только пугающее название...

Ночь застала тоже в этом лесу, воздух сырой, даже костер разгорелся сперва ярко и мощно, потом начал пускать дымки, постреливать, словно на раскаленные угли попадают капли влаги.

Фицрой хлопочет возле принцессы, укутывая ее в плащ, укладывая под защиту дерева и подгребая к себе в целях, конечно же, безопасности, Рундельштотт после ужина сразу задремал, только Понсоменер добровolestno подбрасывает в костер ветки, выбирая самые сухие.

— А ты почему не спиши? — спросил я.

Он застенчиво улыбнулся:

— Успею. Мне хватает пару часов. Не люблю спать долго... да и не могу.

Из-за деревьев медленно и с царственным величием поднялась огромная бледная луна, заслонив почти половину неба, а от земли словно на ее призыв начал струиться густой туман, сперва расстился у самой почвы, затем начал нарастать, сперва заметными слоями, затем перемешался, потек вверх...

Я прошелся в кусты, издалека пахнуло странно знакомым, присел и начал всматриваться. За кустами проросли синеватый силуэт, через десяток секунд я уже был уверен, что это Рундельштотт.

Понаблюдав за ним, потрясенно понял, что старый чародей вышел проверить мой анализатор. То и дело достает из кармана крохотные стебельки, вкладывает в ячейку и водит по сторонам, засекая расстояние.

По большей части, как вижу, неудачи, хотя анализатор наверняка показывает, что да, есть, засек, но на расстоянии сотен миль, а то и тысяч...

В какой-то момент Рундельштотт вздрогнул, наклонился, всматриваясь в показания, тут же пошел торопливо прямо через кусты.

Я вздохнул и вернулся к костру, Понсоменер все также у костра, задумчивый и сосредоточенный, ничего не спросил, но я ощущал каким-то образом, что он спрашивает о старом чародее, ответил мирно:

— Скоро вернется. Травы собирает.

Он кивнул.

— Да, тут много редких трав. Под болотом был, говорят, другой мир. Но теперь все ушло.

— Лишь бы трава осталась, — сказал я.

— И трава уйдет, — ответил он равнодушно. — Все уходят.

Фицрой завозился во сне, открыл один глаз, затем с усилием второй.

— Еще не спите? Что за болото, что за болото...

— Здесь принцесса, — напомнил я строго, — придержи язык.

Он вздохнул и снова закрыл глаза.

Лес рассекает прямая, как стрела, просека. Похоже, торговые пути здесь весьма, надо держать уши на макушке, как у коня, а не по бокам, как у коровы.

Некоторое время двигались по ней, настороженные и даже помалкивающие, чтобы ничего не пропустить, затем Рундельштотт настойчиво посоветовал сойти и поискать тропку попроще. Фицрой запротестовал, но неожиданно сказал Понсоменер:

— Я тоже чувствую. Много людей... Навстречу.

— Армия, — пояснил Рундельштотт. — Тяжелая конница.

— Сворачиваем, — велел Фицрой. — Конечно, всех перебьем, но лучше поодиночке...

В лесу не просто сырьо, чавкает и брызгает гнилой водой, будто идем по гигантскому болоту, на котором успели нарасти кусты и деревья, но Понсоменер ушел далеко вперед и оттуда подает успокаивающие знаки, дескать, там возвышение, земля чище и суще.

Почва в самом деле уже не чавкает, хоть и слегка прогибается, а туман поднялся и странно завис в верхах деревьев, что не пропустили его выше. Странное зрелище, от которого у меня мурашки по всему телу: плотное облачное небо на уровне нижних веток деревьев, что едва не задевает наши головы!

И когда мы продвигались медленно и осторожно, издали долетел едва слышный перестук копыт. Фицрой впереди вскинул руку, и мы с Рундельштоттом остановились.

— Уламры, — сказал Фицрой. — Ломанемся в чащу?

Рундельштотт покачал головой.

— Здесь не укрыться. Нужно ехать вперед и держаться так, будто ничего не случилось, мы купцы, малость сбились с дороги.

— Мы такие тупые? — возразил я.

— Просто восхотели сократить дорогу, — пояснил Рундельштотт.

Из тумана вынырнули всадники в тяжелых металлических доспехах, кони покрыты кольчужными сетками, на шлемах всадников короткие рога, что олицетворяют могущество, насколько я помню, но еще большее могущество демонстрируют сами всадники: рослые, крепкие, в прекрасно подогнанных доспехах и с хорошим вооружением, так что издали в сырьом тумане показались вроде гигантских муравьев с их металлически блестящим хитином.

Тroe передних разом опустили копья, острые как жала наконечники оказались прямо перед грудью Фицроя и Рундельштотта. Я скосил глаза на копье, что почти упирается мне в грудь, сказал радостно:

— Вы армия?.. Как хорошо!.. А то куда ни плюнь, разбойники, грабители...

Копья даже не качнулись, подъехали и остальные всадники, а старший спросил резким командным голосом:

— Кто такие?

— Купцы, — ответил я и поклонился, как простолюдин перед знатным глердом. — Мы везем семена из имения Кизинец в имение Делига, но, на свою беду, немножко сбились с пути...

Рундельштотт вскричал визгливым голосом:

— Мальчишка!.. Сбились? Это ты нас сбил, похваставшись, что знаешь более короткий путь!.. Вот тебе и короткий, когда то в болото, то в чащу...

Старший из воинов посмотрел на него, перевел полный презрения взгляд на меня, скривился, махнул рукой.

— Ждите на обочине, пока пройдет мой отряд.

Я склонился в низком поклоне.

— Спасибо, благороднейший лорд! Где пройдет ваша армия, там все трясетя от страха и торжествует королевская воля!..

Конница двигалась долго, я заметил, что Фицрой, изображая рассеянного шалопая, тем не менее подсчитывает численность проходящего мимо воинского контингента, а как же иначе; это мы, мужчины, делаем на автомате, как всегда определяем рост и ширину плеч любого, с кем говорим впервые.

На этот раз дорога незаметно вывела на простор, а когда впереди замаячила трещина в земле, я сообразил, что это ущелье, глубокое ущелье, но мы едем не по дну,

а уже по краю обрыва. На той стороне из кустов выметнулась пара крупных животных, что-то вроде злобно оскаленных горилл, взвыли при виде нас, такого сладкого мяса, чуть было не сорвались с края, потом побежали вдоль, не отрывая от нас горящих ненавистью взглядов.

— Ну и морды, — сказал Фицрой. — Никогда их не любил. Простите, ваше высочество, на свете не все такое красивое, как лягушечки.

— Это вепролоки, — сказал Понсоменер.

— Встречался? — спросил я.

— Только издали, — признался он. — А ближе не хотелось бы. Они живучие и очень сильные. А я драться не люблю. И никогда не любил.

Я поинтересовался как бы невзначай:

— Но все же побывал не только в своей деревне?

— Почти не отлучался, — заверил он.

— Но драться приходилось?

— Совсем чуть-чуть, — ответил он и поморгал чистыми, доверчивыми глазами, чем они напомнили взгляд принцессы. — Я стараюсь избегать вообще таких мест...

Он присвистнул, впереди дорога загромождена камнями, к тому же настолько идет круто вверх, что непонятно, как подняться самим, не говоря уже о конях. Фицрой в непонимании крутил головой, словно искал обходной путь, а Рундельштотт сказал веско:

— Снимаем с коней поклажу.

— Зачем? — поинтересовался Фицрой.

— Перенесем на себе, — пояснил Рундельштотт. — Ты крепкий, сам все переташишь. А мы пока коней постережем...

— Лучше я постерегу, — предложил Фицрой. — Что, плохая идея? Странно, я же такой умный, а вы какие-то странные, не оценили блеск моей мысли...

Поклажу все-таки перетащили мы втроем, оставив Рундельштотта с принцессой и конями, а потом с нечеловеческими трудностями почти на себе переносили коней через камни и валуны, затаскивали наверх по гладким плитам, где скользят не только копыта, но и подошвы сапог.

Самое непонятное, навстречу с высот бежит игристый такой ручеек, по мокрым камням карабкаться вообще невыносимо, даже не знаю, как мы заташили коней наверх, а там дорога вроде бы ровнее, потом занесли поклажу и в конце концов помогли взобраться Рундельштотту и принцессе.

— Не понимаю, — выдохнул Фицрой, — вода же всегда стремится вниз!

— И что? — спросил я и указал на ручеек. — Она же не вверх течет...

— А как оказалась там? — спросил он. — Почему на горе, а не как все люди, внизу? Горы здесь сумасшедшие, ручьи тоже глупые... Наверное, волшебство?

Рундельштотт ответил со вздохом:

— Вынужден согласиться. Ничем, кроме непонятного и мощного волшебства не объяснить, как это вода оказалась на вершине горы, и почему течет оттуда сотни лет, и все еще не вытекла.

— В старину чародеи были сильнее, — сказал Фицрой уверенно, — а вот женщины красивее в наше время!

Рундельштотт уязвленно нахмурился, зато польщенно улыбнулась принцесса.

День прошел в нелегкой дороге, на ночь устроились в глубокой расщелине, спали все, сбившись в кучу, хотя у входа горел костер, согревая воздух, но все-таки все, кроме принцессы, малость продрогли.

Утром Понсоменер утопал к выходу, мы не успели заново раздуть костер, когда вернулся и сообщил равнодушным голосом, что ветер утих, вообще потеплело.

— Сперва перекусим, — сказал Фицрой. Он заботливо поправлял на принцессе сползающий плащ. — Когда я сыт, я вообще непобедим!

— И мудр, — согласился Рундельштотт.

— Это да, — согласился Фицрой. — Когда спустимся, нужно все-таки свежих коней добыть.

— Но лучше купить, — сказал я. — Меньше шума.

Фицрой вскрикнул обидчиво:

— А я как сказал?.. Принцесса, не слушайте их!

— Что бы ты ни сказал, — заметил Рундельштотт, — все равно звучит как «украл».

— Видите, ваше высочество, — печально сказал Фицрой принцессе, — как все мне завидуют? Завистник на завистнике!

Она сказала слабеньким голоском:

— Ну что вы, глерд... Они вообще-то хорошие... Где-то глубоко внутри.

Он сказал нам с укором:

— Видите? Ребенок все понимает! У вас где-то что-то глубоко внутри, но вообще-то непонятно, насколько глубоко. Хотя я догадываюсь, в каком это месте...

— Не при девушке, — сказал я. — Не будь таким грубым.

— А что я сказал?

— Что бы ни сказал, — сказал я, почти дословно повторяя Рундельштотта, — у тебя все грубо.

Рундельштотт покосился на меня, лицо приобрело задумчивое выражение.

— Здесь не может кишмя кишеть разведчиками, — сказал он рассудительно. — У короля не настолько много людей... Или думаете, всю армию пустил на ваши поиски?.. Да, тогда можно охватить всю Уламрию и даже Кельмию, хотя в Кельмии должен все-таки вести себя...

Фицрой, выказывая быстроумие, сказал живо:

— Но тогда пришлось бы отсрочить вторжение, пока не поймает нас и не соберет армию обратно, а на такую жертву вряд ли пойдет!

— Сматря насколько ему нужна принцесса, — сказал я. — А если не как заложница, а... невеста?

Они посмотрели на меня в недоумении.

— Ты чего? — спросил Фицрой.

— А если Антриас вознамерился взять принцессу в жены? — спросил я. — И объявить ее истинной королевой Нижних Долин, которой завещали трон?..

Они переглянулись, Рундельштотт посмотрел на меня остро, но во взгляде чародея я прочел уважение, как к хитроумному гаду, способному понять низости человеческие.

— Тогда, — сказал он при полном молчании остальных, — он в самом деле может отложить вторжение. Принудив принцессу выйти за него замуж, он может без войны захватить Нижние Долины!

— Без войны? — переспросил Фицрой. — Да ему только война и нужна!

Я сказал невесело:

— Ладно, это уже почти не секрет, но Антриас в самом деле хотел бы захватить Нижние Долины без войны.

— Чего? — спросил Фицрой с непониманием. — Антриас?

— Вовсе не от миролюбия, — пояснил я, — просто хотел бы сберечь армию для удара по Дронтарии. Завтракаем побыстрее и выступаем!

В дороге я заметил, как Рундельштотт объясняет нечто принцессе, а та слушает со всем прилежанием, кроткая и послушная, как и всегда, но что-то меня беспокоило, пока не сообразил, а это ж было так трудно, что объясняет старый чародей, а не Фицрой.

— Ничего не случилось? — спросил я у Рундельштотта.

Он пожал плечами.

— Да вроде бы нет...

— А где Фицрой?

Он в недоумении посмотрел по сторонам.

— Не знаю. Он попросил немножко развлечь принцессу, а то его шуточки ей уже надоели, вот я и разговариваю...

Я посмотрел на принцессу с укором.

— Куда вы его послали?

Она ответила нежным голоском:

— Глерд... Как я могла кого-то послать?.. Да еще спрашиваете, куда?

— Верно, — пробормотал я. — Туда он и сам постоянно.

Понсоменер крикнул:

— Глерд Фицрой возвращается!

Фицрой пришел, держа трех оседланных коней в поводу, веселый, малость дерганый, часто поводит плечами, словно одежка тесная, посмотрел задиристо, уже готовый давать сдачи. Понсоменер тут же перехватил коней и отвел в сторонку, а я критически оглядел Фицроя с головы до ног.

— Ну и что?

Он сказал быстро:

— За нами следили!.. Что я должен был делать?

— Сказать нам, — ответил я.

— Вы были далеко впереди, — объяснил он, — а я как раз проверял, как там у нас сзади... Их было всего трое!

Принцесса посмотрела на него с опасливым восторгом, а он, поцеловав ей пальчики, сказал с беспокойством:

— Эти трое старых хрычей вас не обижали? Эти люди такие грубые! Учу их хорошим манерам, учу... лучше бы вон те деревья учили!

Она начала застенчиво уверять, что все хорошо, а я спросил:

— Трупы там и оставил?

Он вскинулся.

— За кого ты меня имеешь? Отволок в кусты!.. А наших коней можем продать по дороге.

Рундельштотт спросил деловито:

— Как были одеты? Как легкая конница или гвардейцы?..

— Скорее, — ответил Фицрой, — как местные, которым заплатили отыскать нас.

— Это значит, — сказал я, — Антриас армию не распывает на поиски. Что хорошо и плохо.

— По мне так хорошо, — сказал Фицрой.

— И по мне, — согласился я. — Это для королевы плохо. Для королевства еще хуже. Армия, значит, на таких гигантов, как мы, отвлекаться не станет. Пойдут и вделят.

— Оскорбительно, — сказал Фицрой. — За нами мог бы послать и две армии!.. Ваше высочество, когда они удирают, я за ними просто не успеваю!

— Вы драчливый, глерд Фицрой, — сказала она с мягким упреком, — а вот ваши спутники добрые и мирные. Даже не понимаю, как вы друг друга нашли...

Он отмахнулся.

— Да подобрал по дороге. Вижу, жалобные, есть просят...

Глава 7

Принцесса проводила задумчиво-тоскующим взглядом пролетевших над головами двух лебедей, вздохнула тихо и печально.

Фицрой заметил, за принцессой замечает все настолько, что сам может по дороге удариться о скалу или дерево, спросил с сочувствием:

— Нравится?

— Красивые, — ответила она с грустным вздохом. — Хотела бы я стать лебедем...

Фицрой сочувственно помолчал, хотя по его виду он в слово «нравится» вкладывал, как мне кажется, больше гастрономический смысл, чем художественный.

— Почему?

— Говорят, — прошептала она, — у лебедей любовь на всю жизнь...

Он восхликал пламенно:

— Принцесса! Я еще тот лебедь!

Она посмотрела на него добрыми глазами, взгляд стал совсем беззащитным, как у молоденькой серны.

— Да, конечно, глед Фицрой...

— Он и поет, — сказал я, — как лебедь. Правда, красивый?

Она мягко улыбнулась:

— Очень красивый.

Фицрой гордо приосанился и посмотрел на меня свысока.

Пару раз встречались бегущие по дну ущелья быстрые ручьи, вода холодная и удивительно чистая, здесь одни камни, я повторил это про себя, а ноздри уловили запахи травы и цветов. Стены ущелья начали медленно отступать в стороны, насмотревшись друг на друга, уходить в землю, а впереди все отчетливее проступает желтый простор с огромным оранжевым солнцем на горизонте.

Трава высокая, желтая, с сочными стеблями, небо высокое, я вздохнул полной грудью и услышал, как поблизости Фицрой пробормотал:

— Наверное, я все-таки степняк? Мое королевство все покрыто лесом, но мне на просторе как-то больше...

Принцесса воскликнула с восторгом:

— Как бы я хотела здесь жить!.. Посмотрите, какие веселые в ручье рыбки!.. Как играют!.. Как бы хотела стать такой рыбкой...

Фицрой пошарил взглядом по ручью, словно искал там еще кого-то, но не нашел, ручей не река, разнообразия мало.

Понсоменер придержал коня, ожидая нас, вытянул руку в сторону.

— Уламры. Армия. Не шумите.

Мы покинули седла и, подбежав к загораживающим дорогу деревьям, отыскали mestечки, где можно смотреть из-за кустов.

Я впервые видел конницу уламров на марше. По четверо в ряд на крупных лошадях, впереди знаменоносец крепко держит древко с трепещущим на ветру черно-красным полотнищем с оскаленным львом, у всех воинов лица суровые, жестокие, подчеркнуто мужественные.

Почти все, как я отметил, высокие, в плечах широкие и в прекрасных доспехах, у каждого в руке копье, а из-за спины торчит рукоять меча. За первой сотней проехала вторая, у этих копья короче и легче, все в металлических кольчугах, на головах шлемы с перьями на острие, штаны из кожи, сапоги добротные, а кроме меча за спиной у каждого еще и по кинжалу на поясе.

— Хорошо вооружились, — заметил Фицрой. — Чувствуется, Антриас обожает войну.

— Странно, — сказал я, — его королевство не выглядит бедным.

Фицрой посмотрел на меня несколько удивленно.

— А почему ему быть бедным? Ах да, все уходит на армию?.. Да, содержание такой армии обходится доро-

го, но он нещадно обирает побежденных. Разве у вас не так?

— Не так наглядно, — пробормотал я. — Ладно, если они будут двигаться в таком темпе, то война не начнется еще пару месяцев.

— Не поскакут же они вперед, — сказал он саркастически, — оторвавшись от обозов?

Они выскочили из-за гребня и ринулись в нашу сторону, сперва молча, потом дико заорали, а мы, понятно, должны в ужасе пасть на землю. Понсоменер быстро-быстро начал выпускать стрелы, я видел только блюр на месте рук, и десяток стрел ушло раньше, чем я создал два пистолета и, сведя кулаки, начал нажимать на скобы, стараясь удержать прицел.

Фицрой, то ли в ужасе, что опоздал, то ли красуясь перед принцессой, прыгнул вперед со вскинутым мечом, красиво и страшно вскрикнул, явно рисуясь, удрил удлиненным лезвием.

Рундельштотт укрыл принцессу плащом и повернул ее голову так, чтобы уткнулась ему в грудь лицом и не смотрела, как оружие рассекает головы и вспарывает животы, только Понсоменер убивает красиво, как бы даже не убивает, а просто выводит из строя, хотя они и не в строю, но все равно в строю...

Я не успел увидеть, откуда прилетел молот, Понсоменер рухнул с коня как подкошенный. Двое разбойников набросились на него с ножами, я видел быстро взлетающие клинки, пустил коня в их сторону, стреляя безостановочно.

Разбойники рухнули, Понсоменер распластался на земле, оглушенный и с кровью на лице, но рубашка спасла от острых клинков, и когда мы с Фицроем подняли его с земли, он прошептал слабым и прерывающимся голосом:

— Что вы наделали... Теперь все попадетесь...

Фицрой буркнул:

— А что, надо было тебя оставить?

Понсоменер сказал прерывающимся голосом:

— Я... никто... меня можно было оставить... спасайте принцессу...

— Все правильно, — сказал я с досадой, — но ты принес мне присягу верности! За это я, в свою очередь, обязался защищать тебя и твои интересы. Так что умно или глупо, но присяга и для меня присяга... кто бы подумал, что я такой дурак! Сам бы себе плюнул в рожу. Ехать сможешь или привязать на коне?

Он прошептал разбитым ртом:

— Смогу... Хоть как-то, но смогу... Но если погоня, то я останусь, а вы идите...

— Ты нам не указывай, — сказал я строго. — Сейчас мы один за всех, все за одного! Этим бандитским лозунгом будем руководствоваться, пока не выберемся к своим, потому что это демократично и выгодно, а демократы везде, где выгодно...

Фицрой придилично смотрел, как я дал Понсоменеру проглотить красную пилюлю и наложил на лоб две полоски пластиря, после чего Понсоменер заметно ожил, явно не признаваясь, что голова раскалывается от боли.

Рундельштотт пробормотал:

— Не разбойники это, а просто... невежественные люди, все еще считающие эту землю только своей.

— Что за племя? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Не все ли равно? Все равно скоро исчезнет. Либо истребят, либо вольются в народ уламров. Или верхнедолинцев.

Вдогонку к медленно всползающему оранжевому гиганту выскочило из-за края земли карликовое белое,

Фицрою и даже Рундельштотту с Понсоменером хоть бы что, даже не шуряется, а мне этот нещадный блеск бьет по глазам, стоило бы взять еще и солнцезащитные очки.

Рундельштотт иногда косился в сторону неба, часто хмурился. Фицрой заметил, спросил:

— Что там, драконы?

Старый чародей покачал головой.

— Хуже.

— Голые бабы с крыльями? В смысле, гарпии?

— Солнце, — ответил Рундельштотт коротко. — Не успеет зайти, как выскочит зеленое. Без оранжевого будет светить недолго, однако успеет натворить...

Фицрой сразу же начал вертеть головой, привстал на стременах, но не перестал придерживать принцессу в одеялке плаща.

— Вон там горы близко!.. Если доскачем, то в пещере...

— Там нет пещер, — сообщил сонным голосом Понсоменер. — Нужно ехать прямо. Как ехали.

— А солнце? — спросил Фицрой.

— Впереди склеп, — сказал Понсоменер.

Фицрой поерзал в седле, посмотрел орлом-стервятником.

— Давно разграблен? Или что-то осталось?

Понсоменер остановил коня, огляделся. Фицрой сказал быстро:

— Где, где склеп?

Понсоменер протянул вперед руку.

— Вон там... Куст малины, дальше трава...

Рундельштотт проговорил с неуверенностью в голосе:

— И что, целиком ушел в землю? Тогда это эпоха династии Центоврии, а то и вовсе Акерра Седьмого.

Фицрой заорал ликующее:

— И не разграблен?.. Давайте побыстрее отроем! Где тут люк?

— Какой люк, — буркнул Рундельштотт. — Если в самом деле склеп, то наткнемся на крышу. Лучше рыть вдоль стены, чтобы откопать дверь.

— Так чего мы, а? — спросил Фицрой. Он соскочил на землю, сказал радостно: — Мягкая!.. И деревья далеко, корни мешаться не будут...

Копать пришлось много, хотя крыша отыскалась легко, всего около полуметра земли с травой и малинником, но ее не пробить, пришлось рыть сбоку, угадав лицевую сторону, но солнце начало опускаться слишком быстро, Рундельштотт поглядывал на него все пугливее, наконец сказал с отчаянием:

— Не успеваем... Ладно, отойдите в стороны!

Он встал на гранитную плиту крыши, вытянул ладони и начал проговаривать тяжелые, как сам этот склеп, слова.

Между ладонями возник шар огня, мы не успели рассмотреть, как метнулся Рундельштотту под ноги. Раздался треск, шипение, взметнулся черный дым.

Чародей отступил на шаг от отвратительной дыры с красными оплавленными краями, покачнулся. Понсоменер поддержал его так, словно знал все заранее.

Фицрой сказал в возбуждении:

— Сейчас остынет, я пролезу! А у тебя, Юджин, задница широкая, побудь здесь.

Понсоменер поднял голову к небу.

— Сейчас вылезет.

Фицрой с отчаянным воплем прыгнул к дыре, начал протискиваться, одежда на нем задымилась, но он выпустил воздух из груди и провалился вовнутрь.

Через мгновение донесся голос:

— Здесь неглубоко! Давайте ее высочество!

Мы быстро опустили принцессу в дыру, затем Понсоменер подвел Рундельштотта, помог спустить ноги, придержал, а там снизу, как я понял, уже ухватил Фицрой. Понсоменер полез следом, а я подошел, всмотрелся, сердце мое тревожно екнуло.

Фицрой сострил, но я в самом деле не пролезу. Не столько задница, с нею в порядке, но плечи раскачал на тренировках дай боже, сам любуюсь, но теперь застяну точно. А у Рундельштотта больше нет сил, прожег и так огромную дыру в гранитной плите толщиной в полметра.

Снизу донесся крик:

— Ты лезешь? Давай быстрее!

— Сейчас, — ответил я. — Коней привяжу, а то разбегутся...

Из-за края земли выдвинулось зеленое, как молодая лягушка, солнце, заблестело ярче и ярче, а когда помчалось к зениту, блеск стал невыносимым.

Я опустил голову и только теперь ощутил, что жар опалил не снаружи, как большое оранжевое, а изнутри... Странное ощущение, сладкая боль, словно все внутри зачесалось, все нервы, каждый нейрон, а потом боль стала обжигающей...

— Терпи, — прошипел я, корчась, — ты же уже попадал под зеленое... Ну и что, если тогда одни ноги... Сейчас больше... Как же больно!..

Жар утих внезапно, я упал на четвереньки, сейчас бы лечь, но мы социальные существа, заставил себя дотащиться до оплавленной дыры и, присев, крикнул:

— Как вы там?.. Луна простила на полнеба, страшная, красная, от нее чесотку не подхвачу?..

Снизу донесся голос Фицроя:

— Ты совсем дурак?.. Или сумел от зеленого спрятаться?

— Оранжевое еще не зашло, — объяснил я, — когда зеленое выскочило. А зашли вместе... Что-нить нашли?

Фицрой крикнул зло:

— Не знаю! Там старик с Понсоменером шарят. А меня всего трясет, тебя же могло убить!

— Я толстокожий, — сообщил я. — Спасибо, Фицрой.

— За что?

— Что беспокоишься, — произнес я, — а мог бы...

Его голос донесся, как из дальнего подземелья:

— А я уже там, сундуки вскрываю!

— И много их там? — спросил я.

Он ответил едва слышно:

— Пока ни одного...

И все-таки во мне произошло нечто. Тот внутренний ожог что-то все-таки сделал. Скорее, навредил, вредит нам почти все, а помогаем себе сами, но, чувствуя, этот вред можно обернуть на пользу, если сумею, что-то во мне бурлит и требует выхода...

Я посмотрел на другую сторону поляны, мысленно наметил там место, где окажусь, и всеми фибрами и всем-всем, что есть во мне, возжелал оказаться там.

Секундное головокружение, едва не упал, потому что мир сместился, передо мной густой лес, торопливо оглянулся.

Поляна с брошенной ямой и оплавленной дырой в гранитном основании сейчас шагах в двадцати. Не помню, то ли и хотел скакнуть на это расстояние, то ли на большее не хватило силенок, но и это хорошо, даже прекрасно...

Из дыры в плите поднялась голова, это Фицрой, поискан меня взглядом.

Я крикнул:

— Я здесь!.. Да не волнуйся ты. Ягоды ищу, грибы собираю, только они удирают...

Он едва не зарычал:

— Что ты за дурак? Мог погибнуть!

Я смотрел, как он с трудом протискивается наверх, упираясь руками в гранит и виляя всем телом, сказал неожиданно:

— Спасибо, Фицрой.

Он спросил с подозрением:

— За что?

— Даже сундуки оставил, — напомнил я. — Это же какая жертва...

Он выбрался наверх, выпрямился. Лицо оставалось злым.

— Вот-вот! Из-за тебя. Теперь ты мне должен два сундука с сокровищами. Нет, там было три!

— Но вас же и было трое...

Он отмахнулся.

— Да кто бы им дал? Один — деревенщина, второй — старик, ему уже к бабам не ходить, а кресло-качалка и теплое одеяльце на ноги у него есть... Ты в самом деле цел? Или как?

— Да цел, цел, — заверил я. — Зеленое промчалось еще при оранжевом. За горизонт ушли вместе. Меня не зацепило. Там те двое долго будут копаться? Мы же не грабить могилы пришли, а прятаться от зеленого солнца!

Фицрой плюхнулся у ямы на живот и, свесив голову в дыру, прокричал:

— Все ценное, что пролезет, давайте сюда!.. Остальное заберем потом, когда посвободнее будем. Понсик, запомни место!

Снизу донесся едва слышный голос Понсоменера:

— Да я всегда о нем знал...

Глава 8

Мешок за спиной Понсоменера стал вдвое больше, а Фицрой напялил себе на пальцы несколько колец и перстней, уверяя нас, что все волшебные. Принцесса от подарков отказалась мягким голоском, ей, оказывается, старшая сестра запретила принимать подарки от мужчин, молодец Королева Змей, все-таки заботится, хотя это и в ее интересах тоже.

Понсоменер впереди вскинул руку, мы моментально придержали коней. Всего в сотне шагов выше по гребню пронеслись две тройки разъезда. Я начал приподниматься, однако Понсоменер снова вскинул ладонь с растопыренными пальцами.

Через пару минут по той же дороге пронеслось пятеро конных, двое с короткими луками, удобными для стрельбы с коня.

— Ничего себе движение, — пробормотал я.

Фицрой сказал с усилием:

— Лес ими кишит, что ли? Иногда всерьез кажется, что король Антриас бросил на поиски ее высочества всю армию!

— Армию вряд ли, — ответил Рундельштотт рассудительно, — но всю легкую конницу...

— Надеюсь, это немного притормозит его наступление, — сказал я.

— Не надейся, — ответил он. — Обозы все равно ползут медленно, а без обоза армии не бывает.

Солнце хоть и двигается медленно, но сползло к западу и начало долгий путь задвигания за край, а у нас начало медленно темнеть.

Я заметил, что даже флегматичнейший Понсоменер хмурится и то и дело щупает сайдак с луком. На тулу не смотрит, сразу запомнил, что стрел больше нет, а но-

вые получать может только из моих рук, у которых есть однако и заметный плюс... их не нужно выдергивать из трупов.

Едва сдвинулись с места, Фицрой соскочил на землю, повозился в полутьме, но я видел отчетливо, как он быстро натягивает веревку поперек тропы.

Через минуту он поднялся в седло очень довольный, мы снова помчались галопом, Понсоменер, как и все, за исключением принцессы, прекрасно видит в темноте или же чувствует, куда мчаться, даже и не знаю, чем он руководствуется, но пока что уходит от погони успешно.

В какой-то момент далеко за спиной раздались крики, стоны, проклятия, потом затихло.

Рундельштотт оглянулся с недоверием в глазах.

— Они отстали?

— Временно, — пояснил Фицрой. — Никакого колдовства, но сработало!

— Не глердский путь, — определил Рундельштотт с отвращением. — А где достоинство?

— Что глердство, — ответил Фицрой. — Недавно я даже пиратом побывал! Вот это скажу, всем глердствам глердство... Будет что рассказывать. Даже брехать не придется, все равно не поверят.

В дороге застал короткий сильный дождь, но едем поверху, под копытами звенят камешки, а вода скатилась в долины. Понсоменер придержал коня, а когда все приблизились, предупредил:

— Дождь закончился, конные разъезды на всех дорогах.

— Глупцы, — сказал Фицрой солидно. — Не правда ли, ваше высочество?.. Мы же поедем только по одной!

Принцесса проговорила нежным голоском:

— Ой, а правда... Как глупо они поступают...

— Они вообще дураки, — поддержал Фицрой, — целой армией гоняются! Смешно.

Рундельштотт сказал ворчливо:

— Добрые какие... Готовы подсказать им дорогу. Как же, заботливые.

— Сеть стягивается, — заметил я. — Уже примерно знают, где мы. Не точно место, но область... Сюда и будут брошены все силы.

Он взглянул на меня остро.

— Хочешь сказать, поймают?

— Окружить сумеют, — уточнил я. — Но пока что сеть у них заброшена слишком широко. Ячейки широкие, а мы рыбешка мелкая.

Фицрой сказал обидчиво:

— Это мы мелкая?

— Прокользнем, — сказал я, — а если что, прорвемся. Но тогда, правда, поймут по дыре, где мы и в каком направлении прем. А конные отряды, меняя коней, могут обогнать нас и устроить засады.

— Прорвемся, — подтвердил Фицрой уверенно, но уже без апломба.

Я подумал, оглядел их всех.

— Возможен вариант попробовать навести на ложный след, как нас навели. Например, Понсоменер или Фицрой как можно скорее доставляют принцессу в Нижние Долины, а я с кем-нибудь увожу погоню в другую сторону.

— С кем-нибудь, — обронил Рундельштотт, — это со мной? Но не забывай, у них есть хорошие следопыты. И если наш след разделится, они пойдут по обоим.

— Значит, — сказал я, — так и сделаем. Вы втроем продолжайте путь, а мы с Понсоменером постараемся напороться на группку помельче, вступить в бой, а потом увести за собой. Ваше высочество, мне понадобится что-то из вашей одежды... Нет-нет, раздеваться совсем

не надо, достаточно платка, обрывка кружев с вашего платья... я постараюсь оставлять на видном месте, пусть знают, вы с нами, и стараются догнать...

Я подавал стрелы, Понсоменер убил всех троих на конной заставе, трупы оттащили в кусты, он быстро раздел двух, точно определив их габариты, одежда чистая, без крови, из глазниц у обоих все еще торчат стрелы.

Кони волновались, но подпустили нас, зачуяв знакомый запах одежды хозяев. Я поднялся в седло, сказал тихо:

— Готов?

— Ко всему, — ответил он еще тише.

— Поедем прямо через лагерь, — сказал я. — Там меньше всего ожидают нас увидеть. Только держи флягу в руке и делай вид, что вот-вот рухнешь с коня, настолько пьян.

— Да, глерд Юджин.

— Говорить буду я. Вроде бы трезвее, понял?

— Все исполню, — ответил он послушно. — Я вообще-то исполнительный. Так меньше проблем, я уже запомнил...

Я очнулся с трудом, перед глазами туман рассеивается медленно и неохотно, тело застыло, руками двигать не могу... Ах да, дышать тоже трудно, крепкая и толстая веревка прижимает меня спиной к некому толстому столбу из камня...

— Командир, — донесся тихий голос, — вы уже очнулись. Я рядом...

Я с трудом повернул голову, это получается, Понсоменер в двух шагах привязан точно так же к колонне, руки вытянуты вдоль тела, веревка ровными рядами от плеч и до пояса.

Еще раз попытался двинуть руками, увы, плотно прижаты от плеч и до запястий, могу только чуть двинуть кистями, но они и раньше у меня были негибкими.

— Держись, Понс, — сказал я, — как мы сюда попали? Ничего не помню...

— Сеть, — ответил он негромко. — Нас ждала засада. Набросили огромную сеть, а когда схватили в ней, чародей навел морок, влил нам какое-то зелье. Я хоть и выпил, но на меня не очень-то подействовало, а вот вы заснули...

Я торопливо повел взглядом по сторонам. Под верхние веки словно насыпали песка, глазные яблоки двигаются с трудом, но различил просторное помещение, почти зал, колонн четыре, в стенах ниши, но пустые, и вообще чувствуется некое запустение.

— Ладно, — сказал я, — раз не убили, то что-то от нас хотят. Мы выберемся!

Он ответил просто:

— Вы все сумеете, командир.

Мне стало чуточку неловко, сам не настолько уверен, этот внезапный плен сбил спесь, и хотя я на самом деле и так не слишком, больше для вида, чтоб уважали, но все-таки, все-таки...

— Что-то еще рассмотрел?

— Нас привезли сюда уже связанными, — пояснил он, — потом ту веревку сняли, а привязали другой. Чародей сказал, она укреплена заклятиями, ее ни один меч не разрубит. Мы где-то в середине замка, вокруг еще комнаты... Но людей здесь мало.

Я буркнул:

— Еще бы! Зачем они сильному чародею? Только мешаются. Далеко нас отвезли от их лагеря?

— Всего на пару миль, — ответил он. — Мы могли бы увидеть этот замок, если бы чародей его не прятал.

Я пытался вздохнуть полной грудью, но не смог, дышать трудно, перестарался маг, вздохнуть шире не могу, руки прижаты больно, могу шевелить только кистями рук, да и те скоро занемеют.

Попытался подвигать руками, но веревки только больнее врезались в тело. Понсоменера толстая веревка прижимает с такой силой спиной к колонне, что почти вывернула ему плечи, толстые кольца идут плотно-плотно одно к другому, так что ничего не видно, кроме веревок, десятки раз от самых плеч и до бедер, а у меня всего пять рядов, явно его побаиваются больше.

Его веревка туго затянута огромным узлом на уровне живота, свой узел не вижу. Наверное, сзади...

Наверху хлопнула дверь, слышно было, как вниз спускается, шлепая подошвами по ступенькам, человек достаточно грузный, но подвижный.

Я напряг зрение, из полутьмы на той стороне зала проступила широкая каменная лестница, по ней бодро спустился массивный мужчина в настолько роскошном красно-синем халате, что это единственное цветное пятно в этом черно-сером помещении показалось неприятной и фальшивой нотой в строгой гармонии зала.

Он оглядел нас, как мясник коров перед забоем, довольно потер ладони.

— Так-так... Улов не ахти, но все же, все же... Один вечно живущий, потому умеет все, чем владеют простые люди... Ну, это немного, а второй... второй чуть забавнее. Та-а-ак, владеет магией, но... гм... как мало... Странно...

Я сказал с вызовом:

— Ничего не мало!..

Он усмехнулся.

— Мальчик, я вижу тебя насквозь. Твоей магии хватает, чтобы создавать мелкие вещи на несколько мгно-

вений. Потом, к твоему великому разочарованию, они исчезают. Разве не так?..

— Это начало, — возразил я. — Начало великого пути!..

— Твой путь закончился здесь, — заявил он. — В любом случае.

— Каком любом?

Он пояснил со зловещей усмешкой.

— Либо моим слугой, и я позволю существовать... но все равно, не покидая этого дворца... либо убью здесь и сейчас. Мальчик, магия моя столь сильна, что созданные мною вещи исчезнут только с моей смертью!

Я повел глазами по сторонам, как оценивающий помещение риелтор.

— А тут много таких? А то какая-то колонна упадет на голову. Или само здание. Прическу испортит. Хотя не очень-то о ней забочусь, но волосы должны быть в порядке.

— Мне нравится твоя здоровая наглость, — сказал он. — И твоя удачливость. Хотя нет никакой удачливости. Я не предполагал, что среди вас есть и чародей, пусть даже такой ничтожный. Но даже малое присутствие магии может дать большое преимущество... И дало.

— Точно, — сказал я, — а большое дает не всегда. Главное, как использовать.

— Молодец, — согласился он. — Но сейчас ты здесь.

— Так я же сам пришел, — сообщил я.

— Правда? — изумился он. — С какой целью?

— Посмотреть, — сообщил я, — пограбить... Это же главное, из-за чего люди живут! Добыть, пограбить, найти сокровища, раскопать чужие могилы, называя это благородным стремлением к изучению древней культуры... Я вот такой кулинист! Культурку несу в массы. Сперва выношу откуда-то, а потом...

— И за хорошую цену? — спросил он с пониманием.

Я старательно напрягал мышцы рук, стараясь хоть как-то дать рукам возможность шевелиться, боль не адская, стерпел бы и больше, но веревки просто не позволяют изогнуть кисти в нужное положение.

— Кстати, — сказал я, — не подскажете, здесь что-то ценное есть?

Он засмеялся:

— Молодец! Люблю наглых с чувством юмора. Увы, ценного много, но все обязано рассыпаться с моей смертью. А это будет такая потеря... Сам дворец разве не хорош?

Я скосил глаза на Понсоменера.

— Слышал? Надо будет сразу выбираться. Бегом, а то перепачкаемся пылью. Слушайте, чародей, я очень уважаю людей магии, они настоящие люди, украшение человечества, а не эти тупые, что размахивают острым железом и убивают друг друга!.. Потому я честно-честно смотрю на вас и в самом деле... вы же умеете проверить или почувствовать?.. глубоко уважаю вас.

Он победно усмехнулся, заложил руки за спину.

— И завидуешь.

— Завидую, — признался я честно. — Кто бы не завидовал? Но это белая зависть. Хорошая. Она не умаляет ваши великие успехи, просто я хочу уметь тоже... хотя бы примерно.

Он вгляделся в меня пытливо.

— Ты в самом деле говоришь искренне. Даже не знаю... Я шел сюда с уверенностью, что задам два-три важных вопроса и тут же убью, а теперь вот усомнился. Может быть, в самом деле взять в помощники? Разумеется, сковав клятвой вечной верности... Гм...

— Я жажду стать настоящим магом, — сказал я с жадностью. — У меня есть задатки!

Он кивнул.

— Есть. Ты единственный, владеющий хоть чем-то в магии, кто сопровождал освобожденную принцессу?.. Да-да, я знаю, была похищена сперва из Нижних Долин, а потом ее сумели похитить из Уламрии.

Я посмотрел на него честными глазами.

— Нет, есть еще один, но он слабее.

Он фыркнул.

— Слабее тебя? А это возможно?

— Он травник, — пояснил я. — Он больше лекарь, чем маг. А участвовал потому, что принцесса ему доверяет. Он ее в детстве, как часто говорил, держал ребенком на руках!

— Еще бы не похвастаться, — сказал он с кривой усмешкой. — Близость к королевской семье... Значит, сейчас с принцессой только травник и некий воин?.. Хорошо, это облегчает дело...

Я сказал с надеждой в голосе и во взгляде:

— Так вы возьмете меня в ученики?

Он задумался, оглядел меня с головы до ног.

— А что с твоим другом?

Я покосился на Понсоменера.

— Какой он друг? Просто вместе ехали. Убейте или что угодно с ним делайте, а меня возьмите в ученики. Я так жажду стать магом. Так жажду! Даже не представляете. Я все буду для вас делать и так стараться, так стараться...

Он засмеялся:

— Я ж говорю, ты молодец. И твоя жажда совершенно искренняя, я ложь чувствую хорошо. Однако, хорошо подумав, я решил, что магом хочешь стать ты, а вот мне это надо?.. Еще раз подумав, понял, что мне и помощники ни к чему.

Я вскрикнул жалобно:

— Ну пожалуйста!.. Я так хочу быть магом...

— Я сегодня добрый, — сказал он, — день выдался хороший, теплый, птички поют... Потому оба умрете сейчас быстро и без особых мучений. Хотя это больше потому, что мне некогда, а то я немножко...

Улыбка его стала очень недоброй, а я с силой выдохнул воздух, сжимая грудную клетку. Веревки ослабели самую малость, в ладони впечатались рукояти пистолетов.

Глава 9

Сцепив челюсти и не дыша, я поднял стволы как можно выше и нажал на спусковые скобы. Чародей вытаращил глаза, пули ударили перед ним в пол, брызнула мелкая мраморная крошка.

Я застонал и, ухитрившись вывернуть кисти чуть сильнее, надавил на курки снова. Чародей вскрикнул, побелел, я видел, как из носка его сапога брызнуло облачко пыли. Я закусил губу и выстрелил снова и снова.

— Что ты... — вскрикнул он, упал на колени, тут же торопливо вскочил, но я продолжал стрелять, он повалился лицом вниз.

Из раненой стопы потекла алая кровь, он приподнялся на четвереньках, но я выстрелил снова и, набрав воздуха в грудь, несколько секунд бурно дышал, затем снова сузил грудную клетку и живот изо всех сил, выстрелил из обоих пистолетов.

Он на четвереньках обратил ко мне яростное лицо, губы зашевелились, но я видел, как под ударом тяжелой и раскаленной пули дернулось его запястье, там возникла дыра, с силой брызнула кровь.

Рука подломилась, он упал лицом вниз. Голова дернулась в тот момент, когда лбом коснулась пола. Ма-

кушка с седыми волосами исчезла, сорванная пулей, кровь хлынула мощным потоком.

Я вздохнул глубоко и десяток секунд бурно дышал, пока не услышал тревожный голос Понсоменера:

— Сюда бегут...

Я повернул кисть с зажатым пистолетом в его сторону, так двигать легче, выстрелил. С двух шагов в узел нетрудно, но я попал с третьего раза, слишком боялся зацепить его самого.

Веревка лопнула, Понсоменер задвигался всем телом, толстые кольца просто опали на пол. Он тут же метнулся к распостертыму в луже крови магу, выхватил у него из-за пояса свой же нож и, не делая ни одного лишнего движения, быстро перерезал пару веревок на мне.

— Все, — сказал он, — надо бежать.

Я кое-как освободился от остальных пут, делая массу суетливых и ненужных движений.

— А почему все не исчезло?

— Он еще жив, — сообщил Понсоменер. — Кровь течет, а это значит, сердце ее качает... А потом да...

Дверь распахнулась, вбежало четверо огромных страшней. Я злобно всадил в каждого по две пули, все четверо с грохотом и лязгом металла скатились по ступенькам.

Понсоменер быстро прыгнул к поверженному магу, сорвал с шеи амулет и ринулся к выходу.

— Сейчас все будет рушиться!

Я понесся за ним, со всех сторон и сверху раздался грозный треск, сухие щелчки, словно руки великана ломают стволы деревьев. Земля задвигалась под ногами, а по стене, мимо которой бежим, резко и страшно пробежала сверху вниз извилистая трещина.

Я крикнул на бегу:

— Ты хоть знаешь, куда бежать?

— Да, — крикнул он, не оборачиваясь.

— Чутье?

— Зачем чутье, — прокричал он, — запомнил...

Справа и слева стены рушились, одна падала прямо на Понсоменера, я не успел крикнуть, но она рассыпалась в серый песок, а тот исчез, едва коснувшись пола.

С далекого верха со свистом пронеслась и разбилась о каменный пол дивно красивая ваза, разлетевшись на тысячи сверкающих фрагментов.

У мага наверняка были и другие вещи, что творил не он: подарки, находки, купленное у других магов, это все теперь, лишившись опоры, рушилось на пол, что тоже исчезает вместе со стенами, а там рыхлая земля, не знавшая солнца, торопливо разбегающиеся многоножки и мокрицы...

Однако впереди еще один мрачный зал, я едва не влетел в него, однако Понсоменер резко остановился, раскинул руки, преграждая мне дорогу.

— Что там? — крикнул я.

Он прислушался, сказал быстро:

— Назад!.. Отступаем!

— А не прорвемся? — спросил я. — Сколько их?

— Назад, — повторил он и, повернувшись, побежал, крикнув: — Здесь тоже сейчас все...

Я ринулся за ним, за спиной страшно затрещало, будто раздираемая надвое гора. С грохотом покатились первые камни, почва вздрогнула от удара, затем затряслась, а тяжелые глыбы все рушились, земля вздрагивала, а грохот приближался.

Я несся, как испуганный олень, а то и вовсе лось, за спиной валятся, как мне кажется, целые эвересты и гималаи, земля трясется так, будто опускается в пучины океана Атлантида вместе с Гондваной.

Дыхание стало горячим и обжигает глотку, а Понсоменер летел как на крыльях, нескоро оглянулся, перешел на шаг и остановился.

— Глерд Юджин, как вы?

Я прохрипел обугленным ртом:

— Ты в прошлой жизни не был борзой? Или гончей...

— Борзой? — переспросил он. — А в какой прошлой? Я отмахнулся.

— Ладно... А то в самом деле вспомнишь, мне уже страшно. Как ты такое чувствуешь?

Он ответил с некоторой неловкостью:

— Просто чувствую.

— Как кузнечики? — спросил я. — Говорят, муравьи первыми уходят. Еще за сутки до землетрясения. И всех куколок и расплод уносят... Эх, хорошо бы такое разить. Только Фицрою не говори. А то он все к бабам примеряет.

Он спросил озадаченно:

— А как такое можно к бабам?

— Не знаю, — ответил я. — Но если к бабам, то Фицкой может все.

Он почему-то остановился и торопливо побежал на то место, где только что возвышался замок чародея.

— Ты что? — заорал я. — Сейчас сюда примчится народ!

Он отмахнулся, бегал зигзагами по траве, опустив голову, иногда на ходу что-то пинал ногой, наконец с довольным воплем наклонился, а когда повернулся ко мне, весь сияющий, я увидел в его руках лук, который я подарил.

— Все, — сказал он торопливо, — можно уходить...

Нет, в ту сторону! Сюда уже скачут...

— Хозяйственный ты, — сказал я. — И нож забрал, и лук...

Он сказал в изумлении:

— Как можно такое оставить!

Затаившись за кустами, пропустили мимо типичный конный разъезд в три всадника на легких конях, мало пригодных для перетаскивания тяжело груженных телег или даже в работе с плугом, но прекрасно приспособленных как для скоростной скачки, так и для долгих конных переходов с утра и до поздней ночи.

Понсоменер, как я заметил, тоже всматривался в коней, а не в седоков, с теми все понятно, нам нужны не они, а кони...

— Выбирать не приходится, — сказал я. — Берем!

Он сказал быстро:

— Ваши арбалеты услышат... Ваше умение еще не исчезло? Со стрелами еще можете?

— Такую ерунду легко, — заверил я. — Только я, знаешь ли, слабоватый чародей, не забывай. У меня все сразу исчезает, понял? Ну, не сразу, но почти сразу. Так что долго не целься.

— Помню, — сказал он серьезно. — Как долго не исчезнет?

— Пока тридцать раз не скажешь «мама», — ответил я.

Он спросил дотошно:

— Почему «мама»?

— Из уважения к родителям, — сказал я. — Как-то слышал, что их уважать надо.

Он ответил, не отрывая взгляда от всадников:

— Сейчас поднимутся на тот пригорок, там остановятся, осмотрятся... Можно!

Я сосредоточился, стрелы создавать пока еще чуть сложнее, чем пули, но, к счастью, память не подвела: на ладонях появилась длинная тяжелая стрела.

Понсоменер ухватил и, не прерывая движения, наложил на тетиву. Я завороженно смотрел, как оттягивает к уху, спохватился и создал вторую за мгновение до того, как его пальцы потянулись за следующей.

Третью он выпустил, когда первая еще была в воздухе. Все три ударили сильно и точно. Всадники инстинктивно ухватились за пораженные места, один упал с коня сразу же, два еще старались удержаться, а я выскочил из кустов, с разбега прыгнул на одного и ударил ножом в глазницу, а Понсоменер своего сдернул на землю и добил одним коротким ударом в голову.

Молча мы разобрали коней, Понсоменер ухитрился поймать и третьего, хотя тот испуганно пятился и мотал головой, не давая ухватить за узду, так и помчались в сторону дороги.

Понсоменер одной рукой держал повод своего коня, другой тащил за собой трофеиного.

— Ты хоть знаешь, — крикнул я, — куда ехать?

Он посмотрел на меня в изумлении.

— Конечно. Это же так просто!

— Ага, — ответил я нервно, — ну да, конечно. Вот так р-р-раз, и все понятно.

Он кивнул, подтверждая, что да, вот так раз, и все понятно, а как же иначе, проще некуда, я больше не спрашивал, кони послушно то ныряют в лес, то проскаакивают открытые пространства.

Рундельштотт с Фицроем и принцессой двигались через густой лес, мы подкрались к ним настолько близко, что можно гавкнуть над ухом, первой зачухая нас принцесса, оглянулась, глаза стали размером с два блюдца.

— Ой, глерд Юджин, Понс...

Рундельштотт подпрыгнул, круто развернулся, выставив перед собой посох и почти уперев моему коню в грудь, а Фицрой ухватился за рукоять меча.

— Чего, — вскрикнул он сорванным голосом, — так... подкрадываетесь?

У меня чуть сердце не лопнуло... за ее высочество, понятно!

— Как хорошо, что вы снова с нами, — сказал Рундельштотт. — Мы уже начали тревожиться.

— Понсоменер привел вам коня, — сказал я. — У кого устал сильнее, можете сменить. А своего бросьте, крестьяне найдут, обрадуются.

— Ни за что, — отрезал Фицрой. — Я его лучше продам. Ее высочество одобряет людей хозяйственных! Я правильно сказал, ваше высочество?

Принцесса застенчиво пискнула:

— Вы хороший человек, глерд Фицрой.

— И хозяйственный, — подтвердил я. — Где он пройдет, там сто лет даже трава не растет! Даже муравьи уходят в другие земли и меняют подданство, хотя я в такое не очень-то верю, однако же, зная Фицроя... А где Понс?

Рундельштотт махнул рукой в неопределенном направлении.

— Он гусей увидел...

— Кого-кого?

Он сказал с укором:

— Надо знать, куда и где ваши люди, глерд вожак... Вон уже возвращается! Быстрый какой...

Понсоменер примчался на взмыленном коне, бросил Фицрою двух жирных гусей, а Фицрой поймал на лету, на мгновение выпустив из рук испуганно вскинувшую принцессу.

— Это нам к обеду, — сообщил Понсоменер. — Командир говорит, питаться нужно разнообразно. Разнообразные живут дольше.

Фицрой довольно поднял гусей за шеи, осмотрел.

— Какие здоровенные... Пора привал, сразу же и приготовим!

Принцесса сказала робко:

— А меня научите?

— С удовольствием, — ответил Фицрой с готовностью. — Сперва вот тут взрезаем пузо и выдираем все говно...

На привале я бегло рассказал Рундэльштотту, как попались колдуну, как выбрались, он в ужасе взмахнул руками.

— Как?.. Ничего не взяли из того, что он насобирал?.. Там же могучие амулеты, талисманы!..

Я сказал виновато:

— Приходилось бежать так, что пятки влипали в задницу. Мастер, мы сумеем создать противовес этой нечестивой магии с помощью нашей честивой. Чуть позже. Когда разберемся с этим всем. А пока... как там гуси?

— Готовим, — отрызнулся Фицрой. — Вам что, еще и зажарить?

Глава 10

Гусей вообще-то ели в спешке, хотя Фицрой прожарить успел хорошо, пусть даже костерок развели небольшой и в ямке, чтобы не увидели издали.

Понсоменер первым поднялся в седло, а когда проехали первые сотни шагов, сообщил мрачным голосом:

— За нами снова погоня. Уже серьеzная.

— Напали на след? — спросил я.

— Или кто-то указал, — ответил он.

— Насколько отстали?

— Уже догоняют, — сказал он. — Но хуже того, поднимают все свои отряды, высланные вперед. Те тоже начинают искать, хотя их приготовили для вторжения в Нижние Долины.

— Погоди, — сказал я, — а как насчет разбудить народный гнев вольных жителей герцогства? Все-таки

уламры нарушили их суверенные границы, преследуя нас! Здесь король что, не король? Хотя да, здесь герцогство, но если местный герцог умел отстоять независимость даже от королей...

— Про уламров узнают не скоро, — сообщил Рундельштотт. — Места здесь пустынные, откуда кому знать, что часть войск уламров уже здесь? А когда местные услышат о таком вторжении, уламры уже переместятся в Нижние Долины.

— Значит, — сказал я, — нам только удирать. И как можно скорее.

Понсоменер сказал так же мрачно:

— Не уйдем. У нас кони уже едва передвигают ноги, а у них все время свежие. И погоня только растет. Нам не успеть добраться до границы Нижних Долин.

Фицрой пробурчал:

— Да и доберемся... Они будут преследовать и по Нижним Долинам. Там густой лес и пустые долины тянутся долго.

Я сказал властно:

— Все-все!.. Прекращаем. Решение принято. Я остаюсь прикрывать, а вы со всей скоростью, что возможна, мчитесь в сторону Санпринга.

Понсоменер спросил медленно:

— Прикроем вдвоем?

Я покачал головой.

— На этот раз только я. Дело в том, что не могу носиться по кругу и прикрывать вас с боков и даже спереди, где тоже могут поставить заставы. Ты поедешь впереди и будешь выбирать самый безопасный путь. Надо будет оставить коней — оставляйте! Надо ползком — поползете. Через болото, так через болото.

Не дожидаясь, когда они исчезнут за поворотом дороги, я с мешком в руках торопливо плюхнулся на живот на ближайшем пригорке. Вдали из леса выметнулся

целый отряд, как мне показалось, на свежих конях, а это значит, догонят достаточно быстро.

Я в бешеном темпе расстегнул мешок, вытащил снайперскую винтовку и собрал с такой скоростью, как никогда раньше, но когда взглянул пока что поверх прицела, сердце болезненно сжалось.

Передние всадники уже миновали открытый участок дороги и влетели под густые ветки деревьев, а за ними несется еще не меньше двух десятков конников.

Я стиснул челюсти, поймал в прицел ближайшего к лесу, выстрелил, моментально перевел крестик на другого и снова нажал на скобу.

Первый всадник лишь упал на конскую гриву, и его внесло под защиту деревьев, второй откинулся на конский круп, лишь третий упал, а конь остановился, и остальные начали натягивать удила и смотреть по сторонам.

Я выстрелил еще трижды, перевел дыхание, там идиоты даже не думают прятаться, смотрят по сторонам, тем более что оттюнингованный ствол глушит звуки так, что в трех шагах уже ничего не слышно, а кони с опустевшими седлами отбежали в стороны от дороги, там остановились и щиплют траву.

— Хорошо же, — сказал я мстительно, — сами напросились...

Расстояние до дороги не больше трехсот шагов, можно бить на выбор даже без оптического прицела, я сбросил с седла еще троих, достаточно, остальные вряд ли поскакут за отрядом, когда вот такое, и я сбежал к спрятанному за деревьями коню, подцепил к седлу винтовку и пустил коня по следу моего отряда.

Минут через десять бешеной скачки увидел на дороге три трупа, у всех глубокие раны в левой стороне груди, а один еще и с раскроенной до нижней челюсти головой.

Сердце сжалось, и хотя никого из моих нет, но это ничего не значит, уцелевшие и павших постараются забрать...

Наконец увидел их, улепетывающих со всех ног, последним едет Рундельштотт, он оглянулся на стук копыт, просветлел лицом.

— Все в порядке?.. А мы за тебя волновались!

— Вас все-таки догнали, — сказал я виновато. — Понс?

Он кивнул.

— Да. Придержал коня, сказал, что чужие скачут за нами. А потом догнал, сообщил, что уже не скачут.

— Мне надо соображать быстрее, — сказал я. — Все-таки трое успели проскочить. Коней Понс забрал?

Рундельштотт похлопал свою лошадку по шее.

— Не видишь, это другая! Он сказал, эти свежее.

Дорога вывела на косогор, некоторое время спускались, с трудом удерживая коней, чтобы не сорвались на крутом склоне, а гора становилась круче и круче.

Понсоменер хмурился, а когда задержались на особенно опасном участке, сверху донесся стук копыт и резкие голоса.

— Похоже, — сказал я тихонько, — они пытаются обрушить на нас лавину?

— Вряд ли получится, — ответил так же тихо Понсоменер. — Хотя...

— Да, — согласился я. — Хотя да. Но все равно поосторожнее... Если сами сорвемся с кручи, это их тоже обрадует.

— Меньше, — сказал он серьезно. — Для воина убить своими руками намного приятнее.

— Как и для нас, — сказал я. — Мы же люди! Не тараканы. Те просто убивают, потому что животные, даже насекомые, а мы, убивая, получаем целую гамму...

— Чего? — переспросил он.

— Гамму высоких человеческих чувств, — пояснил я. — И радость от самого убийства, и рациональное понимание, что одним врагом меньше, что значит — женщиной больше, и чисто эстетическое наслаждение приобщения к тайне тайн бытия...

Он посмотрел с прежним непониманием, но уточнять не стал, потому я не начал говорить о гуманизме и высоких принципах демократа и рафинированного интеллигента, хотя, как всякий интеллигент, поговорить люблю.

Голоса наверху стихли, как и удалившаяся стук копыт, мы снова пустили коней по тропе вниз, а там постепенно выбрались на берег широкой реки.

Понсоменер взмахом руки велел идти за ним, кони вошли в воду нехотя и с осторожностью, он повел сложными зигзагами, перебирались долго, в двух местах пришлось все же плыть рядом с конями, но в конце концов снова вышли на мель, Понсоменер поторопливал, а когда выбрались на берег и скрылись за стеной высоких кустов и толпами ив, на том берегу появились первые всадники погони.

Мы затаились за деревьями и смотрели, как там целыми отрядами выкатываются на берег, однако река катит пугающие широко и мощно, их кони зафыркали и, как только ступили в воду, а я помню, какая она холоднющая, сразу попятались, отказываясь идти в холод.

Понсоменер чуть раздвинул ветви, всматриваясь, прошептал:

— Если среди них нет местного, кто знает, где брод, это их остановит почти на сутки...

Фицрой сказал с сердцем:

— Паршивый берег! Кусты только на берегу, а дальше поле, нас увидят сразу.

— Им еще брод нужно найти, — напомнил я. — На том берегу сплошная галька, наших следов не осталось.

Понсоменер сказал скромно:

— Я же брод нашел?

— К счастью, ты с нами, — заметил я. — Хотя на той стороне могли бы заплатить больше... Но-но, не задумывайся! За правое дело как раз мы!

— А они?

— Естественно, — сказал я с достоинством, — за неправое. Даже вопрос какой-то странный!.. Понятно же, что самые правильные на всем свете — это мы. Вон посмотри на Фицроя! И сразу все ясно.

Фицрой вскрикнул оскорбленно:

— На себя посмотри, морда!

На том берегу всадники, повернувшись у кромки воды, помчались в разные стороны. Как предположил Понсоменер, искать местных, а мы поспешили по прямой от берега.

Был вариант снова нырнуть в лес, что чуть левее, но Рундельштотт посоветовал идти прямо, там руины города, что пользуется дурной славой, потому туда никто не заходит, хотя на самом деле все чудовища, обитающие там, уже вымерли.

Город, как утверждает Рундельштотт, сожгли и разрушили тысячи лет тому, но я потрясенно ехал среди развалин и не мог понять, как уцелела копоть на остатках каменных стен, почему все еще дымятся головешки, а от камня несет жаром...

И почему на окраине города зеленеет трава, даже за городскими воротами пробилась между плитами, а дальше все такое, словно пожар был вчера?

Фицрой, похоже, подумал примерно то же самое, пробормотал:

— А если увидим свежие трупы жителей, погибших тысячи лет тому?

— Не хотелось бы, — ответил я.

Принцесса пропищала:

— Мастер Рундельштотт придумает...

Она запнулась, сама поняла, что не тот случай, когда что-то придумывать надо, а может, и не поняла, а Фицрой, выручая ее, указал на самые высокие развалины:

— Вон там что-то живое...

— Или неживое, — сказал Рундельштотт. — Но шустрое.

Я кивнул.

— Да, это знакомо.

Он посмотрел на меня несколько странно, но задавать вопросы не решился.

Там в самом деле сохранилась высокая колонна с остатками портика, а на нем два чудовища с полураспущенными крыльями за спиной, оскаленными пастьми и толстыми когтистыми лапами.

Мне показалось, что оба внимательно наблюдают за мной, но присмотрелся, с трудом перевел дыхание, просто каменные скульптуры, но когда проехали мимо и я оглянулся, ощущив враждебный взгляд, со страхом понял, что оба смотрят вдогонку. Причем не просто глазами, как на портретах, а оба повернули головы.

Рундельштотт пробормотал:

— Здесь жили и творили древние чародеи неслыханной монстризации. Построили... и вдруг все исчезли.

— Вдруг? — переспросил я. — Все сразу?

Он пожал плечами.

— Может, не сразу. Вроде бы их с каждым годом становилось меньше. Но для людей это вдруг, так как город был населен, а потом опустел... И какая разница, исчезли все разом или один за одним?

— Разница есть, — пробормотал я. — Если исчезли, то по их воле или... не по их? Если постепенно, то скорее всего они знали, что происходит...

— Это важно?

— Кто знает, — ответил я.

Проехали город, дорога тут же пошла вверх, Рундельштотт проговорил зло и с тоской:

— И снова, и снова... и снова!

— Что? — спросил Фицрой.

— Вот это, — сказал Рундельштотт все так же зло, но теперь еще и с горечью. — Вот это карабканье по горам. Я же лабораторный исследователь, а не вот такое, карабкающееся.

Фицрой буркнул:

— Сидел бы дома!.. А что, уже карабкался? То-то смотрю, навык есть.

Я тоже поглядывал на Рундельштотта с некоторым удивлением, поднимается по крутой тропе сравнительно легко, экономно, бережет дыхание, лишних движений не делает, еще не запыхался, в то время как Фицрой и Понсоменер уже вспотели.

Правда, они и отдыхают быстрее, а старому мастеру на восстановление сил времени понадобится больше.

— Это мне знакомо, — буркнул я.

Он оглянулся в презрительном удивлении.

— Откуда? Для этого надо прожить... долго.

— Не обязательно, — ответил я. — Я тоже занялся было кабинетной работой, вот Фицрой подтвердит, его даже укачало, а тут вон снова внешний мир! Принцесса пропала, спасай... Именно потому еще не сажаем сады на Марсе, всякая хрень отвлекает!

Фицрой сказал обиженно:

— Юджин, ее высочество совсем не хрень, ты чего?

— Хрень все, — отпарировал я, — что не дает заниматься своим делом. Творчество превыше всего!

Он подумал, кивнул.

— Согласен, мне наше творчество на море тоже понравилось, но принцесса... она же просто чудо!.. Боги создавали ее для себя, но каким-то чудом оказалась здесь...

— Вот-вот, — сказал я сварливо, — а там без нас все замедлится!

Рундельштотт спросил с подозрением:

— Вы что-то в Дронтарии затеяли?

— Тихо, — сказал я. — Враг не дремлет. Болтун — находка для врага.

— А когда перестанет быть секретом? — спросил Рундельштотт.

— Со временем, — пообещал я.

Глава 11

Под Фицроем очень некстати захромала лошадь, и хотя это некстати всегда, но сейчас, когда едва-едва уходим от погони, это совсем некстати. Понсоменер указал на высокие лиственницы, за ними деревня, даже настоящее село, там можно либо купить новую лошадь, либо перековать эту заново, Фицрой возликовал, Рундельштотт засомневался, но сказал с неохотой:

— Что делать, попробуем... Если там лошадей не найдем, уходить нужно сразу. Не рассиживаться.

Понсоменер молча, не видя от меня возражений, свернулся к полосе деревьев.

Он все прочувствовал правильно, за широкой полосой, что прикрывает поля и огороды от ветров, расположилось достаточно большое и, судя по домам, зажиточное село.

Фицрой передал принцессу на попечение Рундельштотту, мне почему-то доверяет меньше, а сам ринулся в обожаемый им мир торговли, заключения сделок, выгодного обмена и обмана.

Я отыскал что-то вроде постоянного двора, во всяком случае нам довольно быстро налили в глубокие глиняные миски горячей бараньей похлебки, сытной и на-

варистой, я расплатился, принцесса тоже старательно и послушно работала большой деревянной ложкой, не поднимая капюшона.

Фицрой вернулся удивительно быстро, сказал, что коня сторговал дешево, но что-то в его глазах заставило усомниться, но я промолчал. Пусть даже дорого, сейчас лишь бы конь хороший, а что быстро, так это же понятно, здесь принцесса...

Понсоменер не стал дожидаться вина, а как только допил похлебку через край миски, тут же вышел, побыл на улице совсем недолго, вернулся хмурый, сказал негромко:

— Что как-то не очень... некто бродяга там у дома старосты собрал народ и говорит, что мы все беглые преступники. Если нас задержать и сдать властям, чтобы те допросили, то в селе получат хорошую награду...

— Ого, — сказал Фицрой. — А что же он сам не решится?

Понсоменер посмотрел на него искоса.

— Он один. Но даже будь их десяток, вряд ли решились бы вот так в открытую пытаться арестовать...

— Что, — спросил Фицрой чуточку встревоженно, — это один из тех, кто знает о нашей грозной славе?

Понсоменер пожал плечами.

— Не знаю. Но похоже. Я чувствовал его страх. Вообще он старался не подходить к постоянному двору близко.

Рундельштотт буркнулся:

— Значит, мы знаем его в лицо. Или кто-то из нас.

— Будем выбираться через зады, — сказал Фицрой. — Если понадобится, вылезем через окна... Я еще ни разу не видел, как чародеи лазают. Хочу посмотреть!

Рундельштотт поморщился.

— Могу и через окно, но там есть потайная дверь. Если за гостиницей кто-то и наблюдает, то с улицы за общим входом.

Я сказал властно:

— Все, умолкаем! Тихо по одному выходим через потайную дверь, а там на коней и уходим.

От села не успели отдалиться, как Понсоменер пропоротал, что впереди большой отряд уламров.

— Идут в нашу сторону? — спросил Фицрой.

— Никуда не идут, — сообщил Понсоменер. — Там у них теперь гарнизон.

— Теперь? — спросил Фицрой. — Может быть, и всегда там стоял?

— Недавно, — ответил Понсоменер коротко. — Видно же.

Фицрой буркнул:

— Мне пока и самого гарнизона не видно. Все верно, объедем...

Через пару часов стены справа и слева начали быстро подниматься прямо из земли, растя, грозные и темные из поблескивающего свежими сколами гранита, словно совсем недавно гора раскололась, и теперь едем по узкому ущелью.

Правда, земля внизу тонет в высокой траве, журчит спрятавшийся ручей, распадаясь на рукава, громко квакают и даже запускают трели лягушки.

Рундельштотт вздохнул.

— Совсем недавно, — сказал он с грустью, — как сейчас помню, здесь стояли гарнизоном тираспы, а вот там дальше пеларды. Между ними проходила граница.

Фицрой огляделся в недоумении.

— Здесь? Место неудобное. Проще было бы по реке или вот по тому болоту.

— А здесь и была река, — ответил Рундельштотт кротко. — Обрати внимание на вон те россыпи камешков!.. Видишь, какие гладкие? Вода обкатала...

Фицрой покосился на него, вдруг зябко передернул плечами и поспешно поехал вперед.

Я догнал Фицроя, у него все так же в одной руке повод, другой нежно прижимает к себе закутанную в плащ принцессу.

— Фицрой, — сказал я негромко, — когда мы ехали искать ее высочество, я сказал, что не можем драться со всеми встречными...

Он спросил настороженно:

— Ну?

— А теперь, — ответил я, — когда это высочество с нами, можем драться как со встречными, так и с попечными, боковыми и даже задними. С нами самка... ладно, женщина, даже принцесса, а это дает нам право не соблюдать никакие правила, как не соблюдают их женщины.

— Понял, — сказал он с облегчением. — Правда, я и не соблюдал, но как приятно знать, что и закон тоже с нами! И что мы уже в Нижних Долинах.

— Пока еще в Верхних, — напомнил Рундельштотт, — но уже близко, близко.

— Но здесь те же, — спросил Фицрой, — а не какие-то гуцары?

Рундельштотт пожал плечами.

— Племена всегда стараются потеснить соседей. Те, что в силу каких-то обстоятельств разрастались быстрее, обычно оттесняли соседей, захватывая плодородные земли, некоторых поглощали, но иногда, как вон с гурцами происходило соживание...

Я переспросил:

— Соживание... это как?

— В Нижних Долинах, — пояснил он, — гуцары, один из рода племени гурцев, заняли каменистую местность на границе с Дронтарией, а в Опалоссе гурцев загнали в горы. Там внизу живут опалосцы, а немногочисленные гурцы высоко в горах, где промышляют охотой...

— И сумели приручить драконов? — спросил я.
Он кивнул.

— Да. Есть они еще не то в Кельмии, не то в Креште... Гурцы, не драконы. Видимо, когда-то их было, как муравьев, но потом что-то стряслось, так что новые племена их почти везде уничтожили...

Он умолк, глядя на Понсоменера, тот остановил коня и ждет нас. Перехватив мой взгляд, вытянул руку.

— Дальше по дороге деревня. Объедем или как?

— Все объезжаем, — велел я. — Только когда уж совсем невмоготу...

Он кивнул, послал коня вперед, а там вдруг вскрикнул:
— Засада!.. И слева!

Кусты распахнулись, в нашу сторону с треском веток выметнулся ряд конных с копьями, нацеленными в нас. В моем животе стало холодно, в ладони будто сами по себе впечатались рукояти пистолетов, а пальцы надавили на курки. В мозгу застучало «патрон», патрон», «патрон», но тут же ушло на задний план, теперь это рефлекс, я жал на спуск в правой и левой и отскакивал, когда на меня бросался кто-то, кто даже с дырой во лбу сумеет снести меня с дороги.

Фицрой, бросив принцессу за спину, отчаянно размахивал мечом, нас окружили, чем опасен бой в лесу, могут подобраться совсем близко, Понсоменер с длинным мечом в руках дрался среди толпы едва ли не умелее Фицроя.

Я медленно отступал, чтобы не сбили с ног, стрелял и стрелял, успел увидеть, как огромный воин прямо с коня ударил Рундельштотта копьем в грудь.

Чародей завалился навзничь, а всадник прыгнул на него, как тигр на оленя, прижал к земле, в руке страшно блеснуло узкое лезвие тонкого кинжала.

Рундельштотт открыл рот то ли в крике, то ли для заклятия, но лицо болезненно искривилось, он упал спи-

ной на землю, а гигант, перепрыгнув тело, бросился на Фицроя.

Я быстро сдвинул стволы пистолетов в его сторону. Тяжелые пули ударили в грудь, заставили отступить на пару шагов, а Фицрой эффектно взмахнул мечом, даже я охнул, когда бритвенно острое лезвие с легкостью, словно кочан капусты, снесло ему голову вместе со шлемом, отделив от такого же доспеха из черного металла.

Несколько человек ринулись прочь, я с мстительной яростью пошел за ними, не прекращая стрелять. Тяжелые пули били в спины, ломая хребты, разбивали головы, и только когда последний уже на границе прицельной дальности упал и пополз, хватаясь за землю, я выпустил в его тело с десяток пуль, какие-то попали, он застыл на земле, а под ним лужа крови начала расплываться широко и быстро.

Рундельштотт тяжело поднялся, опираясь на левую руку, правой хватался за грудь, лицо болезненно искривилось.

— Как же, — прохрипел он, — этот мерзавец удалил...

Я сказал сварливо, но с облегчением:

— А как вы отбивались от этой рубашки! Она же не только магическую энергию собирает, ее еще и не пробить всякой ерундой.

Фицрой поднял копье, осмотрел наконечник.

— Неплохая ерунда, — сказал он задумчиво. — Металл из закаленного железа, такое все рубит.

— Как видишь, — сказал я, — не все. А кинжал?

Он высвободил из пальцев убитого рукоять кинжала, осмотрел с критическим интересом.

— Высокая работа. Мастерство не спрятать.

— Можно, — заверил я скромно, — но здесь люди бесхитростные. До вершин гуманизма и очковытирательства еще не доросли.

Рундельштотт все еще морщился.

— Кровоподтек останется. А можно, чтобы...

— Можно, — сообщил я. — Только та рубашка будет толще. Втрое.

Он задумался, Фицрой хохотнул:

— В такую жару?

— Вообще-то, — сказал я, — в жару может охлаждать, а в холод греть. Мастер, в следующий раз поищу в вашем чулане, что вы там еще насобирали...

Фицрой предложил:

— Можно, я?

Рундельштотт не успел среагировать, я отрезал твердо:

— Нельзя! Я ученик чародея, и то пару раз чуть без руки не остался. Там такие защитные заклинания, мастер уже сам их подзабыл, но если сплоховать, не только руку потеряешь...

Фицрой даже отступил на шаг.

— Нет уж, я в ваше логово ни ногой.

Я сказал строго:

— Фицрой, разве можно такое в присутствии принцессы? Как тебе не стыдно? Извинись немедленно!

Он оглянулся на принцессу в великом испуге.

— Да-да, конечно! Ваше высочество, простите меня великодушно...

— Прощаю, — ответила она милостиво и полюбопытствовала: — А за что?

Он повернулся ко мне.

— А за что?

— Не знаю, — ответил я. — Так, на всякий случай.

Я же знаю, обязательно схамишь.

Фицрой сказал сердито:

— Принцесса, не слушайте его! Он мне жутко завидует и потому всячески порочит мою безупречную репутацию всякими инсвинуациями. Потому что инсвинист, каких поискать!

— Уходим, — велел я.

— Побудь минутку с ее высочеством, — попросил он.
Я сказал принцессе:

— Ваше высочество, не смотрите в ту сторону, там сейчас Фицрой осуществляет освященный веками традиционный акт воинов... В смысле, отдает последние почести павшим, освобождая их карманы и сумки от лишнего, чтобы им было легче идти в блаженный потусторонний мир.

Она серьезно смотрела снизу вверх мне в лицо, чистая, как рыбка, глаза большие и доверчивые, ответила послушно:

— Да, глерд Юджин... Как скажете, глерд Юджин... Я знаю, мужчин нужно слушаться...

Рундельштотт вставил носок сапога в стремя, отдохнул, а потом начал подниматься наверх, цепляясь за седло и ремни. Сердце мое сжалось, скорее бы закончить эту операцию, не для кабинетного человека она...

Глава 12

Теперь двигались больше по ночам, Антриас бросил на поиски убежавшей принцессы всю легкую конницу, то и дело приходилось поспешно убираться с дороги и отсиживаться за кустами, пока там с грохотом копыт проносился очередной отряд.

Принцесса терпеливо переносила все тяготы, у меня сердце разрывалось от жалости, слишком хрупкая и нежная для этого жестокого мира, а уж в лесу так и во все не одни бабочки.

Рундельштотт пробормотал:

— Я бы не отказался, если бы королева выслала вперед отряд с повозкой...

— Отряд легче заметить, — сказал Фицрой. — Ничего, осталось всего с недельку...

— Это если по дороге, — сказал Понсоменер, — а мы двигаемся через лес. Уложимся дней в двенадцать.

— А ты откуда знаешь? — спросил я.

Он ответил тускло:

— Я не знаю. Так, показалось...

Спрятавшись в кустах, однажды могли наблюдать, как красиво и организованно уламрийская армия начала продвижение в Нижние Долины. Как и обещал король, только по дорогам, ни шагу в стороны, хотя некоторые села подходят вплотную, а то и вовсе располагаются по обе стороны дороги.

Впереди двигается легкая конница, за нею тяжелая, и только за тяжелой мерным экономным шагом идут пешие ратники, отдельными отрядами: копейщики, меченосцы, метатели топоров, лучники, а потом, уже тяжелая панцирная пехота, составленная из самых сильных и выносливых воинов королевства.

Отдельно едут в цельных металлических доспехах всадники с незнакомыми знаменами.

Я поинтересовался:

— Это какая-то особая воинская часть?

— Это люди из королевства Кельмия, — сообщил Фицрой. — Вы что, такие дикие? Это же соседи!

— Вроде бы с Кельмией не воюем, — сказал я. — Или что-то изменилось?

Фицрой сказал покровительственным тоном:

— Вряд ли армия Кельмии в деле. Скорее всего наемники. Такие обходятся дорого, так что, думаю, Антиас все поставил на кон. Отважный король!..

— Отважный, — согласился я. — Только благоденствуют королевства больше при не совсем отважных. Даже при осторожных. С чего бы?

Он сказал с неудовольствием:

— Ты вообще... А как же подвиги?

— Да, — согласился я, — как жить без подвигов?..

Разве что научно-технический прогресс двигать... мерными толчками. Но для меня рано встать — уже подвиг. Это считается? Тогда в жизни везде есть место подвигам. Даже без кровавых сражений. Хотя на кровавые сражения тоже люблю смотреть. Особенно на бои тяжеловесов.

Глупая и беспечная дорога по своей лени пошла напрямик, не обращая внимания, что далеко справа и слева начали вырастать стены из камня, придвигнулись, я забеспокоился, но Понсоменер заверил, что стены скоро отодвинутся, да и вообще беспокоиться нечего, вон какая хорошая дорога, такие в тупик не ведут...

Рундельштотт прислушался, сказал мрачно:

— Беспокоиться есть о чем. Понс?

Понсоменер прислушался, я увидел, как посерело его лицо.

— Что... вся армия?

— Нет, — заверил Рундельштотт саркастически, — но вся легкая кавалерия. Или почти вся.

Я ощутил смутную тревогу, не сразу сообразил, что я тоже слышу этот гул, не уловимый ничем, кроме инстинктов, где-то далеко земля гудит и вздрагивает под копытами всадников в тяжелых доспехах, я еще не слышу и не вижу, но чутье уже предупреждает, без него человек не выжил бы в ту эпоху, когда на разум полагаться было еще рано.

— Быстрее, — велел я. — Пусть загоним коней, но нам нужно вырваться из этой ловушки!

Далеко позади поднялось облачко пыли, но когда оно приблизилось к ущелью, я с холодком понял, что да, это армия, от стены до стены полсотни всадников проскачут стремя в стремя, а сейчас там именно так и скачут...

Понсоменер прокричал:

— Быстрее, быстрее!.. Там стены сужаются!..

Я не понял, чем это нам может помочь, но погонял коня, стараясь держаться рядом с Фицроем, все-таки там двое седоков, а Понсоменер страхует Рундельштотта, старый чародей совсем плох, его уже раскачивает в седле, вот-вот грохнется.

Стены сошлись так, что между ними могут проскочить стремя в стремя не больше десятка всадников, но все равно не удержать, я догнал Рундельштотта и крикнул быстро:

— Мастер, дайте на минутку вашу палку!

— Это не палка, — возразил он оскорбленно, — а жезл чародея!

— Скорее!

Я выхватил у него посох, соскочил на землю. Все остановились в недоумении, а я опустил на плечо роскошным рубином назад и, быстро прицелившись, нажал на два расставленных на расстоянии ладони завитка.

Толкнуло назад, хоть и мягко, но я не удержался, ноги взметнулись кверху, даже чуть проехал на спине, а на коне рядом орал и визжал Фицрой.

Когда я вскочил, миниатюрная ракета, оставляя дымный след, уже неслась к каменной стене ущелья.

Донесся звук взрыва, там взметнулось облако мелкой крошки и щебня. Масса камней медленно поползла вниз, подгребая еще и еще, а через несколько мгновений тяжелая лавина, способная снести с пути огромный город, неслась с горы, тяжелые камни с силой бьют в ровную плиту исполинского каменного пола, несколько всадников успели выметнуться из ада на эту сторону, остальных завалило, а лавина все заполняла и заполняла ущелье.

Через полминуты грохот затих, Рундельштотт прорычал:

— Думаю, та часть армии, что двигалась этой дорогой, вынуждена будет вернуться.

— Не всякой горный козел проберется, — сказал Фицрой с нервным смешком. — Ну, мастер, и посох у вас!.. Что будем делать с теми героями?

На этой стороне на испуганных конях кружат на месте пятеро всадников, все в железе, но копий не видно ни в руках, ни на земле, явно выронили в бешеной скачке, пытаясь уйти от лавины.

Я пробормотал:

— Можно их убить... Нет, это грубо, лучше ликвидировать. Зачистить. Уменьшить живую силу противника...

Фицрой сказал весело:

— Ты думай, а я пойду переговорю с ними, пока ты решаешь, на кол их посадить или разорвать конями... Ваше высочество, постойте на этих грубых камнях пару минут.

Принцесса послушно спустилась с седла Фицроева коня.

Мы смотрели, как он красиво и уверенно поскакал к ним, не выказывая ни капли страха, остановился прямо перед ними. Я на всякий случай открыл мешок и вытащил снайперскую винтовку, но всадники быстро покинули седла и начали карабкаться вверх по завалу.

Фицрой собрал их коней и вернулся к нам с целым табуном.

— Пусть уходят, — сказал он, блестя белыми зубами и удивительно синими глазами. — Без коней они не воины. На ту сторону перебраться не просто, они вообще и мечи повыбрасывают.

— Ладно, — сказал я с облегчением, — добренький ты у нас зайчик. Вон старый мастер, вспоминая свою молодость, всех бы поубивал!

Рундельштотт принял из моих рук посох, лицо из растерянного стало задумчивым, легонько взвесил его на ладони.

— Стал чуть легче...

— У вас чутье, — сказал я одобрительно. — А я вот грубая скотина, такие тонкие градации не улавливаю.

Он спросил тихо:

— Это что... можно так часто?

— Увы, — признался я, — всего трижды. Больше зарядов там нет. Можно бы еще засунуть штук пять, но пришлось бы уменьшить емкость аккумулятора, а для вас, как мне чутся, собирание магической энергии важнее.

Он кивнул.

— Так и думал. Волшебство я бы сразу учуял. А это некрасиво как-то, хотя, конечно... Все-таки быстрее учись настоящей магии.

— Под вашим руководством, мастер, — сказал я твердо.

Стены ущелья разошлись в стороны через два часа, а потом и вовсе утонули в земле, как в болоте. Кони устало пошли по лесной долине между зелеными холмами, Понсоменер подождал, когда я подъеду, сказал негромко:

— Большой отряд идет в нашу сторону слева. Нам даже негде спрятаться.

Я посмотрел на измученные лица спутников, на усталых коней.

— Скачите!.. Я задержу их.

На миг фраза показалась высокопарной, как из обязательного набора, который каждый мужчина должен произнести хотя бы раз в жизни, но они все посмотрели на меня, как приготовившегося погибнуть, а Фицрой вообще побелел, раздираемый противоречием.

Я сказал резко:

— Фицрой! Тебе приказ ни на секунду не выпускать из рук ее высочество. Я догоню!

Я улыбнулся испуганно выглядывающей из гнездышка в плаще принцессе.

— Все хорошо, ваше высочество! Вы в безопасности с...

— Фигельмиглем, — подсказал Рундельштотт, — он вас никому не отдаст.

Принцесса пискнула:

— Его полное имя Фигельмигель?.. Как красиво!..

Фицрой посмотрел на меня убивающим взглядом, я сказал ей заговорщики:

— Он почему-то стесняется этого древнего и благородного имени его рода, имеющего все права на королевский престол. Но, думаю, вы его сумеете...

Не договорив, я заметил справа удобную возвышенность, пустил коня вскачь прямо на вершину.

Ждать пришлось, как мне показалось, долго, почти час, мелькнула мысль, что Понсоменер ошибся, наконец далеко на дороге показалась настоящая конница.

Я всматривался в прицел, помимо тяжело вооруженных всадников вижу и легкую кавалерию, им что-то поясняют, указывая руками в мою сторону.

— Давайте, — сказал я мрачно, — против армии я песчинка, но конные разъезды такому орлу на один зуб...

Во главе рассмотрел всадника в дорогих доспехах, за которым оруженосец постоянно возит знамя. С мстительной злостью, раз уж эта сволочь отдает приказы, я навел крестик прицела на лоб, но усомнился в своей меткости и сместил на широкую грудь, выждал, когда тот перестанет двигаться в седле, и нажал на скобу.

Его тряхнуло, словно в грудь ударили кувалдой. Не просто завалился на круп, а его туда отбросило, и свалился под конские копыта.

Я тут же перевел прицел на двух в такой же в яркой, как и у командующего, одежде, дважды нажал на спуск, и оба раза удачно. Во всяком случае, их сбросило на землю, как и командующего, а я только тогда взял на прицел скачущий в мою сторону отряд.

Они не оглядывались, получив приказ, еще не знают, что там случилось, скачут уверенно и с подъемом, я провел крестиком по их лицам, все ближе и ближе, пока еще не очень опасно, зато легче целиться...

Их седла начали пустеть одно за другим, но кони мчались вместе с отрядом, пока всадников не осталось трое, лишь тогда оставшиеся натянули поводья и начали останавливаться в растерянности.

Я убрал палец со спусковой скобы, борясь с чисто человеческим звериным желанием всаживать пулю за пулей в этих существ. Даже не потому, что защищаюсь, а потому, что самец, а самец самцу зверь куда зверинее, чем волк, ибо волк волков не убивает.

Все трое покинули седла, я наблюдал некоторое время, как бросились к павшим и начали осматривать, уже ясно, втроем в погоню не ринутся, и я быстро вернулся к коню и пустился по следу за отрядом.

Нарушив мой приказ, они ждали меня, не покидая седел, в небольшом лесочке, Понсоменер выехал на встречу и сказал, что кони уже не могут больше нести всадников, нужен отдых.

Принцесса поинтересовалась наивно:

— А чего вы постоянно отстаете, глерд Юджин?
— За нами погоня, — объяснил я. — Приходится останавливаться и уговаривать их не гнаться за нами.

Она пропищала с интересом:

— Они сразу соглашаются?

— Только некоторые, — ответил я со вздохом. — Остальных приходится уговаривать дольше.

— И как?

— Уговариваются, — подтвердил я. — Правда, приходится не просто уговаривать, но даже убеждать. Используя весомые аргументы. Очень весомые.

Она сказала рассудительно:

— Это хорошо. Вы добрый, глерд Юджин!.. Людей нужно убеждать быть хорошими.

— Это у меня получается, — заверил я. — Те, кого убедил, уже плохими не станут. Я старался, ваше высочество. Мир нужно делать лучше, это наш долг перед всем прогрессивным человечеством.

Рундельштотт предложил перекусить, не покидая седел, я посмотрел на него в изумлении.

— Мастер, да вы гигант... Я вот уже с коня падаю. Нет, поедим, как люди, иначе мне точно не набрать силенок, а что вы за химера, уже и не знаю.

Фицрой первым соскочил на землю и ловко поймал тут же упавшую с седла без поддержки принцессу.

Быстро пообедали, все начали подниматься в седла, Фицрой оглянулся.

— Ты... остаешься?

— Ага, — сказал я злорадно, — совесть грызет? Пусть грызет, так тебе и надо.

Он мученически поморщился.

— Ты только не лютуй там слишком... уговаривая. Ваше высочество, он скоро догонит, не волнуйтесь. Хотя и может быть там всякое, вы же знаете, как даже мудрецы слово за слово... В общем, Юджин, не зарывайся! Нам еще в море побывать надо.

— Да, — согласился я, — там та-а-а-акие русалки с вот такими...

Он быстро взглянул на принцессу.

— Это он о рыбах, ваше высочество. У русалок вот такие плавники... Ладно, Юджин, догони нас поскорее!

Я смотрел, как он усадил принцессу, разобрал повод, конь сразу понесся догонять Рундельштотта и Понсоменера, а я высвободил винтовку и, не увидев вблизи ничего похожего на холм, полез на очень высокое толстое дерево с настолько удобно расположенными ветвями, что удалось без труда подняться почти на самую вершинку.

Глава 13

Этих я начал отстреливать, начиная с последнего, весь отряд продолжал скачку, растянувшись чуть ли не на милю, холмы и возвышенности, не говоря уже о лесе, скрывают, что отряд становится все короче, и на прямую к моему дереву дорогу добралось не больше дюжины.

Я успел выстрелить трижды, больше опасно, заметят, но, как и рассчитывал, они увидели у дороги моего коня, моментально остановились, двое сразу покинули седла и бросились к лошади с такой поспешностью, словно та распахнет крылья и улетит.

— Вот! — крикнул один с тщеславием. — По приметам, их конь!

Ого, подумал я. Хорошо работают. Даже по коням нас могут найти... Хорошо, учтем.

— Ведите сюда, — распорядился их вожак.

Возле него, как я не сразу рассмотрел, скромно держится на коне человек в серой неприметной одежде, низкорослый и худой, при нем я не увидел оружия, он произнес так тихо, что даже мои чуткие уши едва уловили:

— Пусть отведут командиру. А мы продолжим погоню. Они близко, я чувствую.

Всадник, что держал моего коня под уздцы, развернулся в ту сторону, откуда они примчались, а я крикнул с дерева:

— Эй-эй, это частная собственность!.. Мало ли что мы воюем, но инвестиции и прочее имущество святы!.. Оставьте моего коня и можете возвращаться.

Они все вскинули головы и рассматривали меня с таким изумлением, что я крикнул еще веселее:

— Ребята, у вас серьезное упущение!

Их вожак справился с изумлением, крикнул:

— Какое же?

— Вы не захватили луки, — пояснил я. — Как вы меня достанете? Я буду бить по головам, если кто рискнет подняться...

Вожак сказал раздельно:

— Я глерд Питекер. Приказываю тебе спуститься. Иначе тебе не понравится, как тебя спустим.

Я поинтересовался нагло:

— И как же?

Он нехорошо улыбнулся:

— Ладно, ты сам этого захотел...

Я ощутил, как охватывает смертельный холод, торо-пливо сдвинулся под защиту ствола на ту сторону. Снизу пронесся огненный шар, размером с быка, затрещали ветви, пахнуло жаром, я с ужасом видел, как с той стороны дерева стало светло, там исчезли все ветви, а ствол там выглядит почти обугленным.

— Все-все! — заорал я. — Сдаюсь!..

Командир оскалил зубы в хищной усмешке.

— Мог бы и сразу. Спускайся, но твою чародейскую штукку оставь там, где она и висит.

Я выпустил винтовку из рук, сказал с готовностью:

— Все-все, слезаю! Только не бросайтесь этим ужасом, у меня чуть сердце не выскочило, а я такой чувствительный, мне бы в музыканты, а я мир спасаю, да кому он нужен...

Они, задрав головы, наблюдали, как я спускаюсь, а я старался делать все как можно медленнее, выигрывая время как для отряда, так и для себя.

Вожак поторопил:

— Ты быстрее, чего ползешь...

— Так я же глерд, — ответил я с достоинством. — Я не привык лазить за птичьими гнездами. Простолюдины сами доставали и приносили, а кухарка жарила, а то и варила... Говорят, их как-то еще и пекут, но не знаю, не пробовал...

— Побыстрее, — велел он. — А то ссадим! Прожаренного, как свинья на вертеле.

— Иду-иду, — ответил я. — Опускаться почему-то труднее, вы заметили?

Он рявкнул:

— Я тоже не лазил! Но умею. А ты...

Я на высоте в три своих роста сел на толстый сук, обхватил левой рукой на уровне локтя крепкую ветку, а кисти изготовил для стрельбы почти в упор.

Они еще ждали, не понимая, почему я прекратил спуск, а два пистолета в моих кулаках дважды рявкнули. Тяжелые пули разнесли голову чародея, я тут же перевел огонь на их командира, ссадил с коней еще пятерых.

Лошади почуяли кровь и начали метаться в панике, пули пошли мимо, а несколько человек, даже лишившись командира, соскочили на землю и бросились к дереву.

То, что помогло мне легко забраться почти на вершину, теперь обернулось бедой: они поднимались по дереву с трех сторон, я трех сшиб выстрелами в упор,

но один с силой ударил меня ножом в ногу, еще один достал в спину, третий сумел садануть острым клинком в бок с такой силой, что перехватило дыхание, а кто-то ухватил за сдвинутые для комфортной стрельбы руки и с силой ударил ими о сук, на котором я сижу с такой силой, что пистолеты оба выпали.

Я боролся с ним, но с тоской успел увидеть, как за его спиной появились еще двое...

И вдруг один исчез, второй с криком сорвался с дерева. Я изловчился и с силой пнул ногой храбреца, сумевшего выбить у меня из рук пистолеты.

Он не удержался и с руганью рухнул вниз. Я рассмотрел в пяти шагах дальше на дороге Понсоменера, он деловито снял тетиву, а лук сунул в сайдак.

— Спасибо, — крикнул я. — Ощутил, что я в беде?

Он покачал головой:

— Нет.

— А что?

— Наши кони устали, — сообщил он мне новость. — А у этих кони намного свежее. Вы бы их не взяли.

— Ты прав, — сказал я пристыженно. — Я демократ, только о себе думаю.

Он смотрел, как я слез с дерева и подошел к распростертыму на земле командиру отряда. Пуля, чиркнув его по черепу, сорвала кожу и повредила ухо, а затем, сломав ключицу, похоже, пробила сердце. Дышит он часто, изо рта толчками выплескивается кровь.

— Ты же сказал, — прошептал он с упреком, — что сдаешься...

Я спросил в непонимании:

— И что?

— ...и у тебя нет оружия...

— Ах вот ты о чём? — ответил я. — Мне можно, я демократ, а все демократы лгут! Где подписанный до-

говор с печатью и заверенный у властей, что я обещал сдаться?..

Он смотрел непонимающе, затем левая нога дернулась, я все понял и как бы в знак салюта над павшим надвинул ему веки на вытаращенные в непонимании перед наступающим в моем лице новым миром глаза.

Понсоменера в седле его коня нет, я повернулся в непонимании, а когда шорох наверху заставил вскинуть голову, Понсоменер уже спускался с винтовкой в руках.

— Вот, — сказал он, — а те ваши арбалеты вон там в траве...

Я отмахнулся.

— Пусть остаются. Забираем коней, вряд ли наши умчались далеко.

Он помог перенести седла с наших коней на самых рослых и жилистых, остальных привязал на общий повод, и мы помчались вслед за отрядом.

Еще через час Понсоменер остановил коня, тот сразу превратился в каменную статую, даже ухом не шелохнет, а Понсоменер вытянул руку, получилось красиво и величественно, таким жестом указывают, где будет город заложен назло надменному соседу, или что вон те заокеанские территории отныне принадлежат европейским государям.

— За тем холмом, — произнес он таким ровным голосом, будто вместо него сказала земля под копытами его коня.

— Что за тем холмом? — спросил я.

— Речка, — ответил он.

— Нужно будет искать брод?

Он чуть качнулся головой.

— Кони пройдут, не замочив брюха.

— Тогда что? — спросил я сердито. — Чем та речка отличается от других?

Он чуть повернул ко мне голову, во взгляде прочел некоторое разочарование.

— Командир, по ту сторону речки земли Нижних Долин!

— Ух ты, — сказал я. — Здорово. Гора с плеч! Прости, Понс, мне лестно, но ты меня переоцениваешь. У меня нет еще твоей... чувствительности, что ли?.. Когда-нибудь, может быть, смогу тоже вот так на интуитивном уровне понимать... хотя бы часть того, что понимаешь ты, а пока что я все горбом да выцарапыванием ногтями, а то и когтями...

Он посмотрел на меня очень серьезно.

— Да? Я думал, уже...

Я смотрел, как он пустил коня вперед, а в голове тревожно забилась разрастающаяся мысль, что а вдруг уже? Вдруг уже могу, но просто боюсь доверять ощущениям, это же пусть взад, а я как бы человек прогресса, любую гармонию алгеброй, алгеброй, что хорошо и правильно...

Долго раздумывал, наконец послышался стук копыт коней Рундельштотта и Фицроя. Может быть, это есть начало этого самого?.. Ну, по стуку копыт уже отличаю их коней... Хотя, наверное, такое различает и любой деревенский мальчишка.

— Уже близко, — сказал Рундельштотт усталым голосом. — Чувствую.

Я сказал важно:

— Вон за той горкой речка. Мелкая, коню по брюху, а то и по колено... А на той стороне уже королевство Нижних Долин.

— О-о, — сказал Рундельштотт уважительно, — и ты это ощутил?.. Хорошо. Быть тебе магом!

— Да, — промямлил я, — как бы вот да... Я такой. Музыкальная натура, идет на барабаны моя шкура... Упорство и труд все перетрут...

И хотя земля, что на той стороне речушки, что на этой, одна и та же, как и деревья, но я вздохнул с облегчением, все-таки проклятая Уламрия за спиной, и пусть погоня идет не просто по пятам, но старается еще и опередить, однако мы уже дома...

Вскоре увидели слева от дороги массивную крепость из близко расположенных зданий во главе с высокой башней донжона.

Мне она показалась слепленной из мокрой земли. Такие дети лепят с энтузиазмом, но первый же дождь разрушает красоту и вообще стирает до основания, однако эта, как понимаю, сложена из гранитных блоков, а это делает ее несокрушимой для таранов, катапульт и даже требушетов.

Понсоменер не оглядывается, я придержал коня, поджидая Рундельштотта.

— Выглядит так, — сказал я, — будто ей тысячи лет. Хотя не думаю, что архитектура здесь меняется с каждым сезоном...

Рундельштотт посмотрел на меня, перевел взгляд на крепость.

— Она в самом деле так выглядит, — согласился он.

— А на самом деле?

— Как сказать, — ответил он. — Конечно, от той, что построили древние, не осталось даже стен, но то был просто ремонт, так что это все та же крепость, хотя камни уже другие.

— Да и формы, — сказал я.

— Делая ремонт, — напомнил он, — всегда что-то меняют, добавляют. Вон те окошки для стрельбы из луков, а вон те — из арбалетов. А в старых летописях сказано, что арбалеты придуманы одним из великих Улучшателей всего шестьсот лет назад...

— Это же почти вчера, — сказал я с иронией.

Он кивнул.

— Да, мир меняется так стремительно. Проедем мимо? Наши кони еще не совсем выбились из сил.

— А мы? — спросил я. — Молодежь, сами знаете, какая пошла... Это вы все еще орел, а мы с Фицроем уже еле ноги тащим, хотя и в седлах. Принцесса и то измучилась сидеть в гнезде, это же такой труд непосильный...

Пока рассматривали крепость, подъехал Фицрой с закутанным в плащ ребенком, принцесса выглядывает из гнездышка румянощекая и блестящеглазая, вот уж кому такая поездка не в тягость.

— Если мы уже в Нижних Долинах, — сказал Фицрой авторитетно, — то самое время воспользоваться гостеприимством местных вельмож. А к ее величеству можно послать гонца, что, дескать, все в порядке, принцесса спасена!

Рундельштотт хотел было возразить, но я сказал вскo:

— Фицрой, хотя сейчас и не может рассуждать здраво, но как бы случайно угадал. Нам есть смысл перевести дух, а то и отсидеться от погони. Пусть с этими поисковыми отрядами разбираются войска ее величества...

Рундельштотт посмотрел на меня с интересом.

— Ну-ну, а что хотел сказать?

— Едем мимо, — решил я, — пусть наши преследователи решат, что мы укрылись в этом замке!.. Можно даже следы оставить.

Фицрой поерзal в седле, придерживая одной рукой затихшее в одеяле существо.

— Не знаю, — сказал он в затруднении. — Юджин прав, мне рассуждается сегодня что-то не очень, хотя в остальное время я вообще-то мудр и проницателен.

— Мимо, — сказал я твердо. — Мимо и дальше. Глядя в будущее!

Из замка выметнулся на тонконогом коне одинокий всадник, понесся за нами, размахивая руками.

Я остановился, он подскакал ближе, воскликнул, живо размахивая руками:

— Глерды, ночь на дворе!.. Вот-вот луна поднимется!.. Вам лучше воспользоваться ночлегом у нас!

Я поинтересовался:

— А хозяева не против?

Он воскликнул:

— Да они рады всем проезжающим! Наш замок в стороне от больших дорог, бывает так скучно!

Фицрой смотрел на меня с надеждой, Рундельштотт и Понсоменер помалкивают, я подумал и сказал веско:

— Идя навстречу пожеланиям народа, мы принимаем ваше любезное предложение... если это не затруднит благородных и великодушных хозяев... Как зовут нашего великодушного хозяина?

— Герцог Жерардор, — ответил он с готовностью. — Его светлость герцог Анрин из рода Куренгелов.

Мне показалось, что это «из рода Куренгелов» он произнес с особой гордостью, но это и понятно, все от кого-то ведут род, чем и гордятся, а я скромно молчу, что мой род самый древний на свете: от первой умной обезьяны, а для людей другой конфессии, от второй попытки Адама.

Глава 14

Вокруг замка, как и положено, пусто на расстоянии выстрела из лука, только под глухой стеной замка слева огромный стог сена, хотя стена не совсем глухая: на высоте четвертого этажа виднеется узкая щель-бойница,

через нее удобно отстреливаться из лука, но даже руку не просунуть, разве что ладонь.

Замок явно перестраивался много раз, я заметил это не столько по кладке, как по архитектуре, даже в застывшем обществе со временем вкусы меняются, и хотя нового ничего не происходит, но всяк отличит колонну дорического стиля от коринфского или ионического.

Меня провели по узкому коридору из восточного крыла в западное, но в центральную часть не заходили, однако даже в этом далеко не главном коридоре на стенах картины и gobелены, а когда вошли в зал, там в нишах скульптуры из белого мрамора, а полуколонны через равные промежутки поддерживают стены.

Коридор узкий, стены с обеих сторон завешаны коврами, дальше небольшой зал, не слишком пышный, а на далекой стороне дверь, размерами больше похожая на ворота, но из дорогих пород дерева, отделана серебром и золотом, на обеих половинках гербы королевства.

Перед нами распахнули обе половинки, что говорит о выказываемом уважении, тронный зал широк и роскошен, с контрфорсами, сводчатыми окнами, от двери к дальнему помосту для трона ведет красная дорожка, а в ее конце по краям двое стражей огромного роста.

На помосте трон с высокой спинкой, где вырезано изображение некого чудовища, тотем, наверное, сиденье трона застелено мягкой даже с виду шкурой.

Герцог, огромный и могучий, невероятно толстый и с отышкой, как принц датский Гамлет, встретил нас широчайшей улыбкой.

— Как хорошо, — прогрохотал он, — не придется нам ужинать в одиночестве!.. Я, знаете ли, человек общительный. Когда дети выросли и уехали в свои поместья, так грустно и пусто в этом курятнике...

Я сказал почтительно:

— Ваша светлость, такому курятнику позавидуют и короли. Мы просто счастливы, что вы даете нам приют на ночь...

Он отмахнулся.

— Что на ночь! Оставайтесь, сколько вам угодно. Здесь места хватает для целой армии. Только зачем мне армия?.. Устраивайтесь с удобствами, я пришлю за вами слугу, когда начнут накрывать на стол.

Сбоку подошел человек в одежде управляющего, поклонился.

— Ваша светлость...

Герцог кивнул в нашу сторону.

— Покажи дорогим гостям их комнаты, а потом лично позовешь их к ужину!

Управитель снова поклонился.

— Будет сделано...

Он пошел впереди меня, держа в руке свечу, что постоянно гасла даже не от ветра, а от быстрого движения.

— Какие тупые, — сказал я с досадой. — Можно рукой прикрыть с той стороны, как парусом, можно сделать бумажный колпачок... Да, он непрозрачный, но если промаслить, то станет прозрачным, а язычок свечи не колыхнется, даже если побежишь...

Слуга поглядывал на меня настороженно, вряд ли даже понял, но Фицрой и Рундельштотт вроде бы сообразили, у обоих глаза полезли из орбит.

— Глерд Улучшатель, — проговорил Фицрой мечтательно, — как же, помню, ты же Улучшатель... Вот и сейчас улучшаешь мир!

Я горько скривился.

— Вот-вот, такой я Улучшатель. Мечтаю мир изменить, а придумываю то прялку, то колпачок на свечу...

Слуга остановился перед массивной дверью.

— Комнаты здесь одинаковые, но вам по рангу эта, как самая близкая к лестнице, вторая... гм... почтенно-

му мастеру, третья глерду в шляпе с пером, четвертая вашему спутнику, что все время молчит, пятая мальчику... Впрочем, вы сами вольны занять какие вам удобнее.

Фицрой с небрежностью отмахнулся.

— Да какая разница, если комнаты одинаковые. Спасибо.

Слуга поклонился и ушел, бережно прикрывая ладонью огонек свечи.

Все мы зашли по моему жесту в первую же комнату, я сказал тихонько:

— Устраивайтесь и отдыхайте, а я выйду осмотреться. Знаете ли, совсем не лишне проверить, в самом ли деле мы гости.

Фицрой буркнулся:

— Что-то ты стал злобноват. Везде выискиваешь подвохи...

Я кивнул и вышел. Манера подозревать всех, конечно, предохранит от массы неприятностей, но зато всю жизнь сделает мрачной и нерадостной. Но сейчас я не сам по себе, отвечаю за отряд, а это значит, просто обязан быть злым и подозрительным.

В соседнем зале послышался женский смех, я инстинктивно двинулся в ту сторону, для нас не нужно придумывать другие приманки или ловушки, еще через арочный проем увидел двух весело щебечущих женщин, они обнялись, расцеловались, одна быстро пошла к группе мужчин у противоположной стены, а вторая, увидев меня, улыбнулась ясно и приветливо.

— Это вы прибыли только что?.. Мы успели увидеть из окна. Меня зовут Эгиллия, я баронесса из рода Веласкена. Тоже гостим с мужем, но завтра уезжаем в свое поместье. Вам здесь понравится, герцог и герцогиня милые люди... Правда, герцог дико ревнив, так что на его жену даже не смотрите в его присутствии. Его един-

ственний сын на него совсем не похож, что его все еще волнует. Но так они хорошая пара, жаждут поднять их род хотя бы на ступеньку выше...

Я пробормотал:

— Куда уж выше...

Она расхохоталась:

— А сами догадайтесь... Ой, мой супруг уже недовольно смотрит. Убегаю, убегаю, глерд.

Она упорхнула, веселая и беспечная, у той стены дородный глерд оттопырил руку, ее пальчики с разбега легли ему на руку, и оба чинно удалились в другой зал.

Управитель в самом деле, уже переодевшись в праздничную одежду, лично явился за нами приглашать на ужин. Принцесса к этому времени уже привела себя в порядок, так и прошли под аркой в обеденный зал, четверо мужчин и хорошенская девушка.

За столом кроме герцога и, как понимаю, герцогини, высокой статной женщины со строгим лицом, расположились три пары, приятно выглядящие глерды и глердессы, в том числе и баронесса Эгилия, что сразу улыбнулась мне дружески.

Управитель рассадил нас всех, герцог и герцогиня, как вижу, заметно удивились, что за столом наш мальчик оказался скромной тихой девушкой.

— Все интереснее, — произнес герцог с интересом, — что-то романтическое, да?.. Обожаю такие истории. Эх, когда-то и мы были молоды... Правда, дорогая?

Герцогиня метнула на него злой взгляд.

— Мы и так молоды!.. Ты, правда, был стар, когда меня за тебя выдавали, но это другое дело.

Герцог примирительно усмехнулся:

— Дорогая, извини, я не то сказал.

Ужин проходил настолько чинно, что я страшился слово сказать, чтобы ничего не ляпнуть лишнее, Фиц-

рой, Рундельштотт с Понсоменером тоже помалкивали. Я оглядывался на Понсоменера, он впервые за таким столом, однако тот держится хотя и скованно, ни одного лишнего движения, все копирует за Фицроем и Рундельштоттом, так что если и можно в чем-то упрекнуть, то лишь в провинциальной неуклюжести.

После десерта герцог широко зевнул, сказал со вздохом:

— Уже ночь... Хороших вам снов! Утром увидимся. За завтраком.

Герцогиня улыбнулась, приняла его руку и поднялась из-за стола, но вдруг, что-то вспомнив, повернулась к нам.

— Для вашей милой спутницы, — сказала она ласковым голосом, — мы отведем покой рядом с нашими. И поставим охрану у двери. Репутация такой красивой и скромной девушки должна быть в полной безопасности.

Фицрой дернулся, а я сказал быстро:

— Спасибо, но не стоит беспокоиться! С нами она и есть в самой полной безопасности. Даже в полнейшей. Мы же отвечаем за нее!

Герцогиня улыбнулась:

— И будете отвечать снова, когда отправитесь в путь. Но на это время она будет под нашей защитой! Не спорьте, вы же видите, мы в состоянии защитить ее лучше...

Глаза ее сузились, а улыбка сказала явнее ясного, что с нею лучше не спорить, хозяйка здесь она, а герцог был хозяином до женитьбы.

Я развел руками.

— Ваша светлость, зря вы так... это бросает тень на все наши усилия и нашу репутацию. Мы уверены, что в состоянии защитить нашу спутницу всегда и везде, и вы это подвергли сомнению... но не стану спорить.

Она кивнула.

— Мудрое решение... Милочка, иди ко мне!

Принцесса взглянула на меня беспомощными глазами, но герцогиня умеет управлять, в голосе прозвучало столько властной силы, что принцесса поднялась из-за стола и пошла к ней, как испуганный щенок к грозному хозяину.

После ужина все снова собирались у меня, встревоженные, только Понсоменер ходил вдоль внешней стены, рассматривал двор и соседний корпус.

Фицрой, как женщина, заламывал руки, глаза стали отчаянными.

— Как она там?.. Что будет, если вдруг узнают, что она не просто девушка из бедной благородной семьи, а принцесса?

Рундельштотт сказал успокаивающе:

— Ну чего вдруг узнают? Простое гостеприимство. Приличная женщина не должна находиться в мужской компании. При первой же возможности нужно дать ей возможность обособриться.

Понсоменер сказал негромко, как будто сам себе:

— У герцога покой в здании напротив.

Я старался выглядеть спокойным, но заметил, что и голос Рундельштотта не соответствует словам, да и сам мастер хмурится и нервно похрустывает костяшками пальцев.

— Давайте не вздрючивать друг друга, — сказал я. — Все отдыхайте! Кто как, а я устал. Ноги подкашиваются. Спокойной ночи. Утром увидимся, все решим. На свежие головы!

Недовольно оглядываясь, полные недоверия, они вышли, а я торопливо метнулся к мешку и, вытащив оптический прицел, подбежал к окну.

Здание напротив не то чтобы слишком далеко, но окна на двух этажах закрывает еще и кисея, я старательно подкручивал колечко резкости и убирал помехи,

пока кисея не исчезла, а внутренности комнаты стали видны ясно и четко.

Понсоменер прав, минут через десять я увидел в одном из окон герцога в его спальне. С помощью двух слуг он разделся, слуга почтительно поднял одеяло, герцог лег, свечу возле его постели задули, оставив крохотный светильник на столике у самой двери.

Герцогини долго не находил и уже совсем поздно, когда не надеялся, на этаже ниже зажгли свечи, двое служанок торопливо перестелили пышное ложе, взбили подушки, а герцогиня появилась чуть позже, быстрая и властная в каждом движении.

Служанки смиренно ждали, когда она остановится у постели, быстро и умело раздели ее, я успел рассмотреть точеную фигурку сзади, ничего не скажешь, чувствуется, что выдали замуж за герцога совсем молодой, даже талию сохранила, а задница широкая и вздернутая...

Против воли я крутнул кольцо, увеличивая изображение, но не успел пристыдить себя за рассматривание женской жопы, служанки так же быстро облачили хозяйку в длинную ночную сорочку, целомудренно спускающуюся до самого пола.

Герцогиня легла, царственная и величественная даже в постели. Служанки задули свечу справа от ложа и удалились на цыпочках.

Я еще некоторое время шарил по окнам, но везде темно...

Глава 15

Рано утром я пробудился так резко, словно меня ударили под дых, торопливо вскочил и оделся. Принцессы наверняка в безопасности, тут уж и не знаю, что еще может случиться, что повредит нам...

В дверь требовательно стукнули. Я оказался у нее быстрее, чем это сделал бы заяц, открыл, в коридоре управитель, что сразу же произнес негромко:

— Глерд... вас срочно изволит видеть герцогиня.

— А что, — начал я, но посмотрел на него и махнул рукой, — хорошо-хорошо. Так все узнаю.

Герцогиня уже полуодетая, увидела нас на пороге иластным жестом отправила служанок прочь.

Вышел и управитель, а мне сказала холодно:

— Глерд Юджин, вы пытались нас обмануть, а я такое не прощаю. Вам придется очень постараться, чтобы заслужить мое прощение, а потом, возможно, и некоторые милости.

Я спросил ошарашенно:

— Ваша светлость?

Она почти прошипела:

— Вы одурачили всех своими речами, но не меня!.. Я разговорила вашу спутницу, а она, наивная девочка, все выложила. И как на замок ее тетушки напали уламры, всех убили, ее увезли, а потом вы явились и сумели освободить из прекрасно укрепленного замка, что, как я знаю, королевская тюрьма в Уламрии для особо знатных преступников!..

Я чувствовал холод во всем теле, осторожно повел взглядом по сторонам. Так и есть, справа и слева за портьерами по три человека. На каждой стороне по одному со взвешенным арбалетом и двое с копьями.

— Это не ложь, — пробормотал я, — ваша светлость, это необходимое условие сохранения тайны!.. Никто не должен был знать, что принцессу везут из самой Уламрии всего четыре человека. Даже лесные разбойники пытались бы отобрать у нас!

Она вперила в меня злой взгляд.

— Я велела усилить охрану. Если такие храбрецы сумели выкрасть принцессу из королевской тюрьмы Ула-

мрии, то простая стража вас не остановит. Но теперь я вызвала всю дружины герцога, она перекроет все выходы.

— Ну зачем, — сказал я с тоской, — разве мы враги?

— Глерд, — отрезала она, — ваше передвижение по замку ограничено вашим этажом. Даже приближаться к лестнице запрещено! Ни вверх, ни вниз, ни на крышу.

Я пробормотал:

— А на крышу почему? Мы же не улетим.

— За нарушение приказа, — сказала она еще жестче, — нет, даже за попытку нарушить приказ вас немедленно закуют в цепи! И поместят в самом глубоком подвале.

— Понял, — ответил я покорно, — а что с ее высочеством?

Она произнесла с неимоверным высокомерием:

— Теперь мы сами решим, как ее использовать. Глерд, в лучшем случае вы останетесь верно служить нам. Мой супруг человек прямой, как только расскажу, кто вы и кто эта сиротка с вами, захочет вас тут же убить, но я постараюсь убедить его пощадить вас. Вы можете пригодиться.

— Спасибо, ваша светлость, — пробормотал я. — Великое облегчение услышать такое... Я просто не знаю, как и благодарить...

Она зло расхохоталась:

— Ирония?.. Но он в самом деле прям и честен, тонкости не в его характере. Будете жить или нет, зависит от меня. А я постараюсь убедить его, что вас можно использовать и в наших целях. Вы же прекрасно понимаете, что теперь вам больше защиты искать негде?

Я опустил голову, постарался, чтобы голос прозвучал как можно подавленнее:

— Ее величество меня точно не пожалует за провал миссии...

Она смотрела торжествующе.

— Вот-вот, понимаете. Это хорошо!.. Вы должны знать еще, что мой супруг — потомок рода Куренгелов! Да-да, того, что правил некогда королевством Великих Долин, позже разделившимся на Верхние и Нижние. Потому вы, как вольно или невольно оказавший нам услугу, можете со временем занять вполне достойное положение. А теперь идите и подумайте. Помните, вам отныне запрещено опускаться на этаж ниже, как и подниматься. Охране на лестнице я уже дала строгие указания.

Я поклонился, все еще ошалелый и подавленный, снова вляпались, но кто же мог предположить.

— Благодарю, ваша светлость...

Вышел в коридор ошалелый настолько, что дважды наткнулся на стены, пока спускался на свой этаж, а там в зале увидел герцога с неким толстым глердом.

Похоже, герцог спит в своих покоях, как сказала герцогиня, что вообще на другом этаже, выглядит бодрым и молодцеватым, не подозревающим еще ни о какой принцессе, увидел меня и улыбнулся подбадривающе:

— Ну как вам у нас?

— Спасибо, ваше сиятельство, — поблагодарил я. — Ночь оказалась даже лучше, чем я ожидал!

Я держал лицо глупо самодовольным, он наконец-то учゅял нечто, спросил с интересом:

— Что-то необычное?

— Еще какое, — ответил я жарким шепотом. — Вы даже не представляете!.. Ко мне ночью явилась женщина!.. Жаль, в маске, лицо закрыто целиком, явно не простая служанка... Да и плащ на ней достаточно дорогой, хоть и дорожный.

Он округлил глаза.

— Здорово... Поздравляю! Хорошая ночь была?

— Просто чудо! — прошептал я. — Такая умелая шлюшка, что она только со мной не вытворяла. Ска-

зала, что вообще-то замужем, но муж у нее совсем беспильный и такая свинья, такая редкостная свинья... Мы прокузыркались почти до рассвета, потом она ушла, так и не сказав, кто такая...

— Здорово, — сказал он, — у нас в замке гостят все-го шесть женщин. Вы правы, все замужем за знатными лордами... А что-то еще заметили?..

Я развел руками.

— Почти ничего. Разве что рыжая...

— Вы же сказали, — напомнил он, — она была в маске?

Я скабрезно улыбнулся:

— Да, но там внизу, гм... такие заросли!.. Огненно-рыжие...

Его лицо напряглось.

— Рыжие?

— Да, — подтвердил я. — Ах да, еще одна крохотная деталь... На левой ягодице крохотная родинка в виде сердечка. И, не представляете, тоже ярко-алая, как сердце!.. Но, увы, по такой примете я ее не отыщу среди женщин вашего замка...

Он проговорил деревянным голосом:

— Глерд... наслаждайтесь нашим гостеприимством... а мне нужно срочно отдать некоторые распоряжения, как же я о них совершенно забыл...

Он повернулся и почти бегом ринулся обратно. Я провожал его взглядом, пока он не исчез за дверью.

Фицроя и Понсоменера отыскал в комнате Рундель-штотта, все трое за столом, в руках чаши с вином, а на столе пузатый глиняный кувшин.

На меня оглянулись, я сказал бодро:

— С утра?.. В правильном направлении движется мир!.. Чем больше пьющих, тем скорее цивилизация придет к циррозу!

Никто не переспросил, что такое цирроз, а жаль, у меня есть хороший ответ, а Фицрой спросил быстро:

— Какие новости?

— Пока ждем, — сообщил я. — Граната брошена, но посмотрим, взорвется ли... И как взорвется, если взорвется.

— Как принцесса?

— Подождем завтрака, — ответил я. — Конечно же, ее разговорили и все выяснили. Теперь они хотят на этом сыграть. Если вы еще не поняли, мы в той части Нижних Долин, что именуется герцогством Алых Маков...

Рундельштотт промолчал, судя по его лицу, знает, а Фицрой ахнул:

— Это те, что освободились... или почти освободились? Эта часть почти самостоятельная?

— И жаждет стать не просто самостоятельной, — подчеркнул я, — а не упустить шанс подвинуть Орландию на троне, так как наш хозяин, герцог, принадлежит к более древнему роду королей, чем Орландия. А вы над чем ломаете головы?

— Как спасти ее высочество, — отрезал Фицрой. — А что еще?

— Как спасти? — переспросил я. — Да это запросто!.. Способов сотни. Если не тысячи. Например, ночью взобраться по стене к ее окну. Можно пригнать в замок пару коров на продажу, а там улизнуть и пробраться в комнату принцессы. Можно...

Я перечислял и перечислял, но их лица все мрачнели, наконец Фицрой сказал в нетерпении:

— А что-нибудь пореальнее? В окно не влезть, как и принцесса не протиснется в ту щелочку. Коров у тебя купят на входе в замок, а самого тут же повернут спиной и пнут в зад.

Рундельштотт проворчал:

— Даже и не знаю... Просто перебить всех? Но люди вроде бы хорошие...

Я сказал твердо:

— Хорошие люди — это мы. А все остальные... в зависимости. Так что и здесь. Даже самый прекрасный на свете человек, но если он против нас, то это последний мерзавец, а не прекраснейший! И у нас полное право его убить, утопить в сортире или просто перерезать глотку, как обычному барану.

В дверь постучали. Я видел, как все насторожились, Фицрой протянул руку к мечу, Рундельштотт повернул посох набалдашником в ту сторону, только Понсоменер не шелохнулся, будто чувствует, кто в коридоре.

— Войдите, — крикнул я.

Дверь открылась, через порог переступил осанистый глерд, я узнал в нем мужа той словоохотливой женщины, что вовремя сообщила мне о непомерной ревности герцога.

— Доброе утро, глерды, — сказал он несколько чопорно, — я барон Пепинг из рода Чезара. Являюсь правой рукой герцога. Ее светлость только что сообщила мне...

Я прервал вежливо:

— Может быть, присядете, высокий глерд?.. Если вам нечто важное сообщила герцогиня, а не герцог, то не значит ли это...

Он покачал головой, сел и сказал с улыбкой полного превосходства:

— Не значит. Просто мы, его окружение, многое делаем за его светлость, не может же он везде поспевать сам?

— Да и не должен, — согласился я. — Слушаем вас внимательно, глерд Пепинг. Очень внимательно.

Он вальяжно сел, чуть отодвинув кресло от стола, как бы он не с нами, а другая договаривающаяся сторона, повыше и почище.

Я ощущал на себе его прямой и острый взгляд, все ждем, он заговорил медленно и голосом действительно влиятельного человека, слова которого ловят на лету и бросаются исполнять:

— Глерд Юджин, вы, похоже, пользуетесь доверием королевы, если именно вас отправила на поиски пропавшей сестры.

Я уточнил:

— Ее величество изволила соизволить отправить на ее поиски могучего чародея Рундельштотта, в способностях которого она не сомневается. А мы с Фицроем всего лишь охрана и благородные помощники, у которых на двоих один слуга.

Он покачал головой:

— Насколько я знаю, уж простите за прямоту, ваш могучий чародей Рундельштотт, в способностях которого она не сомневается, не очень преуспел в своих... важных работах. Уж простите, мастер...

Рундельштотт отмахнулся.

— Продолжайте, продолжайте. На меня не обращайте внимания. Я же на вас не обращаю...

Вельможа дернул щекой и перестал замечать его присутствие, смотрел только на меня.

— Верно, — согласился я, — но вы, как умный человек, понимаете, королева отправила на поиски принцессы и более подготовленных людей, чем мы.

Они переглянулись, по лицу Пепинга видно, что о таком и не подумал, однако кивнул, сказал с пониманием:

— Конечно-конечно. Но повезло наткнуться вам. Вдвойне повезло, так как мы можем предложить вам намного больше, чем королева.

Фицрой насторожился, сказал с энтузиазмом:

— А с этого места подробнее, можно?

Барон любезно улыбнулся:

— Можно. И с удовольствием. Что может дать королева? По кошельку с монетами. Может быть раскочелится на какие-то мелкие имения... В лучшем случае повысит в титуле. А мы... вы же понимаете, если поставить королевой ее высочество Адрианну, в наших руках будет вся полнота власти! Мы смешим всех высших глердов с их насиженных мест и заменим нашими сторонниками. А это огромные земли, несметные богатства и неслыханные возможности!..

Фицрой спросил жадно, однако с настороженностью:

— Но вам нужно будет всем сторонникам дать земли...

Пепинг отмахнулся.

— Королевство огромное и богатое. Всем хватит. К примеру, вам могут предложить для начала титулы герцогов!.. Каково?.. От королевы такое не получить. И огромные наделы земли. Ваш Остеранский замок, глерд Юджин, с теми деревушками покажется репейником, вцепившимся в медвежью лапу.

Фицрой спросил жадно:

— А мне?

Пепинг милостиво улыбнулся и сделал великолушный жест дланью.

— Выберете сами. У любого из ее высших сановников можно отнять имущество и земли. Даже титул! Вы же прекрасно знаете, в королевстве очень много могущественных глердов, что хотели бы сменить королеву Орландию...

— Это те, — уточнил я, — у которых длинный хвост знатных предков.

Он отмахнулся, хотя мое замечание покоробило, заметно по лицу, но продолжал с той же вальяжною любезностью, с какой вельможа говорит со старшими служителями:

— Мотивы не так важны, как общее стремление. Консолидировать можно вокруг некого символа. Принцесса Адрианна в роли королевы устроит всех...

Глава 16

Понсоменер уже давно отошел к двери и прислушивается, а сейчас к нему присоединился и Рундельштотт.

Фицрой в недоумении пару раз оглянулся на них, крикнул:

— Что там за шум?

Рундельштотт, не оборачиваясь, пожал плечами, а я сказал благожелательно:

— Простите, глерд Пепинг, все мы бессильны перед страстями человеческими, порой настолько низменными, что просто недостойны благородного человека... Политик должен быть чист... нет-нет, не смотрите на меня так, я не сошел с ума, я имею в виду чист от страстей, связанных с женщинами!.. Все остальное не просто допустимо, но как бы даже обязательно, иначе какой он политик, если никого не предал, не обворовал, не подставил, не прошел по трупам?..

Пепинг смотрел на меня в изумлении, но уже и сам начал прислушиваться, слышно было, как по коридору протопало с десяток пар ног, зазвенело железо, потом все стихло, но издалека донеслись злые крики.

— Что-то случилось, — пробормотал он. — Надеюсь, что-то незначительное. Глерды, я довел до вас интересное предложение. Я сейчас отлучусь, а вы обдумайте...

Я сказал с готовностью:

— Да, глерд Пепинг!.. Конечно, глерд Пепинг!.. Мы просто счастливы, что вы так все четко обрисовали, не затуманивая смысл, как обычно у дипломатов.

Он кивнул, поднялся и покинул комнату быстрыми, четкими шагами уже не вальяжного вельможи, а человека, совсем недавно сменившего доспехи на мягкое кресло.

Фицрой спросил быстро:

— Ты что-то знаешь?

— Предполагаю, — ответил я.

— Ну давай, предпологни!

— Я не слишком хороший предпологун, — ответил я, — потому уверен, что дело в семейной жизни герцога. Видели, какая у него жена властная? Возможно, герцог вдруг решил показать характер.

Рундельштотт оглянулся от двери.

— А ты ему в этом помог?

— Что вы все так на меня смотрите? — спросил я обидчиво. — Я с герцогом даже не общался.

Рундельштотт кивнул.

— Да, так еще... тоныше. Поздравляю! С виду ты дурак дураком, как и все юные, но иногда тебе удается что-то нащупать в человеке.

Я сказал примиряюще:

— Давайте вернемся за стол, который я вот и не покидаю подобно великому мыслителю, кем я вообще-то и являюсь, и подумаем. Не пробовали? Бывает забавно. Такое в голову лезет...

Они с некоторой неохотой вернулись к столу, Фицрой спросил с тревогой:

— Если там что-то случилось... то принцесса может быть в опасности!

— Ее берегут, — сказал я, — как зеницу ока. Все берегут и оберегают. И которые за и которые против. В ближайшее время от нас ничего не потребуется, им не до нас. Отдыхайте, не высовывайтесь. А я прогуляюсь, мы же гости, попробую узнать насчет принцессы.

Понсоменер обронил:

— Она в здании напротив, где покой герцогини. Покои герцога на этаж выше.

— Спасибо, Понс, — сказал я. — В общем, я пошел! На прогулку.

Фицрой сказал:

— Я с тобой?

— Охраняй мастера, — велел я. — В разведку толпой не ходят. Вернусь быстро.

Рундельштотт сказал сварливо:

— И выясни, из-за чего там шум.

Я ответил весело:

— Да ерунда какая-нибудь. Например, герцог внезапно приревновал жену, наорал, чего раньше никогда не делал, она тоже орала и визжала, тогда он в ярости зарубил ее, а потом еще парочку ее родственников, что пытались его остановить... Ладно-ладно, чего так смотрите? Уж и пощутить нельзя.

Рундельштотт буркнул:

— Что за шутки у молодежи...

Я кивнул, в самом деле молодежь всегда ужасная, вышел в коридор, там уже сравнительно тихо, шум и крики переместились в другую часть огромного здания или на другие этажи.

Во дворе масса вооруженного народу, многие кричат и вздывают к небу обнаженные клинки. На меня внимания почти не обращают, что любопытно, я осторожно прошелся под стенкой, прислушался, присвистнул. Блин, я же все угадал в точности! Только получилось даже круче, чем замысливал...

На той стороне двора свернул к главному зданию, где на третьем этаже покой герцогини, а на четвертом самого герцога, охрана на входе пропустила, но у лестницы двое скрестили передо мной копья.

— Хозяйские апартаменты, — объяснил один, — посторонним там делать нечего!

— Все люди братья, — сообщил я ему новость. — И хотя брат брату волк, товарищ и друг, но тут что, не слышали о дворцовом перевороте в отдельно взятом замке? Выйдите во двор, послушайте.

Они даже не переглянулись, оба смотрят на меня, но заметно помрачнели, а один сказал недовольно:

— Господские дела нас не касаются.

Я изумился:

— Почему?

— Мы служим, — объяснил он. — Даже если хозяин сменится, охрана все равно нужна.

Я покачал головой.

— Ребята, дело не в смене хозяина... Герцог замышлял против королевы Орландии, а это совсем другое дело. Не внутреннее, а королевское, что тоже внутреннее, но в более широких внутренностях. Сейчас герцог то ли убит, как и ряд его сторонников, то ли изранен так, что ему уже недолго, про его жену молчу, ее труп видели... Ах, не видели? Не упускайте случая! Верхушка заговора обезглавлена... Думаете, вам только жалованье не заплатят? К королеве Орландии уже отправлен гонец с сообщением, что здесь готовилось вооруженное выступление против ее власти, а сестру захватили и удерживали в плену!.. Думаете, она в гневе оставит здесь хоть одного в живых? Вы что, в самом деле считаете эту Королеву Змей милосердной?

На этот раз они переглянулись, кровь медленно начала оставлять их лица.

— Мы ничего не знали о принцессе, — пробормотал один. — Хотя та девушка показалась очень уж на нее похожей...

— Не знали, — подтвердил и второй.

— И что, — сказал я с сарказмом, — это вас спасет, когда здесь начнется рубка? Прибудет не судья, а карательный отряд!.. Здесь плененная герцогом ее высоче-

ство принцессы Адрианна!.. Вы всерьез полагаете, что вас не казнят?.. Думаю, да, не казнят... И вы знаете, почему?

Первый смолчал, второй спросил довольно глупо:

— Почему?

— Когда ворвутся в замок, — пояснил я, — вас убьют первыми. В плен возьмут только пару-тройку высших глердов, чтобы казнить на городской площади, увеселяя народ и подчеркивая могущество королевы. Остальных просто убьют. На месте. Это королева могла бы помиловать, но сейчас дела охраны короны в руках верхового глерда Кливарда, а это такой зверь... Вот что, ребята, мой совет, бегите!.. И сделайте вид, что никогда ни в чем подобном не участвовали.

Я раздвинул их копья, оба так и остались в прострации, а сам пошел по коридору, пока не увидел возле одной из дверей еще двух стражей.

Оба сразу выставили мне навстречу острия копий.

— Назад!.. Сюда нельзя!

— Герцогиня, — сказал я весело, — которая отдала вам этот приказ, уже убита. Что, не слыхали? Слыхали... А новое начальство решило вернуть нам не только все права, но и полную власть...

Один спросил растерянно:

— К-к-какое начальство?

Я отмахнулся.

— Как будто я их знаю. Те, кто остался в замке старшим. Решили, что без вождя начинать мятеж против королевы не только рискованно, но и проигрышно. Так что советую вам смыться отсюда до того, как войска ее величества Королевы Змей придут сюда наводить порядок, а это значит — сажать на кол, рубить головы и вешать в целях благополучия и законопослушания, а также повышения экономики, что всегда первостепенно.

И, не слушая их лепет, отпихнул и прошел к двери, толкнул ногой, надо вести себя по-хозяйски.

Принцесса в ее голубом платье стоит у окна и рассматривает народ внизу. Обернулась в испуге на скрип двери.

— Ох, это вы, глерд Юджин... как вы меня напугали...

— Я хороший пугатель, — согласился я. — Вы еще не слышали, как могу гавкнуть над ухом сзади, когда вы в такой вот задумчивости.

— Глерд?

— Можете называть меня просто Юджином, — сказал я. — Слуг и друзей называют просто по имени. Пусть другие думают, что я ваш слуга, но мы же знаем, что друзья?

Она прощебетала счастливо:

— Да, глерд Юджин! Конечно, друзья! Спасибо...

— Вам спасибо, — сказал я. — Принцесса, обстоятельства изменились. В замке мужчины передрались из-за права смотреть на вашу красоту, масса мертвых и даже совсем убитых везде и даже всюду, так что нам нужно уходить от этого безобразия и всплеска эмоций. У вас не слишком много вещей, надеюсь?.. Ах да, чужое не берем, но и свое не отдадим... Минутку!

Я на цыпочках подбежал к двери, осторожно выглянул. В коридоре уже пусто, но далеко внизу крики, лязг оружия, топот и гневные голоса.

Принцесса так и осталась там у окна, но теперь повернулась и наблюдает за мной огромными детскими глазами.

— Нам нужно убираться из замка, — сказал я. — Хотя в замке переворот, что при всякой демократии превращается в нечто непотребное, но под горячую руку попадать не стоит. На вас виды имели герцог и герцогиня, а теперь могут возжелать главари бандфор-

мирований, те сами моментально возникают в дни безвластия...

— Ой, — сказала она в испуге, — они восхотят взять меня замуж?

— Да, — подтвердил я. — Видите, сколько женихов? Она потрясла головой.

— Не хочу за них замуж! Хотя нас, принцесс, не спрашивают... Но вы, Юджин, не отдавайте меня замуж!

— Не отдам, — пообещал я. — И сам не возьму. Она округлила глаза.

— Ой... я такая противная?

— Вы замечательная, — заверил я, — но я не должен пользоваться, как говорят, своим положением, хотя и не понимаю, почему это не должен, но на всякий случай не воспользуюсь, как человек якобы глубоко нравственный. Круто я завернул?.. Сам ничего не понял. Принцесса, нам лучше подойти к вон той стене. Она глухая, словно на обеде, но это хорошо, не люблю разговаривающих стен, хотя еще и одной не видел...

Она ничего не поняла, вскинула на меня взгляд чистых детских глаз.

— Но как отсюда уйдем?

— С гордо поднятой головой, — пояснил я, — скрючившись в комочек.

Она слабо пискнула:

— Там на лестнице стража...

— Пусть, — сказал я. — Мы пойдем другим путем, как сказал наш вождь...

— Каким?

Я мягко, но настойчиво тащил ее к стене, а там сказал тихо:

— Прямыми, но зигзугами!.. Зажмурьтесь покрепче!.. И не открывайте глазки, пока не скажу. И не пищать!

Она крепко-крепко зажмурилась, набрала в грудь воздуха и сжалась в комок. Я ухватил ее, крепко прижал к груди и, сотворив портал, ломанулся туда, на всякий случай зажимая ей рот ладонью.

Ощущение жуткое, мы оказались в пустоте, нас по-мчало вниз. Принцесса задергалась в ужасе, но через мгновение я ощутил мягкий удар снизу.

Я чуточку промахнулся, упали не на вершину стога, а на самый край и тут же соскользнули на землю.

Все еще прижимая ее к груди, я шепнул в ее нежно-розовое ухо:

— Тихо!.. Мы уже на свободе. Теперь никакого шума. Нужно уйти с территории замка... Можете открыть глаза. Но не визжать!

Она распахнула огромные глазища. Я взял ее на руки, как делал Фицрой, только сейчас никакого плаща, восхитительное чувство, держать в руках вот такое невинное счастье. Хоть и принцесса, а прильнула ко мне всем девичьим телом, чисто и невинно, потому что я самец, понимает, самец потому и самец, что любой ценой защитит и спасет самочку.

На пару секунд я притаился с нею за стогом, не выпуская из рук, она мелко дрожит и доверчиво прижимается ко мне, теплая и беспомощная, как щенок.

Я перевел дыхание и понес вдоль стены мелкими перебежками, потом присел за кузницей, а когда пробежали взволнованные стражи, так же перебежал за кузницу, затем так же тихонько, рассчитывая, что в замке сейчас остро заняты дележом власти, побежал в сторону леса.

Она прижималась всем телом, я чувствовал ее тепло и нежный зов, еще робкий, инстинктивный, но уже отчетливый, а ее голос прошелестел у меня над ухом:

— Юджин... Почему мне так сладко у вас на руках?.. И когда глерд Фицрой нес, и когда сидела у него на коне, а он прижимал, чтобы я не упала...

— Гм, — ответил я в затруднении. — Мы о вас заботимся, принцесса.

— Я знаю, — ответила она шепотом, — но я говорю о себе... Такое вот сладостное чувство... раньше никогда... а теперь вот в этом месте...

Я не стал смотреть, куда указывает пальчиком, ответил торопливо:

— Принцесса, вы так невинны, что вам лучше не упоминать о таких... моментах.

— Почему? — спросила она тихонько. — Вы же мой друг, Юджин? Вы сами сказали, а теперь отказываетесь?

Я прошептал, чувствуя себя как раненый в самое сердце зверь:

— Конечно, друг! Самый верный.

— Тогда кому мне еще рассказывать, — сказала она рассудительно. — Вы же такой старый, вы все знаете... Что это со мной происходит?

— Взросление, — сказал я.

Деревья бегут навстречу, расступаются, другие такие же высокие и мрачные выныривают из сумрака, спешат нас рассмотреть, а потом уходят за спину.

Я выбрал удобное место, но вдруг ощутил сильнейшее нежелание выпускать ее из рук, это же значит перестать чувствовать прижимающееся ко мне всем девичьим телом теплое нежное, уже стало жарким, во мне тоже нарастает нестерпимый жар.

— Взросление, — повторила она задумчиво и посмогтрела на меня серьезными детскими глазами. — Я думала, я уже взрослая... Мне так говорили!

— Вы уже взрослая, — согласился я. — Всем телом, ваше высочество... Но ваша чистая душа совсем еще ре-

бенок, что прекрасно и страшновато. Оставайтесь здесь. Ни шагу, понятно?.. Даже не поднимайтесь. Можете лечь, но не встать. И ни звука. Вы прекрасно поете, но если услышу ваш голос, своими руками придушу!.. Все, ждите.

Я исчез, прежде чем она протестующе вспикнула, бегом вернулся к замку и весь довольный и красивый пошел к главным воротам. Четверо стражников могучего сложения и в доспехах вытаращили на меня глаза.

Я помахал рукой.

— Привет!.. Знаю-знаю, вам велено не выпускать меня, но я люблю совершать прогулки после завтрака... Ах да, завтрака еще не было? Что за жизнь, верно? А также гуляю после обеда и ужина. А вы чего стоите?.. Не знаете, что герцог и весь ваш мятеж обезглавлен, принцесса уже давно освобождена, а сюдаспешным маршем идет армия Королевы Змей, что замок сровняет с землей, а вас всех посадит на кол?

Они стали меньше ростом прямо на глазах. Я заржал довольно, прошел мимо них в холл, все залито кровью, пятеро убитых распластались на полу, еще один на лестнице, стонет и пытается ползти.

— Все в порядке! — крикнул я бодро. — Армия ее величества уже показалась!.. С башни видны знамена ее армии!.. Ура!.. Ура!.. Ура!..

Ответное «ура» не услышал, но когда поднялся по лестнице на второй этаж, навстречу бросились трое с мечами, на лезвиях кровь, доспехи в свежих зарубинах.

— Вы за или против? — крикнул я. — Хотя какая разница, человек так одинок...

Тяжелые пули пробили доспехи, как бумагу, один только успел взмахнуть мечом, но пуля в переносицу запрокинула ему голову, он упал на своих напарников, рухнувших мгновением раньше.

Я прошел под стеной, дверь впереди распахнулась, высунулся Фицрой с обнаженным мечом в руке.

С лезвия капает алая кровь, сам он не столько разъярен, как чем-то обеспокоен, даже испуган, на лице полная обалделость и даже страх.

— А-а-а, ты, — сказал он, как мне показалось, с сильнейшим разочарованием. — Всего три?.. А у нас в комнате четверо.

— И всех ты? — спросил я. — Понс и мастер в комнате? Зови, надо спешить. Придется уходить, не дожидаться завтрака. А жаль, кормят здесь хорошо.

Он вскрикнул:

— Иди ты со своим завтраком! Тебе бы только жрать, морда ненасытная. Где ее высочество?

— Ждет снаружи, — заверил я. — Женщины такие, везде успевают.

Он посмотрел дикими глазами.

— Если врешь, я тебя сам зарублю. Ее нужно спасать в первую очередь!

— Не демократ, — сказал я с сожалением, — точно не демократ... Спасать нужно прежде всего себя, самого ценного и любимого, а не всяких там самок на тонущем корабле.

— Чего?

— За мной, — велел я. — Эх, Фицрой, как ты устарел... Ничего не понимаешь в современных войнах нового поколения.

Не слушая, он распахнул дверь, в комнате Понс с луком в руках и Рундельштотт с посохом, оба готовые к схватке.

Рундельштотт сказал раздраженно:

— Ну и шуточки у молодежи! Кто так щутит, кто так щутит? Разве можно так необдуманно?.. Теперь в самом деле герцог зарубил герцогиню и пару ее родственни-

ков, его самого истыкали ножами, как кабана, там вообще непонятно, что творится...

Фицрой посмотрел с некоторой обалделостью на него, потом на меня.

— Юджин, — сказал он шепотом, — а не можешь на-шутить мне карманы, полные золотом?.. Или бриллиант на пальце, размером с голубиное яйцо?

— Могу, — ответил я. — Если на пальце, а не на кольце.

— Эй-эй, — вскрикнул он и спрятал руки за спи-ну. — Давай без твоих шуточек!.. Что узнал?

Я сказал веско:

— Иди за мной и узришь, как надо воевать.

Глава 17

Пробираясь по коридору, по лестницам и через залы внизу, Фицрой и Рундельштотт с Понсоменером в самом деле увидели. Замок громаден, в нем нашлось место как для тех, кто жаждал довести переворот до победы, несмотря ни на что, так и для тех, кто хотел сперва пересмотреть условия, однако отыскались и такие, кто решил, пользуясь случаем, отказаться от мя-тежа.

Как я понял, самые фанатичные, пусть даже в меньшинстве, но они самые сплоченные и снова сей-час пытаются сплотиться уже не вокруг нового вожа-ка, а пока вокруг самой идеи независимости. Сраже-ние идет на всех этажах и даже перекинулось вниз во двор.

— Не вмешиваться, — велел я строго. — Мы ни при чем! Нельзя со своим уставом, это их личные суверен-ные проблемы, хотя, конечно, умело подосрали мы, но им о такой мелочи знать необязательно. У нас миссия,

хотя я понимаю глерда Фицроя, что подождал бы конца, чтобы перебить оставшихся и обобрать до нитки... Это хорошо и правильно, война должна кормить сама себя, как сказал один мудрец в военной форме.

Фицрой вскрикнул оскорбленно:

— Как хорошо, что ее высочество не слышит твои инсвинуации! Как ты постоянно на меня клевещешь, как клевещешь!.. Как будто это не самое правильное дело: добить и ограбить!

— Быстрее, — поторопил я.

— На нас смотрят, — сказал Понсоменер с предостережением в голосе.

— Дадим бой, — пообещал я, — если пустятся за нами. Но принцессы с нами нет, всем видно, а им нужна только она. А мы, как ни печально, никому на свете не нужны...

— Переживу, — пообещал Фицрой. — Я знаю пару таких, кому я нужен.

— Покажи, — сказал я, — хочу на таких дур посмотреть...

Не скрываясь, это было бы подозрительно, мы вывели своих коней, оседлали, только тогда один спохватился, подбежал к нам.

— Почему уезжаете? Кто разрешил?

— Все бегут, — ответил я печально, — никто не жаждет умирать за идеалы погибших вождей... Вы уверены, что вашего еще не убили на втором этаже? Там так страшно кричали...

Он дернулся, оглянулся на двух помощников.

— Проверить второй этаж!

— Мудро, — похвалил я, и мы двинулись на рысях от замка в сторону дороги.

Принцесса так и сидит, как испуганная птичка под грудой веток, Фицрой отбросил их в сторону, принцес-

са даже сейчас не рискнула встать, поглядывая на меня опасливо, все-таки обещал удушить, но я милостиво кивнул, и она со счастливым всписком бросилась Фиц-рою на шею.

В сердце моем шелохнулась черная зависть, когда он снова посадил ее впереди себя, а она прижалась всем телом, счастливая и довольная, еще не знает, что прижиматься ко всем мужчинам нехорошо, неправильно, сейчас ею руководит всего лишь инстинкт начала пробуждения женственности...

Мы проехали всего несколько миль, когда Понсоменер впереди остановился и торопливо замахал рукой, подзывая всех как можно скорее.

На дороге между стенами леса справа и слева идет настоящее сражение, я не поверил глазам, но около сотни конных уламров сражаются с крупным отрядом из Нижних Долин и, как мне показалось, уламры постепенно побеждают.

— Мастер, — сказал я быстро, — одолжите на минутку посох...

Рундельштотт тут же сунул его мне прямо в руку. Я соскочил на землю, оперся спиной о ствол дерева для устойчивости и, положив посох на плечо, тщательно прицелился.

— Давай, — сказал Рундельштотт яростно, — уничтожь этих... мерзавцев!

Понсоменер смотрел на меня так, словно только что проснулся. Я уловил момент захвата цели, нажал на выдвинувшуюся скобу.

В плечо легонько толкнуло, а ракета вылетела с дымным следом и пошла, набирая скорость с каждой долей секунды.

На поле боя никто не заметил, а мы смотрели, как дымный след оборвался в груди командующего отрядом уламров. На его месте вспыхнуло расширяющееся кро-

вавое облачко, а вместе с ним разнесло на более крупные куски около десятка то ли младших командиров, то ли телохранителей.

— Есть! — сказал я. — Мастер, там еще заряд... Последний, но разве мы не на родной земле?

Среди уламров наступило замешательство, а воодушевившиеся нижедолинцы перестали отступать, качнувшись и пока что неуверенно, но попробовали перейти в контратаку.

Вторая ракета ударила уламрам в тыл. Вверх взлетели окровавленные клочья, а взрывная волна бросила на землю десятки воинов.

Началась паника, многие бросились бежать, кто-то вообще ронял оружие и скидывал тяжелый шлем, а нижнедолинцы с победными криками пустились в погоню.

Фицрой вздымал меч и воинственно орал, а принцесса трусливо прижималась к его груди, ища защиту от дикого крика у существа, которое как раз и орет так страшно.

В контратаку повел рослый всадник на горячем красном коне, доспехи кожаные, но в какой-то миг изпод шлема выбились черные как смоль длинные волосы, что показались мне черным пламенем, и я закричал:

— Гекара!

Она оглянулась, некоторое время мчалась со своими воинами, отдавая им приказы, потом повернула коня ко мне, молодая и широкоплечая, а я с удовольствием смотрел ей в лицо, полное энергии и силы.

— Снова ты? — спросил я. — На этот раз это мы тебя спасаем от разгрома.

Она ответила зло:

— Какого разгрома? Мы всего лишь перегруппировывались!

— Ну да, — согласился я миролюбиво. — Я так и подумал.

Она окрысилась:

— И нечего тебе тут! Подумаешь, колдовскими штучками ударил! Да еще в спину!.. Нечем хвалиться.

— А я и не хвалюсь, — ответил я еще миролюбивее. — Ладно, собирайте тут трофеи, а мы поехали.

Она сказала резко:

— Трофеи соберут без нас. Мы же не на прогулку вышли, Орландия выслала нас навстречу!

— Как это? — спросил я. — Она знала, по какой дороге будем возвращаться?

Она помотала головой.

— Нет, потому послала восемь отрядов по восьми дорогам. Я выбрала эту.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Это был самый глупый вариант, а так как командаешь ты, то явно поедете по ней.

— Значит, — сказал я, — и ты малость прибахнутая. Иначе бы выбрала дорогу получше.

— И ошиблась бы? — спросила она презрительно. — Нет уж.

— Вообще-то, — сказал я, — прибахнутые выигрывают там, где нормальные терпят поражение... Эй, Фигельмигль... тыфу, Фицрой! Курс на Санпринг! Уже по прямой и без всяких прыжков в сторону.

Она спросила с недоумением:

— Что за Фигельмигль?

— Фицрой, — объяснил я. — Выяснилось, что это его тайное родовое имя. Он принадлежит к древнейшему роду, у которого все права на престол в его королевстве, и вот чтобы его обезопасить, главы кланов назвали его Фицроем и на время выперли из страны.

Она округлила глаза, повернулась в сторону Фицроя, а он, с прижавшейся к его груди принцессой и не подо-

зревая о моем коварстве, послал коня вслед за Понсоменером.

— Вот уж не подумала бы...

— Хорошо скрывается, — согласился я. — Я вообще подозревал, что он — принц в изгнании, а он, оказывается, принц на сохранении!

Картер вздрогнул, когда я влетел во двор на взмыленном коне, бросился навстречу.

— Глерд...

Я сказал резко:

— Быстро к королеве!

Он впервые не поправил, что не к королеве, а к ее величеству, почти побежал к главному дворцу, а по взмаху его руки сразу несколько гвардейцев ринулись справа и слева, не позволяя никому приблизиться.

В коридоре на третьем этаже навстречу метнулся один из старших слуг.

— Ее величество проводит совещание!

Картер бросил властно:

— Знаю.

Гвардейцы у двери королевского кабинета подтянулись при виде Картера, а он прошагал быстро и напористо. Слуга не успел, заколебавшись, распахнуть перед ним створки, Картер толкнул сам, вошел, весь в сверкающих доспехах, а я вдвинулся за ним.

Королева сидит в тронном кресле, устало откинувшись на спинку, рядом с нею Мяффнер, а за столом Брандштеттер, Иршир, Джузел, Кливард, Финнеган... Все оглянулись с неудовольствием, только на лице королевы промелькнула целая гамма чувств, начиная от страха и заканчивая отчаянной надеждой на чудо.

Картер поклонился еще от порога, но не успел рот открыть, как королева поднялась так, словно ее подбросили, сказала задыхающимся голосом:

— Спасибо, глерды! Все свободны.

Члены Тайного Совета, не пикнув, торопливо поднялись и двинулись к двери. Мяффнер придержал меня, я уж было нацелился выскочить первым, а когда мы перед дверью остались с ним вдвоем, за спиной прозвучал холодный голос:

— Спасибо, глерд Мяффнер. Вы, как всегда, все понимаете... Глерд Юджин, останьтесь!

Мяффнер молча вышел в коридор, слуга закрыл за ним двери. Она повернулась ко мне бледная и строгая, но во взгляде я уловил тщательно упрятанный страх.

— Глерд...

— Ваше величество, — ответил я с поклоном. — Народу известно, что ваша тетушка померла?

— Да, — ответила она. — Что с... Адрианной?

— Хорошие новости, ваше величество, — ответил я. — Она сейчас в замке вашей тетушки, скорбит. По тетушке. Продолжает скорбеть... так как никакого похищения не было, а она оставалась там так долго, потому что... ну, привязана к тетушке. Но сегодня ее лучше забрать во дворец, хватит там скорбеть неделю... или две? Я уже потерял счет дням.

Она слушала в напряжении, наконец прорвалась сквозь вязь моих бессвязно-изящных слов, выдохнула с жаром:

— Она... спасена?

— Но, — продолжил я, — наверное, лучше в интересах крепкой власти не сообщать о похищении. Конечно, нам нравится красоваться и ходить в спасителях принцессы, но пусть в королевстве верят, что ваша власть крепка, и никто даже щепку не может украсть у вашего величества, ибо вы жадные и хозяйствственные.

Она, почти не слушая, сказала счастливо:

— Бедная Адрианна... Какой для нее удар!

— Да все хорошо, — заверил я. — Щебечет, чирикает, а то и верещит... Птички, бабочки! Смешать бы вас двоих в один ком глины, а потом разделить пополам — получилось бы две идеальные женщины. Но кому идеальные нужны?.. Королева не имеет права быть идеальной. Королева должна быть королевой! А это совсем другое. А вы в самом деле королева, ваше величество.

Она спросила быстро:

— Как... все прошло?

Я отмахнулся.

— Да пустяки. Рундельштотт расскажет при случае. Главное, принцесса в безопасности. Кстати, в герцогстве Алых Маков назрел было заговор против вашего величества... вернее, жаждали объединить обе части королевства под их руководством, пытались даже принцессу Адрианну выдвинуть в королевы в противовес вам...

Она спросила жестким голосом:

— И... как вам удалось?

— Как удалось спастись? — спросил я со вздохом. — К великому сожалению гуманиста, традиционным для демократа и человеколюбца способом... по трупам, по головешкам, по развалинам. Герцог Анрин Жерардор погиб, как и его свита. Я только учусь, ваше величество, деликатности, а пока что я какой-то неуклюжий... Все время в моих руках что-то да ломается. Я похож на вас?

Она отрезала:

— Ничуть!.. За ликвидацию заговора в Алых Маках, конечно, спасибо... Хотя, как догадываюсь, вы с герцогом просто не сторговались. Вы сами так сказали, верно?.. Видимо, ваши амбиции выше, чем полагал Жерардор. И вы требовали большего, чем он мог предложить.

— Или мог, — вставил я, — но не хотел.

Она кивнула.

— Вот-вот. Чего же вы требовали?

— Уж и не помню, — ответил я беспечно. — Но это не важно, верно?.. Поколебавшись, я все же решил стать на вашу сторону.

— Сильно колебались? — спросила она.

— Сильно, — подтвердил я. — Но недолго. А как лучше? У вас, говорят, есть опыт захвата власти?

Она напряглась, лицо посуворело, а глаза метнули молнии.

— Мне достаточно было поговорить с сестрой!

— Здорово, — сказал я, — все бы захваты трона были такими демократичными. Ваше величество, давайте сосредоточимся на разборе допущенных ошибок для неповторения их впредь и потом. Первое, пока не закончится война, принцесса не должна покидать королевский замок...

Она ощетинилась, сказала зло:

— Скажите что-то поновее, глерд.

— Ваше величество, — произнес я чопорно, — весьма сожалею, что не могу принять участие в справедливой освободительной войне с иноземным нашествием коварных и жестоких врагов. Увы, мой ранг не позволяет командовать большими массами людей на поле боя... да и, если честно, умения тоже нет. А от героизма одиночки толку мало.

Она спросила холодно, однако я теперь уловил некоторую тревогу в ее голосе:

— Желаете повысить свой ранг?

Я отшатнулся и выставил перед собой ладони.

— Ни в коем случае!

— Почему? — потребовала она. — Мне показалось...

— Предпочитаю медленное всползание, — объяснил я. — Как червячок на высокое дерево. Несспешный рост, очень неспешный, чтобы я хоть чуточку понимал, что меня ждет там наверху. Даже не наверху, а просто выше. А так назначьте вы меня, к примеру, начальни-

ком армии — все сражения сразу проиграю!.. Назначьте министром продовольствия — уже завтра все королевство голодать будет! Не-е-ет, я хоть и дурной, но хитрый.

— Возвращаешься в Дронтарию?

— Точно, — подтвердил я.

— Где король Астрингер пожаловал вам замок, — уточнила она, — который вдвое больше пожалованного вам здесь?

Я поклонился.

— Ваше величество, если это и похоже, что я вытторговываю у вас еще какие-то подачки, то засуньте их себе... обратно в сумку. Или в золотой ларец. В Дронтари есть то, чего нет здесь!

— Глерд?

— Море, — напомнил я. — Простите, ваше величество, но там море, нетронутое море. Не тронутое королем Астрингером, девственное. Мои владения упираются в море и продолжаются, продолжаются... справа, слева и позади — земли соседей, зато впереди... море, границы которому нет. И, можно сказать, оно все мое!..

Она смотрела на меня уже не как кобра на мышь, а как кобра на другую кобру.

— Вы так сломите шею, — произнесла она обрекающим тоном.

— И что, — спросил я с любопытством, — вам будет жаль?

Она покачала головой:

— Нет, конечно. Однако ощущение некоторой потери будет.

— Слабое? — спросил я.

— Очень слабое, — согласилась она. — Я, как королева, всегда сожалею, когда подворачивается использовать что-то на благо королевства, но не удалось, не получилось.

— Меня вы пользовали по полной, — сказал я вели-
кодушно. — Ваше величество...

— Мир не останется прежним, — произнесла она по-
трясенно-сдерживаемым голосом, словно на миг уви-
дла будущее, и оно ее ужаснуло. — Грядет катастрофа...
Опалосса, Уламрия, Нижние Долины, Дронтария... уже
не простая пограничная война двух королевств! А если
еще и Кельмия, Пиксия, Гарн вмешаются?.. А вы наде-
етесь отсидеться в своем высоком замке?

Оглавление

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	64
Глава 9	72
Глава 10	79
Глава 11	88
Глава 12	99
Глава 13	106
Глава 14	111
Глава 15	118
Часть вторая	129
Глава 1	129
Глава 2	134
Глава 3	146
Глава 4	154
Глава 5	160

Глава 6	170
Глава 7	175
Глава 8	184
Глава 9	192
Глава 10	200
Глава 11	207
Глава 12	216
Глава 13	226
Глава 14	236
Глава 15	245
 Часть третья	 257
Глава 1	257
Глава 2	267
Глава 3	278
Глава 4	287
Глава 5	296
Глава 6	307
Глава 7	317
Глава 8	327
Глава 9	336
Глава 10	343
Глава 11	351
Глава 12	358
Глава 13	367
Глава 14	375
Глава 15	382
Глава 16	391
Глава 17	402

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или любым-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ЮДЖИН — ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Орловский Гай Юлий

ЮДЖИН — ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ
КНИГА 7
ЕЕ ВЫСОЧЕСТВО

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Старикив*

Технический редактор *И. Гришина*

Компьютерная верстка *Д. Фирстов*

Корректор *Ю. Иванова*

ООО «Издательство «Э»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Өндіруші: «Э» АҚБ «Баспасы», 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86; 8 (495) 956-39-21.

Тауар белгісі: «Э»

Казакстан Республикасында дистрибьютор және енім бойынша арсы-тапташтарды қабылдаудың нынекі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровской кв., 3-а, литер Б, оғыс 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің харәнділігін мәрдін шектелмеген.

Сертификация туралы актарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірілген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаган

Подписано в печать 01.09.2015. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 6562

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книг

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7(495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118; 411-68-99, доб. 2762/1234.

**Оптовая торговля бумаги-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

**Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.**

**В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Ставки, 243А.
Тел.: (863) 220-19-34.**

**В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.**

**В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.**

**В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск». Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.**

**В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.**

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.**

**В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/**

**Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.**

ISBN 978-5-699-83714-4

9 785699 837144 >

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

Противник всегда благороден и великодушен, а враг подл и коварен. Противник честен, правила войны

для него святы, а вот враг ими пренебрегает,
сражаться с ним трудно и опасно.

А еще враг норовит ударить в самое больное место,
что совсем недопустимо для благородных глердов.
К счастью, у глерда Юджина в мире меча

и магии есть не только пистолет
и винтовка с оптическим прицелом,
но и понимание, что в войне
вообще нет благородства.

ISBN 978-5-699-83714-4

9 785699 837144 >